

Studies
in medieval and early and modern
social history and culture

Edited by
G. E. Lebedeva

Volume 9

S.-Petersburg

Проблемы
социальной истории и культуры
Средних веков и раннего
Нового времени

Под редакцией
Г. Е. Лебедевой

Выпуск 9

Санкт-Петербург

УДК 94(100):008
ББК 63.3(0) 4/41
П78

Редколлегия сборника: *Г. Е. Лебедева* (отв. редактор),
А. Ю. Прокопьев, С. Е. Федоров, В. А. Якубский

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

**Проблемы социальной истории и культуры Средних веков
П78 и раннего Нового времени** / под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 9. —
СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. — 295 с.

ББК 63.3(0)4/51

ISSN 1605–2137

© Коллектив авторов, 2012
© С.-Петербургский
государственный
университет, 2012

ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Е. Лебедева, А. Ю. Митрофанов

ДИНАМИКА ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В IV–V вв. И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ «ГЕЛАСИЕВСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Динамика церковно-государственных отношений в IV–V вв. во многом подготовила принципы, которые были положены в основу «геласиевского» возрождения римского церковного права. В ранневизантийскую эпоху церковь, по верному замечанию французского канониста Ж. Годме, «рожденная в Римской империи, не превышавшая ее границ (кроме как на Востоке) в течение пяти первых веков своей истории, не могла игнорировать римское право. Если римское право и не учереждало «права Церкви», то оно было правом ее верных чад, поскольку они были римскими гражданами... Обращение к светскому праву было тем более необходимым и более частым, что собственное право в церковном обществе было еще очень мало развито»¹. Однако по мере укрепления позиций церкви в Римском государстве в течение IV столетия как на Западе, так и на Востоке происходил параллельный процесс возникновения новых норм канонического права, связанного с небывалой соборной активностью, а также с формированием новых церковных административных институтов. Эти институты обладали более сложной структурой, чем предшествовавшие им церковные учреждения эпохи гонений. В связи с этим наиболее показательны церковные диоцезы Италии. Именно на итальянской почве уже в IV в. в эпоху папы Дамаса формируется понтификальная канцелярия и при ней библиотека, которым суждено будет по словам французского церковного историка Ш. Пьетри стать центром управления западного патриархата². Вместе с тем усиливается значение Медиоланской кафедры как канонического центра северной Италии³. Следующее столетие становится временем, когда церковные диоцезы, целиком погружаются в процесс административного развития. Историческим итогом

этого развития станут: установившееся главенство Рима на Западе, принципы которого будут четко обозначены еще в конце IV столетия в «Геласиевском декрете»⁴, а также разработка процедуры избрания Римских епископов, стимулированная лаврентиевской схизмой на рубеже VI столетия. Эти явления наиболее явно отразились в деяниях италийских соборов указанного времени. Вместе с тем представленный процесс означал стремительную клерикализацию соборной деятельности в качестве деятельности судебной. Эта деятельность предполагала полное исключение мирян из числа участников соборов. Нередко при этом младших клириков низводили до положения простых делопроизводителей, хотя на некоторых соборах они, как явствует из документов, имели формальное право голоса на всем протяжении заседаний (Аквилейский собор 381 г., Римские соборы папы Феликса III 487 г., Геласия 494 г., папы Симмаха 499–502 гг.). А. В. Карташев связывал возникновение этого явления с тем, что «арианская смута в дурном смысле слова аристократизировала Церковь, отдала народ от епископата. Пестря соборами, она в этом смысле была самой бессоборной в сравнении с предшествовавшими столетиями»⁵. Наиболее яркими примерами такой усиливавшейся клерикализации стали Медиоланский собор 393 г. и Туринский собор 398 г.

Церковные соборы испытывали на себе влияние светской судебной процедуры по мнению диакона Алекандра Мусина и Ф. Дворника, еще в III столетии. «Для времени святителя Киприана интересно отметить лишь тот факт, что регламент соборов в северной Африке совпадал с регламентом римского Сената. Это определяется парами таких понятий, как *cogere consilium / cogere senatum, conuocare consilium / conuocare senatum, habere consilium / habere senatum*. После этого, подобно императору в Сенате, св. Киприан как глава церкви имел свое *relatio* и необходимые пояснения *uerba facere*. После этого следовало *interrogatio* присутствующих епископов. Они, в свою очередь, произносили *sententia*, сопровождаемые чисто сенаторскими формулами: *censeo, decerno, mea sententia est*⁶. Однако именно протоколы заседаний италийских соборов IV–V вв. позволяют сделать вывод относительно эволюции внутренних принципов функционирования церковного суда и развития его процедуры в позднеантичную эпоху, что невозможно осуществить по отношению к светским судам по причине почти полного отсутствия источников. Следует подчеркнуть, что несмотря на проявлявшееся с течением времени влияние светского делопроизводства на церковную процедуру, на италийских соборах IV–V вв. еще не существовало четкого канонического принципа судебного разбира-

тельства. В качестве судьи мог выступать как обвинитель (Амвросий Медиоланский на Аквилейском соборе 381 г.), так и вообще с канонической точки зрения посторонний представитель светской власти (император Констанций на Медиоланском соборе 355 г., префект Тавр на Ариминском соборе 359 г., король Теодорих на Римском синоде 502 г.). При этом обвиняемый должен был защищать себя сам без адвокатов (Палладий Ратианский на Аквилейском соборе 381 г.). В таких условиях нередко приговоры выносились заочно, например, в отношении св. Афанасия Александрийского на Медиоланском соборе 355 г. или в отношении Боноса Наисского на Капуанском синоде 392 г. Обычно присутствовавшие епископы выступали в известном смысле в качестве присяжных, либо присоединяясь к обвинению, а в некоторых случаях даже требуя вынесения обвинительного приговора по собственной инициативе (Проб Канусийский на Римском соборе 465 г. по поводу Сильвана Калагурского), либо категорически протестуя против выдвинутых кому-либо обвинений (Евсевий Верцелльский, Люцифер Калаританский и Дионисий Медиоланский на Медиоланском соборе 355 г.). С этой точки зрения греко-восточные соборы в несравненно большей степени зависели от правовой судебной процедуры.

Несмотря на указанный процесс канонического и административного совершенствования поместных христианских церквей в IV–V вв. только римская соборная система обладала к концу эпохи четкой процедурой вынесения приговора Римских епископов относительно обвиняемого на основании доказательного исследования компрометирующих его документов без обязательного признания вины с его стороны (Римский собор 465 г. о Сильване Калагурском и Нундинарии Барселонском, Римский собор 495 г. о легате Мисене, Римский синод 502 г. об определениях, данных Римскому папе патрицием Василием в 483 г.).

Рассматривая особенности процедуры и характер решений соборов древней церкви, следует отметить, что, к примеру, соборы ранневизантийской Италии в целом плохо укладываются в схему классификации, успешно применяемую в отношении галльских соборов эпохи Меровингов современным исследователем В. В. Солодовниковым. В рамках данной классификации соборы подразделяются на «синодальные» и «смешанные». К первой категории относятся соборы, состоявшие в подавляющем большинстве из епископов и клириков и решавших чисто духовные вопросы, а ко второй — соборы, в которых непосредственно участвовали миряне и на которых обсуждалась светская проблематика⁷. Особенность итальянских соборов, динами-

ка которых в некоторой степени подготовила почву для «геласиевского» возрождения, заключается в следующем. Практически на всех соборных заседаниях, происходивших на Апеннинском полуострове в IV–V вв., обсуждалась именно духовная проблематика, выражавшаяся либо в догматических спорах, либо в церковно-дисциплинарных требованиях, в которой, однако, удивительным образом нашли свое отражение самые разнообразные стороны христианского общественного опыта: от полемики вокруг триадологического термина *omoousion* (единосущный) до борьбы за абсолютный иммунитет церковных имуществ или церковного статуса, нередко оспаривавшихся подпадавшими под влияние еретиков представителями светской власти (следует вспомнить ситуацию, сложившуюся вокруг Портианской базилики в Медиолане при императрице Юстине, или репрессии, которым оказались подвергнуты папские легаты в Константинополе при императоре Зеноне). При этом в деятельности многих италийских соборов участвовали миряне, преимущественно представители светской римской власти, присутствие которых не было предусмотрено какими-либо юридическими постановлениями, что отличает реалии италийской церковной жизни IV–V вв. от синодальной системы, сложившейся позднее в варварских королевствах. Примером соборов, рассматривавших богословские проблемы при непосредственном участии мирян, являются знаменитые Медиоланские соборы 346 и 355 гг., а также Ариминский собор 359 г. Вместе с тем некоторые италийские соборы, в деятельности которых принимали участие исключительно клирики, выносили решения, имевшие не столько богословское, сколько политическое значение, в частности Римский собор 485 г., направленный против Акакия Константинопольского, или Римский собор 495 г., на котором судили легата Мисена, виновного по сути в политической измене папе Геласию. Разделение соборов на синодальные и смешанные может быть адекватно использовано при характеристике лишь некоторых италийских соборов: в частности, Аквилейский собор 381 г., Медиоланские соборы 380, 390 и 393 гг., Туринский собор 398 г. и Римский собор 465 г. могут быть обозначены как «синодальные» соборы, в то время как Равеннский собор 419 г., Римские синоды 499 и 502 гг. наиболее соответствуют понятию «смешанных» соборов.

Проблемой социокультурного взаимодействия церкви и позднеримского общества, несомненно, разрешима в контексте исследования «геласиевского» возрождения, ибо «Квеснеллово Собрание» является прекрасной иллюстрацией того, как сосуществовали каноническое и имперское право. После признания христианства в 313 г. в качестве

легально существующей религии в Римской империи начался процесс стремительной интеграции церкви как института в римскую социальную структуру. При этом клир в качестве новой, условно говоря, словесной группы в процессе данной интеграции не только получал возможность все более влиять на процессы, происходившие в социальной жизни империи, но и в лице епископата оказывался задействованным в государственном и общественном управлении. В результате указанного процесса интеграции среди старых сословий и общественных групп занял прочное место совершенно новый институт — церковь, которая уже имела опыт трехвекового существования в положении недозволенной коллегии в условиях гонений. В Италии конца IV — начала V в. этот процесс происходил с интенсивностью, характерной для всей империи. Как отмечала Г. Е. Лебедева, характеризуя динамику увеличения числа клириков в указанную эпоху, «возросшее стремление куриалов перейти в клир в известной мере было связано, с одной стороны, с сильно продвинувшейся христианизацией сословия, изживанием ранее очень сильных именно в его среде языческих традиций, с другой — с растущим участием клира в муниципальной жизни и деятельности, участием в делах самоуправления», притом, что «исключительно невелико число свидетельств о переходе куриалов в низшие сословия ... часть из них имела явно фиктивный характер»⁸. Описанный процесс достаточно хорошо проанализирован французским исследователем Ж. Годме. Ученый, в частности, указывал на то, что в середине III в. в Римской церкви было только 44 пресвитера, 7 диаконов, 7 иподиаконов, 42 аколуга, 52 экзорциста, чтеца и остиария, а к концу V столетия только чтецы Римской церкви составляли 157 человек⁹. Исследования церковно-юридической литературы в целом позволяют представить масштаб исторических событий, связанных с христианизацией римского мира. Эти исследования помогают осознать степень вовлеченности в данные церковно-политические события некоторых светских социальных групп (например, участие римского сената в событиях, связанных с печально знаменитыми Римскими синодами 502 г. и последующей гражданской войне в эпоху лаврентиевской схизмы).

Следует также отметить, что новые исследования истории провинциальных соборов IV–V вв. дают возможность отчетливо представить на примере реального функционирования органов церковной администрации действительное положение епископа, статус которого был привилегирован в позднеантичном обществе. Эти исследования выявляют отношение епископата к процессам, характерным для церковной жизни. По свидетельству итальянского историка Р. Лицци Теста,

«одним из вопросов, который в течение последних лет привлекал внимание исследователей, является вопрос относительно преобладания, достигнутого епископом в управлении позднеантичным городом. Многочисленные источники эпохи и развитие интереса специалистов к самым широким областям знания (от письменной истории до папирологии, от христианской археологии до эпиграфики) способствуют разъяснению многочисленных аспектов этого процесса и результатов исследования»¹⁰. В связи с этим соборные деяния как никакой другой вид письменных источников представляются наиболее репрезентативными. Они проливают в полной мере свет на проблему, обозначенную в статье Р. Лицци Теста, сочетают в себе элементы памятников права, официальных документов канцелярии и нарративного повествования. С этой точки зрения представляется неслучайным, что папа Геласий включил в «Квеснеллово Собрание» фрагменты деяний, т. е. протоколы Эфесского и Халкидонского соборов.

Анализируя историческое значение «геласиевского» возрождения, необходимо понять то, каким образом церковная рецепция римского права могла повлиять на эволюцию позднеримского законодательства в более широком смысле, а также каким образом она могла увеличить роль церковных институтов в обществе, которое находилось на переломном этапе своего развития. Для ответа на поставленные вопросы необходимо рассматривать в комплексе весь спектр возможных — политических, юридических, социальных и мировоззренческих причин, которые могли бы обусловить подобное влияние. Отправной точкой, необходимой для подобного исследования, бесспорно, должен стать вопрос, касающийся причин легализации церкви как дозволенного института, приведшей уже очень скоро к полному торжеству христианства по всей Римской империи. Резюмируя рожденные в недрах историографии XIX в. концепции исследователей относительно первоначальных причин торжества христианства в Римской империи, выдающийся русский византист А. А. Васильев пришел к выводу, что именно сочетание политической целесообразности и личной внутренней убежденности заставило в свое время императора Константина легализовать существование церкви как законного религиозного института. «Нельзя совершенно оставлять без внимания и его политические планы, — писал исследователь, — последние также должны были сыграть роль в его отношениях к христианству, которое во многом могло ему помочь. Но, во всяком случае, не политические планы явились причиной обращения Константина; последний обратился к христианству в силу внутреннего убеждения, возникшего

и окрепшего не под влиянием политики. В том-то и заключается гениальность Константина, что он, сам искренне сочувствуя христианству, понял, что в будущем оно будет главным объединяющим элементом разноплеменной империи. «Он хотел, — как пишет кн. Е. Трубецкой, — скрепить единое государство посредством единой церкви»¹¹. Именно в результате сочетания политической дальновидности императора и мировоззренческой силы самого христианства, способного сообщить бытию одряхлевшей Римской империи новое духовное содержание, уже к середине IV в. религиозная ситуация в обществе начала существенно меняться. Это изменение было свершившимся фактом несмотря на то, что сам Константин в религиозном отношении эволюционировал очень медленно, пройдя только к концу жизни путь от поклонения солнцу и различным земным богам до убежденности в истинности христианских догматов¹². Тем не менее следствием указанного религиозного поворота в сторону христианства стало, по мнению А. А. Васильева, качественное изменение самых различных сторон церковной жизни. «При создавшихся новых условиях церковной жизни в начале IV в. христианская Церковь переживала время напряженной деятельности, которая особенно ярко выражается в области догматики... соборы в IV в. становятся обычным явлением, и в них усматривается единственное средство для разрешений спорных церковных вопросов. Но уже в соборном движении IV в. замечается новая, в высшей степени важная, черта для всей последующей истории отношений между духовной и светской властью, между церковью и государством. Начиная с Константина Великого, государственная власть вмешивается в догматические движения и направляет их по своему усмотрению»¹³. Подчеркивая возросшее церковно-политическое значение соборов, А. А. Васильев традиционно для историографии рубежа XIX–XX вв. осмыслял соборное движение как ярчайший пример известного узаконенного вмешательства императорской власти в дела церкви. Следует вспомнить то, как французский историк Г. Буассье характеризовал принципы поведения Константина по отношению к церковным делам, утверждая, что император чувствовал себя господином среди епископов почти так же, как раньше он чувствовал себя главой языческих жрецов. «Епископы были подкуплены с первого момента; они десять лет противостояли всем угрозам, но не могли устоять перед почестями и милостями»¹⁴. Однако и Г. Буассье, и А. А. Васильев ограничились лишь общей констатацией данного факта, исходя из оценки политической ситуации в Римской империи IV в. и личности императора Константина. Они не попытались вы-

явить конкретные причины отмечаемого всеми оживления соборной деятельности в IV в., как и связанного с ним государственного вмешательства в церковную жизнь. Стремясь объяснить возникновение соборного движения и вмешательство императорской власти в церковную жизнь исключительно социально-экономическими предпосылками в рамках господствовавшего в советской историографии идеологического принципа «исторического материализма», советский византист М. В. Левченко попытался представить лидирующее положение церкви в поздней Римской империи как результат экономической поддержки со стороны государства. В связи с этим соборное движение, как и остальные элементы церковного управления, воспринимались им в качестве мало значимых для общей характеристики положения церкви деталей церковно-политической «надстройки». По словам М. В. Левченко, «идеологической опорой правительства являлась христианская Церковь, с которой правительство Римской империи уже в IV в. заключает тесный союз... Христианская Церковь становится могучим общеимперским учреждением, имеющим налаженные порядки и свою иерархию, такую же сложную и громоздкую, как и правительственная административная машина. Высшее духовенство добивается полной независимости от массы верующих и высоко поднимается над этой массой. Церковь издавна приспособила государственное административное деление для своей организации. Города сделались местопребыванием епископов. Главные города провинции, где собирались съезды епископов, сделались резиденциями митрополитов, в подчинении которых находились епископы данной провинции... В награду за свои услуги Церковь получала от правительства крупные земельные владения, многочисленные права и привилегии. Императорская власть поручает церковникам заведывание целым рядом государственных и муниципальных дел, выполнение которых было не под силу правительственным чиновникам, предоставляя для этого соответствующие средства»¹⁵. В рамках данной констатации, достаточно фактологически насыщенной, соборное движение предстает в качестве еще одного элемента церковного управления, по-видимому, заимствованного у государства, скопированного с неких образцов римской управленческой системы. При этом, однако, остается невыясненным, руководствуясь какими мотивами императорская власть оказалась столь недальновидной и пошла на то, чтобы в благодарность за идеологические услуги попустительствовать созданию церковного управленческого аппарата, идентичного по своей сложности государственному. Как будто римская государственная власть

не замечала того, что в ближайшей перспективе этот административный «двойник» будет способен конкурировать с государственной властью, ничем до этого времени неограниченной, а соборы, состоящие из наделенных светскими полномочиями «церковников», смогут стать реальной помехой на пути вмешательства государственной власти в религиозную жизнь, серьезность которой никто из исследователей соборного движения поздней Римской империи не оспаривал. Именно невозможность объяснить возвышение Церкви в IV в. экономическими причинами заставляла ученых искать более глубокие истоки и причины влияния церковных соборов на позднеримское общество во взаимоотношениях между церковью и этим обществом, тем более что дары государства по отношению к церкви первоначально были весьма скромными. По замечанию Ш. Пьетри, столичной Римской церкви «Константин не дарует ни богатства, ни могущества: епископ не мог бы состязаться с сенаторскими семействами, допуская даже то, что он желал бы войти в эту игровую комнату аристократической конкуренции»¹⁶.

На фоне отмеченной выше деградации городского сословия куриалов именно церковь явилась тем институтом, который мог цементировать и укреплять старые полисные социально-политические традиции, наполняя их новым христианским содержанием, основывая их на новых принципах. Именно такой вывод был сделан Г. Л. Курбатовым, который так характеризовал причину административного усиления церкви в IV в.: «Для всей политики позднеантичной Церкви характерен ярко выраженный “градоцентризм”. Позднеантичная Церковь не просто копировала полисное и государственное устройство в своей организационной структуре. Город был центром христианской епархии — главного звена церковной организации, центром распространения христианства... Градоцентризм отражал не просто стремление укрепить значение города как религиозного центра. Он носил последовательно позднеантичный по своей сущности характер. Чрезмерное для потребностей населения города строительство церковью определенно отражало идеалы полисного патриотизма, поскольку для строительства пышных городских церковей использовались и скромные доходы сельских приходов... многочисленность городского духовенства в значительной степени объяснялась широким притоком в его ряды плебейского населения городов»¹⁷.

Итак, логично было бы предположить, что именно преобразованная в рамках церковного диоцезального устройства полисная традиция способствовала интенсификации соборов в качестве собраний

клириков и представителей мирян, а широкая вовлеченность в церковную жизнь обширных слоев населения способствовала распространению и популярности соборных решений. По всей видимости, именно преемственность полисных традиций и усвоение их церковью очень скоро породили подчеркнуто пышный стиль жизни при некоторых епископских дворах. Этот стиль служил поводом для упреков в адрес церкви со стороны язычников, в частности, со стороны Аммиана Марцеллина¹⁸. Сам св. Григорий Богослов, покидая Константинопольскую церковь, с сокрушением говорил о том, что он перед своим избранием и не думал об ожидающих его перспективах. Не думал он, что ему придется гордо высидеть на колесницах, что люди, завидев его, будут разбегаться, как при виде дикого зверя. Однако бесспорным представляется, что указанная адаптация полисных традиций церковными институтами оказалась столь успешной именно потому, что произросла на благодатной почве, а именно на соборном устройстве церкви, присущем Ей с первых веков существования. Как отмечал Ж. Годме, «если оставить в стороне Иерусалимский собор, соборные съезды засвидетельствованы со II в. на Востоке и в Риме»¹⁹.

Можно признать справедливым утверждение Р. Лицци Теста, согласно которому «церковь в момент, когда государство было более слабым, принимала от него публичные функции, возложив на себя ответственность за идеологическое наследие римского духа»²⁰. И вместе с тем «возвышение Церкви в качестве великой силы было непременно связано с политической ролью, которую Ее иерархи сумели сыграть»²¹. Следует согласиться с основным выводом Р. Лицци Теста: исследования индивидуальной деятельности отдельных персонажей — деятелей ранневизантийской церковной истории — позволяют в полной мере представить масштабы этой политической роли церкви, так как именно церковно-политические деятели Италии IV в. подают пример того, каким образом в реальности воплощались различные общественные течения: от зарождавшегося на Западе монашества до социально-активного городского плебса²². Иными словами, «клир и епископ, которые по происхождению и традициям были горожанами... заботились о повышении роли и авторитета центра епархии»²³. В рамках указанной политической роли церковные соборы становились реальным инструментом влияния церкви на общество. Соборы же, как известно, во многом формировали корпус церковного права, собранный впоследствии как в «Квеснелловом Собрании», так и в «Синагоге» Иоанна Схоластика.

Соборы уже с середины IV в. являют пример противодействия некоторым инициативам императорской власти. Это противодействие выражалось на каноническом уровне, т. е. на уровне церковного законодательства. Достаточно вспомнить вслед за современным итальянским исследователем Л. Де Джованни факт публичного осуждения такими влиятельными епископами, как Осий Кордубский и св. Амвросий Медиоланский, принципов вмешательства императоров в церковные дела. Примеры подобного вмешательства были осуждены, несмотря на отдельные случаи давления светской власти на епископов, на безусловности и репрезентативности которых настаивали А. А. Васильев и Г. Буассье²⁴. Усиливавшаяся политическая роль церкви в IV в. и, в частности, то высокое общественное положение церковного суда, о значении которого для светского сознания писал еще аббат Л. Дюшен²⁵, обеспечили создание ситуации, при которой в лице церковного авторитета возникал реальный противовес императорской власти, бывшей доселе безграничной. Не случайно, рассуждая о политических реалиях, присущих ранней Византии, Г. Л. Курбатов писал: «Формула “глас народа — глас Божий” была известной политической реальией в жизни Византии, христианским обоснованием права критики и выражения своего мнения “богоизбранным народом” “богоизбранному императору”»²⁶.

Указанное возвышение церкви в ранневизантийском обществе, политическим выражением которого стало епископское городское управление, — явление чрезвычайно сложное, отмеченное многочисленными спорами среди историков. Можно полемизировать о том, было ли это усиление церкви обусловлено экономической независимостью, т. е. явилось ли оно результатом того, что начиная с IV в. «экономическая активность в городе во многом уже зависела от Церкви, — в силу чего, — в ее руках сосредотачивалась едва ли не большая часть товарного производства»²⁷, или же оно в большей степени определялось стремлением государства использовать новый религиозный институт в своих целях «для контроля над государственным управлением»²⁸. Вне зависимости от результата данной полемики реальность церковного авторитета и епископского управления в муниципалитете ранневизантийского города не вызывает сомнений. Источники, оставшиеся от IV в., определенно свидетельствуют в пользу означенного вывода. Они применяли к епископу такие эпитеты, как *pater populi*, *pater patriae*, *pater et rector urbis*²⁹. В то же время новейшие исследования лишь подтверждают, что политические функции епископов были выражением высокого социального положения церкви. При этом наи-

более открытых и прямых форм епископское управление городом достигло в IV столетии, а именно в Италии в таких городах, как Медиолан (ныне Милан), Ком, Лауда Помпейская (ныне Лоди), Клатерны (ныне Клатерна), Тридент (ныне Тренто) и Гражданская Колония Августа Бриксианская (ныне Брешия)³⁰. Реальность епископского городского управления в Италии признавал даже А. Хольвег. Тот самый А. Хольвег, который скептически воспринимал утверждения о наличии независимого епископского политического правления в ранней Византии в противовес распространенному мнению другого немецкого исследователя Д. Клауде³¹.

Однако если полемика, предполагающая восприятие епископского городского управления и усиления церкви в целом как результата либо экономического господства, либо особого волеизъявления государства, не способна исчерпывающим образом осветить корни рассматриваемого явления, остается вопрос, проявлением каких исторических тенденций все-таки стало означенное общественное господство церкви и ее политическое лидерство в еще полуязыческом социуме? Подробное исследование «геласиевского» возрождения и рожденной им правовой рецепции заставляет признать: Римская церковь находила средства для отстаивания церковной свободы как в постоянно менявшейся политической и экономической конъюнктуре V столетия, характерной для Запада, так и в монофизитских спорах, сотрясавших Восток. Эта церковная свобода не могла не вызвать определенный сдвиг в общественном сознании, отождествлявшем прежде всю полноту власти с императором, а также не могло не привести к ощутимым политическим изменениям в положении церкви. Исключительное место церковных соборов как одного из главных трибуналов в пространстве ранневизантийского общества было уже очень скоро засвидетельствовано самим императорским законодательством. Это законодательство в данном случае признавало *de facto* указанное положение церковных соборов в политической и общественной жизни. Трезвое понимание ценности как идейной метафизической категории определяло стремление имперской власти конструировать правовую и социальную проекцию этой осознанной ценности в экономической жизни. Так, например, уже закон Константина 3 июля 321 г., дававший право частным лицам оставлять имущество церкви по завещанию, рассуждая о церковном представителе, полномочном принимать завещанное, оперировал такой категорией, как «*sanctissimum Ecclesiae Catholicae ueenerabilisque concilium*» (святейший собор Кафолической и почитаемой церкви). По сути, император признавал в качестве глав-

ной инстанции, способной представлять полноту церкви перед внешними юридическими лицами, вовсе не отдельных епископов, а именно церковный собор³². Хотя упомянутый закон положил начало бесчисленным судебным тяжбам между держателями церковных бенефициев и наследниками завещателей³³, важен был сам вводимый им принцип. Исходя из этого принципа, соборы получали право распоряжаться имуществом, которое, будучи собственностью религиозной коллегии, в данном случае церкви, в силу норм еще языческого законодательства было теоретически неотчуждаемым³⁴.

Спустя полвека 17 мая 376 г. вышел закон Валента, Грациана и Валентиниана, исходя из которого предписывалось разграничение полномочий диоцезального синода и светских магистратских судов. В компетенцию первым отдавались все дела, имеющие отношение к религиозной жизни, а вторым — криминальные дела³⁵. Однако указанное разграничение полномочий, официально уравнивавшее соборное разбирательство и светскую судебную процедуру, в действительности означало провозглашение полной судебной самостоятельности церкви. Объявленная законом автономия уголовных разбирательств и их независимость от церковного авторитета были нейтрализованы другими законами. Эти законы устанавливали порядок, по которому дело епископа могло разбираться только судом других епископов, каким бы ни было само обвинение: так родилось явление, известное как *episcopalis audientia*³⁶. Данные законы окончательно закрепляли за церковными соборами судебные прерогативы, независимые от светского правового пространства.

Разумеется, реальные взаимоотношения церкви и государства далеко выходили за рамки установленного законодательства. Временами бывает чрезвычайно сложно определить, в какой степени те или иные церковные соборы древней церкви были реально независимы от влияния императорской власти. Однако приведенные выше законодательные примеры определенно свидетельствуют в пользу того, что церковные соборы, а вместе с ними и вся церковная организация и юридически и политически не зависели от императорской власти³⁷. Впервые подобное положение проявилось именно в Италии. Именно на Аппенинском полуострове активная деятельность св. Амвросия Медиоланского по проведению независимых диоцезальных синодов и крупных окружных епископских съездов по выражению Е. Ману-Нортье «положила предел императорскому всемогуществу»³⁸. Св. Лев Великий в новых условиях распада имперской государственности на Западе продолжил политический курс Сириция и св. Амвросия на

церковную независимость. При этом возвышение Римской кафедры при св. Льве Великом позитивно отражалось отчасти и на положении церкви на Востоке. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что динамика отношений церкви и государства в ранневизантийский период носила амбивалентный характер. Для более полной характеристики этих отношений необходимо отметить следующее. Состояние источников, связанных с историей церкви в ранневизантийскую эпоху, на данный момент таково, что новые серьезные открытия в указанной области вряд ли возможны. Возможны лишь новые формы интерпретации этих источников. Подобная интерпретация в свою очередь несет в себе риск замутненного восприятия исторической реальности сквозь призму утвердившихся историографических подходов. Однако плоды «геласиевского» возрождения и рецепции римского церковного права демонстрируют нам — прежде всего на страницах «Квеснеллова Собрания» реальность политической церковной независимости в Италии уже в конце V столетия.

V столетие как таковое было ознаменовано углублением тех тенденций в отношениях церкви и государства, которые зародились при Константине. Клир был наделен значительным количеством привилегий и иммунитетов, в частности, возник уже упомянутый институт епископских судов — *episcopalis audientia*. Однако подобное привилегированное положение клира в сочетании с расширением христианизации и вовлечением императорской власти в богословские споры таило в себе угрозу обмирщения церковной организации. Если при папе Сириции и св. Амвросии Медиоланском императорская власть в Италии уступала влиянию церкви, то уже спустя два десятилетия после кончины св. Амвросия, западный император Гонорий определял кандидатуру Римского епископа на Равеннском соборе. Восточные императоры Феодосий младший и Маркиан активно вмешивались в богословские споры. Первый покровительствовал в начале Несторию, второй же последовательно занимал антимонофизитскую позицию. Эта позиция государя создавала сложный прецедент участия императора в деятельности Халкидонского собора, который был проведен при деятельном участии императора и его супруги Пульхерии — сестры покойного Феодосия младшего. Если Маркиан был православным, то его преемники, в частности Зенон, и в особенности Анастасий симпатизировали монофизитам. После того, как папа Феликс отлучил Константинопольского патриарха Акакия за согласие с промонофизитским «Энотиконом» императора Зенона, возникла схизма между

Римом и Константинополем. Не вдаваясь в подробности этого конфликта, и так хорошо известные, отметим, что эскалация конфликта пришлось на начало 90-х годов V столетия. Связано это было с тем, что в 491 г. на императорский престол Восточной Римской империи взошел откровенный монофизит — Анастасий, который стремился употребить максимум политического влияния, даже путем договора с вождем остготов Теодорихом для того, чтобы оказать давление на Римскую церковь, отрицавшую «Энотикон». Позднее это влияние спровоцирует междоусобную кровавую распрю в Риме между законным папой Симмахом и провизантийским антипапой архипресвитером Лаврентием в 499 г., которого будут поддерживать подкупленные Анастасием римские сенаторы³⁹. Взошедший на кафедру апостола Петра 1 марта 493 г. папа Геласий оказался в сложной ситуации, когда Римская церковь испытывала давление монофизитствующего константинопольского императора.

Именно Геласий провозглашает после своего избрания первенство и безусловность авторитета Римского архиерея. Этот шаг был результатом глубоко продуманной политики. Несомненно, смелость Геласия укрепила позиции православных в Риме. Политика Геласия дала внутренние силы римскому клиру пережить спустя несколько лет после его кончины лаврентиевскую смуту 499–502 гг. Появление законов Валентиниана и Маркиана, направленных против монофизитов, в «Квеснелловом Собрании» в сочетании с корпусом декретов св. Льва Великого дает нам прекрасную иллюстрацию того, как Геласий воспринимал модель отношений церкви и империи. Эта модель предполагала послушание, выказываемое императором по отношению к церкви. На основании вышеизложенных положений представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Динамика отношений церкви и государства в IV–V вв. позволяет сделать вывод о ее влиянии на «геласиевское» возрождение, вдохновители которого, прежде всего сам Геласий, стремились противопоставить авторитету императорской власти церковный авторитет. При этом Геласий противопоставлял памятному, но не признанному Римом 28 канону Халкидонского собора свой манифест безусловного первенства Римской церкви, основанного на Евангелии и предполагающего экклесиологический универсализм в качестве своеобразной альтернативы византийской теории пентархии.

2. «Геласиевская» рецепция римского церковного права способствовала сохранению римского правового инструментария в условиях варварского нашествия и господства арианства.

3. На основании анализа событий, сопровождавших лаврентиевскую смуту 499–502 гг., можно сделать вывод о позитивном значении «геласиевского» возрождения для конечного сохранения независимости Римской церкви от Восточной Римской империи в условиях Акакиевской схизмы.

Примечания

¹ *Gaudemet J.* Les Sources du droit de l'Eglise en Occident du II au VII siècle. Paris, 1985. P. 67–68.

² *Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade a Sixte III (311–440). Roma, 1976. T. I. P. 464–465.

³ *Ibid.* T. II. P. 900–901.

⁴ «Геласиевский декрет» был сформирован в папской канцелярии за век до Геласия.

⁵ *Карташёв А. В.* Вселенские соборы и соборность // Церковь. История. Россия: сб. М., 1996. С. 71.

⁶ *Мусин Александр, диакон.* Церковь. Общество. Власть. Опыт патрологического исследования. СПб.; Петрозаводск. 1997. С. 108; *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political philosophy. Origins and background. Wachington, 1966. Vol. II. P. 608.

⁷ *Солодовников В. В.* Ранние соборы. Меровингская Галлия VI–VIII вв. М., 2004. С. 10–13.

⁸ *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранне-византийского общества по данным кодексов Феодосия и Юстиниана. Л., 1980. С. 137. Необходимо также учитывать следующее обстоятельство, отмеченное Г. Л. Курбатовым: «В течение V–VI веков церковь фактически лишает курии их важнейших административно-хозяйственных и общественно-политических функций и становится во главе городского самоуправления» (*Курбатов Г. Л.* Городские курии и сословия куриалов в ранней Византии (IV–VI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956. С. 15).

⁹ *Gaudemet J.* L'Eglise dans L'Empire Romain (IV–V siècles). Paris, 1958. P. 106–107.

¹⁰ *Lizzi Testa R.* Privilegi economici e definizione di status: il caso del vescovo tardoantico // Rendiconti della academia nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche. S. IX. Vol. XI. Fasc. I. Roma, 2000. P. 55.

¹¹ *Васильев А. А.* История Византийской империи. Т. I. Время до Крестовых походов. СПб., 1998. С. 100.

¹² *Brehier L.* Constantin et la fondation de Constantinople // Extrait de la Revue historique. T. 119. Paris, 1915. P. 21.

¹³ *Васильев А. А.* История Византийской империи. С. 106.

¹⁴ Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на западе в IV веке. Кн. I–III // Буассье Г. Собр. соч. Т. V. СПб., 1998. С. 73.

¹⁵ Левченко М. В. История Византии. М., Л., 1940. С. 22–23.

¹⁶ Pietri Ch. Roma Christiana. Т. I. P. 97.

¹⁷ Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984. С. 45.

¹⁸ Удальцова З. В. Идеино политическая борьба в Ранней Византии. М., 1974. С. 42.

¹⁹ Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Eglise en Occident du II au VII siècle. Paris, 1985. P. 34.

²⁰ Lizzi Testa R. Vescovi e strutture ecclesiastiche nella città tardoantica (l'Italia annoraria nel IV–V secolo d. C.) Como, 1989. P. 211.

²¹ Ibid. P. 7.

²² Ibid. P. 17. — Р. Лици Теста приводит в качестве подтверждения реальности присутствия среди представителей епископата заметных выходцев из знатных семей личность св. Амвросия, в то время как присутствие плебеев в епископате олицетворяет Кромаций Аквилейский, участие в церковно-политической жизни монахов символизируют Евсевий Верцелльский, Гауденций Новарский и, вероятно, Максим Тауринский (Туринский).

²³ Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Некоторые вопросы истории византийской церкви в освещении современной историографии // Феномены истории. Сб. к 70-летию В. Л. Керова. М., 1996. С. 53.

²⁴ Giovanni L. de. Chiesa e Stato nel Codice Teodosiano. Saggio in libro XVI. Napoli, 1980. P. 182.

²⁵ Duchesne L. Histoire ancienne de l'Eglise. Т. II. Paris, 1908. P. 665.

²⁶ Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984. С. 47.

²⁷ Левченко М. В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. Т. II. (XVII). М.; Л., 1949. С. 21.

²⁸ Hohlweg A. Bischof und Stadtherr im Fruhen Byzanz // JÖB. XX. 1971. S. 8.

²⁹ Gaudemet J. L'Eglise dans l'Empire Romain (IV–V siècles). Paris, 1958. P. 355.

³⁰ Lizzi Testa R. Privilegi economici e definizione di status: il caso del vescovo tardoantico // Rendiconti della academia nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche. S. IX. Vol. XI. Fasc. I. Roma, 2000. P. 57; Lizzi Testa R. Vescovi e strutture ecclesiastiche nella città tardoantica. P. 36–137. — Ярким примером новых политических возможностей церкви является решение Медиоланского собора 393 г. об изгнании еретика Ювиниана и его последователей из Медиолана. См.: Mansi. Т. III. P. 689. См. также: Lizzi Testa R. 1) L'Eglise, les domini, les païens rustici : Quelques stratégies pour la christianisation de l'Occident (IV–VIe siècles) // Le problème de la christianisation du monde antique. Paris, 2010. P. 77–113; 2) Legislazione imperial e reazione pagana: I limiti del conflitto // Pagans and Christians in the Romain Empire: the breaking of the dialog. Boze, 2009. P. 467–491; 3) "Tributae sunt purpurae, non lacernae": Il guardaroba del vescovo tardoantico // Tutto è grazia, in omaggio a Giuseppe Rugieri. Roma, 2010. P. 375–396.

³¹ *Hohlweg A.* Bischof und Stadtherr... S. 61; *Claude D.* Die Byzantinische Stadt // BA. 13. Munchen, 1969. S. 157.

³² CTh. XVI, 2, 4.

³³ *Magnou-Nortier E.* Le Code Theodosien et sa reception au Moyen Age. Introduction, notes et index // SC 2. Paris, 2002. P. 108; см. также: *Buenacasa Perez C.* La propiedad ecclesiastica segun el "Codex Theodosianus" // La Hispania de Teodosio. (Congreso Internacional Segovia loca. Oct. 1995). Madrid, 1997.

³⁴ *Соколов Пл.* Церковно-имущественное право в Греко-Римской Империи. Новгород, 1896. С. 41–57.

³⁵ CTh. XVI, 2, 23.

³⁶ CTh. XVI, 2, 12; CTh. XVI, 2, 47; *Magnou-Nortier E.* Le Code Theodosien... P. 118; см. также: *Cimma M.* L'episcopalis audientia nelle costituzioni imperiali da Costantino a Giustiniano. Torino, 1989.

³⁷ *Duchesne L.* Histoire ancienne de l'Eglise. T. II. Paris, 1908. P. 655–665.

³⁸ *Magnou-Nortier E.* Le Code Theodosien... P. 29; *Rahner H.* L'Eglise et l'Etat dans le christianisme primitif. Paris, 1964. P. 130, 146.

³⁹ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 122–126.

ЭВОЛЮЦИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПОПОЛНЕНИЯ АРМИИ ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ (IV — НАЧАЛО V в.)

Система пополнения армии личным составом в первой половине IV в. До конца III в. в Римской империи существовал такой же призыв (*dilectus*), как и в период принципата. Военная служба считалась обязательной для всех римских граждан, а потому должностные лица, производившие набор в городах, могли отправить в армию любого молодого человека, которого они считали пригодным для исполнения своего воинского долга¹.

Принципиальные изменения в системе набора происходят в правление императора Диоклетиана (283–305 гг.), который ввел на всей территории империи *конскрипцию*². Конскрипция была возложена главным образом на земледельцев среднего класса, которые были обязаны поставлять армии одного или нескольких рекрутов, точно так же как они поставляли ей продукты или выплачивали деньги фиску³. Количество отправляемых в армию новобранцев определялось размером земельного надела, которым располагал посессор⁴. Минимальной единицей обложения был *капитул* (*capitulum, temonis*). Размеры капитула точно не известны. В 370 г. они могли составлять от 500 до 750 гектаров⁵. В каждом капитуле за отправку рекрута отвечал посессор (*capitularius* или *temonarius*)⁶.

Землевладельцы, размер имущества которых был признан недостаточным для отправки рекрута, должны были объединяться в консорциумы (*consortia*), обязанные отправлять в армию по одному рекруту. В этом случае термин «*capitularius*» обозначал главу консорциума, отвечавшего своим имуществом за поставку рекрута⁷. Посессоры в таких сообществах становились капитулариями по очереди. Семья землевладельца, выставившая рекрута, получала за это деньги, собран-

ные остальными консортами⁸. Крупные собственники земли могли самостоятельно выставить по несколько рекрутов.

Уже при Диоклетиане была введена другая форма военной повинности, предусматривавшая определенные годовые платежи золотом. Она получила название *comparatio tironum*⁹. Обе формы существовали параллельно, и, вероятно, в обычное время у землевладельцев было право выбора, какой из них отдать предпочтение, однако в случае необходимости государство могло потребовать либо денег, либо поставки рекрутов¹⁰.

Мы не знаем, с какой регулярностью требовали рекрутов с одного капитула. Судя по одному из указаний Аммиана, призыв был ежегодным¹¹. Однако, по всей видимости, ежегодно требовали не рекрутов, а денежный взнос. Закон 380 г.¹² освобождает на два года от поставки рекрута темонария, выдавшего дезертира. По мнению Ж.-М. Карье, в данном случае мы имеем дело с минимальным сроком освобождения от этой повинности, потому можно предположить, что отправка в армию рекрута давала освобождение на четыре–пять или даже более лет¹³.

Кроме регулярных отправок рекрутов или выплаты вместо них денег в случае военной необходимости правительство могло потребовать выполнения экстраординарных повинностей, известных как *praestatio* или *collatio tironum (iuniorum)*¹⁴. В отличие от регулярной повинности, которая была возложена на всех землевладельцев, экстраординарное требование рекрутов касалось только привилегированных групп населения (*honorati* и *officiales*)¹⁵.

В соответствии с тем, что утверждает Аммиан, набор рекрутов проводился по всем провинциям империи¹⁶. Тем не менее не было никакой необходимости проводить его повсеместно: количество новых рекрутов, которое получала бы армия, в этом случае было бы чрезмерным, а на полях не хватало бы рабочей силы. На практике рекрутов брали лишь из тех провинций, которые были отмечены в императорских указах¹⁷. Из одного постановления Валентиниана I и Валента¹⁸ ясно, что все провинции империи делились на те, которые должны были поставлять людей¹⁹, и те, которые обязаны были выплачивать деньги (*aurum tironicum*)²⁰. Закон 380 г. требует пополнять армию рекрутами, призванными «из наиболее удобных областей»²¹. В данном случае, очевидно, речь идет о провинциях, где непосредственно располагались воинские части, или же о тех, которые отличались хорошими качествами молодежи, отправляемой в армию²². Набор в этих провинциях мог проводиться каждые 4–5 лет²³.

Согласно трактату «*Expositio totius mundi et gentium*», составленному в середине IV в., восточная армия получала боеспособных рекрутов из Галатии, дававшей императорам «превосходных воинов», из Малой Армении, славившейся своими всадниками и лучниками²⁴, а также из Фракии. О последней анонимный автор говорит, что она населена «рослыми и отважными в битвах людьми» и что именно отсюда обычно и вербуют воинов²⁵. Его слова подтверждает и Аммиан, по свидетельству которого император Констанций II, проводя зиму в Константинополе, пополнял местной фракийской молодежью свои отборные подразделения²⁶.

Западная армия черпала свои силы в основном за счет галльских провинций²⁷. Среди остальных провинциалов галлы пользовались славой отчаянных храбрецов. Юлиан пишет, что галльский солдат никогда не обращался в бегство перед врагом²⁸. Аммиан сообщает, что никто из галлов «из страха перед военной службой не рубил себе на руке большой палец, как это бывает в Италии»²⁹. Галлы служили не только на западе, но и на востоке империи³⁰.

Кроме детей землевладельцев и колонов очень важным источником пополнения армии были сыновья ветеранов. Утверждение принципа наследственной военной службы считается одной из наиболее значимых военных реформ, проведенных Константином I. Первое постановление по этому вопросу датируется 319 г.³¹ Если в III столетии дети ветеранов были обязаны поступать на военную службу только в том случае, когда их родители в виде особой милости получали от государства землю, что носило случайный характер, то со времен Константина это положение изменилось коренным образом³². Отныне все сыновья ветеранов считались военнообязанными и были внесены в списки воинских частей, в которых служили их отцы³³. По достижении призывного возраста они должны были явиться к чиновникам, отвечавшим за поставку рекрутов³⁴. За сокрытие обязанных служить сыновей их отцы подвергались наказанию³⁵.

Такой порядок вел к возникновению наследственного военного сословия³⁶. Кодекс Феодосия содержит целый ряд законов, подтверждающих обязанность военной службы для детей ветеранов. Основание для обязательного привлечения детей солдат к военной службе законодатель видит в тех привилегиях, которыми пользовались ветераны³⁷. С 319 по 400 г. было издано 22 закона с требованием несения военной службы детьми ветеранов; при этом наибольшее число постановлений приходится на период после 365 г.³⁸ Это говорит о том, что ветеранские дети были на протяжении всего IV в. важным составным

элементом пополнения римских войск личным составом. По мнению С. А. Лазарева, сыновья ветеранов образовывали «костяк римской армии»³⁹. Рекруты из крестьян, набранные путем конскрипции, составляли не более одной пятой общей численности армии⁴⁰.

В числе наиболее типичных для поздней империи способов обеспечить армию необходимым количеством рекрутов было поселение варваров на римской территории. Вплоть до 70-х годов IV в. это неизменно давало положительные результаты. Подобные поселения активно создавались уже во второй половине III столетия. При тетрархии, когда в борьбе с варварами наступил перелом, эта практика стала применяться в еще более широких масштабах⁴¹. В течение всего правления Диоклетиана насильственное перемещение варваров было центральным звеном в политике римского правительства. Главной целью этих мер было заселение заброшенных и обезлюдивших пограничных территорий. Не менее важной задачей, которую правительство намеревалось решить в результате подобных действий, было также обеспечение притока необходимого количества рекрутов⁴². Поселение варваров на пустовавших пограничных землях гарантировало не только приток в армию необходимого числа новобранцев, но и поступление в казну значительных денежных сумм, полученных от провинциалов, не желавших идти на военную службу.

Кризис системы комплектования и причины, обусловившие его. Несмотря на то, что сложившаяся система набора должна была полностью обеспечивать армию необходимыми пополнениями, источники свидетельствуют, что в 60-е годы IV в. рекрутов стало катастрофически не хватать. Кризис системы комплектования усугубился из-за тяжелого положения на границах. Валентиниан I предпринял ряд очень жестких мер, чтобы пополнить армию новобранцами. Одной из них был императорский указ 367 г. об уменьшении минимального роста рекрутов с 5 футов 10 дюймов (172,49 см) до 5 футов 7 дюймов (165,1 см)⁴³. В 365 г. был принят закон, предусматривавший суровые наказания для тех, кто укрывал дезертиров⁴⁴. В отношении тех, кто отрубал себе пальцы и надеялся тем самым избежать военной службы, в 367 г. вышел закон, согласно которому искалеченных новобранцев все равно забирали в армию, вероятно, используя их там как подсобных рабочих⁴⁵. В следующем году Валентиниан велел префекту претория Галлии сжигать живыми всех, кто наносил себе телесные повреждения⁴⁶. В 372 г. вышел указ, требовавший отправлять в воинские части тех сыновей ветеранов, которые поступили на гражданскую службу⁴⁷.

По нашему мнению, существуют следующие четыре основные причины, вызвавшие нехватку рекрутов и спровоцировавшие кризис всей позднеримской военной системы:

- прекращение широкомасштабной иммиграции варваров в империю;
- опустошение провинций, дававших основную массу рекрутов;
- большие потери, понесенные армией в гражданской и во внешних войнах;
- разрыв федеративного договора с готами.

Внешнеполитическая ситуация начала осложняться уже к концу правления Константина. В 337 г. началась война с Персией, которая продолжалась до 363 г., была крайне неудачной для римлян и стоила их армиям больших потерь⁴⁸. Еще большие потери нанесла римским вооруженным силам гражданская война 350–353 гг. Генеральное сражение между войсками Констанция II и Максенция произошло 28 сентября 351 г. в Паннонии близ города Мурса. Победителем вышел Констанций, потеряв при этом 30 тыс. человек. Потери побежденных составили 24 тыс.⁴⁹ Гражданская война 350–353 гг. дала повод германцам для новых вторжений на римскую территорию. Аламанны заняли значительную часть территории Галлии и разрушили 48 городов⁵⁰. В отличие от того, что происходило в III в., варвары совершали свои вторжения уже не столько в поисках добычи, сколько ради захвата плодородных земель⁵¹. Юлиан сообщает, что германцы поселились на римской территории на расстоянии в 300 стадий от Рейна⁵². Они уже считали завоеванной территорию провинции Германии Первой и заселяли земли вокруг городов Аргенторат, Бротомат, Таберны, Салисон, Неметы, Вангионы и Могонциак⁵³. В начале ноября 355 г. франки захватили и разрушили Колонию Агриппину, самый значительный город провинции Германия Вторая⁵⁴.

Победоносные действия римских войск под командованием Юлиана позволили восстановить рейнскую границу. Однако уход галльской армии на восток и известие о смерти императора во время персидского похода спровоцировали новую волну германского нашествия. Галлия, вновь пострадавшая от этих набегов, оказалась более не в состоянии предоставить рекрутов необходимого качества и в необходимом количестве. К тому же изменилось и отношение самих галлов к военной службе. Если еще в 350-е годы галлы не уклонялись от нее, то 10 лет спустя они стали так же, как и остальные провинциалы, отрубать себе большой палец на правой руке, чтобы избежать призыва в армию. Именно это стало причиной того, что при Валентиниане вме-

сто рекрутов, которых уже невозможно было получить, все чаще стали требовать с землевладельцев *aurum tironicum*. Такая замена к 70-м годам IV в. стала, очевидно, уже общепринятой. В преамбуле к закону от 375 г. указывается лишь на недопустимость того, чтобы денежные суммы, взимаемые вместо рекрутов, превышали установленные нормы. Основная часть этих денег, по всей видимости, шла на вербовку чужеземных варваров⁵⁵.

На востоке правительство столкнулось с теми же проблемами, что и на западе. Фракия, основной источник пополнения армии, защищавшей Дунай, как и Галлия, оказалась в 60-х годах IV в. не в состоянии поставлять в армию необходимое количество новобранцев. Наиболее тяжелые последствия для военного потенциала восточной армии имело восстание Прокопия (365–366 г.). Прокопий объявил себя императором в Константинополе. Узурпатора сразу же поддержали квартировавшиеся в столице легионы, которые, вероятно, находились под его командованием во время предыдущей войны с персами⁵⁶. В числе тех из жителей города, кто примкнул к восстанию, Аммиан называет ремесленников, торговцев, а также ветеранов⁵⁷. Зосим утверждает, что к узурпатору присоединились отряды из римлян и варваров (очевидно, поселенных на римской территории)⁵⁸. Вскоре на сторону Прокопия перешла вся Фракия, вместе с находившимися здесь войсками⁵⁹. Эта провинция стала центром восстания и дала Прокопию значительные воинские силы⁶⁰. Утвердившись во Фракии, Прокопий обратился за помощью к жившим за Дунаем готам, которые, согласно версии Зосима, отправили ему на помощь отряд в 10 тыс. воинов⁶¹ или 3 тыс. — согласно Аммиану⁶². Несмотря на то, что правительственным войскам удалось нанести поражение восставшим, а сам Прокопий был схвачен и казнен⁶³, население Фракии еще очень долго продолжало борьбу⁶⁴.

Восстание Прокопия имело два негативных последствия. Первым были большие людские потери⁶⁵. После подавления восстания правительство прибегло к массовым репрессиям⁶⁶. Множество жителей Фракии, мелких земледельцев, колонов и рабов, спасаясь от преследований, бежало к готам⁶⁷. Уменьшение численности населения провинции позволило императору Валенту в 376 г. разместить здесь большое количество готов и выделить им земли для обработки.

Вторым важным итогом восстания был разрыв договора с готами, которые вплоть до восстания Прокопия официально находились с римлянами в федеративных отношениях и считались дружественным народом⁶⁸. С точки зрения готов Прокопий принял императорскую власть на вполне законном основании, поскольку принадлежал

к дому Константина, а потому готы сочли себя вправе оказать ему военную помощь. Однако для Валента это был официальный повод начать с ними войну. Война длилась три года (367–369 гг.) и закончилась подписанием нового мирного договора на условиях, предложенных римской стороной⁶⁹. Это соглашение содержало три основных пункта:

1. Обязательство не нападать на римскую территорию.
2. Ограничение торговых отношений, которые отныне могли осуществляться только в двух городах;
3. Отмена субсидий, которые прежде выплачивались готам империей.

Отмена субсидий и прекращение торговых отношений с римлянами ставили готов перед лицом голодной смерти, поскольку их общественная жизнь была устроена так, что они не могли существовать без импортируемых у римлян товаров⁷⁰.

Опустошение Фракии должно было заставить Валента искать иные источники пополнения армии⁷¹. В этой ситуации было естественно потребовать поставки рекрутов из восточных областей империи. Однако в 60-е годы IV в. восточные провинции переживали экономический подъем, который привел к дефициту рабочей силы. Нежелание землевладельцев расставаться со своими колонами способствовало чрезмерному развитию практики откупа от военной повинности⁷². Это обстоятельство стало главной причиной, подтолкнувшей Валента к принятию решения о заселении Фракии готами, за счет которых он надеялся выйти из создавшегося критического положения⁷³.

С начала 70-х годов IV в. у детей ветеранов особенно заметным становится стремление уклониться от военной службы⁷⁴. В это время широко распространенным становится укрывательство сыновей ветеранов на фермах их отцов, попытки устроиться на гражданские должности или даже самоувечья⁷⁵. По всей видимости, такое положение было обусловлено тем, что интенсивное занятие ветеранов торговлей и земледелием создало условия, при которых их сыновьям было гораздо выгоднее продолжать земледельческую и торговую деятельность отцов, нежели становиться солдатами⁷⁶.

Трудности пополнения армии личным составом, вызванные нежеланием провинциалов идти на военную службу, заставили правительство с середины 60-х годов IV в. все более и более делать ставку на привлечение в ряды армии чужеземцев⁷⁷. Одной из главных задач «хорошего» императора стало получать от варваров рекрутов для армии и рабочую силу для обработки земли⁷⁸. Не случайно, уже с эпохи Валентиниана I в придворной среде распространяется идея, согласно

которой варвары не были недолюдьми, которых следовало уничтожать как вредоносных животных, но что они были необходимым ресурсом, к которому нужно относиться рачительно и мудро. В похвальном слове Валентиниану, написанном около 370 г., Симмах прославляет императора за проявленное им милосердие в отношении побежденных алеманнов, поскольку отныне варвары под надзором римских гарнизонов, размещенных на их территории, могут трудиться на благо империи⁷⁹.

Та же самая мысль прослеживается и в сочинениях авторов восточной половины империи. В 369 г. после заключения нового договора с готами оратор Фемистий, обращаясь к Валенту, рисует оптимистическую картину будущих отношений римлян с этим племенем. Он воздает хвалу императору за то, что тот заключил с готами мир вместо того, чтобы полностью уничтожить их. По мысли Фемистия, римский император — отец не только одного народа, но и всего человечества. Поэтому его долгом является не только карать варваров за их дерзость, но и отечески оберегать — чтобы однажды они добровольно присоединились к империи⁸⁰. Распространение подобной идеи в правительственных кругах способствовало тому, что когда в 376 г. готы обратились к Валенту с просьбой разрешить им поселиться на римской территории, это не вызвало у правительства никаких опасений.

Приток варваров в западную армию во второй половине IV в. был весьма значительным. Археологические данные показывают, что в 60–70-е годы в некоторых пограничных районах вместо регулярных римских частей были размещены небольшие отряды германцев, обязанных охранять римскую территорию от набегов своих соплеменников. Обычно подобные отряды насчитывали не более 40–50 человек, способных носить оружие, которых селили вместе с их семьями⁸¹. Некрополи, относящиеся ко времени Валентиниана, позволяют утверждать, что основная масса германцев была поселена на севере Галлии в провинциях Белгика Первая и Вторая⁸². Прибрежная зона, известная как *litus saxonicum*, со второй половины IV в. также охранялась исключительно германцами. В то же время наши источники свидетельствуют и о прогрессивной варваризации восточной армии, происходившей при Валенте. Созомен утверждает, что вместо пополнения войск рекрутами, набранными в римских городах и селах, Валент требовал от провинциалов денег, рассчитывая нанять на них готов⁸³. Сократ Схоластик передает, что взамен каждого рекрута Валент требовал по 80 золотых⁸⁴.

Привлечение варваров в римскую армию стало к концу IV в. уже устоявшейся практикой, необходимость которой ни у кого не вы-

зывала сомнения. Провинциальное население тяготилось воинской повинностью и охотно откупалось от нее деньгами. Количество рекрутов-варваров, ежегодно попадавших в армию, должно было значительно превышать число новобранцев-провинциалов, поскольку землевладельцы предпочитали выплачивать *aurum tironicum*, чем лишаться своих колонов. По-видимому, в конце 70-х годов IV в. правительство, не выходя за рамки принципов, заложенных Диоклетианом, полностью перешло к замене рекрутов-провинциалов наемниками-варварами. Характерно, что уже в кризисный 379 г. вышел указ Грациана, согласно которому всякий землевладелец, во владениях которого будет обнаружен «чужеземец, пригодный к военной службе или уже поступивший в армию», подлежал смертной казни⁸⁵. Текст этого постановления опирается на принцип, согласно которому если какой-либо варвар был поселен на территории империи, то лишь только для военной службы, а не ради возделывания земли⁸⁶. Очевидно, в это время варваризация западной армии достигла такого уровня, что число солдат и офицеров, бывших гражданами империи, намного уступало числу чужеземных наемников. Слово *варвар* стало в 380-е годы на Западе синонимичным слову *солдат (miles)* и совершенно вытеснило последнее⁸⁷.

Аналогичные процессы в постадрианополюский период происходят и на Востоке. Феодосий I старался не столько уничтожать варваров, разорвавших придунайские провинции, сколько привлекать их на свою сторону и использовать их силу в своих интересах⁸⁸. Именно эти причины побудили его заключить с готами мирное соглашение (3 октября 382 г.)⁸⁹, в соответствии с условиями которого варвары получили земли для поселения в Нижней Мезии и Фракии. По мнению ряда специалистов, соглашение 382 г. положило начало новой эпохе в отношениях между империей и варварами и заложило юридические основы для интеграции германских племен в римский мир. Вместе с тем оно создавало угрозу территориальной целостности римского государства и возникновению внутри него варварских автономий, практически неподконтрольных центральной власти. Тем не менее, если мы проследим за тем, как развивалась ситуация во взаимоотношениях между империей и варварами на протяжении столетий, то станет ясно, что договор 382 г. стал логическим продолжением политики иммиграции, проводившейся римским правительством с незапамятных времен. Достигнутое с готами соглашение не предусматривало никаких существенных изменений в юридическом плане, и лишь практическая невозможность выполнения его условий привела к дестаби-

лизации и новым военным столкновениям⁹⁰. Множество семей готов было поселено в империи в качестве землепашцев. Это должно было оказать благотворное влияние на экономику балканских провинций, подвергшихся до того опустошению. Данная модель с успехом была опробована в период тетрархии, в частности в Галлии. Поэтому не было никакого повода опасаться негативных последствий подобного шага, и правительство имело все основания рассчитывать на результат, аналогичный тому, который был достигнут ранее⁹¹. Как отмечает А. Барберо, способность империи интегрировать варваров и использовать их в качестве крестьян, культивировавших заброшенные земли и в качестве солдат пополнявших ряды регулярной армии, всегда была одним из ключей, обеспечивавших ее жизнеспособность. Именно поэтому, по крайней мере в начале, очень многие разделяли оптимизм официальных властей⁹². И действительно, новая политика Феодосия по отношению к готам немедленно дала положительный результат: варвары обеспечили охрану Дуная и на длительное время воспрепятствовали нападением на римлян⁹³. Согласно утверждению Зосима, «земледельцы могли возделывать землю, а скот и его приплод могли без боязни пастись»⁹⁴.

Единовременное поселение на римской территории большого количества варваров, пригодных для военной службы, открывало перед римским правительством несколько традиционных возможностей для их использования. Готов могли зачислять в качестве рекрутов в регулярные римские подразделения, а готским вождям предоставлять высокие командные посты и значительное денежное содержание. Первое время римское правительство, стремясь ограничить количество автономно существующих отрядов наемников, прибегало именно к этому способу использования военной силы варваров. «Те, кто был некогда врагами римлян, — говорит в своем панегирике Пакат, — подчиняются римским командирам и римским боевым значкам и следуют за знаменами, против которых они еще недавно воевали, и города Паннонии, которые они ранее разорили и опустошили, будучи врагами, они охраняют теперь, будучи солдатами. Гот, гунн и алан учатся повиноваться требованиям устава, охраняют сторожевые башни и боятся наказаний за нерадение на службе»⁹⁵. Эти варвары, соблюдающие дисциплину, облаченные в панцири и идущие в бой, под звуки горнов и труб не были отрядами наемников, вооруженных и воюющих в соответствии со своими традициями и обычаями, но солдатами регулярных подразделений римской армии. Зосим подтверждает слова Паката и говорит, что Феодосий повел против Максима в 388 г. варваров,

«включенных в состав римских подразделений»⁹⁶. Об этом же свидетельствует и Орозий, когда утверждает, что Феодосий снабдил готов римским оружием и конями⁹⁷. В 394 г. после победы Феодосия над Евгением его армия некоторое время находилась в городе Конкордия на северо-восточной границе Италии. Здесь на христианском кладбище было обнаружено 37 погребальных камней, принадлежащих солдатам и офицерам, умершим в это время. Судя по именам, 6 или 7 из этих военных были готского происхождения, однако служили они в старых подразделениях, изначально никак не связанных с готами, например Флавий Синдила, имевший звание *сенатора* в отряде Герулы Старшие (*Heruli seniores*), Флавий Андила — *центенарий* Бракхиагов (*Bracchiati*), или Флавий Фандигильд — *протектор* Армигеров (*Armigeri*)⁹⁸.

Согласно утверждению Зосима, практика зачисления варваров в регулярные подразделения армии получила при Феодосии такое широкое распространение, что в некоторых подразделениях количество последних стало превышать количество римлян⁹⁹.

Римское правительство не только укомплектовывало варварами старые подразделения, но и формировало из них новые. Всего, согласно данным *Notitia Dignitatum*, можно выделить 29 подразделений, размещенных на Балканах, в Азии или Египте, которые были созданы в правление Феодосия I. Двадцать из них являются кавалерийскими и вполне вероятно, что они были практически полностью укомплектованы готами¹⁰⁰.

Характерно, что та же самая практика имела место в это время и на Западе. Авсоний в стихотворении, написанном накануне его вступления в консульство (31 декабря 378 г.), говорит об укрощенной Франкии, которая вместе со свебами «состязается в покорности, чтобы воевать латинским оружием»¹⁰¹. Император Грациан так активно привлекал на римскую службу новых пришельцев, что вызвал этим возмущение в военной среде¹⁰².

Варварам могли не предоставлять статуса римских солдат, а создавать из них отряды, распускавшиеся после окончания военных действий. Количество таких вспомогательных войск уже во времена Феодосия стало настолько значительным, что они образовывали отдельную армию, не уступавшую по численности римской¹⁰³. Например, известно, что против Евгения Феодосий повел силы, состоявшие из регулярных римских подразделений, контингентов восточных народов (армян, арабов и др.), а также из более чем 20 тыс. федератов-готов¹⁰⁴. Кроме готов, поселенных в империи, Феодосий прибегал также и к военной помощи задунайских варваров¹⁰⁵.

Варваризация восточной армии в правление Феодосия достигла, по-видимому, своего апогея. Аммиан пишет, что в 378 г. все офицеры, стоявшие во главе восточных подразделений были римлянами, а в тот момент, когда он уже заканчивал свой труд (ок. 390 г.) это было редкостью¹⁰⁶.

Политика Феодосия, проводимая им в годы, последовавшие вслед за битвой при Адрианополе, представляется вполне традиционной: император пытался нормализовать отношения с готами, селя их семьи на государственных землях и вербуя наиболее пригодных для военной службы в регулярные подразделения римской армии. По всей видимости, правящие круги империи были настроены весьма оптимистично, полагая, что ситуация нормализуется и готский кризис скоро удастся преодолеть. Договор 382 г. должен был избавить государство от врагов и предоставить ему новые человеческие ресурсы. Но последствия заключенных с варварами соглашений оказались совершенно не теми, какие ожидались, но это объясняется прежде всего изменениями в расстановке сил между римлянами и их противниками, а не какими-то реальными нововведениями¹⁰⁷.

Спустя всего несколько лет после договора 382 г. надежды на то, что готов удастся мирно интегрировать в состав римской армии, полностью рассеялись в римском обществе¹⁰⁸. Это послужило причиной тому, что события 375–378 гг., а также соглашения, достигнутые с готами в последующий период, стали представляться ошибочными и губительными для империи. Именно в это время Аммиан Марцеллин и публикует свою «Историю», в которой с горечью упрекает римские власти, позволившие варварам переправиться через Дунай. Писавший в те же самые годы Сульпиций Север скорбит по поводу того, что на римской земле принимают людей, которые лишь делают вид, что они покорны (*dedentibus se per pacis speciem*) и что в римской армии и в римских городах находятся варвары, не желающие принимать римские обычаи¹⁰⁹.

В 399 г. Синезий в своем трактате «О царстве», посвященном императору Аркадию, без всякого стеснения критикует политику Феодосия по отношению к готам. «Твой отец, — пишет Синезий — помог им оправиться, когда они были побеждены, и сделал из них своих союзников, и посчитал их достойными того, чтобы дать им гражданство, и он роздал часть римских земель тем, у кого еще все руки были в крови»¹¹⁰. Синезий призывает не полагаться на готов, но снова придать армии национальный характер и брать на военную службу рекрутов-римлян, ведь «малейшего предлога достаточно, чтобы вооруженные по-

желали стать господами (δέσποταις) граждан и не приученные к войне могли быть вынуждены сражаться с опытными в военном деле»¹¹¹. По мнению автора трактата, варвары должны находиться в крепостном состоянии либо быть изгнанными из империи: «Пусть они, или, отложив оружие, как колонны обрабатывают землю, как это некогда делали мессеняне для лакедемонян, или пусть бегут тем же путем, каким пришли»¹¹². Однако, как вполне справедливо отмечает А. Барберо, подобные призывы были уже бесполезны в государстве, утратившем всякий контроль над иммиграцией и подвергавшемуся чудовищному прессингу извне, который был сориентирован на его распад¹¹³.

Система пополнения регулярной армии рекрутами-варварами, сложившаяся в конце IV в., продолжила свое существование и при преемниках Феодосия. Согласно утверждению Клавдиана, на Западе во времена регентства Стилихона на службу брали сарматов, готов и аланов¹¹⁴. Вероятно, их зачисляли непосредственно в регулярные воинские части, поскольку Клавдиан сообщает о перешедших «к латинскому порядку» аланах¹¹⁵. По-прежнему активно вербовали за Рейнских германцев, в частности франков¹¹⁶.

Наряду с регулярной армией в Западной империи на постоянной основе существовали *чужеземные вспомогательные*, или *союзные* войска. При Стилихоне они состояли в основном из аланов¹¹⁷. Причиной этому были дружественные отношения, которые магистр установил с гуннами¹¹⁸. В 408 г. «союзников» было уже не менее 30 тыс.¹¹⁹ Чтобы обеспечить лояльность к себе регулярных войск, сосредоточенных в Италии, Стилихон хотел зачислить своих варваров в римские подразделения¹²⁰. Падение Стилихона лишило Западную империю помощи чужеземных войск, а война с вестготами подготовила окончательное разрушение всей ее военной системы.

На Востоке сложилась похожая ситуация. Клавдиан в своих нападках на Руфина упрекает последнего в том, что на римскую службу принимают северных варваров (сарматов, аланов и др)¹²¹. Тем не менее события, ознаменовавшие начало V в., потребовали от константинопольского правительства радикального изменения своей политики в отношении к варварам. Восстание поселенных Феодосием во Фригии готов (400 г.), измена Гайны, поддержавшего восставших, окончательно развеяли иллюзии правящих кругов империи. В Константинополе наконец осознали, какую опасность представляет собой компактное поселение больших масс варваров на римской территории и какие трагические последствия может иметь инкорпорирование варваров в состав римской армии. В 409 г. римские войска захватили большое

количество скиров. Правительство приняло решение расселить их малочисленными группами по разным удаленным от дунайской границы провинциям. Согласно Созомену, некоторые из пленных были проданы в рабство за ничтожную цену богатым латифундистам, а некоторые были отданы им задаром. В последнем случае пленники становились колонами, прикрепленными к земле. Императорский указ от 409 г. запрещал уводить их или принимать бежавшими; запрещалось селить скиров во Фракии или Иллирике; скирам запрещалось появляться в Константинополе или где-нибудь в Европе, и они должны были быть отделены морем от известных для себя мест. Многие из скиров были поселены в Вифинии, возле горы Олимп. По сообщению Созомена, который видел их сам, «они живут рассеянно и обрабатывают находящиеся там холмы и долины»¹²². Чтобы избежать проникновения скиров в армию, указ освобождал их от конскрипции на 20-летний срок¹²³. Это постановление показывает, что восточное правительство не рассматривало более варваров как ресурс для пополнения армии¹²⁴.

Уход готов на Запад избавил Восточную империю от необходимости прибегать к услугам столь опасных союзников. Военная система избежала декаданса и, перестроившись в соответствии с новыми требованиями, продолжила свое развитие. Подавление мятежа Гайны, а затем и разрыв с Атилиой, запретившим своим подданным служить в римской армии (441 г.), положили конец стремительному превращению восточно-римской армии в ополчение, состоящее из разноплеменных варварских дружин во главе со своими вождями. Готы, ставшие в V в. военным сословием и занимавшие в армии все ключевые посты, во времена Юстиниана уже ничем не выделялись среди контингентов варварских народов на службе у империи. Хотя отдельные офицеры готского происхождения достигали порой высоких постов, главное командование всегда оставалось в руках римлян.

Примечания

¹ *Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006. P. 57.*

² *Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284–602): A Social and Economic Survey. 3 vol. in 2. Oxford, 1964. Vol. II. P. 615; Джонс А. Х. М. Гибель античного мира / пер. с англ. Т. В. Горяиновой. Ростов н/Д, 1997. С. 307; Глушанин Е. П. Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии: дис... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 75 (на правах рукописи).*

³ *Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. P. 56.*

⁴ CTh, VII, 13, 7, 1: «...Cum pro suo numero in exhibendo tirone solus ipse respondeat» («... за поставку рекрута отвечает сама земля в соответствии со своим размером»).

⁵ *Cosme P. L'armée romaine VIII s. av. J.-C. — V s. ap. J.-C. Paris, 2007. P. 228.*

⁶ Термин *темонарий* впервые юридически засвидетельствован в законе 319 г. (CTh, VI, 35, 3) (*Carrié J.-M. Le système de recrutement des armées romaines de Dioclétien aux Valentinien // ARDV. P. 374*). Подобная система комплектования армии существовала уже в 295 г., насколько мы можем судить об этом на основании «Деяний мученика Максимилиана», в которых вместе с проконсулом Африки Дионом, судящим христиан, отказавшихся служить в армии, упоминается *темонарий* Фабий Виктор (*Cosme P. L'armée romaine... P. 228*).

⁷ *Cosme P. L'armée romaine... P. 228.*

⁸ *Глушанин Е. П. Генезис... С. 98.*

⁹ *Carrié J.-M. Le système de recrutement... P. 386.*

¹⁰ *Ibid. P. 372.*

¹¹ *Amm., XXXI, 4, 4.*

¹² CTh, VII, 18, 3.

¹³ *Carrié J.-M. Le système de recrutement... P. 373.*

¹⁴ *Delmaire R. La caisse des largesses sacrées et l'armée au Bas-Empire // AFMA. P. 318.*

¹⁵ *Ibid. P. 319; Zuckerman C. Two Reforms of the 370s: Recruiting Soldiers and Senators in the Divided Empire // REByz. 1998. 56. P. 101, 104.*

¹⁶ «...Pro militari supplemento, quod provinciatim annuum pendebatur, thesauris accederet».

¹⁷ CTh, VII, 18, 4, 2.

¹⁸ *Ibid.*, 13, 2.

¹⁹ «...Tironum corpora per eas provincias, a quibus corpora flagitantur» (*Amm., XXXI, 4, 4*).

²⁰ «...In quibus pretia postulatur».

²¹ «Ex opportunis regionibus supplementa numeris mansuetudo nostra decrevit agitari» (CTh, VII, 13, 9).

²² *Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // Архив СПб ИИ РАН. Русская секция. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49. Гл. X. С. 32.*

²³ *Cosme P. L'armée romaine... P. 229.*

²⁴ *Exp.*, 43.

²⁵ «...Maximos habens vires et fortes in bello, propter quod et frequenter inde milites tollentur» (*Ibid.*, 50).

²⁶ *Amm.*, XX, 8, 1.

²⁷ *Exp.*, 58.

²⁸ *Iul.*, Ad Const., 29, 18.

²⁹ «...Nec eorum aliquando quisquam ut in Italia munus Martium pertimescens pollicem sibi praecidit» (*Amm.*, XV, 12, 3).

³⁰ Amm., XVIII, 6, 16; 9, 3.

³¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. II / пер. с нем. В. И. Авдиева. СПб., 1994. С. 190.

³² Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Эпиграфическое исследование. Киев, 1881. С. 41.

³³ СTh, VII, 1, 11: «Ii, qui inter ad crescentes matriculis ad tinentur, tam diu alimoniam a parentibus sumant, quoad gerendis armis idonei fuerint aestimati, ita ut cesset super eorum nomine praebitio fiscalis annonae» («Те, кто внесен в списки личного состава, пусть получают содержание от родителей вплоть до того момента, пока не будут признаны годными к военной службе, после чего и они будут поставлены на государственное довольствие»).

³⁴ СTh, VII, 22, 7: «Sciantque veterani, quibus quies post arma concessa est, liberos suos, quos militaribus aptos ministeriis insitum robur ostendat, offerendos esse militiae» («И пусть знают ветераны, ушедшие на покой после службы в армии, что их дети, достигшие возраста, позволяющего им выполнять воинские обязанности, должны быть отправлены в армию»).

³⁵ СTh, VII, 22, 7; *Magioncalda A. Le fonti giuridiche sull'esercito romano da Diocleziano a Valentiniano I* // ARDV. P. 87.

³⁶ Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей... С. 41; *Magioncalda A. Le fonti giuridiche...* P. 87; *Zuckerman C. L'armée // Le monde Byzantine. T. I: L'Empire romain d'Orient 330–641 / sous la direction de C. Morisson. Paris, 2004. Ch. V. P. 169–170.*

³⁷ Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей... С. 41; *Magioncalda A. Le fonti giuridiche...* P. 91.

³⁸ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным Кодексов Феодосия и Юстиниана) // ВО. М, 1977. С. 155.

³⁹ Лазарев С. А. Военная организация Римской империи в IV в. н. э. (от Диоклетиана до Феодосия): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 60 (на правах рукописи).

⁴⁰ Там же. С. 62.

⁴¹ *Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. En 2 t. T. II. Paris, 1979. P. 539–550.* См. также: *Schönfeld M. Laeti // RE. 1924. Bd 12, Hbbd. 23. Sp. 446–447;* *Demougeot E. Laeti et gentiles dans la Gaule romaine du IV siècle // Actes du Colloque d'Histoire Sociale de l'Université de Besançon 1970. Paris, 1972. P. 101–112;* *Günter R. Einige neue Untersuchungen zu Laeten und Gentilen in Gallien in 4. Jahrhundert und zu ihrer historischen Bedeutung // Klio. 1977. Bd 59. Hft. 2. S. 311–321;* *Varady L. New Evidence on Some Problems of the Late Roman Military Organization // A. Ant. Hung. 1961. 9. P. 345–347;* *Ермолова И. Е. Laeti в поздней римской империи // АМА. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 228–237;* *Ермолова И. Е. Варвары на службе римской империи // Byzantino-Slavica. 2006. С. 7–28.*

⁴² *Barbero A. Barbari. Immigranti, profughi, deportati nell' Impero Romano. Roma, 2008. P. 73.*

⁴³ СTh, VII, 13, 3; cf.: Veg., I, 5.

⁴⁴ СTh, VII, 18, 1: «Unusquisque, apud quem desertor fuerit deprehensus, si plebeiae et humilioris condicionis est, metalli se sciat supplicio puniendum, qui autem superioris cuiuscumque loci dignitatisve sit, media se bonorum parte cognoscat esse multandum» («Если у кого-либо будет обнаружен дезертир, то, если укрывший его плебейского или низкого происхождения, пусть он знает, что будет подвергнут наказанию железом, если же он принадлежит к более высокому сословию или имеет какое-либо звание, то пусть знает, что он будет лишен половины имущества»).

⁴⁵ СTh, VII, 13, 4: «Eos, qui amputatione digitorum castra fugiunt, secundum divi constantini decretum tua sinceritas non sinat manus deformatione defendi, si quidem possint in quacumque rei publicae parte prodesse qui se sponte truncaverunt» («Пусть в соответствии с постановлением божественного Константина твоя честность не позволяет, чтобы тем, кто посредством отсечения пальцев избегает военной службы, изуродованная рука служила защитой, если искалечившие себя по собственной воле, могут быть полезны для каких-нибудь нужд государства»).

⁴⁶ СTh, VII, 13, 5: «Si quis ad fugienda sacramenta militiae fuerit inventus truncatione digitorum damnum corporis expedisse, et ipse flammis ultricibus concremetur et dominus eius, qui non prohibet, gravi condemnatione feriat» («Если будет обнаружено, что кто-то, не желая приносить воинскую присягу, искалечил себя, отрубив пальцы, то и сам он пусть будет сожжен на костре возмездия, и господин его, который не помешал ему, пусть понесет тяжелое наказание»).

⁴⁷ СTh, VII, 22, 8: «Filiis veteranorum, qui armatae militiae paruissent, si in officiis publicis vel ministerio chartularum atque observatione rationum inveniuntur, sciat tua sinceritas esse revocandos». («Если будет обнаружено, что сыновья ветеранов, отслуживших в армии, находятся на государственных должностях в канцелярии или в ведомстве учета, то пусть знает твоя честность, что они должны быть призваны на военную службу»). Cf. СTh, VII, 22, 6.

⁴⁸ «...Apud Hileiamet Singaram, ubi acerrima illa nocturna concertatione pugnatum est, nostrorum copiis ingenti strage confossis...» (Amm., XVIII, 5, 7; cf. Zos., II, 43, 1).

⁴⁹ Zon., 13, 8. — Эта битва произвела сильное впечатление на историков XX в., которые посчитали именно ее причиной тех трудностей военного характера, которые империя переживала в дальнейшем. И действительно, ни при Каннах, ни при Адрианополе не погибло столько римских солдат, сколько пало в этой ожесточенной битве, поглотившей цвет римской армии. Сегодня исследователи не склонны переоценивать значение сражения при Мурсе для всего дальнейшего хода развития римской военной системы. Численность армий определяется не наличием или отсутствием требуемого числа людей, а теми возможностями, которыми располагает государство, чтобы оплачивать и обеспечивать всем необходимым своих солдат. Если государство имеет соответствующие финансовые ресурсы, то любые потери могут быть восполнены достаточно быстро (*Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire*. P. 40). Тем не менее нельзя не признать, что потери, понесенные римской армией

в период, последовавший после смерти Константина, должны были вызвать потребность в большом количестве новых рекрутов.

⁵⁰ Lib., Or., XII, 44; ср.: Zos., III, 1, 1.

⁵¹ Barbero A. Barbari... P. 102.

⁵² Iul., Ad Ath., 5, 7.

⁵³ Amm., XVI, 2, 12.

⁵⁴ Ibid., XV, 8, 18.

⁵⁵ СTh, VII, 13, 7 pr.: «...Aurum saepe pro corporibus inmane deprecatur atque advenarum coemptio iuniorum insolentius quam convenit aestimatur») («...Золото, получаемое вместо рекрутов, часто взимается в чрезмерном количестве, и наем молодых людей из чужеземцев обходится дороже, чем это надлежит»).

⁵⁶ Курбатов Г.Л. Восстание Прокопия (365–366 гг.) // ВВ. Т. XIV. 1958. С. 16, примеч. 90.

⁵⁷ «...Quique coetu militarium nexi ad paciora iam vitae discesserant...» (Amm., XXVI, 7, 1).

⁵⁸ Zos., IV, 7, 1.

⁵⁹ Amm., XXVI, 7, 5.

⁶⁰ Курбатов Л.Г. Восстание Прокопия... С. 18.

⁶¹ Zos., IV, 7, 2.

⁶² Amm., XXVI, 10, 3.

⁶³ 27 мая 366 г.

⁶⁴ Amm., XXVI, 10, 4–6.

⁶⁵ Глушанин Е.П. Генезис... С. 100.

⁶⁶ Amm., XXVI, 10, 9; 14.

⁶⁷ Курбатов Л.Г. Восстание Прокопия... С. 24.

⁶⁸ «...Gens amica Romanis foederibusque ingenuae pacis...» (Amm., XXVII, 5, 1).

⁶⁹ Amm., XXVII, 5, 5–9.

⁷⁰ Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 26.

⁷¹ Как и его брат, Валент прибегал к жестким мерам, направленным на пополнение армии. Во время его правления многие дезертиры и лица, уклонявшиеся от военного набора, скрывались от военной службы в монастырях (Глушанин Е.П. Генезис... С. 102). Видимо, именно против них был направлен закон Валента, по которому монахи также обязаны были служить в армии (Oros., VII, 33, 1–3).

⁷² «Экономический подъем IV в. породил сложную систему *aurum tironicum*, чрезмерное развитие которой вызвало кризис в институтах пополнения войска на самом пороге Адрианополя» (Глушанин Е.П. Генезис... С. 104). Ср.: Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 46–47.

⁷³ Глушанин Е.П. Генезис... С. 104.

⁷⁴ Лебедева Г.Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах... С. 155.

- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ *Gigli G.* Forme di riclutamento militare durante il basso impero // *Rendiconti della classe di Scienze morali, storiche e filologiche dell' Accademia dei Lincei.* 194. P. 281.
- ⁷⁸ *Barbero A.* Barbari... P. 127.
- ⁷⁹ *Symm., Laud. Val., II,* 10–17.
- ⁸⁰ *Themist., Or., X.*
- ⁸¹ *Seillier Cl.* Les Germains dans l'armée romaine tardive en Gaule septentrionale. Le témoignage de l'archéologie. ARB — AFAM. 1993. P. 188.
- ⁸² *Ibid.* P. 189.
- ⁸³ *Soz., VI,* 37; cf. *Amm., XXXI,* 4, 4.
- ⁸⁴ *Socr., IV,* 34.
- ⁸⁵ *CTh, VII,* 18, 2: «...Actor eius fundi, in quo alienigena vel idoneus militiae vel ante iam traditus latuerit, ultima flammaram animadversione consumatur».
- ⁸⁶ *Barbero A.* Barbari... P. 203.
- ⁸⁷ *Richardot Ph.* La fin de l'armée romaine... P. 335.
- ⁸⁸ *Zuckerman C.* L'armée. P. 171.
- ⁸⁹ «Ipso anno universa gens Gothorum cum rege sue in Romaniam se tradiderunt die V non Okt.» (*Cons. Const., an.* 382).
- ⁹⁰ *Barbero A.* Barbari... P. 149.
- ⁹¹ «Важно осознавать, что расселение варваров было чисто римской политикой. Это не было завоеванием, римляне делали это добровольно» (*Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 25).
- ⁹² *Barbero A.* Barbari... P. 219. Ср.: *Лазарев С. А.* Варвары... С. 75.
- ⁹³ *Zos., IV,* 34, 5.
- ⁹⁴ *Zos., IV,* 34, 6.
- ⁹⁵ *Pan. Lat., II,* 32–33.
- ⁹⁶ *Zos., IV,* 45, 3.
- ⁹⁷ «...Maximas illas Scythicas gentes...Romanis equis armisque instructissimas» (*Oros., VII,* 34, 5).
- ⁹⁸ *Barbero A.* Barbari... P. 154, n. 23.
- ⁹⁹ *Zos., IV,* 30, 1; 45, 3.
- ¹⁰⁰ *Barbero A.* Barbari... P. 153, n. 22.
- ¹⁰¹ «...Qua Francia mixta Suebis Certat ad obsequium, Latinis ut militet armis...» (*Auson., Praecatio consulis designate pridie Kal. Ian.,* 29–30).
- ¹⁰² *Zos., IV,* 35.
- ¹⁰³ *Ibid., IV,* 57, 2.
- ¹⁰⁴ *Claud., III cons.,* 68; *Stil., 11,* 154; *Gild., 24;* *Iordan.,* 145.
- ¹⁰⁵ *Socr., V,* 25.
- ¹⁰⁶ «...Ad eorum rectores Romanos omnes, quod his temporibus raro contingit...» (*Amm., XXXI,* 16, 8).
- ¹⁰⁷ *Barbero A.* Barbari... P. 140.
- ¹⁰⁸ *Ibid.* P. 222.

- ¹⁰⁹ Sulp. Sev., II, 3, 6.
¹¹⁰ Syn., De Regno, 14.
¹¹¹ Ibid.
¹¹² Ibid., 21.
¹¹³ *Barbero A. Barbari...* P.224.
¹¹⁴ Claud., IV cons., 485–487.
¹¹⁵ «...In Latinos ritus transistis Alani» (Ibid., 487).
¹¹⁶ Claud., Eutr., I, 381–383. — Впрочем, А. Барберо предполагает, что для столь позднего периода утверждение, что варвары вступают в римскую армию и подвергаются романизации, стало уже риторическим топосом, все менее и менее соответствующим реалиям своего времени (*Barbero A. Barbari...* P.153).
¹¹⁷ Claud., Get., 580–583:
 Simul externis praecepta ferebat
 Auxiliis. Ibat patiens dicionis Alanus,
 Qua nostra iussere tubae mortemque petendam
 Pro Lacio docuit gentis praefectus Alanus
 (Одновременно он отправил приказы чужеземным
 Вспомогательным войскам. Шел привыкший повиноваться алан,
 Куда его звали наши трубы, и обучил его умирать
 За Лаций префект аланского племени).
¹¹⁸ Кулаковский Ю. А. Избр. труды по истории Аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 90.
¹¹⁹ Zos., VI, 35, 6.
¹²⁰ Ibid., VI, 33, 2.
¹²¹ Claud., Ruf. 308–313.
¹²² Soz., IX, 5.
¹²³ CTh, V, 6, 3.
¹²⁴ *Barbero A. Barbari.* P.225.

Список сокращений

1. Сборники источников, справочные пособия, общие труды

MGH	— Monumenta Germaniae Historica
MGH AA	— Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi
PG	— Patrologia Graeca / ed. J.-P. Migne.

2. Периодические издания

ВВ	— Византийский временник.
ВО	— Византийские очерки.

- AFMA — Armées et fiscalité dans le monde Antique. Colloques Nationaux du C. N. R. S. № 936.
- ARB–AFAM — L'armée romaine et les barbares du III au VI siècle, éd. F. Vallet et M. Kazanski. Mémoires publiés par l'Association française d'Archéologie Mérovingienne, 5, 1993.
- ARDV — L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002), rassemblées et éditées par Y. Le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004.

3. Античные литературные и юридические источники

- Ambr., Ep. — св. Амвросий, «Письма».
- Amm. — Аммиан Марцеллин, «Римская История».
- Auson., Praecatio consulis designate pridie Kal. Ian. — Авсоний, «Консульская молитва, произнесенная накануне январских календ назначенного ему года».
- Claud., C. Ruf. — Клавдиан, «Против Руфина».
- Claud., Get. — Клавдиан, «Война Полентийская, или Готская».
- Claud., Gild. — Клавдиан, «Гильдонова война».
- Claud., III cons. — Клавдиан, «Панегирик на третье консульство Гонория Августа».
- Claud., Stil. — Клавдиан, «Консульство Стилихона».
- Claud., IV cons. — Клавдиан, «Панегирик на четвертое консульство Гонория Августа».
- Claud., Eutr. — Клавдиан, «Против Евтропия».
- CTh — Кодекс Феодосия.
- Exp. — Expositio totius mundi et gentium — «Полное описание Вселенной и народов».
- Iul., Ad Ath. — Юлиан, «К афинянам».
- Iul., Ad Const. — Юлиан, «Похвала императору Констанцию».
- Iordan. — Иордан, «О происхождении и деяниях гетов».
- Lib. Or. — Либаний, «Речи».
- Oros. — Павел Орозий, «История против язычников».
- Pan. Lat. — «Латинские панегирики».
- Socr. — Сократ Схоластик, «Церковная история».
- Soz. — Созомен, «Церковная история».
- Sulp. Sev. — Сульпиций Север, Церковная история.
- Symm., Laud. Val. — Симмах, «Похвала Валентиниану».
- Syn., De Regno — Синезий, «О царстве».
- Themist., Or. — Фемистий, «Речи».
- Zon. — Зонара, «История».
- Zos. — Зосим, «Новая история».

Е. А. Мехмадиев

**ПОЗДНЕРИМСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ЭПИТАФИИ ИЗ КОНКОРДИИ
И ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ РЕГУЛЯРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
РИМСКОЙ АРМИИ МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИЕЙ в 395–408 гг.**

**(к вопросу о некоторых аспектах теории *seniores—iuniores*
в позднеримской армии)**

Проблема территориального разделения Римской империи в IV в. до настоящего времени остается дискуссионной в исследовательской литературе. В данной статье мы попытаемся рассмотреть военный аспект этой проблемы, а именно процесс разделения регулярных подразделений римской армии между Западной и Восточной Римской империей в 395–408 гг., в период регентства западноримского военного магистра Стилихона. Основным источником для изучения данной проблемы являются позднеримские надгробные эпитафии из североитальянской римской колонии Конкордии (совр. городок Портогруаро в округе Венеции), которые содержат сведения о наименованиях восточноримских легионов, переведенных в армию Стилихона, и указывают во многих случаях на функциональное назначение и месторасположение легионов. На основании этих данных мы можем также ответить на вопросы относительно характера военной политики Стилихона: какие виды войсковых подразделений составляли основную силу его армии и какими были его приоритеты в плане защиты различных провинций Западной Римской империи.

Данные надписи были опубликованы единым изданием в швейцарском антиковедческом журнале «Museum Helveticum» («Музей Гельветции») в 1963 г.¹ Автор публикации — немецкий историк Д. Хоффманн, специалист в области истории позднеримской армии, известный своим фундаментальным диссертационным исследованием «Позднерим-

ское подвижное войско и *Notitia Dignitatum*» (1969 г.). Необходимо отметить, что Д. Хоффманн осуществил в указанном выше издании прежде всего источниковедческую характеристику надписей, определив их датировку и обстоятельства создания. Следует также подчеркнуть, что в отечественной историографии материал данных надписей не был введен в научный оборот.

Очень важен тот факт, что надписи из Конкордии дают сведения относительно тех войсковых подразделений, с которыми восточноримский император Феодосий I совершил военный поход в Италию в 394 г. и 5–6 сентября 394 г. одержал победу над западноримским войском самопровозглашенного императора Евгения и его военного магистра Арбогаста, обвиненных в убийстве законного западноримского императора Валентиниана II (внезапная смерть при невыясненных обстоятельствах настигла его в 392 г.). Хотелось бы обратить внимание, что в предисловии к публикации данных надписей Д. Хоффманн отмечает, что датировка надписей укладывается в «короткий период от начала осени 394 г. до начала 395 г.», соответственно, по его мнению, документы из Конкордии — «это следы временного присутствия объединенной восточной и западной армий, размещенных в Венеции, когда Феодосий I после примирения с побежденной западной армией включил ее в свой зимний лагерь»².

На наш взгляд, Д. Хоффманн значительно ограничивает срок пребывания восточноримских подразделений в Италии и в определенной степени недооценивает интересы военного магистра Западной Римской империи Стилихона, который был оставлен Феодосием I в качестве регента его сына Гонория, провозглашенного императором Западной Римской империи после смерти Феодосия I. Мы же считаем, что Стилихон стремился сохранить контроль над данной объединенной армией и позднее, поскольку в его интересах был перевод определенных войсковых подразделений восточноримской армии в Западную Римскую империю, так как западноримская армия понесла значительные потери после поражения ее лидеров — Евгения и Арбогаста. На основе сопоставления надписей из Конкордии и данных *Notitia Dignitatum* мы попытаемся выявить, какие именно подразделения армии Феодосия I были оставлены Стилихоном в западноримской армии.

Прежде всего, попытаемся определить основную цель военной политики Стилихона. Ценный источник по данному вопросу — закон императоров Аркадия и Гонория от 19 марта 400 г., адресованный Стилихону. Согласно содержанию закона, императоры запрещали дуксам переводить солдат «не только от комитатенсов и палатинских

частей» в другие легионы более низшего ранга, но и от «самих легионов псевдокомитатенсов или лагерных рипариенсов»³. Очевидно, издание данного закона могло быть продиктовано неоднократными перемещениями войсковых подразделений в период регентства Стилихона с территории их прежней дислокации. Латинский поэт Клавдиан, современник Стилихона, в своей поэме «Готская война» перечисляет те войсковые подразделения, которые Стилихон перевел для борьбы с Аларихом, и отмечает, что «в то время, когда солдаты Реции и ее когорты были заняты другой войной, Геты вероломно проникли на нашу территорию и грабили ее»⁴. В другом фрагменте той же поэмы Клавдиан обозначает «воинов Реции» (*Raetiae vires*) как «отряд, который недавно испытал жестокие сражения с Вандалами и укрепил защиту Реции»⁵. Далее Клавдиан упоминает *legio praeterenta Britannis*, а также *agmina quin etiam...obiecta Sygambriis*, подразумеваемая легионы из Британии, а также (в последнем случае) легионы, расположенные на рейнской границе, вблизи племен хаттов и херусков⁶.

В 405 г., во время вторжения вестготского вождя Радагайса в Италию, Стилихон, по словам Зосима, собрал в Тиценуме войско, «в котором было сосредоточено 30 легионов»⁷. Следовательно, мы видим сосредоточение в Северной Италии и в приальпийских провинциях (Норик и Реция) большей части наиболее эффективных войск — рейнских и британских легионов, а также, очевидно, подразделений из близлежащих Паннонии и Западного Иллирика. На наш взгляд, подобные крупномасштабные перемещения восковых масс, произведенные Стилихоном, были бы невозможны, если бы западноримская армия не располагала дополнительными легионными силами из восточноримской армии Феодосия I. Поэтому центральным вопросом в исследовании проблемы разделения армии между Западной и Восточной Римской империей в период 395–408 гг. является, на наш взгляд, процесс распределения войсковых подразделений *seniores* (старшие) и *iuniores* (младшие) между Западной и Восточной половинами империи. Относительно проблемы *seniores—iuniores* в позднеримской армии в исследовательской литературе сложились разные точки зрения.

Наиболее подробно проблема *seniores—iuniores* была исследована Д. Хоффманном в его упоминавшейся выше диссертации «Позднеримское подвижное войско и *Notitia Dignitatum*» (1969 г.). Д. Хоффманн первым связал появление и значение терминов *seniores—iuniores* с процессом разделения римской армии в 364 г. Как известно, в 364 г. императоры Валентиниан I и Валент разделили между собой империю и армию — Валентиниану I досталась западная половина империи

с находившимися там войсками, в то время как Валент стал императором Восточной Римской империи и получил также восточную долю войсковых подразделений римской армии. По мнению Д. Хоффманна, легионы и части, оставшиеся на Западе, получили название *seniores*, а легионы Валента — *iuniores*; критерием данного обозначения был возраст братьев-императоров: Валентиниан I был старшим братом (*senior*), а Валент — его младшим братом (*iunior*)⁸.

В 1972 г. независимо от Д. Хоффманна английский историк Р. Томлин пришел к выводу об омонимичности подразделений, носивших титулы *seniores—iuniores* — у обеих войсковых единиц, входивших в данную пару, согласно сведениям *Notitia Dignitatum*, были одинаковые имена, что косвенно подтверждает выводы Д. Хоффманна⁹. Автор также определяет цель данной реформы — «компенсировать потери императора Юлиана в Месопотамии» во время его персидского похода¹⁰. В 1977 г. была опубликована солдатская надпись из г. Наколея (малоазийская провинция Фригия), датируемая 356 г. по наличию заключительной формулы *dd(ominorum) nn(ostrorum) Constanti A(ugusti) / VIII et Iuliani c(on)s(ulatu)*. Текст данной надписи особенно интересен тем, что в ней указано название легиона, в котором служил солдат: «из легиона старших Корнутов Иовиев»¹¹. Фактически данная надпись подвела исследователей к корректировке выводов Д. Хоффманна—Р. Томлина, поскольку она свидетельствовала о наличии подразделений с названиями *seniores—iuniores* в позднеримской армии еще до разделения империи в 364 г.

В 1991 г. немецкий историк Р. Шарф в своей небольшой статье попытался доказать, что разделение армии на войска *seniores—iuniores* впервые произошло в период 351–356 гг., т. е. после битвы при Мурсе (небольшой город в Паннонии), между императором Констанцием II и узурпатором западноримского престола Магненцием¹². Р. Шарф полагает, что процесс восполнения людских потерь представлял собой поэтапное увеличение кадрового состава римской армии в 356–364 гг.: 1) в 351–356 гг. произошло «выделение кадров для создания подразделений *iuniores*»; 2) реформа 364 г. в свою очередь привела к «разделению всех войсковых подразделений на две идентичные по имени половины», при этом все войска, привлеченные к разделению 364 г., «находились в личной дружине императоров». Соответственно, как отмечает исследователь, «сердцевина наиболее боеспособных подразделений была привязана к каждой из половин Империи»¹³.

В 1998 г. вышло обобщающее исследование голландского историка М. Никаши по римской армии 284–378 гг., в котором автор развивает

теорию Р. Шарфа и выдвигает точку зрения, согласно которой значения терминов *seniores* и *iuniores* отражали не возраст двух братьев-императоров, как утверждал Д. Хоффманн, но возраст самих войсковых подразделений, т. е. период их существования в качестве независимых и самостоятельных боевых единиц. М. Никаши отмечает, что эти термины относятся к механизму формирования войсковых подразделений в позднеримской армии, когда из уже существующего легиона выделялось новое войсковое соединение, сохранявшее название «материнского» легиона, но прибавлявшее к своему имени дополнительное наименование *iuniores*. Соответственно, по мысли исследователя, старый, «материнский» легион получал дополнительное наименование *seniores*¹⁴.

Как видно из представленного историографического обзора, в исследовательской литературе последних лет предпринимаются вполне успешные попытки выявить новые критерии при оценке разделения полевой позднеримской армии на отряды с именами *seniores—iuniores*. Мы придерживаемся мнения, что разделение позднеримских легионов на отряды *seniores—iuniores* заняло не один период, как об этом говорит Д. Хоффманн, но несколько крупных этапов в развитии позднеримской армии: 335, 353–355, 364, 388 и 395 гг. Все данные этапы были связаны с одной характерной чертой позднеримской государственности — территориальным разделением империи на несколько крупных административных регионов, в каждом из которых были расположены свои войсковые силы. Начало этому процессу было положено административными и военными реформами императора Диоклетиана (284–305 гг.). Надписи из Конкордии позволяют нам проследить все этапы процесса разделения армии на соединения *seniores—iuniores* и установить динамику территориальных перемещений позднеримских легионов в данные этапы.

Таким образом, приступим к анализу надписей на основе отмеченных выше принципов. В надписей № 4–5 из Конкордии указаны войсковые подразделения *Equites Bracchiati seniores*. Следует отметить, что старшие всадники Брахиаты были палатинской вексилляцией, которая, по данным Notitia, дислоцировалась в Северной Италии (ND. Occ. VII. 164). Несомненно, всадники-Брахиаты были выделены из состава западноримского палатинского легиона старших Брахиатов, также расположенного в Северной Италии (ND. Occ. VII. 10). Сведения Аммиана Марцеллина позволяют сделать вывод, что этот палатинский легион до 394–395 гг. размещался в Галлии и участвовал в военных кампаниях императора Юлиана против аламаннов и франков

(357–360 гг.)¹⁵. Как свидетельствуют фрагменты текста Аммиана, легионы Брахиатов и Корнутов всегда упоминаются вместе, поскольку во всех военных кампаниях они занимали один лагерь и одну боевую позицию. Это значит, что оба войсковых подразделения были созданы одновременно. Цитированная выше надпись из малоазийской Наколеи, в которой упоминался легион «старших Корнутов Иовиев» (*e numerum(!) Io(viorum) corn(utorum) sen(iorum)* — АЕ. 1977. 806) доказывает, что отряд Корнутов был создан в период Диоклетиана, поскольку почетное наименование Иовии представлялось новым легионам римской армии в честь императора Диоклетиана, в 286 г. присвоившего себе титул Иовий. Следовательно, и подразделение Брахиатов было образовано вместе с Корнутами в ходе военных реформ Диоклетиана.

Латинская надпись из североафриканской провинции Нумидии, опубликованная в 1946 г., дает ценную информацию о первоначальном войсковом ранге корпуса Брахиатов в период Тетрархии. Надпись перечисляет этапы карьеры солдата Флавия Урзакя, который сначала служил в легионе Пропугнантов в Северной Африке, а затем был переведен в схолу Брахиатов¹⁶. Это значит, что отряды Корнутов и Брахиатов были созданы Диоклетианом как палатинские школы и изначально размещались в его резиденции в Никомедии в Малой Азии. Скорее всего, в 324 г., когда Малая Азия перешла под контроль императора Константина, эти школы вошли в состав его экспедиционной армии. Поскольку в указанной выше надписи из Наколеи, датированной 356 г., было обозначено, что солдат легиона старших Корнутов Флавий Эмилиан отслужил в этом легионе 27 лет (*militavit stupendia(!) XXVII* — АЕ. 1977. 806), можно сделать вывод, что школа Корнутов вместе со школой Брахиатов была повышена до статуса палатинского легиона армии *comitatenses* в 329 г. Вполне вероятно, что в 335 г. Константин разделил легион Корнутов на две половины, присвоив одной из них наименование *seniores*, а другой — *iuniores*. Та же участь постигла и легион Брахиатов. Данная реформа проходила в рамках разделения всей армии и территории империи между тремя сыновьями Константина. В данном случае легионы старших Брахиатов и младших Корнутов были переведены в 335 г. в Галлию, которая досталась в управление Константу, младшему сыну Константина.

Мы полагаем, что легион старших Брахиатов был переведен из Галлии в Северную Италию западноримским военным магистром Арбогастом в 392–393 гг. Испанский хронист начала V в. Павел Орозий в своей всемирной хронике отмечает, что Арбогаст «собрал отовсюду бесчисленное и непобедимое войско из римских лагерей и варварских

вспомогательных отрядов»¹⁷. Поскольку в 392–393 гг. Арбогаст вел непрерывные войны с франками на рейнской границе, мы можем сделать вывод, что именно оттуда были переведены и легионы старших Брахиатов и младших Корнутов. Данная переброска крупных войсковых масс в Северную Италию была осуществлена Арбогастом с целью подготовки к предстоящему военному столкновению с восточноримским императором Феодосием I. Очевидно, тогда же из состава легиона старших Брахиатов Арбогастом была выделена вексилляция всадников-Брахиатов, которая и была отмечена в двух упомянутых выше надписях из Конкордии. Тот факт, что в тексте *Notitia* данная вексилляция продолжала значиться в списке вексилляций Северной Италии, позволяет сделать вывод, что Стилихон не вернул этот отряд и сам легион старших Брахиатов в Галлию, в регион первоначальной дислокации, а оставил эти подразделения в своей резиденции в Равенне.

В №7 надписей из Конкордии указано подразделение *de numer[o] equitu[m] catafractarioru[m]*, которое в *Notitia* числится в двух рубриках — как подразделение полевой армии *Equites catafractarii iuniores*, располагавшееся в Британии под командованием военного комита (ND. Occ.VII.200), и как подразделение пограничной армии *Equites catafractarii*, дислоцировавшееся в той же провинции под командованием *dux Britanniarum* (ND. Occ.XL.21). Естественно, эти отряды катафрактариев не могли быть перемещены Евгением для борьбы с Феодосием из столь удаленной провинции, как Британия, поскольку сам процесс перевода всадников-катафрактариев занял бы слишком долгое время, которого уже не было у Евгения, готовившегося к войне с Феодосием. В то же время в нашем распоряжении имеются несколько надписей из провинций Верхняя Германия, Белгика, Галлия Лугдунская и Транспадана, в которых упоминаются войсковые подразделения катафрактариев. Самая ранняя из этих надписей, датированная 231–274 гг., дает сведения о дислоцировании в Верхней Германии в данный период «всадников новой надежной алы катафрактариев»¹⁸. В двух надписях из Верхней Германии и Белгики мы можем найти упоминания о «подразделении катафрактариев», которое являлось наследником упомянутой выше алы катафрактариев эпохи Принципата¹⁹. Скорее всего, данная ала всегда размещалась в Галлии и к моменту провозглашения Константина императором органично вошла в состав его галльской армии. Очевидно, в 355–357 гг. этот отряд катафрактариев был разделен на две части с названиями *iuniores—seniores* (младшие—старшие), поскольку в 350–353 гг. он входил в состав армии, поддерживавшей галльского узурпатора Магненция. Данное раз-

деление было осуществлено с целью пополнить отряды катафрактариев восточноримского императора Констанция II, в 353 г. отправившегося в Галлию для борьбы с Магненцием. Император Юлиан в своей речи, посвященной этим событиям, отмечает, что Констанций перед битвой с Магненцием расположил на одном из своих флангов отряд тяжеловооруженных всадников-копьеносцев, которые с головы до ног были покрыты железными доспехами и «сидели на лошадях словно статуи»²⁰.

Несомненно, что в кровопролитном сражении с Магненцием при г. Мурса в Паннонии эти маломаневренные отряды катафрактариев понесли тяжелые потери от легковооруженной германской кавалерии. Поэтому Констанций II, одержав победу над Магненцием, вынужден был разделить западноримский отряд катафрактариев из армии Магненция на две половины, одна из которых получила название *seniores*, а другая — *iuniores*. Отряд *seniores* был оставлен Констанцием II в Галлии, что четко подтверждает латинская надпись из Галлии Лугдунской, упоминающая «подразделение всадников-катафрактариев старших»²¹, а отряд *iuniores* был переведен в балкано-дунайские регионы для борьбы с сарматами и квадами. Вплоть до 394 г. катафрактарии с названием *iuniores* размещались в восточноримских провинциях, но в 394 г. катафрактарии-*iuniores* в составе восточноримской армии Феодосия были размещены в Северной Италии. Наряду с надписью из Конкордии, о пребывании всадников-катафрактариев в Северной Италии говорит эпитафия, посвященная всаднику «из вексиляции катафрактариев»²². Как уже говорилось выше, отряд катафрактариев в статусе вексиляции, размещенный в Британии, носил имя *iuniores*. Следовательно, надписи из Конкордии имеют в виду именно вексиляцию младших всадников-катафрактариев, располагавшуюся в лагере Феодосия. В 395 г. данная вексиляция была оставлена в составе западноримской армии Стилихона, который позже перевел ее в Британию.

Надписи № 15–21 посвящены *numerus Batavorum seniorum*, который зафиксирован Notitia в восточной и западной половинах империи — ND. Or. V. 49 и ND. Occ. V. 163. Поскольку в ND. Occ. зафиксировано наличие *Batavi iuniores* в качестве *legio palatina* (V. 186), которого нет в восточной части списка, мы можем сделать вывод о переводе данного подразделения в западноримскую армию Стилихона. Примечательно, что в истории с ауксией Батавов мы имеем пример более сложного механизма разделения армии, связанного не с территориальным разделением империи, но с внутривластным ее по-

ложением в конце IV в. Дело в том, что с эпохи принципата в западной и восточной частях империи были свои отряды Батавов. В частности, в панегирике Цезарю Констанцию Хлору, правившему в Галлии в 293–306 гг., галльский ритор Эвмен отмечает, что в составе армии Констанция, выступившей против германских набегов на Рейне, находилась ауксулия Батавов²³.

В то же время греческая надпись из Фессалоники (пров. Македония), датированная более ранним периодом — 269 г., упоминает «доблестного трибуна Батавов» Аврелия Валентина²⁴, что подтверждает факт наличия еще одного отряда Батавов и в восточной половине империи. Две латинские надписи эпохи Диоклетиана и Константина говорят о том, что восточноримская ауксулия Батавов продолжала в этот период дислоцироваться в балканских провинциях. Надпись из Верхней Паннонии, датируемая 304 г., посвящена дуксу этой провинции и по совместительству трибуна Батавов Аврелию Януарию²⁵. Другая надпись, датируемая 316–321 гг., принадлежит Аврелию Ампию, трибуна Батавов, размещенных уже в Верхней Мезии²⁶. Несомненно, Батавы обеих надписей представляют собой один и тот же отряд — восточноримскую ауксулию Батавов. Очевидно, что перевод отряда Батавов из Паннонии в Мезию был связан с переходом Мезии под военный и политический контроль императора Константина в 316 г., стремившегося тем самым пополнить свою армию новыми силами.

В данном случае следует отметить, что западноримская и восточноримская ауксулии Батавов и в последующий период продолжали действовать независимо и обособленно друг от друга. В этом смысле для нас важно сообщение Аммиана Марцеллина, который отмечает, что в 378 г., во время битвы восточноримской армии с вестготами при Адрианополе, император Валент, потерпевший сокрушительное поражение, бежал к легионам Маттиариев и Ланциариев, рядом с которыми в резерве римской армии располагались Батавы²⁷. Пассаж Аммиана позволяет нам прийти к выводу, что восточноримская ауксулия Батавов была уничтожена в ходе битвы при Адрианополе, в то время как западноримская ауксулия продолжала существовать в качестве самостоятельного войскового соединения. Скорее всего, в 388 г. новый восточноримский император Феодосий, совершивший военную экспедицию в Северную Италию с целью компенсировать потери своей армии, понесенные в ходе данной кампании, разделил западноримскую ауксулию Батавов на две половины, наделив их наименованиями *seniores—iuniores*. Отряд с названием *seniores* был оставлен в Се-

верной Италии, а отряд *iuniores* вошел в состав армии Феодосия. Но уже в 394 г. аукс依ия *Batavi iuniores* в составе армии Феодосия вновь оказалась в Северной Италии, где она и была возвращена в западноримскую армию ее военным магистром Стилихоном. Именно поэтому аукс依ия *Batavi iuniores* не значится в списке легионов восточноримской армии.

Надписи № 26–27 свидетельствуют о наличии в солдатском захоронении воинов из подразделения *Mattiaci seniores*, а надписи № 28–29 упоминают легион младших Маттиаков, который также дислоцировался в Северной Италии. Необходимо подчеркнуть, что Маттиаки были одним из германских племен, и первоначальным местом легиона Маттиаков была крепость Могонтиак в Верхней Германии (совр. Майнц). Согласно сведениям надписей, данный легион был создан в период императора Гордиана III (238–244 гг.). Надпись из Могонтиака упоминает солдата-корникулярия из легиона «Гордиановых Маттиаков», а большое количество других надписей подтверждает наличие в Могонтиаке «крепости Маттиаков»²⁸. Однако легион старших Маттиаков фигурирует сразу в двух списках *Notitia* — в западном (в составе армии, расположенной в Северной Италии — *ND. Occ. VII. 15*) и в восточном (в составе презентальной армии Константинополя — *ND. Or. V. 53*). То же можно сказать и о легионе младших Маттиаков — он был дважды перечислен в *Notitia*, в составе галльской армии (*ND. Occ. VII. 64*) и в списке легионов презентальной армии в Константинополе (*ND. Or. VI. 53*).

Мы полагаем, что старшие Маттиаки в 394–395 гг. входили в состав армии Феодосия, выступившего против западноримского узурпатора Евгения. Подтверждением данному выводу служит греческая надпись из малоазийской провинции Каппадокии, в которой упоминается Менос, «примицерий легиона старших Маттиаков»²⁹. Галльский легион старших Маттиаков мог пребывать в Малой Азии в результате первой военной экспедиции Феодосия 388 г. в Северную Италию, когда Феодосий разбил армию Магна Максима, галльского узурпатора, вторгнувшегося в Северную Италию. По свидетельству Зосима, в 391 г., перед возвращением в Константинополь, Феодосий «взял с собой отборных солдат, служивших Максиму, вместе с его телохранителями»³⁰. Одним из легионов, которых Феодосий присоединил к своей армии в 391 г., были старшие Маттиаки, до этого дислоцировавшиеся в Галии на рейнской границе. Точным подтверждением галльской дислокации старших Маттиаков до 391 г. является латинская надпись из Аквитании, в которой упоминается солдат этого легиона³¹. В отличие от стар-

ших Маттиаков, их младшая половина никогда не дислоцировалась в Галлии или Северной Италии до 395 г., поскольку с момента своего основания младшие Маттиаки были переведены в Константинополь. Сложно сказать, когда именно легион Маттиаков был разделен на две половины. Учитывая, что в списках *Notitia* обе половины были указаны в статусе палатинских легионов, можно предположить, что разделение легиона произошло в 353–355 гг., когда восточноримский император Констанций II восполнял потери в кадровом составе своих легионов после победы над западноримским узурпатором Магненцием. Основную часть армии Магненция составляли легионы галльской армии, среди которых легион Маттиаков был одним из наиболее боеспособных.

В целом срок пребывания старших Маттиаков в Константинополе был недолгим — до 394 г., когда в составе восточноримской армии Феодосия они участвовали в его новом военном походе в Италию. Стилихон, которого Феодосий в 395 г. назначил западноримским военным магистром, разделил старших Маттиаков на два более мелких отряда, один из которых был оставлен в Риме, а второй отправлен в Константинополь. Именно поэтому старшие Маттиаки дважды обозначены в тексте *Notitia* — в ее западном и восточном списках. Та же участь постигла и легион младших Маттиаков. Стилихон не стал переводить его в полном составе в свою армию, поскольку младшие Маттиаки понесли тяжелые потери в ходе военной кампании 394 г.

Палатинский легион *Iovii iuniores*, отмеченный в надписи № 30, в *Notitia* фигурирует только в западной части списка (ND. Occ. V. 168), в то время как в восточной части подобной боевой единицы не зафиксировано. Исходя из этого, мы также можем предположить, что Стилихон сохранил в своей армии этот, в прошлом восточноримский легион. Данный легион, образованный еще в период Диоклетиана, так же как и Маттиаки, в 350–353 гг. поддержал мятеж западноримского узурпатора Магненция и выступил против восточноримского императора Констанция II. В наказание за этот мятеж Констанций II разделил его на два войсковых соединения с наименованиями *seniores*—*iuniores*. Вместе с этим легионом данная участь постигла и другой палатинский легион эпохи Диоклетиана — Геркулиев, которые, согласно Зосиму, до 350 г. вместе с Иовианами и Иовиями находились под непосредственным командованием Магненция, тогда еще офицера римской армии³². Половины этих легионов, обозначенные *seniores*, остались в Галлии, в то время как *iuniores*полнили состав восточноримской армии Констанция. Ценным подтверждением факту разделе-

ния этих палатинских легионов в 353–355 гг. является название жития двух солдат — Боноза и Максимиана, служивших в легионе старших Геркулиев в период императора Юлиана (360–363 гг.)³³. Это название четко свидетельствует, что легион старших Геркулиев уже существовал в период 360–363 гг., а значит, был создан намного раньше, т. е. в середине 350-х годов.

Согласно Аммиану Марцеллину, восточноримский император Валент, узнавший о вспыхнувшем в Константинополе военном мятеже, был обеспокоен произошедшими событиями и в 365 г. приказал солдатам двух легионов — Иовиев и Викторов — выступить против мятежников и уничтожить их военный лагерь вблизи Константинополя³⁴. В то же время Аммиан говорит, что в 368 г. западноримский император Валентиниан I отправил своего генерала, комита Феодосия Старшего, отца будущего императора Феодосия I Великого, в Британию, где племена пиктов и аттакоттов подняли восстание и захватили несколько римских крепостей. Со слов Аммиана, в составе армии Феодосия Старшего находились Батавы, Герулы, Иовии и Викторы³⁵. Следовательно, в период 364–378 гг. у каждого из римских императоров — западноримского Августа Валентиниана I и восточноримского императора Валента — находились в подчинении собственные легионы Иовиев и Викторов. Те из них, которые дислоцировались в Галлии и в Северной Италии, получили титул *seniores*, поскольку изначально располагались в этих западных провинциях. Те же их половины, которым был присвоен титул *iuniores*, дислоцировались в Константинополе в качестве соединений императорской гвардии Валента. Но ни в одной из глав *Notitia* по восточноримским провинциям легионы Иовиев и Викторов с титулами *iuniores* не зафиксированы — все эти подразделения представлены только в западном списке *Notitia*, где *Iovii iuniores* помещены в главу по военным подразделениям, подчинявшимся западноримскому магистру пехоты (ND. Occ. V. 184), а *Victores iuniores* зафиксированы в главе по войсковым соединениям Испании (VII. 126). Как уже говорилось выше, причина данного противоречия заключается в том, что ко времени составления текста *Notitia* (400–423 гг.) легионы *Iovii iuniores* и *Victores iuniores* были переведены в состав западноримской армии ее военным магистром Стилихоном.

Надписи № 31–32 отмечены за солдатами, служившими *in numero Leonum seniorum*, который фигурирует в *Notitia* только в западном списке — *Leones seniores* (ND. Occ. V. 171), в то время как для восточной части империи рубрика данного подразделения отсутствует. Более того, в западной части империи числится также и легион *Leones*

iuniores (ND. Occ.V.172), что может вновь свидетельствовать о переводе данной палатинской ауксиллии из восточноримской в западноримскую армию Стилихона. В 391 г. в Константинополь по приказу императора Феодосия был перевезен и установлен на форуме древний египетский обелиск, сооруженный еще в период египетского фараона Тутмоса III (1479–1425 гг. до н.э.). Феодосий приказал установить этот обелиск в честь своей победы над западноримским узурпатором Максимом, который был свергнут и казнен в 388 г. в результате первой военной экспедиции Феодосия в Северную Италию. Для нас данный обелиск интересен в том отношении, что рядом с ним была обнаружена надпись, в которой упоминаются три палатинских легиона — «отряд первых лучников, младшие Львы и младшие Корнугы»³⁶.

Данная надпись неопровержимо доказывает, что в 391 г. легион младших Львов был расположен в Константинополе в соответствии с разделением легионов римской экспедиционной армии на подразделения с титулами *iuniores*—*seniores*, из которых отряды с титулом *iuniores* дислоцировались в восточноримских провинциях, а отряды с титулом *seniores* пребывали в западных провинциях империи. Но, как говорилось выше, уже в период составления текста *Notitia* (400–423 гг.) палатинская ауксиллия младших Львов размещалась в Северной Италии, как об этом свидетельствует глава *Notitia* по легионам западноримской армии *comitatenses* (ND. Occ. VII. 19), при этом ни в одной из восточноримских глав *Notitia* подразделение *Leones iuniores* не было зафиксировано. Это значит, что в 395 г. Стилихон перевел данную восточноримскую ауксиллию в состав своей западноримской армии и вместе с остальными восточноримскими подразделениями разместил это соединение в Равенне, североитальянской резиденции западноримского императора Гонория.

Совершенно особый случай мы видим на примере *num(ero) Regi(orum) Emes(enorum) Iud(a)e(oru)m* (легион Региев Эмесенов Иудеев) из надписи № 36: в тексте *Notitia* данное подразделение числится как легион комитатенсов *Regii* (ND. Occ. V. 229) и как палатинская ауксиллия *Regii* на Востоке (ND. Or. VI. 49). Данные нарративных, папирологических и эпиграфических источников позволяют прийти к выводу, что это были два разных подразделения. Наиболее раннее упоминание войскового соединения эмесенских стрелков (они были набраны среди жителей города Эмеса в Сирии) мы встречаем в латинском папирусе из Египта, датированном II–III вв.³⁷. Согласно греческой надписи из египетской крепости Коптос отряд эмесенских стрелков дислоцировался в данном регионе в 323 г. вместе с третьим

Галльским и первым Иллирийским легионом³⁸. Скорее всего, все три подразделения были собраны в одной крепости для последующей переправки в Малую Азию, так как Египет входил в сферу влияния восточноримского императора Лициния, проводившего в 323–324 гг. мобилизацию своих войск для предстоящей борьбы с Константином. Возможно, что после победы над Лицинием Константин переместил эмесенских стрелков в так называемый «лагерь иудеев» в Верхнем Египте (см. NDOr. XXVIII. 42: *Castra Iudaeorum*). В честь названия данной крепости к подразделению эмесенских стрелков, повышенному до статуса легиона комитатенсов, был присоединен этноним «иудеи» (*iudaeorum*), что совершенно не связано с действительным этническим происхождением этих стрелков.

В 356 г., согласно латинскому епископу Люциферу из Кальяри, отряд воинов-иудеев под командованием дукса Сириана осадил церковь в Александрии, в которой укрылся от религиозных преследований епископ Александрии Афанасий Великий, один из восточных отцов церкви³⁹. Следует отметить, что Люций был религиозным фанатиком, и поэтому «воины-иудеи» у него выступали чуть ли не единственными преследователями и притеснителями Афанасия, в то время как умеренные церковные историки дают нам более подробные сведения о войсках, находившихся под командованием дукса Сириана. В анонимной биографии Афанасия, сохранившейся только в латинском переводе, указывается, что дукс Сириан прибыл в Александрию вместе с легионами, собранными со всего Египта и Ливии⁴⁰. Сам Афанасий в своей работе «История ариан» отмечает, что под командованием Сириана находились именно солдаты-легионеры⁴¹. Все эти факты доказывают, что «воины-иудеи», упоминаемые Люцием из Кальяри, принадлежали к военному рангу легиона комитатенсов и были расположены в Верхнем Египте, откуда в 356 г. были переведены в Александрию.

Скорее всего, именно этот легион (*Regii Emesenorum Iudaeorum*) из цитированной выше конкордской надписи был в 364 г. переведен из восточноримской в западноримскую армию в ходе разделения территории и армии империи между братьями-императорами Валентином и Валентом. В данном случае император Валент получил в качестве компенсации западноримскую палатинскую ауксилию Региев, которая не имела никакого отношения к «воинам-иудеям». В частности, Аммиан Марцеллин сообщает, что в 357 г., т. е. год спустя после событий в Александрии, отряд Региев вместе с Батавами участвовал в битве при Аргенторате (Страсбург) в Галлии, во время которой Це-

зарь Юлиан разгромил войско аламаннов⁴². Естественно, что эти Регии принадлежали к категории палатинской ауксиллии, т.е. к более высокому войсковому рангу. Латинская надпись из Верхней Мезии, датированная IV в., подтверждает факт обмена палатинской ауксиллии Региев на восточноримский легион комитатенсов *Regii Hemeseni Iudaei* в 364 г. В этой надписи упоминается трибун эмесенских стрелков Флавий Валериан⁴³. Поскольку ни в одной из военных глав *Notitia* по балкано-дунайским провинциям не были зафиксированы какие-либо подразделения эмесенских лучников, мы можем прийти к выводу, что пребывание эмесенских стрелков в Верхней Мезии было связано именно с процессом разделения армии в 364 г. Данный процесс состоялся в Верхней Мезии, где встретились два брата-императора, заключившие соглашение о распределении между западной и восточной частями империи наиболее сильных и боеспособных подразделений экспедиционной армии. Именно в связи с разделением армии в 364 г. Регии в статусе палатинской ауксиллии оказались в Константинополе, а *Regii Emesenorum Iudaeorum* в статусе рядового легиона комитатенсов были переведены в Северную Италию, где они и располагались по данным *Notitia* (Осс. VII. 32) и цитированной выше надписи из Конкордии. Следовательно, в военной кампании 394 г. они участвовали на стороне западноримского узурпатора Евгения.

Таким образом, результаты представленного исследования мы можем для удобства свести в следующую таблицу.

Надписи из Конкордии и реформы Стилихона

Надпись из Конкордии	Место дислокации		Вывод
	до военных реформ Стилихона	после военных реформ Стилихона	
№ 4–5 — <i>Equites Bracchiati seniors.</i>	Галлия	Северная Италия	Эта вексиляция не была возвращена в состав галльской армии.
№ 7 — <i>de numero equitum catafractariorum.</i>	Константинополь	Британия	Был переведен в состав западноримской армии из восточноримской армии.

Надпись из Конкордии	Место дислокации		Вывод
	до военных реформ Стилихона	после военных реформ Стилихона	
№ 15–21 — numerus Batavorum seniorum.	Галлия	Северная Италия	Ауксилия <i>Batavi seniores</i> не была возвращена в Галлию. Вместо нее в Галлию из восточноримской армии была переведена ауксилия <i>Batavi iuniores</i> .
№ 28–29 — <i>Mattiaci iuniores</i> .	Константинополь	Константинополь, Галлия	В период Стилихона легион был разделен на две половины и распределен по двум регионам. Та же судьба постигла легион <i>Mattiaci seniores</i> : он был распределен в Константинополь и Северную Италию.
№ 30 — <i>Iovii iuniores</i> .	Константинополь	Северная Италия	Легион был переведен из восточноримской в западноримскую армию.
№ 31–32 — numero <i>Leonum seniorum</i> .	Галлия	Северная Италия	Ауксилия <i>Leones seniores</i> не была возвращена в Галлию. Вместе с ней в Северную Италию из восточноримской армии была переведена ауксилия <i>Leones iuniores</i> .
№ 36 — num(ero) Regi(orum) Emes(enorum) Iud(a)e(o)ru(m).	Египет, затем Северная Италия	Северная Италия	Это единственный пример перевода восточноримского подразделения в западноримскую армию в 364 г., т. е. до Стилихона.

Следует подчеркнуть, что большинство подразделений восточно-римской армии, оставленных Стилихоном в своей западноримской армии, по функциональному назначению принадлежали либо к категории *Auxilia palatina*, либо к категории *Vexillationes Palatinae*, т. е. к подразделениям личной императорской гвардии Феодосия I. Вместе с палатинскими («дворцовыми») легионами эти подразделения составляли основу восточноримской презентальной армии, т. е. соединений, находившихся под непосредственным командованием императора Феодосия I и дислоцированных в Константинополе. Важно отметить, что данная императорская гвардия Феодосия I в 395 г. была переведена Стилихоном в западноримскую презентальную армию, размещенную в Риме. Следовательно, это создавало явную диспропорцию в распределении войсковых подразделений по западноримским провинциям. Приоритет в военной политике Стилихона отдавался обороне Италии от варварских вторжений, что оставляло дунайские, рейнские и галльские провинции без должной защиты.

Таким образом, на основе представленного материала мы можем сформулировать следующие выводы. Западноримский военный магистр Стилихон осуществил значительный перевод войсковых подразделений из восточноримской армии в западноримскую после смерти Феодосия I, императора Восточной Римской империи. Данное войско было приведено Феодосием I в Италию для свержения власти западноримского узурпатора Евгения в 394 г. После победы над Евгением и последовавшей смерти императора Феодосия I в 395 г. Стилихон, назначенный Феодосием на пост западноримского военного магистра, оставил в своей армии наиболее боеспособную часть восточноримской армии. Анализ надписей из Конкордии показал, что большинство этих подразделений принадлежали к палатинским ауксилиям и палатинским легионам, т. е. к императорской гвардии Феодосия I. Все данные подразделения были размещены Стилихоном в пределах Италии, по большей части в Риме или в Равенне. Таким образом Стилихон стремился обезопасить Италию от варварских вторжений, но приоритет в отношении Италии фактически лишил Галлию и рейнскую границу какой-либо эффективной защиты от варварских нашествий. Соответственно мы можем сделать вывод, что перевод данных подразделений в западноримскую армию Стилихона положил начало глубокому внутреннему кризису в организационной структуре западноримской армии: фактически Галлия и Британия оказались открытыми для варварских вторжений и уже не могли противостоять варварским нашествиям, что в конечном итоге привело в 410 г. к взятию Рима готами Алариха.

Примечания

¹ *Hoffmann D.* Die spatromische Soldatengrabschriften von Concordia. // *Museum Helveticum.* Bd 20. 1963. S. 22–57 (для удобства дальнейших ссылок мы будем указывать в тексте порядковые номера надписей, обозначенных в публикации Д. Хоффманна).

² *Ibid.* S. 25.

³ *CTh.* VII. 1. 18: «*Sciant igitur comites vel duces, quibus regendae militiae cura commissa est, non solum de comitatensibus ac palatinis numeris ad alios numeros militem transferri non licere, sed ne de ipsis quidem pseudocomitatensibus legionibus seu de ripariensibus castricianis ceterisque cuiquam eorum transferendi militem copiam adtributam*». Данный закон перечисляет различные ранги военной службы. Палатинские части — легионы с титулом *palatini*, располагавшиеся в резиденциях императора либо в императорском дворце в Риме. Комитатенсы — рядовые легионы экспедиционной армии, размещавшиеся в крупных провинциальных городах. Псевдокомитатенсы — бывшие пограничные легионы, переведенные в состав экспедиционной армии *comitatenses* и повышенные в войсковом ранге. Лагерные рипариенсы — обозначение легионов пограничной армии, дислоцированных в крепостях вдоль речных границ империи, низший ранг в позднеримской военной иерархии.

⁴ *Claud. De Bell. Poll. vs. 278–280:* «*perfida nacti penetrabile tempus / inrupere Getae, nostras dum Raetia vires / occupat atque alio desudant Marte cohortes*».

⁵ *Ibid. vs. 414–415:* «*manus quam Raetia nuper / Vandalicis auctam spoliis defensa probavit*».

⁶ *Ibid. vs. 416, 419–420:* «*quaeque domant Chattos inmasuetudine Cheruscos*».

⁷ *Zos. V. 26.4 :* τῆς Λιγυστικῆς ἐνιδρυμένον στρατόπεδον (ἦν δὲ εἰς ἀριθμοὺς συνειλεγμένον τριάκοντα).

⁸ *Hoffmann D.* Das spatromische Bewegungsheer und das Notitia Dignitatum. *Düsseldorf, 1969.* Bd I. S. 118, 125, 129.

⁹ *Tomlin R.* Seniores-iuniores in the Late-Roman field army // *American journal of philology.* 1972. Vol. 93, N. 2. P. 258.

¹⁰ *Ibid.* P. 264. — Персидская кампания Юлиана, закончившаяся поражением римской армии, была проведена в 363 г.

¹¹ *AE. 1977. 806:* «*e numerum(!) Io(viorum) corn(utorum) sen(iorum)*». См. первую публикацию и анализ содержания данной надписи в статье французского исследователя Т. Дрю-Бира: *Drew-Bear Th.* A Fourth-Century Latin Soldier's Epitaph at Nakolea // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1977. Vol. 81. P. 257–275.

¹² *Scharf R.* Seniores-iuniores und die Heeresteilung des Jahres 364 // *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik.* 1991. Bd 89. 1991. S. 267.

¹³ *Scharf R.* *Op. cit.* S. 271.

¹⁴ *Nicasie M. J.* The Roman army from the reign of Diocletian until the battle of Adrianopol. *Amsterdam, 1998.* P. 28, 30.

¹⁵ *Amm. XVI. 12. 43:* «*Cornuti enim et Bracchiati usu proeliorum diuturno firmati*; *Amm. XV. 5. 30:* *Bracchiati sollicitarentur atque Cornuti*».

¹⁶ AE. 1946. 43: «Memoria Fl(avio) / Ursacio ex / numero pro/pugnantium ex s/c(h) ola{m} brac(hi)atorum».

¹⁷ Oros. VII. 35. 11: «contraxit undique innumeras inuictasque copias, uel Romanorum praesidiis uel auxiliis barbarorum».

¹⁸ Nesselhauf 103 = AE. 1931. 68: «equitibus / n(ovae) alae firm(ae) catafr(acterariae)».

¹⁹ CIL XIII 3493: «(n(umeri) cata/fr(acteriariorum); CIL XIII 6238 : eq(ues) ex numero / kata(fractariorum)».

²⁰ Jul. Or. II. 57 B-C, ed. F.C. Hertlein: «αίχμοφόροι, θώραξιν ἐλατοῖς καὶ κράνεσιν ἐκ σιδήρου πεποιημένοις σκεπόμενοι... αὐτοὶ δὲ ἀτεχνῶς ὡσπερ ἀνδριάντες ἐπὶ τῶν ἵππων φερόμενοι».

²¹ CIL XIII 1848: «ex num(ero) eq(uitum) / catafr(acteriariorum) sen(iorum)».

²² CIL V 6784: «de vexilla/[ti]one catafr[actari]orum».

²³ Pan.Lat. V (IX). 4 (ed. W.Baehrens): «cum latrocinio Batavicae rebellionis obsessa auxilium Romani principis irritum rogaret».

²⁴ IG. X. 2.1, 151: «τὸν διασημώτατον τριβούρον Βαταόνων».

²⁵ CIL III 10981 = RIU-3, 699: «Aur(elius) Ian/uarius t(ribunus) Bat(avorum?) v(ir) p(erfectissimus) dux».

²⁶ AE. 1982. 842: «Aurel(ius) Ampelius trib(unus) Bat(avorum)».

²⁷ Amm. XXXI. 13. 8: «ad Lancearios confugit et Mattiaros»; Amm. XXXI. 13. 9: «Batavos in subsidiis locatos».

²⁸ CIL XIII 7250: «castelli Mat/tiacorum Aur(elius) / Candidus corni/cularius Mat(t) i(a)c(o)rum Gordianor(um)»; CIL XIII 11803: «Genio tectorum mil(ites?) / Mat(t)i[a]corum»; CIL XIII 11804: «vic/[ani veter]e[s] ca[s]/[tel]li Mat/[tiacorum]»; CIL XIII 7317: «hastiferi{i} / sive pastor(es) / consistent/es castello / Mattiacorum»; AE. 1997. 1187: «neg(otiator) cas(tello) Mat(tiacorum)».

²⁹ Bull.Corr. Hell. 33. 1909, p. 34, №12 : «[Ἐνταδε κί]τε Μηνᾶς πρημηκίρις Ματτιακῶν νουμέρου σενιόρων».

³⁰ Zos. IV. 47.2 : «τῶν δὲ ὑπὸ Μαξιμῶ στρατευσαμένων ὅσον ἦν ἐπίλεκτον μετὰ τῶν οἰκείων ἀναλαβῶν».

³¹ CIL XIII 11032: «(H)ic iacet Fla(v)inus de numero Mat/tiacorum Seniorum».

³² Zos.II. 42.2: «Μαγνεντίῳ τῷ τὴν ἀρχὴν ἐπιτετραμμένῳ τῶν Ἰοβιανῶν καὶ Ἐρκουλιανῶν (τάγματα δὲ ταῦτα <δαίμοσιν> ἐπόνυμα)».

³³ Selecta martyrum acta / ed. J. Gaume. Paris, 1853. Vol. II. P. 172: «Passio sanctorum Bonosi et Maximiliani, militum de numero Herculanorum et seniorum sub Juliano imperatore et Juliano, comite eius».

³⁴ Amm. XXVI. 7. 13: «agmina duo praeire iussisset, quibus nomina sunt Iovii atque Victores».

³⁵ Amm. XXVII. 8. 7: «Cum consecuti Batavi venissent et Heruli Ioviique et Victores».

³⁶ Landmauer 9a: «[num]eri mi[litu]m sagitariorum leonum iunior[um]. numeri militum Cornutorum iuniorum»; Landmauer 9b (обратная сторона надписи): [num]eri mil[itu]m p[ri]mo sagitarior[um] l[e]onum iuni[orum]. «[numeri] militum Cornutorum iuniorum».

³⁷ RomMilRec 30, vs. 9: «item sagit(tarii)[.] ex n(umero) eme[se]nor(um)».

³⁸ SEG. 34. 1598: «Οὐκτωρίνου π(ραι)π(οσίτου) λεγ[εώνων γ'] Γαλλικῆς καὶ α' Ἰλλυρικ[ῆς καὶ Ἑμεσην]ῶν σαγιτταρίων».

³⁹ Luc. Cal. De Sanct. Athan. II. 22: «sed Iudaeos destinasse militem ad Alexandriam, Iudaeorum militem obsedissee fores dei domus, Iudaeorum militum ducem fuisse Syri-
anum».

⁴⁰ Historia Acephala, 5 // PG. XXVII. Col.1444 B: «Itaque dux Syrianus...ac praemit-
tentes omnes per Aegyptum ac Libyam militum legions».

⁴¹ Athan. Hist. Arian. 81: «λαμπρότατος δούξ Συριανός μετὰ πολλῶν λεγεώνων
στρατιωτῶν ἐχόντων ὄπλα».

⁴² Amm. XVI. 12. 45: «Batavi venere cum Regibus formidabilis manus».

⁴³ IMS. 2. 144: «[Fl(avius)] Valer[ianus tri]bunus [sagittario]/rum Hem[esenor]um / fabrica[m 3] / ordina[t]».

Список сокращений

- AE** — L'Année épigraphique. Paris, 1888–
- CIL** — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. Berolini, 1853–1936.
- CTh** — Codex Theodosianus libri XVI cum constitutionibus Sirmondiani et leges novella ad Theodosianum pertinentes / ed. Th. Mommsen et P. Meyer. Berolini, 1954.
- IG** — Inscriptiones Graecae, X: Inscriptiones Epiri, Macedoniae, Thraciae, Scythiae. Pars II, fasc. 1: Inscriptiones Thessalonicae et viciniae / ed. Ch. Edson. Berlin, 1972.
- IMS** — Inscriptions de la Mésie Supérieure. Vol. 1–6. Belgrade, 1976–1995.
- Landmauer** — Meyer-Plath B., Schneider A. Die Landmauer von Konstantinopel. Berlin, 1943.
- Nesselhauf** — Nesselhauf H. Neue Inschriften aus dem römischen Germanien und den angrenzenden Gebieten // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. Bd 27. 1937. S. 51–134.
- RIU** — Die römischen Inschriften Ungarns. Vol. 1–6. Budapest; Bonn, 1972–2006.
- RomMilRec** — Roman Military Records on Papyrus / ed. R. O. Fink. Cleveland, 1971.
- SEG** — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923–

Д. Н. Старостин

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В «ИСТОРИИ» ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

Проблема сохранения и трансформации позднеантичного наследия признана одной из наиболее сложных в истории раннего Средневековья. Одна из возможностей ее рассмотрения открывается при обращении к историописанию. Исторические сочинения, созданные в поздней античности, в течение долгого времени оказывали влияние на раннесредневековых историков, диктуя выбор темы, тип изложения и характер видения исторического процесса. В последнее время из ряда тем, связанных с адаптацией позднеантичных концепций прошлого к реалиям раннесредневековой Европы, исследователи выделили вопрос соотношения в историописании той эпохи универсальных воззрений на прошлое римского Средиземноморья и региональных, провинциальных взглядов на развитие истории¹. Эта проблема лишь недавно привлекла внимание историков, и она не так проста, как может показаться на первый взгляд. Историки часто задают вопрос, можно ли назвать средневековую Европу единой культурной общностью и играли ли роль географические различия между романским югом и германизированным севером в процессе формирования единой европейской средневековой культуры². Обращение к историописанию недавно стало для отечественных историков способом исследования этой проблемы соотношения общеевропейского и регионального элементов в культуре Средневековья³.

В случае раннего Средневековья постановка проблемы соотношения универсалистской и региональной тенденций в культуре является одним из многих способов исследовать процессы распада средиземноморской культурной общности, начавшиеся еще в период домината и ставшие особенно очевидными после падения Римской империи на

Западе. Особо интересен в качестве примера Григорий Турский (538–594), сочинение которого позволяет исследовать становление на средиземноморской почве варварского королевства, оказавшегося своего рода золотой серединой в спектре вариантов романо-германского синтеза.

Весьма распространенная среди исследователей ошибка — полагать, что епископ Тура стремился написать исключительно историю королевства франков. Об этом, казалось бы, свидетельствует название его сочинения — «История франков». Однако самые ранние рукописи содержат название «Десять книг историй»⁴. Это говорит о том, что Григорий Турский не стремился выстраивать свое повествование только вокруг истории франков. Сегодня исследователям очевидно, что тот регион, о котором он писал, не ограничивался однозначно границами королевства франков или же ареалом расселения этой культурной общности. Во-первых, сам термин «франк» встречается в «Истории» крайне редко. Скорее, для Григория Турского образ средневековой Галлии был связан с королями из рода Меровингов, но не с франками как этнической группой⁵. Это ставит перед нами вопрос, какую же культурную общность Григорий Турский взялся описывать в своем сочинении.

Сам историк сообщает нам, что «История» была написана под значительным влиянием примеров позднеантичного историописания, и поэтому она является ярким примером продолжения позднеантичных традиций⁶. В частности, Григорий Турский явно отдавал должное таким историкам поздней античности, как Евсевий Кесарийский, Сульпиций Север, Орозий⁷. В его произведении мы можем найти ряд подражаний данным авторам с использованием созданных ими шаблонов историописания. Так, у епископа Тура получила широкое использование идея согласия, которую при рассмотрении римской истории глубоко развил Орозий.

Однако, несмотря на все сходство труда Григория Турского с позднеантичными историями, стоит отметить, что не только реалии, но и сама постановка задачи и способ изложения материала делают это сочинение нетипичным для поздней античности. В частности, можно отметить, что епископ Тура не старался в полной мере следовать уже сложившимся к тому времени историческим жанрам. Он хоть и опирался на своих предшественников, таких как Евсевий Кесарийский или Сульпиций Север, но лишь отчасти воспользовался готовыми шаблонами историописания. Его «История» не похожа ни

на «Церковную историю» первого, ни на «Хронику» последнего, что в особенности заметно при анализе структуры его сочинения.

Однако что же это за регион, историю которого Григорий Турский стремился написать, и насколько он являлся частью Средиземноморского мира? Изучив географический разброс описываемых им событий, можно с уверенностью сказать только, что предмет его повествования достаточно сложно определить. Как это ни парадоксально, он не ставит во главу угла династию Меровингов, потому что уделяет равное внимание как делам королей, так и церковным делам. Следовательно, в сферу интересов епископа попала прежде всего региональная история, его повествование существенно ограничено географически.

Для понимания идей, которые Григорий Турский вложил в первые книги своей «Истории», стоит обратить пристальное внимание на структуру самого сочинения. Подобная необходимость возникает по следующей причине. Ранее считалось, что в силу своей «наивности» и «безыскусности» Григорий Турский не заботился об организации своего повествования и выступал только в роли «летописца». Об этом свидетельствовала, как казалось историкам, структура его повествования, в которой он «вперемешку» (*mixte confuseque*) излагал события раннесредневековой истории⁸. В сочинении Григория Турского в равной степени были «перемешаны» как истории о королях франков, так и рассказы о епископах и церковной жизни франкского королевства, в особенности региона в непосредственной близости от Тура. Слова епископа «*mixte confuseque*» были истолкованы не как осознанное выражение плана исторического повествования, а только как оправдание его неспособности расположить материал в соответствии с какими-либо рамками, например, заданными позднеантичными создателями исторических жанров «церковной истории» и «*origo gentis*». Они были поняты как своеобразное извинение перед читателями. По этой причине сочинение Григория Турского рассматривалась только как летопись⁹.

Однако стоит обратить внимание на то, что Григорий Турский не просто единожды приносил извинения читателям, а еще раз обращался к структуре своего произведения, пытаясь раскрыть принципы повествования более детально. В предисловии ко второй книге он объяснил, что рассказы о франкских правителях перемежаются с историями о епископах потому, что принципом расположения материала для него служила не «легкость», а последовательность событий во времени. Он специально оговаривал, что легкость написания не была его задачей¹⁰.

В отличие от исследователей XIX — первой половины XX в., нам представляется, что в смешении церковной истории в духе Евсевия Кесарийского и истории королей из рода Меровингов следует видеть не просто случайность или неспособность автора определиться с темой своего исследования. Григорий Турский избрал данный принцип в своей работе в качестве основополагающего. Представляется возможным утверждать, что в дополнение к королям из рода Меровингов, другими действующими лицами в этой истории в равной степени были представители галло-римской знати и епископы, происходившие из этой же среды. Таким образом, целью Григория Турского было описать процесс романо-германского синтеза и взаимную адаптацию Средиземноморского и варварского миров. Нет сомнений в том, что «История» Григория Турского принадлежит уже раннему Средневековью и отражает систему ценностей и самосознание галло-римского епископа, жившего в уже давно потерявшей связь с Римом Галлии.

Изучая рассказ Григория Турского о так называемом «суассонском королевстве» римских полководцев Эгидия и его сына Сиагрия,¹¹ Эдвард Джеймс выдвинул интересную гипотезу. Он отметил, что картина захвата Хлодвигом этого королевства, находившегося под властью «короля римлян» Сиагрия, выглядит у Григория Турского недостаточно убедительно¹². Если верить епископу Тура, то ситуация складывалась следующим образом: вначале Хильдерик во главе отряда франков захватил Суассон, однако франки изгнали его за стремление к единоличной власти. После этого франки перешли под власть римского полководца Эгидия, который создал «суассонское королевство» и которого Григорий Турским называет «королем франков». Григорий Турский подчеркнул, что Хильдерик, находясь в Тюрингии, тем не менее поддерживал тесные связи со своей «родиной». После смерти Эгидия Суассоном продолжал править его сын Сиагрий, сын же Хильдерика Хлодвиг победил Сиагрия и захватил это «королевство»¹³.

Джеймс отметил, что эта история производит авантюрное, литературное впечатление. Он предположил, что «захват» Суассона Хильдериком, его изгнание и затем повторный захват Суассона Хлодвигом мог быть выдумкой Григория Турского. В частности, на основании археологических данных Джеймс показал, что «королевство» галло-римлян Эгидия и Сиагрия вряд ли могло находиться в Суассоне, поскольку этот город уже со второй половины V века стал местом массового расселения франков¹⁴. На самом деле Суассон никогда не принадлежал Эгидию и Сиагрию, а уже давно был под властью франков и Хильдерика. Джеймс предположил, что эта история появилась потому, что

Григорию Турскому надо было описать франков не как мирно ассимилировавшееся к порядкам римской провинции население, а как «захватчиков», которые, подобно другим варварам, пришли в пределы бывших римских провинций, чтобы взять власть в свои руки. Как предположил Джеймс, франки уже давно находились в пределах Римской империи, будучи ее союзниками, а не противниками. Сообщение Григория Турского об установлении власти Хлодвига в северной Галлии приобретает в этом контексте совершенно иной смысл, потому что для епископа отец Хлодвига Хильдерик становится узурпатором власти, ранее принадлежавшей галло-римлянам Эгидию и Сиагрию¹⁵. Если предположить, что для Григория Турского было важно драматизировать историю франков и привести ее в соответствие с традиционным для той эпохи сюжетом захвата римской провинции варварами, то крещение Хлодвига и, соответственно, его вхождение в семью «цивилизованных» правителей, которое он ставит в конец второй книги, было логической развязкой драматического сюжета.

Важно также отметить, что центральным в образе «варваров», созданных Григорием, является не просто их «дикость» и «насилие». Во всех случаях, когда он рассказывает об эпизодах, которые О. Тьерри и Ф. Гизо истолковывали как свидетельство «варварства», епископ Тура говорит в первую очередь о нарушениях племенной этики. Когда в конце второй книги Григорий Турский сообщает об уничтожении Хлодвигом своих соперников, местных правителей городов и отдельных регионов, происходивших из франкских родов, то рассказывает о них так, как будто бы они были членами семьи Хлодвига¹⁶. Однако нет никаких доказательств того, что они действительно были хотя бы отдаленными родственниками первого короля Галлии. Можно поставить вопрос, а зачем подобного рода утверждения были нужны Григорию? Пренебрежение нормами родовой этики никогда не было характеристикой варваров в описании позднеантичных авторов. Скорее наоборот, со времен Тацита именно варвары, в отличие от «распущенных» римлян, считались хранителями родовых ценностей.

В свете изложенного можно попытаться понять, какие цели преследовал Григорий Турский в рассказе о захвате Хлодвигом «суассонского королевства» Эгидия и Сиагрия. Подчеркивая, что франки, захватившие северную Галлию силой так же, как это сделали другие варвары в других провинциях Западной Римской империи, обратились в католичество и только потом распространили свое влияние на всю Галлию, Григорий Турский преследовал следующие цели. Крещение Хлодвига в понимании Григория Турского провело грань между той

Галлией, которая еще не определилась в споре между католичеством и арианством и Галлией франкской, уже твердо выбравшей именно католичество как доминирующее на Западе направление в христианстве¹⁷. В отличие от Кассиодора, Иордана или Беда, которые обращались к прошлому варварских народов в римскую эпоху, для Григория Турского история франков начиналась с захвата Суассона. Первого короля франков Хлодвига Григорий Турский видел как «нового Константина», тогда как Кассиодор, Исидор Севильский, Беда и Павел Диакон рассматривали варварских королей в качестве правителей, стремившихся адаптироваться к римскому, но не христианскому миру. В рассказе Григория Турского, в отличие от историй других раннесредневековых историков, не было места прародителям Хильдерика и Хлодвига, которые привели франков к границам Римской империи. Таким образом, Григорий Турский не просто подражал позднеантичным жанрам «церковной истории» и «*originis gentis*», а модифицировал их в процессе поиска новой формы исторического повествования. Если для Беда история англо-саксонских политических образований практически заканчивалась с объединением церковью королем Освиу, то для Григория Турского история франкского королевства только начиналась с крещением Хлодвига в католичество.

В этом контексте историческую концепцию Григория Турского имеет смысл сравнить с видением истории, характерным для Сульпиция Севера, который для епископа Тура выступал в качестве одного из примеров для подражания.¹⁸ Этого позднеантичного автора иногда называют «величайшим историком, жившим в период между Тацитом и Данте»¹⁹. Свою хронику Сульпиций Север начал словами, свидетельствовавшими, что он во многом был вдохновлен идеей истории «от сотворения мира» Евсевия Кесарийского²⁰. Переходя от библейской и римской истории к событиям поздней античности, Сульпиций Север видел в распространении арианства событие, заставлявшее его проникаться эсхатологическими ожиданиями²¹. В частности, он описывал эпоху Хилария из Пуатье (ок. 300 — ок. 368) как «тяжелую и опасную» из-за распространения арианства и других ересей²². В этом Сульпиций Север во многом следовал исторической концепции епископа города *Aquae Flaviae*²³ на Иберийском полуострове, борца против ариан, манихеев и присциллианистов Идация (ок. 400 — ок. 469). Этот епископ в своих стихах и хронике говорил о распространении ересей как явном признаке Конца света²⁴. В своем сочинении Сульпиций Север, подобно Идацию, отводил значительное место эсхатологизму как концепции исторического описания, заимствуя представления о ходе

и конце времен из различных позднеантичных источников²⁵. Но он закончил свою хронику, наполненную эсхатологическими мотивами и ссылками на библейские пророчества, темой победы Идация и его сторонников над еретиками²⁶. Сульпиций Север видел в распространении арианства и других ересей разрушение устоявшегося миропорядка, который, как он считал, был восстановлен Идацием и другими оставшимися верными католичеству епископами.

Концепция истории Сульпиция Севера помогает лучше понять образ истории королевства франков, созданный Григорием Турским. Автор «Истории» не просто «знал» сочинение Сульпиция Севера²⁷. Можно утверждать, что он фактически продолжал и развивал в своей работе эсхатологическую концепцию истории своего предшественника. В его «Истории» на смену Алариху II и готам-арианам пришел Хлодвиг, католический король. Здесь нас не должен смущать эпизод с захватом Хильдериком власти в Суассоне, который, казалось бы, подчеркивал разрыв франков со структурами власти поздней античности. История обращения Хлодвига в католичество и изображение его «новым Константином» выглядят как попытка подчеркнуть роль франков в восстановлении позднеантичного религиозного миропорядка. Этот миропорядок ассоциировался с католическим вероисповеданием, а не с готским арианством. Для Сульпиция Севера распространение ересей, в соответствии с христианской идеей времени, было предвестником конца света, которое сменялось «тысячелетним царством». Григорий Турский вслед за своим галло-римским предшественником на историческом поприще видел в распространении готов-ариан нарушение миропорядка, восстановление которого должно было быть завершено победой над ересями. Хлодвиг, крестившийся именно в католическую веру, играл в концепции Григория Турского своеобразную роль «реставратора» позднеантичного, никейского миропорядка. Он, как «новый Константин», восстановил то, что было создано Константином Великим, то положение дел в церковно-политической ситуации, которое можно было наблюдать до ослабления Римской империи на Западе и до расселения в Западной Римской империи готов-ариан. Григорий Турский видел свою цель не в создании образа самодержавного монарха, отвергшего племенные и дружинные порядки франков, а в адаптации образа Константина Великого, первого христианского императора, к описанию нового правителя Галлии, Хлодвига. Можно утверждать, что История Григория Турского показывает историю не только франкского королевства, а скорее Галлии (хотя он и не

употребляет этот термин), которая уже пошла своим особым путем, отличным и от пути развития Римской империи, и от пути других римских провинций.

Примечания

¹ См., в частности: Локальные исторические культуры и традиции историописания / под ред. А. И. Сидоров, М. С. Бобкова. М., 2011.

² О понимании разнородности культурного пространства Средневековья говорит, например, название французского журнала *Mentalités*.

³ Сидоров А. И. Вместо предисловия // Локальные исторические культуры и традиции историописания / под ред. А. И. Сидоров, М. С. Бобкова. М., 2011. С. 7.

⁴ *Buchner R.* Einleitung // *Gregor von Tours. Zehn Bücher Geschichte* / hrsg. von R. Buchner. Berlin, 1967. *Gregorii episcopi Turonensis historiarum libri decem* / ed. by V. Krusch // *MGH Scriptores rerum merovingicarum. T. 1. Pt. 1. Fasc. 1.* Hannover, 1937. P. 1. (далее цитируется как GT).

⁵ *Goetz H. W.* Die germanisch-romanische (Kultur-)Synthese. S. 559; *Wood I.* Defining the Franks: Frankish origins in early medieval historiography // *Concepts of National Identity in the Middle Ages* / eds Simon Forde, Lesley Johnson, Alan V. Murray. Leeds, 1995. P. 47–57. (Texts and Monographs, N. s.; Vol. 14); *Fouracre P. J.* The nature of Frankish political institutions in the seventh century // *Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective* / ed. I. N. Wood. Woodbridge, 1998. P. 297. (Studies in Historical Archaeoethnology. Vol. 3, N 60. 1–2).

⁶ Влиянию позднеантичных традиций историописания на историков раннего Средневековья были посвящены работы: *Goffart W.* The narrators of barbarian history (A. D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988 и *Heinzelmann M.* Gregor von Tours (538–594), «Zehn Bücher Geschichte»: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6 Jahrhundert. Darmstadt, 1994; а также общие работы: *Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter: Gattungen, Epochen, Eigenart. Göttingen, 1965; и частные исследования, например, об методах историописания Кассиодора см.: *Heather P.* Cassiodorus and the rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun domination // *The Journal of Roman studies.* 1989. Vol. 79. P. 103–128.

⁷ GT. I. Praefatio.

⁸ GT. II. Praefatio: «Prosequentes ordinem temporum, mixte confuseque tam virtutes sanctorum quam strages gentium memoramus».

⁹ *Wattenbach W., Traube L.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Stuttgart, 1904. P. 84, 86.

¹⁰ GT. II. Предисловие: «Non enim inrationabiliter accipi puto, se filicem beatorum vitam inter miserorum memoremus excidia, cum idem non facilitas scripturis, sed temporum series praestitit».

¹¹ GT. II, 18, 27.

¹² *James E. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // Revue archéologique de Picardie. 1988. Vol. 3–4. P. 9–12.*

¹³ GT. 2, 12: «Childericus vero, cum esset nimia in luxoria dissolutus et regnaret super Francorum gentem, coepit filias eorum stuprose detrahare. Illique ob hoc indignantes, de regnum eum eieciunt. Conperto autem, quod eum etiam interficere vellent, Thoringiam petiit, relinquens ibi hominem sibi carum, qui virorum furentium animus verbis linibus mollire possit, dans etiam signum, quando redire possit in patriam; id est dividerunt simul unum aureum, et unam quidem partem secum detulit Childericus, aliam vero amicus eius retenuit, dicens: 'Quando quidem hanc partem tibi misero, partesque coniunctae unum efficerent solidum, tunc tu securo animo in patriam repedabis.' Qui cum octavo anno super eos regnaret, amicus ille fidelis, pacatis occultae Francis, nuntius ad Childerico cum parte illa divisi solidi quam retenerat mittit. Ille vero certa cognoscens inditia, quod a Francis desideraretur, ipsis etiam rogantibus, a Thoringia regressus, in regno suo est restitutus».

¹⁴ *Périn P. 1) Datation des tombes mérovingiennes: historique, méthodes, applications. Geneve, 1980. P. 335–345. (Hautes études médiévales et modernes. Vol. 39); 2) À propos de publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la «question franque» // Archéologie Médiévale. 1981. V. 11. P. 125–145; 3) Feffer L. Francs. Paris, 1987. Vol. 1. P. 200–210.*

¹⁵ *James E. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // Revue archéologique de Picardie. 1988. Vol. 3–4. P. 9–12.* — На основании этого можно отвергнуть мнение В. Д. Савуковой, которая считает, что Григорий Турский был причастен к созданию легенды о «нелегитимности» Эгидия и Сиария.

¹⁶ GT. II, 42.

¹⁷ *Bourgain P. Clovis et Clotilde chez les historiens medieviaux des temps merovingiens au premier siecle capetien // Bibliotheque de l'École des chartes. 1996. Vol. 154, N 1. P. 61; Clovis, histoire et memoire: Le baptême de Clovis, son echo a travers l'histoire / ed. M. Rouche. Paris, 1997; Schmidt J. Le baptême de la France: Clovis, Clotilde, Genevieve. Paris, 1996; Steinen W. von den. Chlodwigs Ubergang zum Christentum: Eine quellenkritische Studie. Darmstadt, 1963 (Libelli, Bd 103).*

¹⁸ *Sulpicius Severus. Chronica // Sulcipicii Severi opera / ed. C. Halm. Wien, 1866. P. 1 (CSEL, t. 1).*

¹⁹ *Stein E. E. A. Histoire du Bas-Empire. Paris, 1949. T. 1. P. 215.*

²⁰ *Sulpicius Severus. Chronicon. 1.1: «Res a mundi exordio sacris litteris editas breviter constringere et cum distinctione temporum usque ad nostram memorim carptim dicere aggressus sum».*

²¹ Об оценке веры в догматы Ария как о perfidia см., напр.: *Sulpicius Severus. Chronicon. 2.38–40, 45.*

²² *Sulpicius Severus. Chronicon. 2.46: «Sequuntur tempora aetatis nostrae gravia et periculosa, quibus non usitato malo pollutae ecclesiae et perturbata omnia».* *Burrus V. The making of a heretic: gender, authority, and the Priscillianist controversy. Berkeley, 1995. P. 134. (The transformation of the classical heritage, т. 24).*

²³ Точное местоположение этого города неизвестно.

²⁴ *Muhlberger S.* The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452. Leeds, 1990; *Arce J.* El catastrofismo de Hydacio y los camellos de la Gallaecia // Los últimos romanos en Lusitania / ed. by A. Velázquez, E. Cerrillo, P. Mateos. Mérida, 1995. P. 219–29 (Cuaderno Emeritenses, t. 10).

²⁵ *Van Andel G. K.* The Christian Concept of History in the Chronicle of Sulpicius Severus. Amsterdam, 1976. P. 99, 117–138.

²⁶ Sulpicius Severus. Chronicon, 2.51.

²⁷ Как об этом писал Г. Курт: *Kurth G.* De l'autorité de Grégoire de Tours // *Kurth G.* Études franques. Paris, 1919. T. 2. P. 134–135.

Л. В. Исакова

ЗНАТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕЙ ЕВТИХИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Восточные христиане, жившие в средневековом Арабском халифате, имели свою знать и представления о благородстве, которые были связаны с их традиционными представлениями, сложившимися еще в предыдущую эпоху господства Константинополя на территории Сирии и Египта. Консервации старых традиций и представлений способствовало устройство средневекового арабского государства, в котором покоренные народы, в том числе и христиане, были объединены в религиозные общины, подобные общине мусульман, внутри которых сохранились обычаи, привычки и порядки старого ушедшего мира. Эту религиозно-культурную автономию восточные христиане защищали не только от нападков религиозных оппонентов — мусульман, иудеев, но и от государства, которое с конца VII в. начало проводить политику ассимиляции покоренных народов.

Ассимиляция была успешной на бытовом и языковом уровне. Уже в конце VII в. население городов, имевшее контакты с арабскими властями, свободно владело языком завоевателей. Христиане переняли от мусульман арабскую одежду и разные бытовые мелочи, но продолжали упорно держаться за свою веру и традиции, унаследованные от предков. В правление халифов из династии Аббасидов (с 750 г.), когда политика ассимиляции усиливается, пришлось приспособляться и христианской церкви, которая, чтобы не потерять паству, вынуждена была перевести богослужение на арабский язык. В IX столетии завершается полная языковая ассимиляция восточных христиан всех общин, у которых появилась на арабском языке своя литература, в том числе церковная, художественная, историческая, и не только переводная, но и оригинальная. Но по-прежнему и даже еще с большим рве-

нием восточные христиане держатся за свою веру и отстаивают право на культурную автономию.

Большая роль в защите своих общин принадлежала некоторым социальным группам, которые можно отнести, хотя и условно, к восточно-христианской знати. Важные сведения о деятельности христианской знати и ее помощи единоверцам и церкви содержит Хроника Евтихия Александрийского. Анализу этих сведений посвящена настоящая статья.

В общественном мнении принадлежность к знати определялась тремя факторами, которые наличествовали вместе или параллельно, а именно: богатство, служба и происхождение. Под богатством понималось не земельное владение, как в средневековой Западной Европе и Византии, а движимая собственность городского типа, получаемая от халифов за службу, либо приобретаемая по наследству, или в результате практической деятельности. Мусульманские источники говорят о богатстве и могуществе христиан чиновников и о скандальной роскоши христианских врачей.

Под происхождением понималась клановость, передача профессии в пределах одной семьи. Но выделение семейных династий затруднено из-за скудости сведений источников и отсутствия фамильных имен. Среди христиан была распространена арабская система, по которой имя состояло из личного имени и куньи, т.е. имени отца или сына. Человек обозначался следующим образом: Саид ибн-Яхья (Саид сын Яхьи) или Яхья абу — Саид (Яхья отец Саида). Родовой клан или династия обозначались как потомки такого-то лица. Подобная система препятствует выстраиванию генеалогического древа многих влиятельных семей, которые обычно делятся на фамильные кланы (т.е. наследственную знать, знать по происхождению) и семьи одного поколения (знать по службе), не имевшие влиятельных предков и проникшие в высшие круги благодаря службе, покупке должности или монаршей милости.

Восточно-христианская знать не была закрытой социальной группой. Она пополнялась выходцами из интеллектуальной элиты и торгово-промышленных кругов больших городов. В ее состав входили чиновники разного ранга, приближенные к халифу, врачи, астрологи, богатые купцы и ремесленники, чиновники из бюрократического аппарата наместников халифа — правителей Сирии и Египта.

В мелькитской общине самыми могущественными, влиятельными, богатыми и образованными людьми были чиновники и врачи, самыми авторитетными — духовенство.

Чиновники оказывали внешнюю помощь общине. Чиновники христиане были вездесущими и заполняли все высокие должности в столице и главных городах провинций. Среди чиновников христиан наиболее престижной и влиятельной была должность писца — секретаря. Все арабские и тюркские правящие династии имели в своих канцеляриях христианских писцов, китабов. В общественном мнении христиане считались более образованными и старательными работниками, имели более правильную речь, чем природные арабы. Многие влиятельные мусульмане являлись к ним на поклон, чтобы получить их поддержку и продвинуться по службе. Образованных мусульман тревожило то, что христиане обладают высоким социальным престижем, что они руководят арабами, занимая высокие должности, и что простонародье считает их людьми мудрыми, просвещенными и выделяет из других конфессиональных групп, в частности иудеев, которые тоже были социально активными. С христианами арабы считались больше, поскольку они занимали благородные и престижные профессии секретарей, врачей, банкиров, в то время как среди иудеев было много ремесленников — красильщиков, скорняков, мясников¹. Христианские чиновники имели большие возможности помогать своим единоверцам, осуществлять защиту и материальную поддержку церкви и монастырям. Чиновники высокого ранга фактически были дефенсорами, защитниками своих общин. Несмотря на свою служебную загруженность, они оказывали значительное влияние и на внутренние дела христианских общин, в частности на избрание епископов и патриархов. Двое из них сумели даже стать антиохийскими патриархами — Илья I (907 — 934) и Феодосий (936 — 943).

Особенно влиятельным был Феодосий, который был писцом сначала у халифа Муктадира, а потом у могущественного военачальника Мунеса.

Евтихий обычно дает краткую информацию о деятельности чиновников, относящихся к разряду служилой знати, но у него есть два пространных рассказа, посвященных основателям двух семейных кланов, которые оказывали большое влияние на жизнь мелькитской общины в Сирии и Египте — Мансуру из Дамаска и Бакаму (или Макару) из египетского города Буры. Потомком Мансура был знаменитый писатель и богослов Иоанн Дамаскин. Евтихий не упоминает в своей Хронике имени Иоанна Дамаскина и его трудов, которые были написаны на греческом языке, переведены на арабский язык только в X в. и поэтому, по-видимому, еще не были известны историку. Но Евтихий хорошо знает историю его семьи, которая была очень влиятельной.

Основателем семейной династии был чиновник высокого ранга, сборщик налогов и фактически гражданский правитель Дамаска при императоре Ираклии (610–641). Он сохранил свою высокую должность и при арабах, изменив только свое греческое имя Сергей на арабское Мансур. В Хронике он фигурирует только под именем Мансура. Отношение историка к нему самое отрицательное, он описывает его только в черных тонах.

Мансур на страницах Хроники выступает как суций злодей, предатель, который не выполнил приказ императора Ираклия и не передал военачальнику казенные деньги, собранные с населения Дамаска, которые должны были пойти на уплату жалования солдатам.

Кроме того, он дезориентировал военных, заявив им, что нашествие арабов на Палестину и Сирию — это не что иное, как их обычный набег, преуменьшив тем самым опасность с их стороны. Он убеждал военных, что справиться с арабами можно небольшими силами и что большая армия, для которой у него якобы не было денег, для этого не нужна. Все это делалось Мансуром со злым умыслом, чтобы разложить армию, чтобы воины, выходцы из союзных арабских племен, разбежались и чтобы потом он смог передать Дамаск арабам³. Историк прямо возлагает на Мансура и вину за поражение римской армии в сражении у Вади-ар-Рамаде, которое будет иметь решающее значение.

«Мансур, собрав деньги, в сопровождении отряда из горожан Дамаска, подошел к римскому войску в темноте с факелами, потом они ударили в барабаны, загудели в трубы и подняли крик. Это было сделано Мансуром злонамеренно. Ибо солдаты, увидев у себя в тылу огни и слышав грохот барабанов и звуки труб, решили, что арабы зашли им в тыл и что они окружены, поэтому они бросились бежать и попадали в тот глубокий овраг и многие погибли. Те немногие, которые спаслись, разбежались в разные места. И военачальник Махан, страшась гнева императора, бежал на Синайскую гору в монастырь и принял там имя Анастасия»².

После разгрома армии Сирия фактически останется без военной защиты и скоро будет захвачена арабами. А Мансур вернулся в Дамаск и передал арабам город, после того как арабы установили полную блокаду города. Именно Мансур вступил в переговоры с Халидом ибн-Валидом, одним их арабских военачальников, осаждавших Дамаск, выпросив пощады себе, своим домочадцам и жителям Дамаска, за исключением румов, которые были солдатами городского гарнизона, от-

носясь к ним как пришлому чуждому элементу. За это Мансур обещал открыть ворота Дамаска. Когда Халид ибн-Валид согласился на его просьбу и выдал ему охранную грамоту, то Мансур открыл ему одни городские ворота и впустил отряд Халида. Узнав об этом, солдаты-румы бежали из города. Хотя в других местах горожане вместе с солдатами сражались храбро и погибло много людей с обеих сторон, участь города была решена, и Дамаск был взят арабами. Для Евтихия бесспорно, что, если бы не предательство Мансура, арабы вряд ли вошли бы в город. Но за свои злодеяния, за то, что он помогал мусульманам против румов (т. е. римлян) и довел их до гибели⁴, Мансур был сурово наказан, все восточные патриархи предали его проклятию.

Выходцы из семьи Мансура занимали высокие посты при халифах из династии Омейядов и фактически были гражданскими руководителями сирийских мелькитов во время отсутствия мелькитских патриархов в Сирии. При их участии и поддержке были восстановлены патриаршества. Самое раннее патриаршество было восстановлено в Иерусалиме и советником первого иерусалимского патриарха был Иоанн Дамаскин. Позже были восстановлены патриаршества в Александрии и Антиохии в 742 г. Два представителя этой семьи в IX в. занимали Иерусалимский патриарший престол — Сергей (843–859) и Илья III (878–906). Эта семья помогала и палестинскому монашеству, которое сильно поредело в арабские времена. По свидетельству Евтихия, в V–VI вв. в иудейской пустыне около Иерусалима обитало до десяти тысяч монахов и существовало несколько десятков монастырей⁵. При арабах численность монахов сократилась, количество монастырей резко упало. Историк упоминает только пять монастырей, из которых самым большим был монастырь святого Саввы. Этот монастырь стал идейным и просветительным центром мелькитской общины⁶. Он пользовался поддержкой семьи Мансура, там провел последние годы своей жизни Иоанн Дамаскин. Эта семья продолжала сохранять свое влияние в Сирии и в X в. Она вмешивалась в дела и египетской мелькитской общины. Однако в общественном мнении ни влияние, ни богатство, ни заслуги этой семьи так и не смогли искупить вины Мансура. Евтихий, перечисляя имена патриархов, выходцев из этой семьи, обязательно добавляет фразу, что они были потомками проклятого Мансура⁷.

Такое же негативное отношение к этому семейству, как и у Евтихия, было и в Константинополе, где, вероятно, не забыли о предательстве Мансура, но еще сильнее ненавидели его потомка Иоанна Дамаскина за его труды в защиту иконопочитания и против иконоборческой

политики Константинополя. Из Константинополя в Дамаск халифу было отправлено подложное письмо, якобы написанное Иоанном византийскому императору, которое содержало сведения, избличавшие Иоанна в предательстве и коварстве. Хотя фальшивка была доказана, она положила конец карьере Иоанна. Он должен был выйти в отставку и удалиться в монастырь св. Саввы, где и провел оставшуюся жизнь.

В Египте влиятельной мелькитской семьей была семья Бакама (т. е. Макара) из города Буры, который был представителем очень богатого семейного клана и добился должности градоначальника родного города. Конечно, Бура ни по величине, ни по значению не была сравнима с Дамаском, но Бакам был очень богат и известен своей благотворительной деятельностью. Он строил церкви в Египте и даже посылал деньги в Иерусалим на ремонт главного иерусалимского храма Гроба Господня. Свою должность градоначальника он получил от самого халифа Мамуна. Когда Мамун находился в Египте, к нему явился Бакам и просил назначить его правителем Буры. Халиф предложил ему стать мусульманином и его клиентом, тогда он сможет назначить его правителем города. Но Бакам отказался принимать ислам, сказав халифу: «У повелителя верующих много клиентов мусульман, неужели нельзя быть и одному клиенту христианину». Халиф рассмеялся и назначил его правителем города Буры и окрестностей⁸.

Бакам оказался хорошим правителем. Он ладил со всеми горожанами: и с христианами, и с мусульманами, для которых даже построил мечеть на свои средства. Историк передает рассказ о строительстве мечети, раскрывающий добродушие и покладистость его характера.

«Около его дома находилась мечеть, и он сказал мусульманам, жителям города: *“Я построю Вам другую мечеть, а этот храм Вы разрушите”*. Мусульмане ему говорят: *“Когда ты закончишь ту мечеть, мы будем молиться в ней, а эту разрушим”*. И он построил им большую и красивую мечеть и, когда ее закончил, сказал: *“Выполняйте то, что обещали мне и разрушите храм, который находится около моего дома”*. Они ему говорят: *“Не позволяет нам наша вера разрушать храм, в котором мы молились и куда созывались и собирались на молитвы. Этого никогда не допустит наша вера”*. Поэтому при создавшемся положении мечеть осталась, и в Буре стало две мечети, в которых мусульмане собирались на молитву, в одной — одну пятницу, во второй — другую»⁹.

История постройки мечети, представленная как курьезный случай, показывает якобы простоватость Бакама. Но в этой истории проявился и его талант гибкого политика, который удовлетворял и христиан,

и мусульман. Эта гибкость помогала ему справляться со своими административными обязанностями. Дело в том, что Бакам как правитель города должен был еженедельно являться по пятницам в мечеть, чтобы присутствовать на богослужении и произносить там обязательную проповедь с упоминанием имени халифа (хутбу). Евтихий передает рассказ о том, как Бакам благодаря природной сметливости успешно справлялся с этой задачей.

«Бакам каждую пятницу отправлялся в мечеть, одетый в черное аббасидское платье с поясом, опоясанный мечом, верхом на лошади и в сопровождении большой свиты. Перед мечетью он останавливался, а его товарищ мусульманин входил в мечеть и вместо него молился вместе с народом и произносил проповедь с упоминанием имени халифа. После окончания службы он выходил из мечети и присоединялся к ожидавшему его Бакаму»¹⁰.

В описании Евтихия Бакам является образцом положительного героя, которому свойственны такие необходимые для правителя черты, как умение ладить с людьми, добродушие, незлобность, предприимчивость, гибкость ума, щедрость и широкая благотворительность.

Семья Бакама оказывала сильное влияние на внутреннюю жизнь мелькитской общины Египта. Она сумела провести одного своего представителя на Александрийский патриарший престол. Патриарх Михаил (847–869) поддерживал с семьей такие тесные связи, что после смерти был похоронен не в Александрии, как все патриархи, а в родном городе Буре¹¹.

Что касается других влиятельных христиан, занимавших высокое служебное положение и оказавших немало услуг христианской церкви, то об их семейных связях нет информации. Евтихий упоминает двух евнухов, которые обслуживали жилые покои правителя Египта Абдал-Азиза и построили в городе Хулване церковь на средства, полученные от эмира, которая в просторечии называлась церковью двух спальников; а также яковита Афанасия, не средства которого были построены две церкви в Египте¹².

В мелькитской общине очень влиятельными были врачи, которые считались подлинными аристократами и по высокому положению, которое они занимали, и по роскошной жизни. Врачи делились на разряды, из которых высшим разрядом была должность придворного врача халифа. В окружении халифов, принцев и позже — турецких султанов всегда было много врачей христиан, которые вели великолепную жизнь, носили дорогие одежды, ездили верхом на красивых

лошадях, имели свиту из слуг, носящих арабские имена. Хотя и среди арабов тоже были хорошие врачи, правящая элита предпочитала лечиться у врачей-христиан. Арабы считали медицину наукой древних греков, поэтому лучшими врачами они считали их наследников — христиан. Это мнение, что врачи христиане лучше врачей-арабов, разделял и простой народ, что особенно проявлялось во время эпидемий, когда врачи с христианскими именами были загружены работой, в то время как их коллеги, носившие мусульманские имена, имели мало пациентов¹³.

В ранневизантийскую пору медицина была хорошо развита, во многих городах имелись центры по подготовке врачей, из которых лучшими считались медицинские школы Александрии и Антиохии, существовала специальная медицинская литература, развитая научная фармакология. Но в общественном мнении получил распространён античный взгляд на профессию врача как на ремесло, поэтому она не считалась социально престижной, потому что в медицине, как и во всяком ремесле, среди врачей встречались рабы. Медицинское образование уступало по популярности риторическому, философскому и юридическому, и медицинских школ было меньше, чем риторических и философских. В отличие от медицины риторика и философия рассматривались как престижные нужные обществу науки.

В Халифате отношение к медицине и врачам изменилось. Они считались наиболее образованными и знающими людьми. Общась с населением, принадлежащим к разным социальным слоям, врачи хорошо разбирались в причинах не только телесных, но и социальных болезней. В общественном мнении врачи ценились высоко не только как специалисты, но и как умные и толковые собеседники, к мнению которых прислушивались. Не случайно поэтому придворные врачи были влиятельны, они нередко были личными друзьями и советниками халифов.

Среди врачей было много семейных кланов, внутри которых происходила передача от отца к сыну не только медицинских знаний, но и должности врача.

В Хронике Евтихия упоминаются имена многих врачей, из которых двое занимали высокое положение придворных медиков. Оба они были сирийцами по происхождению и принадлежали к несторианской христианской общине. Одного врача звали Бахтишо ибн-Джабриа, а другого — Хунайн ибн-Исхак.

Бахтишо был из семьи врачей во многих поколениях. Его предки занимались врачеванием ещё во времена вхождения территории Си-

рии в состав Византии. Их профессиональные знания оценили и арабы. При халифах Аббасидской династии медики из клана Бахтишо были придворными врачами. Сам Бахтишо имел в Багдаде свою медицинскую школу и был очень влиятелен. Но при халифе Мутаваккиле Бахтишо попал в опалу, был брошен в темницу. Ему, однако, удалось выйти из заточения, оправдаться перед халифом и занять прежнее высокое положение. О большом влиянии Бахтишо на жизнь христианской общины говорит тот факт, что опала Бахтишо, по мнению Евтихия, стала поводом для начала антихристианских мероприятий этого халифа¹⁴.

Современником и конкурентом Бахтишо был Хунайн ибн-Исхак (809 — 873), известный врач и один из образованнейших людей своего времени. Он принадлежал к семье второго порядка, т. е. был основателем семьи, врачами были его сын и племянник. Он учился в Багдаде, потом совершил поездку в Византию, находился там два года и выучил греческий язык. По возвращении на родину Хунайн жил какое-то время в разных городах, потом поселился в Багдаде и открыл там свою медицинскую школу. Благодаря исключительным знаниям он скоро прославился и стал личным врачом халифа Мутаваккиля. Однако его придворная карьера не сложилась, и он пал жертвой придворных интриг. В отличие от практика Бахтишо Хунайн ибн-Исхак был ученым медиком, он много занимался переводами греческой медицинской литературы на сирийский и арабский языки и сверкой старой медицинской литературы с греческими оригиналами. Его главным трудом стал перевод на арабский язык «Свода Галена» — основного тогда пособия по медицине, а также других работ этого греческого врача. Хунайна ибн-Исхака и его переводы упоминает в своей Хронике Евтихий, который штудировал его книги, когда сам изучал медицину. Хунайн ибн-Исхак работал вместе со своим сыном и племянником¹⁵.

Некоторые медики стремились и попадали на патриарший престол. Врачом был александрийский патриарх Полициан (768–813), который использовал свое искусство на благо мелькитской общины. Он сумел вылечить любимую наложницу халифа Харуна ар-Рашида и за это был щедро награжден не только деньгами, но и указом халифа о возвращении мелькитам многих церквей в Египте, которые были захвачены яковитами¹⁶. Из врачей был и Александрийский патриарх Евтихий, о семье которого известно мало, только то, что он сам рассказал о себе. Он был родом из Фустата, изучал медицину, врачом был и его брат. Благодаря медицине Саид ибн-Батрик (таково светские имя Евтихия) приобрел много влиятельных друзей среди арабов, которые

вопреки сопротивлению его недругов из рядов духовенства и врачей помогли ему занять патриарший престол Александрии. Но понтификат Евтихия был трудным, проходил в спорах и раздорах, которые разделили мелькитскую общину на сторонников и врагов патриарха. Враги Евтихия писали на него доносы арабским властям, обвиняя патриарха в неблаговидных поступках, требуя вмешательства и смещения патриарха. Из этой распри выгоду извлекли только мусульманские власти, которые под предлогом ревизии церковного имущества изъяли большую его часть. Эта борьба стала причиной тяжелой болезни и преждевременной смерти патриарха¹⁷.

Самой авторитетной социальной группой в христианских общинах было духовенство. Высшие его разряды в лице епископов, митрополитов и патриархов можно отнести к знати. Все церковные должности были выборными, их занимали выходцы из влиятельных и богатых городских семей. В Халифате существовала продажа должностей, продавались, по-видимому, и высшие церковные посты, которые доставались нередко и светским лицам, потому что помимо избрания существовала и инвеститура, т.е. назначение на церковную должность. Инвеститура давала возможность купить высокий церковный сан богатым мирянам. На Александрийском патриаршем престоле сидели Козьма (742–768), бывший ремесленник-игольщик, Евстафий (813–817), бывший ткач, врач Полициан и Евтихий (933–940), сын градоначальника Бакама Михаил.

Городская знать стремилась овладеть высокими церковными должностями не столько из религиозного рвения, сколько по сугубо практическим причинам. Мелькитская церковь, как и в византийское время, оставалась городской и очень богатой. Арабы оставили церкви все ее здания и имущество, которое значительно увеличилось и при арабах. Церковные ризницы были заполнены несметными богатствами и сокровищами, и когда они по случаю открывались, то производили сильное впечатление. Богатства церкви привлекали городскую знать, которая стремилась в ряды высшего духовенства, чтобы получить к ним доступ. Поэтому во время выборов патриархов в городах велась ожесточенная борьба, такая же острая, как и во времена Византии, не затухавшая и после окончания выборов.

Патриархи были не только духовными владыками своих общин, но и обладали некоторыми административно-судебными правами. Патриархи должны были сотрудничать с арабскими властями. Они составляли для властей списки христиан для правильного обложения их налогами. Они имели право рассматривать тяжбы между христи-

анами, им была передана часть административных прав по управлению общинами. Халифы привлекали патриархов и к участию в своих войнах с Византией. Например, антиохийский патриарх Иов сопровождал на войне халифа Мутасима (833–846) и уговаривал жителей осажденных малоазийских городов сдаваться арабам и платить дань халифу¹⁸.

Положение патриархов было почетно и престижно, но в кризисные годы неустойчиво, когда патриарха могли бросить в темницу, как иерусалимского патриарха Фому, высечь и даже убить¹⁹.

Положение патриархов было осложнено тем, что восточные христиане были расколоты на четыре конфессиональные общины, а именно: мелькитскую, яковитскую, несторианскую и маронитскую. Каждая община имела своего патриарха, духовенство и монашество.

Наиболее сложным было положение мелькитской общины, члены которой были приверженцами греко-православного христианства и единоверцами византийских греков. Целое столетие мелькиты не имели своего патриарха. Арабские власти, подозревая высшее духовенство в нелояльности и сношениях с Константинополем, не разрешали проводить выборы патриархов и фактически упразднили этот высший церковный сан. Поэтому мелькиты целое столетие были разобщены, численность их сократилась, не все города имели мелькитские общины. Власть епископов, которые возглавляли эти общины, была сведена только к духовной власти. Восстановление патриарших престолов в Иерусалиме, Александрии и Антиохии помогло мелькитам частично вернуть церковное имущество, воссоздать прежнюю церковную иерархию, получить право на религиозно-культурную автономию, провести унификацию церковной обрядности и богослужения на арабском языке, успешно противостоять ассимиляции и сохранить свою паству. Однако восстановленная мелькитская церковь была ослаблена этим продолжительным церковным безвластием, в то время как церкви несториан, яковитов и маронитов укрепились. В Халифате эти течения в христианстве перестали считать ересью и преследовать, как в Византии, их существование было санкционировано арабскими властями, они имели непрерывную преемственность патриархов.

Полномочия мелькитского патриарха при арабах изменились. В прежние византийские времена он был могущественным духовным владыкой на вверенной ему обширной территории, служителем государственной церкви. Теперь он стал главой только своей небольшой конфессиональной общины. Кроме того, мелькиты имели над собой главу в лице несторианского католикоса, которой со времени правле-

ния Аббасидов стал предстоятелем всех восточно-христианских церквей Халифата. Такое подчинение несторианскому католикосу было унижительно для мелькитского патриарха, потому что мелькиты считали несториан еретиками, их вероучение было отвергнуто и объявлено ересью еще в 431 г. на третьем вселенском соборе в городе Эфесе.

Из трех восстановленных мелькитских патриархий наиболее прочное положение оказалось у иерусалимской патриархии. Древнейшие восточные патриархии, Александрийская и Антиохийская, где происходило зарождение христианства и первых христианских общин, были ослаблены наличием на их территории других конкурирующих церквей. Власть антиохийского патриарха была ослаблена существованием на территории антиохийской патриархии общины яковитов (так в Халифате стали называть монофиситов) и общины маронитов (т. е. бывших монофелитов) со своими иерархами. Власть александрийского патриарха была еще более слабой из-за многочисленной яковитской общины, возглавляемой патриархами-монофиситами и поддерживаемой египетским монашеством. По этой причине первенствующее положение в мелькитской среде занимал иерусалимский патриарх, которому в прежние византийские времена в иерархии высших церковных чинов принадлежало последнее место. На территории, подвластной иерусалимскому патриарху, не было других христианских общин кроме общины мелькитов. Все монастыри поддерживали только мелькитскую веру. Поэтому во время Евтихия Иерусалим считался душой и центром мелькитского христианства.

Несмотря на существенные ограничения прав и неустойчивость положения, епископы и особенно патриархи были авторитетны, пользовались большим уважением и почетом в христианской среде. Высокое положение мелькитских патриархов признавали и в Багдаде, и в далеком Константинополе, ибо вселенская православная церковь состояла из четырех церквей, возглавляемых патриархами Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима, из которых три находились на территории Халифата.

Подведем итоги. Анализ данных хроники Евтихия по истории мелькитской общины в Халифате показывает, какое огромное значение в развитии и существовании общины играли ее социальные верхи, которые условно можно отнести к знати. Восточно-христианская знать в отличие от современной ей западноевропейской знати не обладала сословными привилегиями, замкнутостью и не была высшим сословием. В ее составе наблюдалась постоянная динамика, она пополнялась выходцами их богатых христианских семей, которые доби-

вались высокого социального положения с помощью службы или на профессиональной стезе.

Самыми влиятельными социальными группами в христианском обществе были чиновники и врачи. Чиновники относились к правящему слою и прежде, в Византии и Халифате. Врачи, профессия которых в античном обществе не была престижна и относилась к ремеслу, в Халифате повысили свое социальное положение и превратились в богатую и влиятельную социальную группу. Обе эти группы чиновников и врачей помогали своим единоверцам защищать культурно-религиозную автономию и поддерживали свою церковь.

Представители этих социальных категорий стремились провести своих родственников на высшие церковные должности епископов и особенно патриархов. Патриархи были официально признаны властями духовными и гражданскими руководителями христианских общин и ответственными перед арабским правительством.

Некоторыми своими характеристиками эти высокие социальные группы были похожи на прежнюю муниципальную знать ранней Византии. Это не случайно, так как восточные христиане законсервировали в своей среде обычаи и культурные традиции, сложившиеся еще в византийские времена, которые они получили от предков. С муниципальной знатью восточнохристианскую знать сближали ее городское происхождение, отсутствие сословной закрытости, служебная деятельность, занятия доходными делами и даже ее склонность к интригам и политической борьбе.

Но в отличие от своих предков, римлян, восточные христиане не имели своего государства, они проживали в Доме Ислама, и христианская знать была включена по своему служебному положению в его политическую и экономическую жизнь. Однако свое влиятельное положение знатные христиане использовали на благо своей общины, защиту ее религиозно-культурной самобытности и против ассимиляционной политики арабского правительства.

Некоторые черты сближают социальную верхушку восточно-христианского общества с византийской средневековой знатью. У средневековых византийцев считались самыми приоритетными службами две — служба царю, т. е. государству, и служба Богу. Восточные христиане тоже считали главной целью своей разнообразной деятельности два служения — своей конфессиональной общине, которая заменила им государство, и своей церкви.

Примечания

¹ См.: *Nasrallah J.* Les Historiens musulmans sources de l'histoire de l'eglise melchite // Bulletin d Etudes Orientales. 30 (1978).

² *Contextio Gemmarum sive Eutychiei Patriarchae Alexandrini Annales* // P. G. T. CXI. Col. 1096.

³ *Ibid.* P. G. T. CXI. Col. 1097.

⁴ *Ibid.* P. G. T. CXI. Cols. 1097–1098.

⁵ *Ibid.* P. G. T. CXI. Col. 1065.

⁶ О палестинских монастырях: *Исакова Л. В.* Евтихий Александрийский — защитник мелькитской церкви / Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени. Вып. 5. СПб., 2005. С. 198–223.

⁷ *Contextio Gemmarum...* P. G. Vol. CXI. Cols. 1130–1132.

⁸ *Ibid.* P. G. T. CXI. Col. 1130.

⁹ *Ibid.* P. G. T. CXI. Col. 1133.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.* P. G. T. CXI. Col. 1141.

¹² *Ibid.* P. G. T. CXI. Cols. 1127, 1130.

¹³ *Nasrallah J.* Les Historiens... P. 103–106.

¹⁴ *Исакова Л. В.* Византийское иконоборчество в Хронике Евтихия Александрийского // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3. СПб., 2001. С. 104–121.

¹⁵ *Contextio Gemmarum.* P. G. T. CXI. Cols. 1127–1128.

¹⁶ *Ibid.* P. G. T. CXI. Col. 1127.

¹⁷ *Histoire de Yahia ibn Said d'Antioche* // *Patrologia Orientalis.* 18 (1924).

¹⁸ *Contextio Gemmarum.* P. G. T. CXI. Col. 1134.

¹⁹ *Ibid.* P. G. T. CXI. Cols. 1130–1131.

Л. И. Киселева

**РУКОПИСИ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ XIV в.
ИЗ БОЛОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ**

Восемь рукописных фолиантов юридического содержания, хранящиеся в Российской Национальной библиотеке, обратили на себя внимание общим внешним сходством: размер, бумага, размещение текста, переплеты и т. п.

Детальное изучение каждого манускрипта позволило установить их дату — XIV век и место создания — Болонский университет. Эти рукописи представляют большую ценность не только потому, что написаны в Болонском университете шесть веков назад, но главным образом потому, что в рукописях зафиксированы факты, связанные с преподаванием и обучением в одном из знаменитых европейских университетов Средневековья.

Болонский университет — один из древнейших университетов Европы. Известно, что в Болонье в X в. была организована школа «Свободных искусств» (*Studium in artibus*), где в XI в. преподавали диалектику и риторику, а в связи с этим стали читать лекции по римскому праву. Становление юридической школы относится к последней четверти XI в. и связано с именем Ирнерия (1055–1130), который в своих лекциях комментировал законы Юстиниана, он впервые ввел знакомство учеников с «Дигестами»¹. Для лучшего их понимания он создал форму ответов на вопросы. Пояснения (глоссы)² Ирнерием давались таким образом, чтобы сохранить дух римского законодательства. По сути дела он положил начало систематическому анализу «*Codices juris civilis*», поставив задачу досконально изучить Кодекс Юстиниана. Выполнение этой задачи привлекло внимание к Ирнерию многих людей в Европе, желающих пользоваться римскими законами на практи-

ке. «*Responsa prudentum*» были актуальными источниками законов. Можно считать, что эпоха Ирнерия была началом критики юстиниановых текстов и в то же время более профессиональной стадии изучения источников законов. Возникновение рецепции римского права было вызвано двумя основными причинами: во-первых, экономическим подъемом в Италии, во-вторых, социальными и духовными потребностями общества, нуждающегося в правовом порядке. В решении проблем рецепции принимали участие последователи и ученики Ирнерия: Булгар, Мартин, Уго. Столетие после Ирнерия было в руках глоссаторов. Важная особенность их школы заключалась в создании точных юридических текстов. Самые большие успехи в этой области были сделаны выдающимся глоссатором — Аккурсием (1182–1258) и несколькими его последователями (Odolfredus, Dynus, Bartolus, Baldus).

К 1250 г. Аккурсий составил глоссы к тексту «Кодекса», «Дигест» и «Институций» Юстиниана, объединил все в одном сборнике. Этот сборник называется «*Glossa ordinaria*» или «*Glossa magistralis*». По сути это образцовое руководство по римскому праву. В Средние века оно заняло место «*Corpus juris civilis*», и после этого потребностей в дальнейших толкованиях не было. Школа глоссаторов Аккурсия прекратила свое существование (заметим, что его дочь была первой женщиной, преподававшей в Болонском университете). Однако дело Аккурсия продолжили другие юристы, вошедшие в историю под именем «постглоссаторов». Это юристы Синус де Пистойя (1270–1339) и Бартоло Сассоферато (1313–1337) и др.

Благодаря глоссаторам и постглоссаторам римское право преодолело феодальный партикуляризм и вместе с тем казуистику, упорядочило «Дигесты». Глоссаторы раскрыли и объяснили устаревшие тексты. Римское право они согласовали с каноническим, городским и обычным правом. Именно поэтому оно благодаря глоссаторам было воспринято судебной практикой в большинстве стран Европы. С глоссаторов началось развитие юридической науки в собственном смысле слова.

Болонский университет в противоположность Парижскому, теологическому, был юридическим (*Universitas legum*), где преподавали римское право. С XII в. началось преподавание канонического права, но не как ветви теологии, а как ветви юриспруденции, параллельно римскому праву и с подчинением верховному управлению Римского папы. После утверждения университетского Статута в 1253 г. Иннокентием IV (1243–1254) Римские папы получили власть над нрав-

ственностью университета, а контролирование деятельности предоставлялось болонскому архиепископу.

Изучение канонического права основывалось прежде всего на «Декретах» Грациана («*Decretum Gratiani*» или иначе «*Corpus decretorum*») и папских «Декреталях»³. В 1234 г. сборник, составленный из пяти книг папских «Декреталий», получил название «*Liber extra*». В 1298 г. добавилась еще шестая книга. Почти через 20 лет (1317 г.) «Декреталии» были объединены в сборник, названный «*Clementinae*» по имени папы Клементя V (1305–1317). Позднее (в 1583 г.) все эти сборники составили Свод канонического права.

Болонский университет в середине XIII в. достиг высшей точки процветания, особенно в области римского права. Но уже в XIV в. не толковали римское право, а объясняли и растолковывали глоссы своих предшественников. Слава Болонского университета несколько уменьшилась, но все-таки только в Болонском университете можно было найти глубокое знание римских законов и церковного права. Во многих университетах Европы юридические факультеты были основаны по образцу Болонского университета.

Каким образом была организована жизнь в университете и как там велось преподавание?

Со времени основания Болонского университета его особенность заключалась в том, что он представлял ассоциацию студентов (*universitas scholarum*), а не ассоциацию профессоров (*universitas magistrorum*). В XIII в. насчитывалось 10 тыс. студентов. Они избирали Совет и ректора из своей среды, а также университетских профессоров (*doctores legentes*) для чтения лекций на определенное время с выплатой им гонорара. Студенты регулировали расписание лекций и практических занятий, следили за исполнением преподавателями своих обязанностей.

Поскольку в Болонский университет приезжали учиться со всей Европы, то студенты объединялись в землячества (*scholares cives*). Во главе каждого стоял ректор, его советники составляли правление. В XIII в. ректор обязательно должен был иметь духовный сан, так как мирянин не мог осуществлять юрисдикцию над духовными лицами. Профессора в соответствии со статутами должны были повиноваться ректорам, избранным студентами. Чтобы не подчиняться ректорам-школьникам, в конце XIII в. профессора составили Коллегию докторов-юристов, куда входили 12 каноников и 16 легистов. Выборы профессоров студентами прекратились после того, как город стал им выплачивать жалование и они больше не нуждались в студенческой

плате за обучение. Коллегия профессоров постепенно становилась частью городской организации, и ее целью было окончательно исключить подчинение профессоров студентам. Только в XIV в. юристы-профессора могли стать ректорами.

Чему и как учили в Болонском университете?

Студент после семилетнего обучения гражданскому праву мог быть допущен ректором к лекциям по каноническому праву. В курс гражданского права включали обязательное знание «Digestum Vetus» и «Digestum Novum», включавшие «Institutiones» и «Authenticum», т. е. латинский перевод «Новеллы» Юстиниана и книгу ленного права. Главными книгами канонистов были «Декреты» Грациана, 5 книг «Декреталий», созданных по указанию папы Григория IX, «Клементины», составленные под руководством папы Клементя V (1305–1314).

Римское право преподавали профессора (*doctores legentes*), каноническое — профессора канонисты (*doctores decretorum*). Канонисты постепенно включали римское право в свой предмет. Одни и те же ученые были часто профессорами того и другого права (*doctores utriusque juris*). Профессора читали лекции либо в своем доме, либо в помещении, ими арендованном. Лишь в XIV в. стали строить общественные здания для аудиторного чтения.

Со временем в университете выработывалась система получения статуса для чтения лекций и обучения студентов. Чтобы стать доктором, сначала надо было стать бакалавром, потом — лицензиатом. Чтобы преподавать в качестве бакалавра, не надо было сдавать экзамены, достаточно было заявить о таком желании, заплатить пошлину и получить распоряжение от ректора. После получения степени некоторые бакалавры продолжали посещать лекции как школяры, другие оставляли университет и уходили на государственные должности. Тот, кто хотел стать доктором, должен был сначала в качестве лиценциата (*licencia docendi*) сдать экзамен докторам. Перед презентацией претендент должен был прочитать курс лекций или провести занятия со студентами (*repetitio*).

Экзамены были частные и публичные. На основании положительных результатов экзаменов болонские архиепископы вручали лицензию тому, кто успешно прошел испытания, открывавшую возможности преподавать соответствующий предмет. Когда в Болонском университете в XIV в. была создана теологическая школа по парижскому образцу, лицензии теологам выдавал болонский епископ. Вместе с лицензией вручались знаки докторского достоинства: книга, перстень и четырехугольная шапочка.

Для чтения лекции профессорам или бакалаврам нужна была книга с записями лекций. Для слушания лекций студентам тоже нужна была такая же книга, которая помогала им усваивать лекции. Книги можно было приобрести у писцов или торговцев. Цена устанавливалась между покупателем и продавцом. В широкой продаже были старые книги, они были намного дешевле. Кроме того, можно было взять в аренду книги, приобретенные стационарием и хранившиеся в шкафу в самом университете. Для проверки правильности книг, приобретенных стационарием, был установлен институт пециариев (*peciarii*). Шесть пециариев должны были проверять правильность созданной копии книги. Проверка осуществлялась по переписанным тетрадам. Доктора и студенты, обнаружив изъяны в тексте, передавали такие книги пециариям для сравнения с оригиналом. Фактическая коррекция осуществлялась специальными корректорами (*correctores peciarum*). Стационарий накладывал штраф (5 болонских солидов) за ошибки на исполнителя книги. Для пополнения репертуара книг каждый доктор должен был вносить 10 золотых дукатов, которые передавались стационарию. Он мог заказывать писцам представленные профессорами тексты глосс и аргументов его лекций.

В годы формирования Болонского университета процесс обучения состоял из лекций, включавших компиляции, созданные Ирнерием, а затем разработанные Аккурсием. Позднее лекции делились на ординарные и экстраординарные. Первые начинались очень рано и продолжались до 3–4 часов. Экстраординарные — вечерние лекции читались не только в учебные, но и в праздничные дни (кроме Пасхи). Ординарные лекции имели право читать доктора.

Во время ординарных лекций по гражданскому праву читали «Дигесты» (часть *Legestum Vetus* от I до XXIV книги), «Кодексы» и латинский перевод «Новелл». Ординарные лекции по каноническому праву читались по «Декреталиям» Грациана, «Декреталиям» Григория IX и «Клементине». Диктовка текстов в ординарных лекциях была запрещена, а глоссы профессор должен был читать сразу после текста общей лекции.

В XIV в. все занятия рассчитывались на весь год. Первая половина — *magnus ordinarius* — от октября до Пасхи; вторая — *parvus ordinarius* — от Пасхи до конца июня.

Как было сказано выше, студенты на занятия приходили со своими книгами, соответствующими лекциям и, слушая профессора, следили за текстом. Профессору запрещалось повторять тексты при чтении, за исключением трудно понимаемых пассажей, но не более двух раз. Во-

просы на ординарных лекциях не задавались. Им отводилось время на вечерних — экстраординарных. Ответ мог дать не только читающий лекцию, но и ученик. Ординарный профессор мог читать не только ординарные лекции, но и экстраординарные, на которые он приглашал помощников — бакалавров, допущенных ректором. Им поручалось вести дискуссию.

Профессор экстраординарный читал лекции только по вечерам. Не поощрялись диктовка и работа со свечой. Иногда разрешалось диктовать глоссы. Для повторения и усвоения текста существовали так называемые «*heretitia*». Как правило, текст «*heretitia*» включал подробное объяснение самых сложных мест из изучаемых книг. Экстраординарные лекции и «*heretitia*» могли читать бакалавры, особенно те, кто хотел получить лицензию и стать доктором.

По Болонским статутам за пропуск лекций студенты и профессора платили штраф.

В 1347 г. ввели правило, по которому профессора разделяли текст лекции на части («*pincta*»). Каждую часть профессор должен был прочесть за 12–14 дней. Если профессор не успел завершить чтение лекций к определенному сроку, он платил штраф в 25 болонских фунтов. Так осуществлялось обучение в знаменитом Болонском университете.

После кратких сведений о Болонском университете, системе преподавания и обучения, обратимся к исследованию рукописных книг юридического содержания, хранящимся в Российской национальной библиотеке. Определим дату и место их создания, внимательно рассмотрим содержание и особенности каждой рукописи.

Итак, в Отделе рукописей РНБ хранится восемь рукописных книг, обративших на себя внимание своим внешним сходством. Чтобы подтвердить это сходство, необходимо детально их исследовать и сравнить рукописи между собой. Все книги написаны на бумаге одинакового размера: 415/417 × 300 мм, т. е. это размер листа, изготовлявшегося в бумажных мельницах, поэтому такие рукописные книги считаются размером в лист (*in-folio*). Бумага листов не обрезана после снятия с рамы, листы для книги складывали пополам. Просматривая на просвет каждый лист, обнаруживаем филигранные (водяные знаки). Во всех книгах имеется знак, обозначенный в справочнике по филиграммам (см. библиографию), как «круги», «сердце со стрелой», «колокол». Эти водяные знаки ведут к Вероне. Ими пользовались для маркировки бумаги в 1360–1380 гг. Таким образом, можно считать, что бумага исследуемых рукописных книг происходит из Италии, а рукописи были выполнены в то же самое время, т. е. в 1360–1380 гг. Подтверждения

Илл. 1. Чтение лекции в Болонском университете.

ем итальянского происхождения всех исследуемых рукописей может служить также система составления тетрадей для блока книги. Отсутствие переплета на некоторых исследуемых книгах обнажает систему складывания тетрадей, а подсчеты устанавливают характерное для итальянских писцов число листов в каждой: 10 или 12.

Сходство всех манускриптов обнаруживается в системе подготовки тетрадей к переписке: наколы для разлиновки и размещения текста в два столбца. Все манускрипты написаны готическим письмом, разными его вариантами: книжным, курсивным и канцелярским, некоторые курсивы с элементами бастарды или с индивидуальными особенностями. В каждой рукописи обнаружено несколько почерков. Эти детали свидетельствуют о том, что тексты переписывали разные писцы (иногда, возможно, студенты), а потом тетради соединили вместе. Все почерки имеют сходство и характерные для XIV в. особенности (формы, наклон букв, соединение их друг с другом и т. п.). Тексты в рукописях расположены в два столбца, как было принято в учебных книгах для более легкого восприятия содержания и для возможностей сделать заметки на полях и между столбцами. В рукописях большие поля оставлены, как правило, внизу, справа на листе (*recto*) и слева на обороте (*verso*). Такие поля были необходимы для глосс, которые имеются в этих рукописях (об этом ниже). Замеченное сходство рукописей свидетельствует о том, что для изготовления книг, необходимых в обучении, работала целая группа писцов, придерживавшихся одинаковых требований к учебным книгам.

С точки зрения украшений все рукописи очень скромные. В некоторых из них несколько красных инициалов типа «ломбард». Синекрасные инициалы с филигранями украшают сборник из нескольких сочинений (Lat. F. II. 223). Текст «Новеллы» Иоанна Андреа (л. 190) начинается синекрасным инициалом типа «duplex»⁴ на фоне орнамента с филигранным бордюром. В книге с «Декреталями» (Lat. F. II. 225) на л. 1–2 помещены два цветных инициала болонского стиля.

Из описания внешнего вида рукописей можно заключить, как они выглядели первоначально, хотя пять из них утратили переплет.

В рукописной книге Lat. F. II. 224 осталась нижняя деревянная (дубовая) крышка и половина верхней с пергаменной наклейкой и текстом: *Joh. lig. in quarti lib.* В другой (Lat. F. II. 226) сохранились обе доски, следы от двух застежек. В третьей книге (Lat. F. II. 223) сохранились обе дубовые доски, обтянутые коричневой кожей, на верхней крышке наклейка: *Novella dm. Jo. An. Super sexto libro Decretalium.* Ни в одной рукописи не сохранились корешки на переплетах. Однако

можно ясно представить, как первоначально выглядела книга. Она была одета в переплет, состоящий из двух досок, обтянутых кожей с кожаным корешком и с двумя застежками, стягивающими доски. На верхней крышке сверху приклеена пергаменная полоска с названием книги.

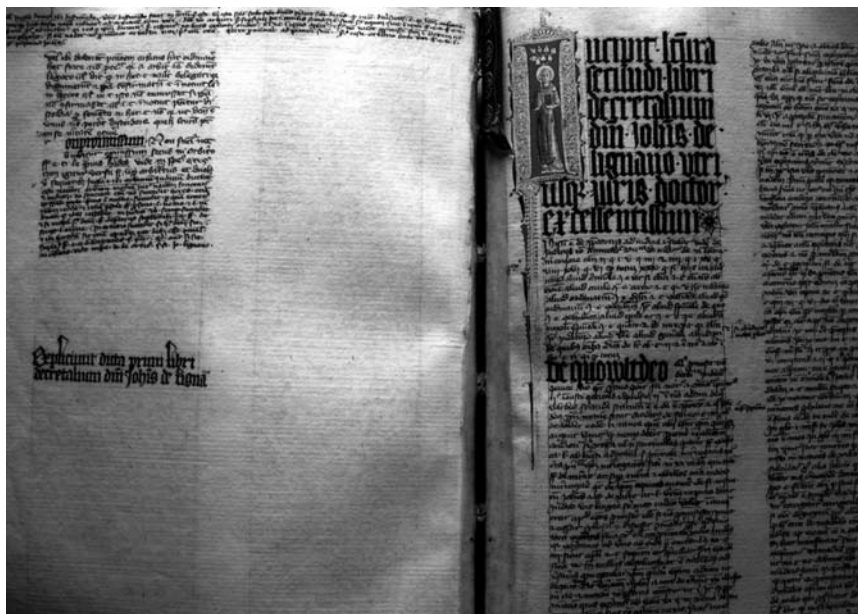
Теперь изучим тексты, содержащиеся в этих книгах. Известно, что средневековые книги не имели титульных листов, т. е. не указывалось ни автора, ни названия, ни места, ни года их создания. Как же определить содержание и автора текста? Есть несколько способов:

- Внимательно исследуем верхнюю крышку переплета, на которой иногда имеется наклейка с обозначением содержания книги (но — внимание! — переплет мог принадлежать другой книге).
- Нужно читать начало текста. Иногда автор сам объявляет свое имя. В этом случае, изучая текст известных сочинений определенного автора, можно найти и название сочинения.
- Необходимо выписать несколько строк начала текста и проверить его по инципитарию (специальному справочнику).
- Нужно читать конец текста (*explicit*). Бывает, что переписчик текста добавлял от себя необходимые сведения, как то: имя автора, название сочинения, год и место его переписки, а также свое имя и свое отношение к тексту. При описании рукописи (для дальнейшего исследования или для каталога) тексты «*incipit*» и «*explicit*» обязательно воспроизводятся.
- В некоторых рукописях на верхнем поле листа имеются колоннотитулы, дающие направление дальнейшему поиску (название книги или главы).

Начнем по порядку. В рукописи с шифром Lat. F. II. 228 насчитывается 379 листов. На первом листе рукописи читаем: «*In nomine patris et filii et spiritus sancti. Amen*».

Беглое прочтение дальнейшего текста приводит к л. 179 с текстом: «*Explicit dicta⁵ primi libri decretalium domini Iohannis de Lignano*», в котором точно сказано, что кончается лекция по первой книге «Декреталий» господина Иоанна Линьяно.

Следующий лист начинается текстом лекции (*lectura*) второй книги «Декреталий» превосходнейшего господина Иоанна Линьяно, доктора всех юридических наук (*utriusque juris doctoris*), т. е. доктора по гражданскому и каноническому праву⁶. А в конце лекции указывается, что завершаются комментарии (*reportationes*) по II книге «Декреталий», составленные Иоанном Линьяно ... в 1366 г., 11 сентября, а переписанные его учеником Хугацио из Тьены близ Виченцы. Далее

Илл. 2. Конец книги I и начало книги II лекции Дж. Леньяно по «Декреталиям» с его глоссами, л. 179–180.

еще дано уточнение о том, что окончательно переписано в 1369 г. в вигилии рождения Девы Марии⁷.

На листах 356–379 помещен текст юридической суммы (*Summa de iudicij*) по каноническому праву. Такие краткие суммы составлялись часто для студентов с целью пояснения юридических формул и других выводов, необходимых для изучения юридических дисциплин.

Итак, содержание и автор этой рукописи установлены: это лекции профессора юридических наук Иоанна Линьяно по I и II книгам Декреталий. Обратим внимание на то, что к одному понятию «лекция» применяются три термина: «lectura», «dicta», «reportatio». По содержанию они объединяются общим понятием — комментарии, разъяснения, читаемые студентам.

Однако в этой рукописи обращает особое внимание наличие большого количества дополнений-глосс на полях, их 246. Они покрывают верхние, боковые, нижние поля, продолжают на следующих листах, написаны четким красивым почерком. Что самое любопытное — глоссы подписаны: Jo.[annes] Lig.[nano]. Из приведенного выше текста,

извлеченного из рукописи, очевидно, что профессор Линьяно читал лекции в 1366 г.

Вот несколько сведений из его биографии. Johannes или Джованни Линьяно (1320–1383) родился в маленьком городке Legnano около Милана. Юноша очень успешно учился «свободным искусствам», философии, немного медицине и астрологии. Однако, заинтересовавшись юриспруденцией, он переехал в Болонью. Учился в Болонском университете у Paolo Liazari. В 1350 г. он уже начал читать лекции как «doctor legum», а в следующем он получает степень «doctor utriusque juris», т. е. допущен читать лекции по гражданскому и каноническому праву. Линьяно мечтал о юридической практике. Наконец в 1358 г. он получает пост адвоката францисканского конвента, которого ждал много лет. В Болонском университете к 1360 г. Линьяно возглавляет кафедру гражданского права после знаменитого профессора Spinelli, а через несколько лет становится профессором канонического права. Все годы одновременно с адвокатской практикой, чтением лекций в Болонском университете он занимается наукой. Ранние егоopus посвящены астрологии. Далее его главный интерес был связан с каноническим правом (комментарии к «Декреталям» и «Клементиане»). В своих трактатах Линьяно рассматривает права Римского папы и императоров на власть, соотношение между двумя властями, в частности, в Болонье. Он доказывает законность выбора папы Урбана VI (1378–1383). В его работах анализируется деятельность правления Иннокентия VI и Урбана V (1352–1370), Григория XI (1370–1378) и ранние годы правления Урбана VI. Симпатии Линьяно на стороне Римских пап. Особенно он ценил добрые отношения папы Григория XI с Болоньей и Болонским университетом.

Рукописная книга, о которой рассказано выше, была создана при его жизни. Более того, зная, что профессор обязан сразу же после лекции записать свои комментарии, появился вопрос: «Мог ли сам Линьяно записать глоссы или он их продиктовал, а ученик отметил их авторство». Скорее всего, Линьяно диктовал свои комментарии. А может быть, все-таки он сам записал? Для ответа на этот вопрос нужно было найти автограф Линьяно и сравнить с почерком глосс. В поиске автографа Линьяно мне помогла сотрудница Института всеобщей истории Российской академии наук Е. В. Казбекова. Получив от коллеги Б. Крама воспроизведение автографа письма Линьяно, Елена Валерьевна переслала его мне, за что я ей весьма признательна. Сравнение воспроизведения подлинного автографа Линьяно с текстом глосс привело к отрицательному результату. Однако можно с уверенностью ска-

зять, что Линьяно, как законопослушный человек, выполняя правила Болонского университета, сразу после лекции диктовал глоссы, а его ученик (вполне вероятно) или профессиональный переписчик записывал их, указывая имя автора: Jo. Lig. Этот вывод интересен и важен, поскольку сведения о таких фактах очень редки.

Далее рассмотрим рукописную книгу (Lat. F. II. 227), которая является продолжением предыдущей. В ее содержании обнаруживаются указания:

«*Hic habet tertii liber decretalium*» (для листов 1–135);

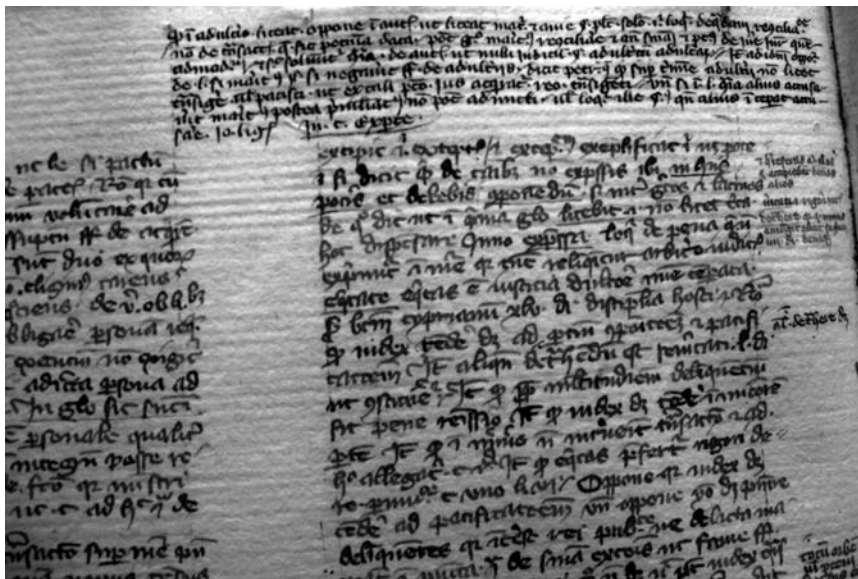
«*Incipiunt dicta quarti libri decretalium domini Johannis de Lignano utriusquam juris doctoris excellentissimi*» (для листов 137–182);

«*Incipiunt dicta quinti libri*» (для листов 183–271).

Как видим, в этом экземпляре на 271 л. содержатся III–V книги «Декреталий». На полях насчитывается около 250 глосс. Одни из них краткие, на несколько строчек, другие занимают оба поля, а в конце на л. 106 читаем: «*Verte et continua*», т. е. следует перевернуть и продолжить [чтение]. Эта глосса продолжается до л. 109. Обе рукописи (Lat. F. II. 228 и Lat. F. II. 227), включающие в себя пять книг «Декреталий» имеют около 500 глосс, записанных одной рукой и подписанных именем Иоанна Линьяно. Некоторые глоссы занимают целые листы. Например, на л. 81–82 (Lat. F. II. 227) разворачивается дискуссия с Рейнальдо (Reynaldus). На поле л. 20 об. помета указывает на то, что это заключение следует переместить в другое место «Декреталий».

Во всех глоссах присутствуют рассуждения о правилах, о системах, необходимости изменить некоторые положения, высказанные в «Декреталиях», и объяснить их. По концовкам (*explicit*) в текстах этих рукописей, а также в соответствии с правилами статутов университета мы узнаем, что профессор обязан после лекции записать свои комментарии. Следовательно, Российская национальная библиотека обладает рукописями, созданными при жизни одного из профессоров Болонского университета с его неизученными и неопубликованными глоссами.

Не меньший интерес вызывают две другие рукописи с записями лекций И. Линьяно: «Декреталии», книги I–II (Lat. F. II. 226) и книги III–V (Lat. F. II. 224). Любопытно отметить, что на последнем, 256-м листе второй книги находим запись о том, что лекция о «Декреталиях» была прочитана 16 сентября 1366 г. И. Линьяно, а рукопись изготовлена в 1380 г., 17 июня⁸. Этот текст красноречиво свидетельствует о том, что копия изготовлялась по экземпляру, записанному Хугацио, учеником Линьяно, но в нем отсутствуют глоссы. К тому же оба экземпляра

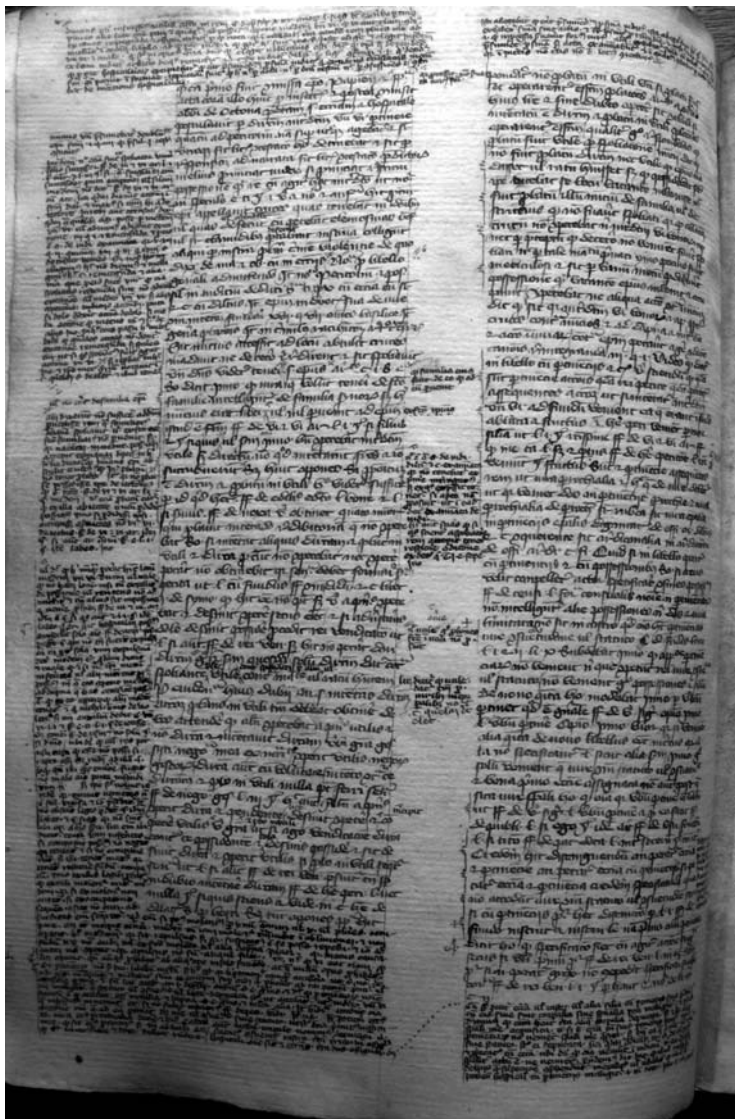
Илл. 3. Лекция Джованни Леньяно по книге I «Декреталий» с его глоссами, л. 161 (шифр Lat. F. II. 228).

дефектны, особенно книги III–V: нет начала текста, вырезаны листы в середине экземпляра. Возможно, здесь постарались студенты, которые пользовались этими книгами.

В числе исследуемых нами рукописей имеется запись лекции по «Клементине» И. Линьяно (Lat. F. II. 225). Текст занимает 165 листов из 186. В предисловии лектор говорит о необходимости изучения законов и тщательной работе над аппаратом к постановлениям папы Клементя V. Линьяно сообщает, что все замечания были собраны им к 1376 г., перечисляет имена глоссаторов, отмечая их заслуги.

К его лекции на л. 165–176 записан посвященный «Клементине» трактат известного профессора права Бартоло Сассоферрато (Bartolo de Sassoferrato — 1317–1357)⁹, читавшего лекции в Болонье, Пизе, Перудже. На его лекции стекались слушатели со всех концов Италии, его мнение в области права в Испании и Португалии приобрело силу закона.

Последние 10 листов сборника включают в себя небольшое сочинение каноника, служившего в Париже, Пуатье и Тулузе, Гуилельмо Мон-

Илл. 4. Лекция Дж. Леньяно по книге II «Декреталий» с его глоссами, л. 227 об.

толаудина (ум. 1343 г.), посвященное исследованию «*Extra vagantibus*» папы Иоанна XXII¹⁰.

Обратим внимание на факт, упоминаемый в предисловии лекции И. Линьяно, что он собрал материал к теме «Клементины» к 1376 г. Это дает возможность датировать и лекции, и рукопись, учитывая ее особенности, не позднее 80-х годов XIV в. Рукописная книга под шифром (Lat. F. II. 267) содержит сочинение одного из самых знаменитых юристов XIII — первой половины XIV в. Иоанна Андреа (1270–1348) (о нем см. выше) «*Expositio lecturae super Decretalium*». По сути это пояснение к лекции о «Декреталиях». Андреа включает разъяснения *de commodato, de feodis, de donationibus, de testamentorum, de sepulchrum etc.* На л. 211 помета: «*hec non est finem*», т. е. это еще не конец [продолжение последует]... о статутах монахов и каноников. На л. 243 об.–248 помещено «*Repetitio*» из 2-й части, VI книги «Декреталий». К сожалению, эта рукопись дефектна: отсутствует целая тетрадь в начале текста.

Другое сочинение Иоанна Андреа к VI книге «Декреталий» сохранилось на 293 листах в рукописи Lat. F. II. 223. В нем дано толкование к содержанию папских булл, пояснения к глоссам и заметкам других авторов. В конце этого сочинения указано, что «Новелла» Иоанна Андреа на VI книгу «Декреталий» записана и завершена в 1380 г. 26 апреля господином Дино де Писторио, лицензиатом в магистры канонического права, рекомендованным как ректором, так и советом господ юристов Болонского университета¹¹. На следующих листах помещены две небольшие работы. Первая на шести листах (л. 294–299 об.) «*Repetitio Clementinae*», т. е. реферат на тему «Клементины», написанный тем же студентом Дино де Торселерии из Пистойи, обучавшимся в школе почтеннейшего господина и его учителя Иоанна Линьяно, полного профессора юридических наук, в 1377 г. в январе, в праздник прославившейся блаженной Агнесы¹². Последние листы этой рукописи (л. 300–305) занимает еще один реферат того же автора. Он посвящен «Декреталиям» и завершен в 1378 г. в мае, в праздник св. апостолов Якова и Филиппа. Автор этого реферата обозначен как лицензиат того же Болонского университета в школе того же профессора Линьяно.

Эти три записи очень интересны. Они раскрывают последовательность и время обучения в Болонском университете.

В 1377 г. ученик профессора И. Линьяно Болонского университета Дино пишет реферат на тему «Клементины», чтобы получить возможность преподавать в дальнейшем каноническое право. В 1378 г. рефе-

рат о «Декреталях» продвигает его дальше, а уже в 1380 г., когда он, переписывая «Новеллу» Иоанна Андреа, обозначает себя «господином» (*dominus*), что дозволено было в Болонском университете только лиценциатам и профессорам. Мы понимаем, что Дино достиг цели. Таким образом, именно из рукописей, сохранившихся до наших дней, мы восстанавливаем факты ушедших времен. Такова главная роль источников в оригинале.

Последняя рукопись (Lat. F. II. 246) очень повреждена: отсутствуют начало и конец, содержание текста позволяет определить ее как словарь канонического права, в котором даются объяснения таких слов, как «*Advocatio*», «*Baptisatus*», «*Canon*», «*Uhog*», «*Zulta*» etc.

В каком бы состоянии ни была рукописная книга, кроме прямого содержания ее текста она несет еще дополнительные сведения, которое оставило ее бытование в веках. Нужно знать и уметь увидеть, раскрыть и объяснить «таинственные» знаки или понять надписи, соединив их с содержанием книги или узнать о владельцах, о перемещении из одного места в другое, о причинах этого перемещения и т. п.

Изучим эти рукописи и постараемся увидеть то, о чем они еще могут нам рассказать. Очень интересна рукопись (Lat. F. II. 223) с сочинением Иоанна Андреа «Новелла». Она выполнена как бы «по законам жанра». В ней все есть: филиграни (Италия, 1360–1380), тетради по 10 листов (Италия), наколы для разлиновки, разлиновка карандашом (XIV в.), сигнатуры, рекламы в ажурных рамках (Италия), пометы для рубрикатора на полях, но рубрики вписаны не на всех листах, редакторские поправки текста, пометы «*resia*» (начиная с л. 29), что раскрывает систему копирования основной части текста. Содержание легко определяется по инципитам, а в эксплицитах дается не только указание на автора текста, название рукописи, но и дата ее создания — 1380 г., и имя переписчика — *Dyno de Torsellerii de Pistorio*. Тут же представлены его собственные рефераты.

Эта рукописная книга написана очень красивым готическим регуляризованным курсивом, украшена сине-красными и красно-синими инициалами с филигранями. Переплет современный рукописи: две дубовые доски обтянуты кожей, а на верхней крышке — название и автор сочинения. Исходя из этого описания, можно предположить, что рукопись была создана для использования самим Дином. Почтительное отношение к знаменитому в то время юристу Иоанну Андреа, и присоединение своих сочинений к его выдающейся работе подтверждает этот факт и свидетельствует об амбициях автора.

Кроме того, в этой рукописи имеется еще одно интересное свидетельство в виде помет:

л. 190: *P. die prima octobris*;

л. 210: *P. de ultra october*;

л. 220: *P. 18 novembris*;

л. 230: *P. prima de december*;

л. 240: *P. d. 13 december*.

Что это такое? Это не отметка «Ресия», это «Punctum». Таким знаком профессора размечали тексты лекций для прочтения соответствующей части (примерно по 12–14 листов) в каждый срок. В данном случае представлен план завершения прочтения лекции по «Новелле» И. Андреа к определенному времени (иначе — штраф!). Кто сделал эти разметки? Возможно, сам Дино мог записать на своей книге необходимую для него задачу. В этом случае мы имеем автограф студента, лиценциата, а затем известного профессора Болонского университета, которого ученые считали последователем И. Андреа (хотя он учился у И. Линьяно).

Какова дальнейшая судьба этих интересных книг? Где они находились до того, как попали в С.-Петербург? Можно предположить, что в XV–XVI вв. они еще находились в Болонском университете и были в какой-то мере востребованы. Но XVII век передвинул их значимость из практически нужных книг в разряд коллекционных. В инвентаре Императорской Публичной библиотеки против каждой краткой записи стоит буква W, что значит: Warszawa. На вложенном в нескольких книгах листке из голубой бумаги имеется запись, в которой воспроизводится концовка (explicit) рукописи и подпись «10 maja 1831, Lukasz Gołębiowski». Имя Лукаша Голембиовского помогает раскрыть частично, историю этих фолиантов. Автор записей был по образованию историком. Один из видных польских политических и образованных деятелей, публицист и библиофил Тадеуш Чацкий (1765–1813) пригласил к себе Голембиовского в качестве библиотекаря. Вместе они путешествовали, собирая рукописные книги в Европе. Библиотека Чацкого находилась в Порыцке (на Волыни). После смерти Т. Чацкого библиотеку купил Адам-Юрий Чарторицкий (1770–1861), известный польский политический деятель. Библиотеку перевезли в его резиденцию в Пулавы. Поражение польского восстания, в котором он принимал участие, заставило в 1831 г. А. Чарторицкого навсегда эмигрировать в Париж, а библиотека была перевезена в С.-Петербург. Подтверждением местопребывания этих книг в Польше служат также несколько вложений в рукописи Lat. F. II. 227 в виде фрагментов из ре-

гистра, в тексте которых определяется документ 1438 г., имеющий отношение к Краковскому священнику.

* * *

Подводя итог, следует отметить, что благодаря детальному и разностороннему анализу небольшого комплекса рукописей XIV в., хранящихся в РНБ, удалось прийти к интересным результатам. Раскрыты имена профессоров, студентов, процесс преподавания и система обучения, терминология, применявшаяся в учебной практике Болонского университета в XIV в. Обнаружены неизвестные тексты: комментарии к «Декреталиям» профессора Иоанно Линьяно, чье научное наследство недостаточно изучено. Раскрыта, хотя и частично, история этих рукописей, их перемещение из Италии в Россию. Таким образом, стал доступным целый комплекс интересного материала по каноническому праву, истории науки и образования в Болонском университете.

Примечания

¹ «Дигесты» (или «Пандекты») — это часть свода Юстиниана 533 г., включающая в себя вопросы частного права, составленные римскими юристами-классиками.

² Глоссы — комментарии, разъяснения. В рукописях они помещались, как правило, на полях, а иногда между строк (линейные глоссы).

³ «Декреталии» («Decretalium») — письма или послания папы в ответ на вопросы, обращенные к нему по частному делу, решение которых может служить общим правилам.

⁴ Форма буквы состоит из двух цветов (как правило, синего и красного) с белым просветом.

⁵ *Dicta* — от *dictare* = произносить, т. е. произносить текст, т. е. читать лекции. Иногда *dicta* воспринимается как *repetitio*, т. е. лекция = повторение.

⁶ «*Incipit lectura secundi libri decretalium domini Johannis de lignano utriusque juris doctoris et excellentissimi. Visum est de procreatoriis ad judica...*».

⁷ «*Expliciunt reportationes super secundo libro decretalium collecte sub domino J[ohanno] de Lignano utriusque juris doctoris profundissimo m ccc LXVI die XI septembris per me Hugacionem de tyennis vicentinum cuius discipulum.*»

«*Expliciunt reportationes secundi libri decretalium finite Anno domini m^occc LXIX in vigilia nativitatis marie virginis.*».

⁸ «*...Et sic est finis reportationis super secundo libro decretalium compilationis gregoriane collecte sub domino Io[anno] de lignano utriusque juris doctoris pro-*

fundissimo m^occc^oLXVI^o die XI septembris. Complete ccc^oLXXX^o XVII die mensis junii hora vicesima per manus diversas alleluia».

⁹ In clementina exivi de paradoxo, Quia Bartholius de Sassoferato composuit tractatum seruiciam modificando in quibus videbitur.

¹⁰ Guillelmus de Monto Laudino Apparatus super aliquibus extravagantibus. de Jo. pape XXII fratrum magistrum de Monte Laudino.

¹¹ «Explicit Nouella domini Johannis Andree super·VI· libro decretalium scripta et completa M^occc^oLxxx· die XXVI· mensis aprilis per domino dyno de pistorio licentiato in magistro canonico et per tunc Rectore Universitatis sunt scolarium dominorum Curam utriusque juris Studii bononiensis».

¹² Repetita fuit hec Clementina per me Dylum de Torsellerii de Pistorio scholarem in jure canonico tantum habitu cum oppositis et quesitis in venerando Studio Bononiensi in scholis Reuerendissimi patris et domini mei domini Johannis de Lignano utriusque iuris profundissimi professoris millesimo trecentesimo et Septuagesimo septimo die mercurii vigesima prima die mensis januarii in qua et quidem die festum beate Agnetis virginis gloriose fuit et extitit celebrantum. Deo gratias.

Библиография

Tractatus De Bello. De Represaliis et De Duello be Giovanni da Legnano / ed. by T. Erskine Holland. Washington, 1917.

Malden. On the origin of Universities. London, 1835.

Laurie. Lectures on the Rise and Early Constitution of Universities. London, 1886.

Briquet C. M. Les filigranes. Geneve, 1907. Т. 1–3.

Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. Воронеж, 1973.

А. Ю. Прокопьев

**САКРАЛЬНАЯ МИССИЯ ГРАНИЦЫ: ВЮРТЕМБЕРГ
В КОНФЕССИОНАЛЬНУЮ ЭПОХУ**

Особая духовная роль пограничий на христианском Западе известна давно. Тут и пиренейские королевства в борьбе с исламом, и иерусалимская корона в полукольце арабских княжеств — корона, служение которой на протяжении столетий было огромной честью в глазах христиан, превращавшееся в двигатель крестовой экспансии. Как не вспомнить и роль Немецкого ордена в Прибалтике, вплоть до Констанцкого собора, смотревшего на себя как на передовой форпост в борьбе со схизматиками и язычниками! Чем сильнее внутреннее единство религиозного сообщества, тем сильнее ощущение границ, даже когда они раздвигаются под давлением экспансии, и вместе с тем сильнее чувства избранности, особой миссии тех, кто стоит на границе. Особая роль пограничья прошла сквозь всю историю Средневековья — вплоть до Нового времени, когда двуглавая держава Габсбургов, опираясь на свои испанские и австро-германские половины, с успехом разыгрывала роль и защитников христианского мира в борьбе с османами на берегах Дуная, и мощного двигателя атлантической миссии, распространявшей и укоренявшей веру в странах Нового Света. Национальный, этнический субстрат пока еще не был замечен в этой региональной идентичности, пограничье все еще смыкалось с религиозными координатами¹.

Казалось бы, буря реформационного века должна была поколебать прежние ориентиры, чрезмерно усложнить картину и открыть путь гораздо более тонким мотивам, до той поры скрытым под плотным покровом христианской миссии и церковного единства. Но здесь внезапно, хотя и в новом обличье, предстали старые формы. Религиозный раскол XVI в. парадоксальным образом обратил функцию границы

вовнутрь: отныне протестантский север противостоял католическому югу, а множество светских и духовных владений неожиданным образом оказались противопоставлены друг другу в силу религиозного размежевания. Для немецких земель раскол имел, пожалуй, самые болезненные, плохо поддававшиеся политической терапии, последствия. Как ни одна другая европейская держава, империя вынуждена была пережить фазу адаптации двух, а позже с конца XVI в. и трех своих религиозных половин к универсальному целому. В отличие от Франции, где гугеноты всегда, даже на гребне религиозных войн, формировали абсолютное меньшинство, в отличие от Нидерландов, где северные провинции всегда компактно придерживались кальвинизма, в империи и протестантский север, и католический юг всегда лишь условно делили религиозную карту. Оставалось множество вкрапленных, там и сям усложнявших четкую линию границ. Чтобы сохранить единство, императоры после заключения Аугсбургского мира в 1555 г. вынуждены были все время идти на компромиссы, перестраивать работу правительственного аппарата, поддерживать динамичные отношения с лидерами религиозных групп и лавировать в лабиринте регионально-династических интересов.

Аугсбургский мир призван был увековечить не только наличие двух конфессий в империи, но и незыблемость религиозных границ: все, что на 1 января 1552 г. оставалось в руках католической церкви, закреплялось за ней навсегда, и все, что к этой дате было секуляризовано евангелическими сословиями, оставалось же за ними. Современники, разумеется, не могли предвидеть последствия. Реформация продолжала подспудно распространяться во владениях, казалось бы, навсегда закрепленных за старой церковью. Консолидировались и католические силы, стремившихся не только покончить с протестантской пропагандой в своих землях, но и «отбить назад» секуляризованные владения бывших епископств и монастырей. Конфессиональные процессы продолжались, такова была логика общественной жизни, их невозможно было приковать к каркасу мирных решений 1555 г., тем более, что многие положения этого мира сами страдали двойственностью и туманностью: императору и сословиям важно было лишь договориться по принципиальным вопросам, пресечь вооруженную смуту².

Но при всей относительной прочности Аугсбургский мир проводил именно конфессиональные рубежи, рассекая тем самым многовековой владетельный пейзаж империи еще и по религиозному признаку. Создавался эффект «глубокого тыла» и «приграничья», неизбежно

вытекавший из этой перекройки. Укреплялось и осознание принадлежности к границе среди населения, среди подданных владетельных князей и городских общин.

Пространственная идентификация рубежей становилась подчас непривычной и неожиданной: сплетение улиц вокруг католической общины, например, в имперском городе Донауверте, или же ручей, отделявший католические и протестантские приходы в забытой Богом деревушке Мюлен во Франконии. Надо было привыкнуть к переменам, и на то требовалось время. При том юридически незыблемость границ возглашалась и, казалось, гарантировалась, но на деле перспективы подчас были туманными. Отсюда и еще один фактор, подталкивавший к усиленным рефлексиям идентичностью: стремление быть готовыми к отпору, стоять на страже, следить за всем, что происходит неусыпным оком часового религиозных интересов. И вполне можно было бы предположить: чем сильнее тревоги за будущее, тем заметней консолидация единоверцев — на том, «католическом» берегу ручья, здесь, на крохотном пяточке у монастыря доминиканцев, или же в масштабах обширных территорий, как, например, в пограничье баварских Виттельсбахов. Иными словами, комбинация двух, казалось бы, совершенно разных факторов — раз возглашенных прав и необходимость их отстаивания в борьбе — могла усиливать ощущение принадлежности к религиозному фронту, к передовой конфессиональной борьбы. Не случайно Х. Шиллинг связывает именно с концом XVI в. пик конфессионализации, т. е. момент, когда подросло первое поколение тех, кто вырос в лоне новых конфессий и не испытывал колебаний с выбором. Именно тогда должно было оформиться чувство бдительности на религиозных рубежах.

Именно в таких условиях ближе к середине XVI в. возникли зоны, как бы мы их назвали, пограничного мироощущения с необычайно сильной энергетикой религиозной миссии. Обращенная вовнутрь империи, к «своим» религиозным половинам, она подчас могла выступать в чрезвычайно важной роли укрепления религиозного единства.

Для лютеранской Германии такую роль сыграло герцогство Вюртемберг, оказавшееся на крайнем юге в окружении сплошь враждебных католических владений. Восточный сосед — католическая Бавария, на западе — католические же анклав баденского маркграфства, владения французской короны, на юге — объятые войной швейцарские кантоны, и лишь на севере — франконские княжества протестантской ветви Гогенцоллернов. Вюртемберг после 1555 г. волею судеб оказывался крайним в череде южных лютеранских княжеств Германии.

Напомним главные вехи его истории. Возникнув среди множества мелких княжжеств владений, графство Вюртемберг резко усилилось в смутах XIV–XV вв. Чрезвычайно раздробленный, пестрый и мелкий владетельный пейзаж Швабии наложил «родимое пятно» на географию княжества. Оно медленно консолидировалось в треугольнике Тюбинген — Штутгарт — Урах, потихоньку вовлекая в круг сателлитов еще более слабые соседние сеньории. Постоянно страдая от династических разделов — этого бича патриархальной культуры, и постоянно спасаясь биологическими «случайностями» чудом выживших наследников и их рачительной политикой, Вюртемберг сумел предстать к исходу Средних веков самым сильным фактором на юго-западе империи. Искусно манипулируя местными условиями, граф Эбергард Бородатый сумел заручиться поддержкой престола, стать соратником императора Фридриха III и его сына Максимилиана I и в 1495 получить герцогскую инвеституру. Вюртемберг с тех пор — важнейший объект имперской политики на юге Германии³.

Реформация весьма рано затронула земли Вюртемберга, совпав по времени с начавшимися знаменитыми крестьянскими волнениями и очередным династическим кризисом. Герцог Ульрих, внук знаменитого Эбергарда, рассорился с сословиями и был изгнан в 1519 г. из собственной земли силами того самого Швабского союза, на помощь которого сильно рассчитывал в свое время его дед. Княжество было оккупировано Габсбургами. Там прокатилась волна репрессий, заглушившая на время протестантское движение. Но в 1534 г. в дело вмешался Шмалькальденский союз немецких протестантских князей. При поддержке единоверцев Ульрих вернулся на родину, войска королевского наместника были разбиты, и реставрация стала свершившимся фактором.

Реформация, казалось, получила твердое подспорье. Общество и власть все более консолидировались в лоне единой Лютеровой конфессии. С 1535 г. начались официальные преобразования, санкционированные властью в области культа и секуляризации. Причем герцог и его советники ориентировались здесь на саксонский образец — самый успешный на тот момент в протестантской Германии. Своеобразие вюртембергской Реформации придавала проблема монастырей. Исторически Вюртемберг не располагал епископскими кафедрами, бывшими в ленной зависимости от графов. Как и повсюду в гористой Швабии, насыщенной небольшими городками, ведущей силой церкви были монастыри, среди которых 14 так называемых «мужских общин» обладали особым сословным статусом и находились под опекой со-

словного собрания. С началом преобразований свыше 100 монастырских общин было закрыто. Для насельников женских обителей, впрочем, было сделано исключение, и монахини, не пожелавшие выйти замуж, получили возможность закончить свои дни в монастыре Маульбронн за счет средств церковных поместий. Большое число бывших священников и дьяконов получило возможность по принятии новой веры занять место в новых структурах лютеранской церкви.

Реформированию подвергся и университет в Тюбингене — гордость Вюртемберга и главная кузница правительственных кадров. Правда, здесь повлияла скорее гессенская, нежели саксонская модель. Для содержания богословского факультета был выделен даже отдельный округ, а позже с 1547 г. сам факультет разместился в бывшем монастыре августинцев на берегу Неккара. Появился и свой катехизис, в южнонемецком варианте, под пером знаменитого реформатора города Галля Иоганна Бренца⁴.

Шмалькальденская война прервала ход преобразований. Герцог Ульрих оказался в опале, его верный союзник ландграф Гессенский Филипп не мог помочь своему давнему другу и сам с начала 1547 г. вынужден был спасаться в глубинах центральной Германии, теснимый императорскими войсками. Ульрих, судьба которого словно насмешкой возвращала события полувековой давности, бежал в Гоэнвиль и позже, потеряв всякую надежду, вынужден был пасть на колени перед Карлом V в Ульме. Король Фердинанд, прекрасно понимавший возможности момента, стремился в полной мере использовать капитуляцию Вюртемберга. Против Ульриха готовился новый судебный процесс по обвинению в фелонии и нарушении ленной присяги. Лишь введение Интерима в 1548 г. позволило Ульриху смягчить высочайшую волю. Бывшие монастыри были восстановлены, около 400 лютеранских пастырей вынуждены были покинуть герцогство, вводился и старый порядок богослужения, исключая права причастия под обоими видами и разрешения брака для духовенства. Положение оставалось тревожным и неопределенным: Габсбурги никак не хотели отказываться от своих прав на Вюртемберг как на вторичный имперский лен, тем более, что поведение Ульриха позволяло пугать новой опалой. В конце 1550 г. старый герцог скончался, отдав бразды правления своему наследнику Христофору⁵.

Лишь победа князей в новом восстании 1552 г. резко изменила расстановку сил. Фердинанд вынужден был пойти на попятную и смягчить свой курс в отношении швабских протестантов, да и сам Христофор держался подчеркнуто в стороне от мятежных протестантских

князей. Габсбурги простили вюртембергского властителя: в обмен на 250 тыс. флоринов Христофор получал в управление все свое герцогство. Плата была высока, князь и его потомки надолго оказались должниками ландтага. В 1565 г. в обмен на погашение старых долгов сословия получили возможность контролировать религиозную и хозяйственную жизнь герцогства. Но успех был несомненен: Дамоклов меч, висевший над протестантской династией с 1519 г., был отвращен, и отношения с короной вошли в стабильное русло.

Так Вюртемберг получил мир и вместе с тем возможность созидания на религиозной ниве. Именно в период правления Христофора и его наследника, единственного сына Людвиг (с 1568 г.), Вюртемберг превращается в ведущую силу не только протестантского юга, и но и всего немецкого лютеранства.

Но именно в эти годы в полной мере выявился парадокс: по динамике религиозной жизни и административно-церковного строительства маленький Вюртемберг, почти оторванный от большого «лютеранского материка», пребывавший в неприятном соседстве католических княжеств и враждебных кальвинистских гнезд, начал стремительно обгонять не только ближайших соседей, но и саму родину Реформации — курфюршество Саксонию.

Общественная мысль хорошо запечатлела сдвиги. Очень быстро верхушка сословий, двор и правящая семья приучались видеть твердый монолит веры в настоящем и прошлом. На протяжении уже первых поколений времен Аугсбургского мира образованные люди должны были убедиться в духовном единстве династии и подданных. Под таким соусом рождалась новая придворная историография. В лице Георга Гаднера и его младшего современника Освальда Габелькофера выступили летописцы, совершенно сознательно стиравшие различия и споры между первыми лютеранскими властителями Вюртемберга, между герцогом Ульрихом и его сыном Христофором. Возникал эффект абсолютной преемственности, подчеркнутой верности раз сделанному религиозному выбору. Все, что могло доказывать обратное, либо игнорировалось, либо трактовалось происками злых сил, врагов св. Евангелия.

Пример Гаднера кажется здесь особенно показательным. Труд его был написан по личному поручению сына Христофора герцога Людвиг в ответ на просьбу католического властителя Тироля, знаменитого эрцгерцога Фердинанда прислать ему биографии вюртембергских предшественников. Придворному летописцу создали все возможности: допустили в архивы, позволили делать выписки из важных бумаг.

Но сколь скрупулезно и сколь предвзято ученый муж отнесся к своему труду! Все акты, сколь-нибудь негативно отражавшие историю деда правящего герцога, были обойдены вниманием или же истолкованы в выгодном для династии свете. Убийство Ульрихом несчастного Гуттена, как известно, спровоцировавшее выступление сословий, разлад с супругой Сабиной Баварской и ее бегство от мужа были вовсе не упомянуты в биографии Гаднера. Захват же городка Ройтлингена выставлен вынужденной контрмерой герцога в борьбе со своевольной общиной. Ульрих — средоточие достоинств, его история — зеркало истинно добродетельного князя.

Столь же блистательным предстал и наследник Христофор — достойный преемник отца, помогавший ему с юности и воспитанный в лучших традициях государевых достоинств. О размолвках и коллизиях — ни слова. Примечательно, впрочем, другое: перед нами явно пропагандистский и притом обращенный к противной, католической стороне трактат, призванный выставить историю лютеранской династии не только в самом лучшем свете, но и в совершенной преемственности правителей. История настоящего монолита, брызжущего лучами славы и добродетелей!⁶

Несколько иначе подошел к делу младший современник Гаднера Освальд Габелькофер (1539–1616), которого местное краеведение до сих пор почитает первым профессиональным хронистом, использовавшим весьма внушительное для своего времени собрание источников. Габелькофер в «Вюртембергской истории» не умалчивает о неприятностях правления Ульриха, он склонен дать гораздо более насыщенную и внешне объективную картину. Но его аргументация и оценки целиком на стороне правящей династии. Все, что вершил в долгое свое правление Ульрих и его наследники, вполне последовательно вытекало из логики обстоятельства, было оправдано высшим промыслом и историей⁷.

Нельзя сказать, что лютеранская историография в Германии тех лет явно отставала от вюртембергских хроник. Ближе к концу века явная глорификация становилась очевидной и под пером ученых светил других территорий⁸. Но все же первые свидетельства, говорившие о намерении выставить евангелическое настоящее триумфом в вечности и для народа, и для династии, стало ощутимым именно при дворе вюртембергских правителей. В Саксонии, например, вторая половина XVI в. пройдет, скорее, под знаком сурового наставничества, мрачных прогнозов и страхов за будущее. Там лишь в самом конце столетия намечаются перемены. Вполне возможно, что здесь, особенно в случае

с Гаднером, предстают плоды внешней пропаганды. Текст, как уже отмечалось, адресовался католикам, что побуждало в ускоренном порядке мобилизовывать исследовательский ресурс на защиту династии. Но это ничего не меняет в оценках. Та ментальная операция, которая лишь неспешно протекала в хорошо защищенных землях центральной Германии, свершилась стремительно на краю ее лютеранских рубежей. Правоверным лютеранам думалось яснее и быстрее вблизи католических соседей.

Итак, единство династии и общества становилось непреложным фактором общественной мысли. Но было и прямое ощущение плацдарма, передовой религиозной борьбы. Еще Ульрих в огне смут занялся с 1534 г. перестройкой замков в своих владениях. Сын его продолжил масштабное строительство. Так выросли хорошо укрепленные по инженерной моде тех лет замки Гоэнасперг, Гоэннойффен, Гоэнурах, Гоэнтвиль. Появилась новая цитадель в Тюбингене и в городах Шорндорфе и Кирхгейме.

Перечень впечатляет, но если провести линию, соединяющую указанные крепости, то она почти совпадала с северными и восточными границами герцогства, т. е. прикрывала самые опасные направления со стороны Дуная и северных католических епископств, равно как и со стороны Баварии. Возникло гигантское полукольцо. Не случайно вожди Шмалькальденского союза сильно рассчитывали на этот почти идеальный плацдарм, глубоко врезавшийся в толщу католических земель. Естественно, в ходу были инженерные инновации тех лет: крепости строились с использованием итальянской фортификационной системы, иными словами, были снабжены каменными бастionsами и основывались на правильной геометрической планировке⁹.

Но удивительно то, как комбинация стратегической программы и технического воплощения повлияет на архитектурные вкусы династии и позже. Давно уже общим местом искусствоведческих штудий стало подчеркивание ренессансных веяний в Вюртемберге второй половины XVI в. Штуттгартский замок, перестроенный в правление Христофора и Людвиг, стал первым знаком перемен, правильный четырехугольник с изящной аркадой по периметру внутреннего двора. В 1583 г. архитектор Георг Беер приступил к строительству увеселительного павильона поблизости от главной резиденции в строгом соответствии с новыми вкусами и замечательно украшенным танцевальным залом. Но главные перемены произошли позже. Племянник Людвиг Фридрих в конце 90-х годов решил возвести настоящее чудо: целый город с идеальной лучевой планировкой. Сей шедевр

местного градостроительства получил название «город Фридриховой радости» — Фройденштадт, и долгое время восхищал тонких знатоков архитектуры прямым воплощением ренессансного завета.

Мы не будем спорить относительно непосредственных импульсов, побудивших весьма образованного государя направить финансовые потоки на столь масштабное строительство. Фридрих много путешествовал, бывал в Италии, а его придворный архитектор Шикхард составил даже альбом, запечатлевший все важные шедевры итальянского зодчества. Влияние Апеннин бесспорно. Но мы все же осмелились бы связать эту кульминацию ренессансного зодчества с первоосновой, восходившей к простым стратегическим соображениям времен Ульриха, к привычке оглядываться по сторонам, ощущая себя в изолированном массиве, посреди враждебного окружения. Ренессансный стиль как нельзя лучше мог соответствовать привычному курсу. Замок — четырехугольник, замкнутое пространство, внутри которого все подчинено строгим, прямым сечениям линий. Мы подчеркнем: едва ли Фридрих мог осознавать все нюансы и обязательно держать в уме концепцию «плацдарма». Но перед ним уже были примеры отличных гнезд. К ним добавлялись и резиденции в далеком Мемпельгарде — отрезанном ломте вюртембергских владений, окруженном со всех сторон землями французской короны¹⁰.

Есть и еще одно, правда, довольно позднее доказательство наших соображений. В 1619 г., спустя четверть века после основания ренессансного чуда, уже в начавшейся войне о нем с совершенно казалось бы неожиданной стороны вспомнит знаменитый Иоганн Валентин Андреа, проповедник, моралист и великий мистик, второй по масштабам после знаменитого Иоганна Арндта. В тот год на свет появится его главный труд, насквозь пронизанный мистическими откровениями и чаяниями идеальной жизни, «Описание христианского града». Его часто причисляют к первым утопистам Европы, забывая, пожалуй, о главном: на страницах его трактата в идеальных пропорциях представлен образ герметично закрытой конфессиональной общины. В общем здесь не было ничего удивительного. Примерно так же подавали свои острова разумных христиан все утописты эпохи. Если бы не два обстоятельства: Андреа был вюртембержцем, хорошо знавшим свою родину, и его описание града избранных точь-в-точь повторяло композицию архитектурного шедевра Фройденштадта. Любопытный ученый хорошо знал исторический ландшафт Вюртемберга, и детище герцога Фридриха было известно ему досконально. Примечательно здесь как раз то, что именно идеал регулярной, но замкну-

той планировки наложился на идеал замкнутой общины истинных христиан. Материальные формы насытились духовным содержанием, стены соединились с людьми ¹¹.

Как нельзя лучше перед нами предстает логичный итог в развитии иллюзии «плацдарма», «передового рубежа», возникшей за сто лет до Андреа. Едва ли мы сыщем где-либо подобное в протестантской Германии, вышедшее из-под пера местного патриота!

Таково было восприятие форм, идентичность веры и страны. Но это лишь выступало одной стороной процесса. Другой, и для Германии гораздо более важной, была непосредственно миссия Вюртемберга и вюртембержцев в деле лютеранского воцерковления. Ни один протестантский регион не дал стольких подвижников, богословов и советников в деле укоренения лютеранства, как Вюртемберг во второй половине XVI в. Без участия вюртембергских светил нам трудно было бы представить ход церковной реформы уже после победы Евангелия в ключевых немецких землях, даже в Саксонии.

Знатоки административно-территориальной организации могут легко сыскать ответ: все дело в особенности школьной реформы, проведенной в герцогстве в годы правления Христофора. И действительно, как нигде в реформированной Германии, конфискованное имущество старой церкви в столь внушительных размерах пошло на образовательные нужды. На почве 14 секуляризованных мужских монастырей в 1555 г. были образованы монастырские школы в строгом соответствии с пожеланиями самого Лютера видеть в остатках католических капищ рассадники евангелической учености. Хотя к 1599 г. из-за финансовых соображений их осталось всего четыре, стройность отточенной системы ничуть не пострадала. Основы были заложены в 1559 г. в статьях большого церковного устава, ставшего своеобразным основным законом церковной жизни герцогства. Мы назвали бы эту систему трехуровневой. В основании располагались городские латинские школы, числом около 50, причем содержание их работы целиком определялось городскими советами. Выпускники получали возможность поступить как раз в монастырские школы, но только сдав предварительно «главный экзамен», или выпускное испытание, именовавшееся уже тогда собственно «государственным» (Landesexamen) в Штутгарте. Лишь прошедшие сито испытаний формировали весьма ограниченный круг из 20–25 учеников. Их и принимали в две так называемые «низшие» монастырские школы из четырех оставшихся к концу XVI в.

Отметим, что сама процедура была в социальном смысле совершенно открытой, и квот от сословий еще не существовало — опять-таки в соответствии с пожеланиями Лютера давать будущее всем, у кого имелся Божий дар. Но особенно преуспели семьи лютеранского духовенства, пропускавшие через монастырские школы свое потомство. Число выпускников, таким образом, все время росло, и на их содержание требовались специальные ресурсы. В 1565 г. ландтаг изъявил готовность выплачивать стипендии 350 учащимся тогда еще работавших монастырских школ. Поразительно, что был определен не верхний, а нижний порог численности обучавшихся в школах и университете студентов, т. е. минимальное число стипендиатов.

Понятно, что большинство готовилось к пасторскому служению. Но для княжества с 650 приходами такое число было явно избыточным. Неизбежно возникал излишек, и именно он мог сыграть роль мощной миссионерской группы для остальной Германии. Кроме того, ученики, проходившие курс за свой счет, также не имели доступа к местной церковной службе по окончании учебы. Они либо позже пополняли студенчество местного университета, либо отправлялись восвояси. Верхушку же образовательной системы венчал Тюбингенский университет с главным богословским факультетом в помещении бывшего августинского монастыря¹².

Но помимо особенностей системы отчетливо видны функции приграничной миссии. На западных рубежах, на границах с Францией в графстве Мемпельгард, еще с 1560 г. получало стипендии 10 учеников, включая выпускников двух немецкоязычных школ Эльзаса. Появлялись и частные стипендии для уроженцев средиземноморского юга Словении и Крайны и даже Польши. Из этих же областей обучались студенты в самом Тюбингене.

Наконец, образовательная реформа комбинировалась с церковно-административной. Нигде в Германии мы не встречаем до той поры столь четкой централизации и жесткой подчиненности светским и духовным инстанциям. Нигде мы не видим столь последовательного сближения духовной и светской власти. Канцлер тюбингенского университета не избирался, а назначался княжеской властью, первые три профессора университета были одновременно пробстами, деканами и пасторами главной приходской церкви св. Георга. Была создана и еще одна, четвертая профессура, специально предназначенная для генерал-суперинтенданта Вюртемберга. Одновременно возникла и вертикаль церковной власти с акцентированным единоначалием в лице самого государя и церковного совета¹³.

И все же помимо специфики реформ невозможно обмануться в личной силе, в духовном подвижничестве и авторитете вюртембергского духовенства второй половины века. До герцога Христофора Тюбингенский университет выглядел совсем блекло в окружении других южнонемецких педагогических центров. Даже Реформация не сразу смогла разбудить его энергию. Из всех видных теологов середины века, пожалуй, можно отметить лишь одного — Давида Цитреуса, принадлежавшего, впрочем, и к саксонской школе, поскольку он учился в свое время в Виттенберге. Позже из него вырос крупный богослов в Ростоке и реформатор в Австрии¹⁴. Саксонские университеты, бесспорно, лидировали в группе главных рассадников реформационных идей в те годы. Но положение дел резко изменилось с середины века, особенно с начала 60-х годов. Вюртемберг стал своеобразным поставщиком ученых кадров, в том числе и для самой Саксонии.

Объяснение феномена, конечно же, побуждает видеть в основе прежде всего внутренние проблемы самого евангелического лагеря. Став родиной Реформации, ведущие саксонские университеты превратились и в источники внутренней эрозии. Догматические разногласия между Меланхтоном и ортодоксами, особенно после кончины самого Лютера, помноженные на вынужденный компромисс Интерима, с годами выросли в настоящий раскол. Чем больше в Вюртемберге формировался конфессиональный монолит, тем острее становились противоречия в срединных землях, оставшихся после 1555 г. в глубоком тылу протестантской Германии. При всем том, что Меланхтон в глазах и Августа I, и множества других имперских чинов выступал прямым продолжателем Лютера, его личный авторитет не мог преодолеть различие в догматических толкованиях. Примечательно, что в годы, когда в Вюртемберге последовательно закладывались основы прочного административного здания церкви и издавались первые масштабные уложения, Меланхтон так и не смог договориться с гнезиолютеранами (Вормс, 1557), а сразу же после его кончины в 1560 г. провалилась попытка князей и богословов выработать общую платформу в Наумбурге. До 1574 г. можно считать состояние раскола «стабильно тяжелым». Во всяком случае, легко можно увидеть своеобразные ножницы в процессе конфессионализации между югом и центром. Если в первой половине века в Вюртемберге Реформация все время опаздывала в сравнении с саксонской моделью, где уже в 30–40-е годы формировались «протоструктуры» церковной организации, то в середине века возник сбой. Саксонский протестантизм пробуксовывал в обстановке ширившейся внутренней конфронтации. В Вюртемберге, напротив, стал

заметен прилив свежих сил и страна пошла семимильными шагами в деле церковной организации, явно обгоняя родину Лютера.

Лучше всего это выразилось как раз в миссии преодоления раскола, осуществленной Вюртембергом со своего пограничного плацдарма. Здесь роль первой скрипки сыграли как раз выпускники тюбингенской школы.

Условно мы бы рискнули выделить два поколения ученых мужей, чей вклад в становление немецкого лютеранства оказался весьма весомым. У истоков следует, видимо, видеть отнюдь не Иоганна Бренца, «вюртембергского Лютера». При всем бесспорном вкладе в лютеранское богословие Бренца всегда держали вдали от большой административной работы, то ли по причине востребованности в иных местах, то ли по причине неумного характера. Лишь два года (1537–1539) он непосредственно консультировал двор в вопросах реформационных преобразований. По-настоящему патриархом будущих миссионеров стал Якоб Хеербранд (1521–1600), воспитавший подле себя блистательную плеяду ученых и оракулов Евангелия. На ниве богословия магистр Якоб выделился «Теологическим компендиумом», изданным в 1573 г., ничем особенно не примечательным, кроме аккуратного воспроизводства лютерового богословия и популярностью у публики, особенно после появления сокращенной его редакции, так называемых «Эпитомий»¹⁵.

Важно, здесь, впрочем, видеть строгое следование ортодоксии по всем спорным пунктам. В этом смысле относительно запоздавшая конфессионализация Вюртемберга имела свое преимущество: догматика здесь всегда отличалась прочностью и резким отторжением всяческих цвинглианских и кальвинистских инъекций. Напомним, что учение Бренца о двояком присутствии с самого начала стало определяющим в богословской мысли Вюртемберга. Таких колебаний, как позже в Саксонии, местное богословие никогда не испытывало.

Хеербранд подготовил наследников, взлелеянных в строгом следовании ортодоксии. Но рядом с ним оказался современник, первым масштабно реализовавшей миссию в протестантских землях, — Якоб Андреа (1528–1593). Дед знаменитого мистика, словно воплощал лучшие примеры ветхозаветного трудолюбия. Сын простого плотника последовательно восходил к вершинам иерархии: с 1553 г. — суперинтендант, с 1562 г. — канцлер Тюбингенского университета. Христофор и позднее Людвиг всецело доверяли ему, и уже на посту суперинтенданта Андреа охотно помогал соседним лютеранским властителям. В 1555 г. он участвовал в реформировании графства Хильфенштайн, а уже в следу-

ющем отправился в маркграфство Баден—Дурлах. В 60-е годы слава его лишь возросла благодаря участию в церковных преобразованиях в имперской общине Хагенау, а в 1568 г. — в далеком северном Брауншвейге. У Андреа совмещались столь необходимые для дела достижения протестантского единства качества: он в глубине души терпеть не мог «филиппистов», но всегда садился за стол переговоров, когда к этому вынуждала ситуация, и всегда готов был помочь княжеской власти, даже наступая себе на горло и видя слабость самой власти¹⁶.

Именно такой человек оказался бесценным для саксонского курфюрста Августа на переломе после разгрома «филиппистской» фракции при дрезденском дворе. Андреа был не просто приближен к высшей правительственной сфере, он получил возможность прямо влиять на профессиональный курс Дрездена. И здесь мы должны отметить сходство этих двух совершенно разных, казалось бы, людей: курфюрста и его советника из далекого Вюртемберга. Обоих роднило умение не сразу, не рывком, а продуманно и последовательно идти к желанной цели. Достижение единства среди лютеран Андреа воспринимал как поэтапный путь, пролежавший через региональные объединения: сперва он добивался единства юга («швабское согласие»), позже в Брауншвейге и лишь затем единения Саксонии с остальными регионами. Формула Согласия, подписанная в монастыре Берген в 1577 г., стала кульминацией и триумфом деятельности Андреа на богословском поприще.

Влияние вюртембергских светил не пропало и позже. С 70–80-х годов в бой за чистоту веры вступило второе поколение, следовавшее заветам Хеербрандта и Андреа. К их числу, конечно же, следует отнести впечатляющую фигуру Эгидия Хунния (1550–1603), ученика Хеербрандта, готовившего преобразования в Марбурге при дворе тамошних ландграфов Гессенских и позже перебравшегося в Виттенберг. Хунний обычно считается первым крупным представителем ортодоксии. Как богослов и пастор он стал автором больших компендиумов и комментариев по вопросам лютеранской этики и философии. С него начинается путь осмысления мира лютеранским взором. Под его пером был переброшен мост от чисто догматической материи к внешней: лютеранство должно было стать нормой повседневной жизни. Однако именно в Марбурге его деятельность принесла самые ощутимые плоды. Гессен исторически был местом пересечения двух религиозных течений в протестантизме, шедших из Швейцарии и близких кальвинизму, и из Саксонии, ортодоксально лютеранских. Марбургское наследство, выделившееся после кончины Филиппа Великодушного в 1567 г.

в самостоятельный удел, находилось в руках ландграфа Людвиг, склонявшегося к ортодоксии, но находившегося под давлением северных кассельских родственников. Неожиданное для многих приглашение Хунния в 1575 г. стало поворотным моментом. Сам ландграф до последнего момента склонялся к кандидатуре Мартина Хемнитца и ростока Давида Цитреуса. Первый был родом из Брауншвейга и сыграл свою роль в примирении 1577 г., второй также имел отношение к Тюбингену, но рано покинул Вюртемберг. Возникла тягостная дилемма. Но за молодого шваба (Хуннию тогда шел 26-й год) заступился Марбургский университет, цитадель лютеранства в Центральной Германии. Ландграф Людвиг согласился с кандидатурой шваба, надеясь, видимо, найти в ангажированном вюртембержце податливый материал. Но вышло иначе: Хунний прекрасно осознавал возможности карьеры при марбургском дворе и не собирался выступать на вторых ролях. За его плечами была прекрасная школа: его путь был классическим для вюртембергского пастората — от монастырской школы до университета в Тюбингене. И Хунний энергично взялся за дело, вскоре прибрав к рукам руководящие позиции в духовном окружении ландграфа. Он же оказался и самой авторитетной фигурой в университете. Бескомпромиссность в борьбе с остатками филлиппизма, строгая верность ортодоксальной линии не только предопределили славу Хунния как религиозного борца, но и исторические судьбы самого центрального Гессена. Людвиг IV Гессен-Марбургский окажется в лагере ортодоксов, рядом со своим южным соседом, властителем Дармштадского удела. До 1592 г. вюртембержец будет стоять у колыбели всех важнейших церковно-административных преобразований в Марбурге¹⁷.

Не менее значимую роль, чем Хунний в Гессене, сыграл его младший современник Поликарп Лейзер (1552–1610) в Саксонии. Так же, как и Хунний, Лейзер совершил классическую карьеру духовного лидера. Ранняя смерть отца, приходского пастора, и второе замужество матери ввели его в весьма престижный круг родства: мать его Маргарита приходилась невесткой знаменитому Якобу Андреа. Второй же ее брак с Лукой Осиандером, сыном знаменитого нюрнбергского реформатора Андреаса Осиандера, вновь был показательным в духовном значении. Позже отчим Поликарпа станет надворным духовником при дворе герцогов в Штутгарте. Сам Поликарп учился в монастырской школе и позже оказался в университете Тюбингена. Там он получал княжескую стипендию и в 1570 г. стал магистром. Лейзер был, пожалуй, наиболее показательным экспонентом вюртембергской педагогической модели¹⁸.

В Саксонию «магистра Поликарпа» привела проторенная дорога, связи и ходатайство княжеских покровителей. В 1576 г. курфюрст Август, получив отменную аттестацию на Лейзера, призвал его в Виттенберг. Причина была очевидна: тамошний университет нуждался в приливе свежих сил ввиду недавних чисток от сторонников кальвинизма и близящейся развязки в деле согласия между двумя лютеранскими группировками. Ему надлежало принять сразу три поста: суперинтенданта, профессора теологии и ассессора консистории. Молодой вюртембержец колебался, прекрасно осознавая степень ответственности. И все же в течение 1577 г. он принял все три.

Разумеется, выбор облегчался надежной протекцией со стороны дяди по линии матери Якоба Андреа, на тот момент уже ставшего оракулом всех духовных начинаний в курфюршестве. Десять лет Лейзер проходил тяжелую школу повседневной рутины, проповеднического мастерства и административной практики, десять лет ковался его характерный почерк нестигаемого борца за чистоту Евангелия. Именно в эти годы молодой пастор обрел роль, воспринятую последующими поколениями подданных курфюрста Саксонии: знающий, упрямый, бескомпромиссный и очень доступный для прихожан. Стиль и слог его проповеди, напрочь лишенный академического изыска, простой и понятный, станет ниточкой к тысячам сердец. Даже сегодня, спустя четыре сотни лет, состарившиеся странички его текстов подкупают искренностью слова. Их легко распознать в потоке тяжеловесных рассуждений его современников.

В 1587 г. грянула пора испытаний: кончина Августа привела к важным переменам в правлении. Наследник курфюрста Христиан, великий идеалист на вершинах власти, все еще тщился надеждой объединить разрозненный блок европейских и немецких протестантов. Здесь не место рассуждать о драме его личности. Отметим только, что мечты нового курфюрста открыли — быть может, и невольно, дорогу ко двору уцелевшим сторонникам Кальвина. Так вокруг государя сложился кружок лиц, мечтавших о продолжении реформ местной церкви уже в реформатском духе.

Лейзер не мог и, видимо, не желал быть свидетелем отступничества. В 1567 г. он принял приглашение в Брауншвейг на должность помощника интенданта местной церкви. Саксонию Лейзер оставлял неохотно, тем более, что в самом Брауншвейге ему пришлось сразу же вступить в спор с собственным начальством на предмет токования причастия и Формулы Согласия. Лишь в 1591 г. наступит желанная развязка: смерть саксонского курфюрста вновь изменила положение.

Регент при малолетних детях покойного Христиана I герцог Фридрих Вильгельм Веймарский призвал Лейзера в Дрезден. Сперва, правда, его хотел видеть в своих стенах Лейпциг, но под давлением правительственной власти вюртембержец оказался в 1592 г. все же в Дрездене.

Второе появление Лейзера в Саксонии ознаменовалось кипучей деятельностью в борьбе за очищение курфюршества от последних остатков кальвинистской ереси. Лейзер был непосредственным организатором визитаций и, ко всему прочему, получив пост первого надворного духовника, стал личным исповедником курфюршеской семьи. Заслуги его здесь были огромны: он реорганизовал духовное наставничество детей покойного государя, следил за их воспитанием, был причастен к выработке надворных уложений по обустройству детских комнат принцев. Наконец, он решающим образом повлиял на конфессиональный профиль двух последующих правителей Саксонии: курфюрста Христиана II (1601–1611) и Иоганна Георга I (1611–1656). То, что этот дуэт станет оплотом лютеранской ортодоксии и образцовым воплощением патриархального правления — заслуга магистра Поликарпа. След его влияния будет ощущаться и позже: сын его Поликарп Лейзер Младший остался в Саксонии и сделал карьеру в Виттенбергском университете¹⁹.

Таковы самые существенные вехи духовного влияния Вюртемберга. Но за ним следовал толчок и в административно-правительственной сфере. Он формировал другую плоскость воздействия пограничного плацдарма на внутреннюю протестантскую Германию. Мы уже упоминали о той энергии, с каковой выпускники Тюбингенского университета принимались за реформирование церковных структур в соседних землях. Баден—Дурлах и ряд графств, расположенных по течению Рейна выступали первыми объектами вюртембергской экспансии. Но во второй половине века самым заметным оно сделалось в Гессене и Саксонии.

В Марбурге появление Эгидия Хунния в 1576 г. ознаменовалось перестройкой всей образовательной системы и базовых элементов лютеранской церкви. Хунний скептически относился к миссии генеральных синодов в условиях формальной кооперации гессенских княжеств. По его мнению, синоды служили лишь источником богословских споров и раскола, особенно в условиях, когда северный Гессен не хотел рвать с традициями Меланхтона и швейцарской Реформации. Хунний считал необходимой жесткую централизацию, всячески стремился укрепить роль центральных правительственных инстанций и строгую соподчиненность высших церковных и университетских

должностей. Решающий перелом обозначился после 1582 г., когда безрезультатно закончил свою работу очередной генеральный синод всех частей Гессена. С этого момента под влиянием вюртембержца в южной половине Гессена все сильнее утверждался консисториальная модель церковной организации. Роль синода — главного представительного органа, все более отодвигалась на задний план. Ландграф Людвиг Гессен-Марбургский чувствовал себя весьма уверенно в роли вершителя судеб лютеранской церкви в своих владениях, ему импонировала решительность его главного советника по духовной части. К тому же годы юности ландграф провел непосредственно в Вюртемберге при дворе герцога Христофора. Как полагает М. Рудерсдорф, князь видел в Вюртемберге готовый вариант организации власти, который нужно было лишь последовательно осуществить на родине.

Вмешивался Хунний и в университетскую жизнь. Он хотел реформировать Марбург по тюбингенскому образцу, за счет унификации преподавания и личного подвижничества ученых мужей. Целенаправленно поощрялись ученые и педагогические связи с Вюртембергом. По подсчетам историков, около 40 марбургских студентов в период между 1578 и 1586 гг. стажировались в Тюбингене. Среди них были дети и горожан, и местного дворянства, причем даже те, кто предпочел теологии юриспруденцию или другие дисциплины, все равно оставались в Тюбингене. Швабская *alma mater* уверенно играла роль популярнейшего педагогического центра. Важнее, здесь, впрочем, была преемственность: ученики знаменитого богослова позже заняли вакантные места на ключевых должностях университета и правительственного аппарата. Среди них Бальтазар Ментцер и Винкельманн, слава о которых прокатилась по всей Германии на рубеже столетий²⁰.

Последствия вюртембергского влияния были очевидны: единое историческое пространство Гессена окончательно развалилось. Кассельские родственники ландграфа Людвигу все более сближались с кальвинизмом. Марбург и Дармштадт, напротив, видели свое будущее в твердом следовании ортодоксии — при поддержке и давлении со стороны Вюртемберга.

Но еще более заметной вюртембергская первооснова стала в Саксонии усилиями курфюрста Августа и его правой руки в духовных вопросах Якоба Андреа. Август с самого начала своего правления мечтал видеть свои земли образцовыми христианскими владениями, а свою миссию — миссией христианизации. Именно по этой причине в 1557 г. были написаны так называемые «генеральные статьи» для будущей визитации. Но дело продвигалось крайне медленно с большой

волоконитой. Только прибытие Андреа резко изменило течение перемен. Уроки антикальвинистских чисток 1574 г. готовили благодатную почву: было ясно, что отныне только власть принимает последнее решение в вопросах церковной организации. В 1576 г. на конвенте в Торгау Андреа изложил свои соображения, которые сводились к тому, что общие визитации являются делом многотрудным и малоэффективным. Вместо них необходимо по образцу Вюртемберга визитации проводить два раза в год, весной и осенью, причем в пределах каждого округа усилиями местных суперинтендантов. Отчеты должны были отсылаться в консисторию генеральным суперинтендантам. Эти же последние готовили заключения для надворной канцелярии, в рамках которой должна была быть образована особая надворная консистория. Тем самым, по мысли Андреа, создавалась твердая вертикаль контроля и управления — в обход уже созданных консисторий, споривших друг с другом по компетенциям и оттого малоэффективных²¹.

Андреа, видимо, не решался настаивать на роспуске существующих консисторий вообще. Но под его давлением курфюрст все же приказал в 1580 г. перевести Майссенскую консисторию в Дрезден, создав таким образом, подобие верховной консистории для всего курфюршества. Шаг этот шел в разрыв с мнением сословий и вызвал нападки на Андреа со стороны местного духовенства.

Менее удачен был Андреа при введении прямого аналога вюртембергских визитаций. Совет, данный им в 1576 г., был хорош, но мало применим. Частые визитации влекли неразбериху, отчеты не успевали поступать по инстанциям наверх, решения запаздывали и появлялись, когда уже нужно было организовывать новую визитацию. Такая практика была удачна для маленького Вюртемберга и явно не подходила для столь большого княжества, как Саксония. Непрерывная мобилизация духовных кадров ложилась непосильным бременем на власть. В 1585 г. состоялась последняя генеральная визитация в Саксонии.

Зато настоящим триумфом Андреа стало принятие 1 января 1580 г. нового церковного уложения. За основу его был взят именно вюртембергский вариант. Предварительно вюртембержец апробировал мнение сословий, за год до знаменательного события ознакомив их с черновым проектом. Вновь раздалась критика: чины боялись роста влияния суперинтендантов. Но курфюрст поддержал своего соратника, уложение было принято и стало важнейшим церковным законом в протестантской Саксонии вплоть до секуляризации XIX в. Особенно сильно вюртембергский акцент ощущался в разделах об организации школьного дела, визитаций и назначениях пастората. Здесь за перво-

основу были прямо взяты статьи знаменитого уложения 1559 г. герцога Христофора.

Большие перемены были уготованы и саксонским университетам. Андреа настаивал на введении поста канцлера университета как посредника между княжеской властью и академической корпорацией. Мы помним, что аналогичное учреждение имелось и в Тюбингене. Канцлер, по мысли Андреа, не только оказывался выше университета, ибо назначался самим государем, но и мог именем власти вмешиваться и руководить всей жизнью академической общины. Курфюрсту, разумеется, импонировала подобная роль верховного куратора академических дел. Вспыхнул острый конфликт с факультетами и местной ученой элитой, стоивший Андреа немало черных дней. И все же итоговый вариант реформы был очень близок вюртембергскому прототипу²².

Так во второй половине реформационного века пограничный импульс оказался способен преобразовать духовный мир протестантской Германии. Крохотный Вюртемберг привнес свежую струю в жизнь немецкого лютеранства, и не только: он определил строительство церкви, он определял будущее. В этом смысле М. Рудерсдорф совершенно прав, говоря об эпохе Тюбингена в истории лютеранской конфессионализации. За реформами пришли в конце концов и династические связи. Они возникли у Вюртембергского дома на исходе века, под занавес «золотой эпохи» тюбингенского богословия. И были они совершенно неожиданны для традиции, но совершенно понятны по условиям времени: они протянулись к Саксонии и тюрингским княжествам. Никогда доселе вюртембергские властители не роднились с северными князьями, их круг ограничивался южнонемецкими соседями. Теперь же династическая стратегия поменяла вектор. И это объяснимо, если иметь в виду то огромное значение, которое обрел Вюртемберг своей конфессиональной миссией.

В конце века в родственниках герцога ходил регент Саксонии Фридрих Вильгельм Веймарский. В начале же нового столетия в 1604 г. младший брат курфюрста Христиана II обручился с дочерью Фридриха Вюртембергского, того самого поклонника Ренессанса и строителя Фройденштадта, детище которого будет помнить Иоганн Валентин Андреа, внук знаменитого реформатора. Брак тогда еще герцога Иоганна Георга с Сибиллой Елизаветой, урожденной герцогиней Вюртембергской, ставил своеобразную знаковую черту под эпохой доминирования южной Германии²³.

Примечательно, что среди закулисных творцов этого союза ясно угадывалась фигура Поликарпа Лейзера Старшего — наследника Яко-

ба Андреа в Саксонии. Он консультировал вюртембергских советников и был посредником, помогавшим обеим сторонам придти к счастливому согласию Письма его, хранящиеся в штутгартском архиве, указывают на размеры его участия и на него самого как авторитетную фигуру, одинаково питающую доверие и в Дрездене, и в Штутгарте²⁴.

Потом начнется иная эпоха. Наступит время Унии, и Вюртемберг отойдет на задний план в большой политике. Еще позже опустошения Тридцатилетней войны обескровят княжество и окончательно выведут его на периферию имперской жизни. Но миссия его, миссия пограничья, к тому времени уже будет выполнена. С далеких южных рубежей Вюртемберг поможет укрепиться молодой лютеранской церкви и даст свое имя золотому веку лютеранского богословия.

Примечания

¹ До сих пор проблема границ и пограничной идентичности тяготеет преимущественно к материалу нового времени. См., напр.: *Beyrau D. Grenzen, Politik, Krieg und Herrschaftswechsel. Ein Vergleich // Kriegserfahrungen. Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit. Neue Horizonte der Forschung / hrsg. von G. Schmidt, A. Schindling. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009. S. 231–272.* — Собственно по средневековой Европе весьма instructивен сборник работ: *Grenzräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich: der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa / hrsg. von K. Herbers, N. Jaspert. Berlin, 2007.* По раннему новому времени конфессиональной эпохи см.: *Grenzen und Grenzüberschreitungen: Bilanz und Perspektiven der Frühneuzeitforschungen / hrsg. von Chr. Roll, F. Pohle, M. Myrczek. Köln; Weimar; Wien, 2010.*

² Из новой литературы по Аугсбургскому миру: *Gotthard A. Der Augsburger Religionsfrieden von 1555. Münster, 2004; Der Augsburger Religionsfrieden 1555: wissenschaftliches Symposium aus Anlass des 450. Jahrestages des Friedensschlusses, Augsburg, 21. bis 25. September 2005 / hrsg. von H. Schilling, H. Smolinsky. Münster, 2007; Der Augsburger Religionsfriede 1555: ein Epochenereignis und seine regionale Verankerung / W. Wüst, G. Kreutzer, N. Schümann. Stuttgart, 2005.*

³ См. общий обзор: *Wunder B. Kleine Geschichte des Herzogtums Württemberg. Stuttgart, 2009. S. 24–49; Mertens D. Württemberg // Handbuch der Baden-württembergischen Geschichte / hrsg. von M. Schaab, H. Schwarzmaier. Bd 2. Stuttgart, 1995; Wehling H. G., Weber R. Geschichte Baden-Württembergs. München, 2007; Marquardt E., Eschenburg T. Geschichte Württembergs. Berlin, 1985.*

⁴ *Ehmer H. Württemberg // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Bd 5. Münster, 1993. S. 173–177; Press V. Ein Epochenjahr der württembergischen Geschichte. Restitution und Reformation 1534 // Zeitschrift für Württembergische Landesge-*

schichte. Bd 47. Stuttgart, 1988. S. 203–234. О деятельности Бренца до сих пор сохраняет ценность обстоятельная биография И. Хартманна: *Hartmann J.* Johannes Brenz. Leben und ausgewählte Schriften. Elberfeld, 1862.

⁵ Обстоятельства династической истории и аспекты кризиса Шмалькальденской войны хорошо отображены в монографии Ф. Брендле: *Brendle Fr.* Dynastie, Reich und Reformation. Die württembergischen Herzöge Ulrich und Christoph, die Habsburger und Frankreich. Stuttgart, 1998. S. 175–273.

⁶ Характеристику этого историка и его творчества см.: *Brendle Fr.* Dynastie. S. 3. Ср.: *Uhland R.* Gädner von Garneck // *Neue Deutsche Biographie* (далее — NDB). 1964. 6. S. 13.

⁷ *Brendle F.* Dynastie. S. 4. Краткую справку о нем см.: *Stählin.* Gabelkover Oswald // *Allgemeine Deutsche Biographie* (далее — ADB). 1878. 8. S. 290–291. Труд его так и не был издан при жизни. Опубликован лишь в 1744 г. без его имени и с авторским текстом до 1525 г. под названием «Новая вюртембергская хроника» под редакцией И. У. Штайнхофера.

⁸ *Прокопьев А. Ю.* Волшебное древо: князь в историко-генеалогической традиции Веттинов конфессиональной эпохи (середина XVI — середина XVII вв.) // *Историческая мысль в Византии и на средневековом западе.* Межвуз. сб. науч. трудов / под ред. И. В. Кривушина. Иваново, 1998. С. 160–180.

⁹ *Wunder B.* Kleine Geschichte. S. 79–81; Добротное исследование архитектуры и оборонительных функций имеется на примере Гоэнасперга: *Sauer P.* Der Hohenasperg: Fürstensitz-Höhenburg-Bollwerk der Landesverteidigung. Stuttgart, 2004.

¹⁰ Новую биографию Фридриха см.: *Sauer P.* Herzog Friedrich I von Württemberg 1557–1608: Ungestümer Reformier und weltgewandter Autokrat, Stuttgart, 2003; *Plaff K.* Geschichte der Stadt Stuttgart: Geschichte der Stadt von den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1650. Stuttgart, 2005; *Behringer W., Roeck B.* Das Bild der Stadt in der Neuzeit 1400–1800. München, 1999. S. 215 etc.

¹¹ *Kruft H.-W.* Städte in Utopia. Die Idealstadt vom 15. bis zum 18. Jahrhundert. München, 1989. S. 68–81. О творчестве И. В. Андреа до сих пор не утратили инструктивного характера исследования М. Брехта: *Brecht M.* 1) Johann Valentin Andrea. Weg und Programm eines Reformers zwischen Reformation und Moderne // *Theologen und Theologie an der Universität Tübingen* / hrsg. von M. Brecht. Tübingen, 1977. S. 270–344; 2) Johann Valentin Andreae 1586–1654. Eine Biographie. Göttingen, 2008. — Автор, на наш взгляд, справедливо подчеркивает, а не противопоставляет тесные связи ученого с ортодоксами и мистиками. И. В. Андреа предстает ученым и пастором, вполне нормированно разделяющим воззрения главных представителей вюртембергского лютеранского богословия. Он своего рода духовная квинтэссенция эпохи и региона. Из других работ отметим: *Dülmen R. van.* Die Utopie einer christlichen Gesellschaft. Stuttgart, 1978.

¹² *Ehmer H.* Württemberg. S. 178–182.

¹³ Краткую характеристику всех этих преобразований см.: *Rudersdorf M.* Tübingen als Modell? Die Bedeutung Württenbergs für die Vorgeschichte der kur-

sächsischen Universitätsreform von 1580 // Zwischen Wissenschaft und Politik. Studien zur deutschen Universitätsgeschichte. Festschrift für E. Wolgast zum 65. Geburtstag / hrsg. von A. Kohnle, F. Engehausen. Stuttgart, 2001. S. 73–83.

¹⁴ *Ehmer H.* Württemberg. S. 184. О нем: Bautz F. W. Chyträus, David // Biographisch-bibliographisches Kirchenlexicon (далее — BBKL) Bd 1, Hamm 1975, Sp. 1021–1122.

¹⁵ *Schott Th.* Heerbrand Jacob // ADB. 1880. 11. S. 242–244; Fausel H. Heerbrand // NDB. 2005. 22. S. 690.

¹⁶ Из относительно новых исследований о его деятельности: *Hofmann N.* Die Artistenfakultät an der Universität Tübingen 1534–1601. Tübingen, 1982. S. 19–20; *Angerbauer W.* Das Kanzleramt an der Universität Tübingen und seine Inhaber 1590–1817. Tübingen, 1972. S. 3–4. Биографический очерк: *Kolde Th.* Andrea Jakob // Realenzyklopedie für protestantische Theologie und Kirche. Bd 1, 1896. S. 501–505; *Brecht M.* Andrea Jacob // Theologische Realenzyklopedie (далее — TRE) Bd 2. S. 672–680.

¹⁷ *Rudersdorf M.* 1) Ludwig IV. Landgraf von Hessen-Marburg 1537–1604. Landestheilung und Luthertum in Hessen. Mainz, 1991. S. 224–227; 2) Hessen // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Münster, 1992. S. 277–279.

¹⁸ Новая биография Лейзера: *Sommer W.* Die Lutherischen Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung in Kurfürstentum Sachsen. Stuttgart, 2006. S. 115–133.

¹⁹ О деятельности Лейзера на посту воспитателя см.: *Прокопьев А. Ю.* Детская комната — основа государства? // *Albo dies notanda lapillo.* Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой / под ред. В. А. Якубского. СПб., 2005. С. 239–263; *Sommer W.* Die lutherischen Hofprediger. S. 117 сл.

²⁰ *Rudersdorf M.* Ludwig IV. S. 228–247.

²¹ *Koch E.* Aufbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen / hrsg. von H. Junghans. Leipzig, 2005. S. 205.

²² *Ibid.* S. 207; *Rudersdorf M.* Tübingen als Modell? S. 81–82; *Thomas R.* Die Neuordnung der Schule und der Universität Leipzig // Das Jahrhundert der Reformation. S. 128–132.

²³ Подробней см.: *Прокопьев А. Ю.* Иоганн Георг I (1585–1656), курфюрст Саксонии: власть и элита в конфессиональной Германии: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. С. 242–248; *Essegern U.* Fürstinnen am Kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Leipzig, 2007. S. 221–251.

²⁴ Stuttgart. Württembergisches Hauptstaatsarchiv. Hausarchiv. G 69 Büschel 1. Handlungen wegen der Heyratsanstiftung und Beredung..., 1600–1604 (документы без пагинации).

В. В. Шишкин

**МАРГАРИТА ДЕ ВАЛУА:
ПРИМЕР РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ?**

Королева Наваррская, а затем и Французская, Маргарита де Валуа (1553–1615), известная всем как королева Марго, — один из самых любопытных персонажей XVI в., привлекающая неизменное внимание исследователей и беллетристов разного рода не только своей неординарной жизнью, ролью, которую она сыграла во французской истории периода гражданских или гугенотских войн (1559–1598), но также интересным писательским и эпистолярным наследием, не так давно изданным во Франции Мадам Вьенно¹.

Элиан Вьенно, профессор ренессансной литературы в университете Сент-Этьен, в своей книге о Маргарите² и многочисленных статьях³, по сути, порвала со всей историографической традицией, рассматривавшей эту королеву с незадачливой судьбой, скорее, как ненужное обременение в семье Валуа, авантюристку и интриганку, метавшуюся между враждующими политическими лагерями, с которой никто не считался и которая прославилась своими любовными приключениями. Мадам Вьенно удалось найти, собрать вместе и опубликовать около 470 писем королевы Маргариты, которые помогли исследовательнице сделать совершенно противоположные выводы: Маргарита бесспорно сыграла важную политическую роль в процессе урегулирования гражданского и религиозного противостояния во Франции второй половины XVI — начале XVII в., выполняя функцию посредницы между французским и наваррским дворами, а в период регентства Марии Медичи — между двором и мятежными грандами. Большая же часть приписываемых ей любовных увлечений — не более чем фантазии, инспирированные ее недругами еще при ее жизни и за-

печатленные в пасквилях и памфлетах, а затем перекочевавшие в жизнеописания и биографические исследования.

Несмотря на положительный резонанс, который произвели исследования Элиан Вьенно, французская и европейская историография не спешит пересматривать свое отношение к Маргарите де Валуа, о чем свидетельствуют ее последние биографии и прочие исторические труды — А. Кастело, Ж. Гарриссон⁴, С. Бертьер⁵, Т. Ванегфелана⁶ и др., равно как соответствующие оценки в обобщающих трудах, университетских учебниках и пособиях⁷. Так, в современном французском учебнике для студентов вузов по истории французской литературы (под ред. Д. Берже)⁸ о королеве нет ни слова, а ее мемуары вообще иногда рассматривают как апокриф⁹. Что касается последнего, то в одной из наших статей, написанной совместно с французским филологом Лораном Ангаром, мы показали, что мемуары и письма, написанные королевой в разные времена и при разных обстоятельствах, связаны между собой как сюжетами, так и используемой лексикой и иными особенностями языка и образа мыслей последней Валуа¹⁰. У них один автор — Маргарита Наваррская и Французская.

Отечественная историография также не обошла вниманием фигуру Маргариты, о чем мы уже писали в сопроводительной статье к русской версии ее «Мемуаров»¹¹. К сожалению, большая часть работ подвержена традиционным мифологическим клише и представлениям о королеве, причем иной складывается ощущение, что в угоду публике и общественному ожиданию историки сознательно идут на игнорирование новых фактов и последних исследований, равно как и на искажение исторической правды. Так, в недавно вышедшей в издательстве «РОССПЭН» энциклопедии «*Культура Возрождения*» — базового, основополагающего труда, призванного на многие годы служить ориентиром для всех интеллектуалов, интересующихся или связанных с ренессансной эпохой, статья о Маргарите де Валуа, написанная проф. Саратовского университета И. Я. Эльфонд, наполнена небылицами и откровенными ошибками, недопустимыми в подобного рода трудах. По мнению автора статьи, Маргарита «вела на редкость распущенную жизнь», «имела страсть к плотским утехам», явилась причиной Седьмой религиозной войны 1580 г. из-за «связи» с виконтом де Тюренном, покинула двор мужа в 1582 г. из-за любовных походов последнего, подверглась публичному оскорблению со стороны Генриха III «при большом скоплении народа»... Рамки настоящей статьи не позволяют нам углубляться в разбор этих утверждений и критику (все они на деле мифологичны), однако некоторые «данные» этой энциклопедиче-

ской статьи нужно опровергнуть сразу и категорично: Екатерина Медичи не могла дать пощечину (!) дочери публично во время брачной церемонии; Ги де Пибрак был канцлером не Екатерины Медичи, а самой Маргариты; впервые ее мемуары были опубликованы не в 1653, а в 1628 г.; титул королевы Наваррской не мог быть ей оставлен при разводе с мужем в 1599 г., после она именовалась просто королевой Маргаритой; наконец (может быть, это не так важно, и все-таки), она не носила парики (в отличие от своей современницы Елизаветы Английской) вплоть до старости, у нее были собственные осветленные волосы (см. свидетельства Брантома)¹².

Вопрос о религиозности и отношении к вере Маргариты де Валуа, конечно, поднимался исследователями ее жизни и творчества¹³. В общем принято считать, что она рассматривала себя как непреклонную католичку, отстаивающую апостольскую римскую веру на протяжении всей своей жизни, в конце которой она превратилась, как известно, в образцовую благочестивую даму, покровительницу Венсана де Поля, раздатчика милостыни ее церковного двора, будущего святого и авторитета в католическом мире¹⁴. Так, язвительный Таллеман де Рео писал, имея в виду 1610-е годы, что она была «весьма набожной и богобоязненной, ибо заказывала неисчислимое количество мессы и вечереи»¹⁵. В 1608 г. в Париже на свои средства она основала монастырь августинцев, получив предварительно разрешение папы Павла V, с которым состояла в переписке¹⁶. Мы же попытаемся, опираясь на ее мемуары и письма, рассмотреть различные проявления ее религиозных убеждений и ответить на вопрос, была ли нетерпима к иноверцам Маргарита на самом деле и что стояло за ее католической твердостью.

Свои воспоминания она начала писать, когда ей было примерно 40 лет, в 1594 г., — году коронации Генриха IV, уже католического короля Франции. Последнее обстоятельство очень важно, поскольку королева, в тот момент находившаяся в ссылке в оверньском замке Юссон в центральной Франции, весьма желала вновь оказаться при дворе и воссоединиться с мужем, и поэтому ее мемуары выдержаны в духе лояльности и уважения к королю. Буквально с первых же сюжетов она убеждает нас, что даже в детстве, во время знаменитого диспута 1561 г. в Пуасси, доминиканском монастыре, где в присутствии всего двора и самой восьмилетней Маргариты, спорили и одновременно пытались договориться о религиозном согласии католики и протестанты, несмотря на угрозы старшего брата герцога Анжуйского, она отказывалась следовать тогдашней моде двора и принимать от него гугенотские молитвенники и сборники псалмов, предпочитая часословы и четки,

равно как общество настоящих ревнителей католической веры — своего духовного наставника кардинала де Турнона и своей гувернантки мадам де Кюртон. Она объясняет это своей приверженностью «истинной, святой и древней религии наших отцов, от которой я никогда не отходила», и готова была «ради моей веры» вытерпеть «все адские муки, если доведется их испытать»¹⁷.

Древняя религия наших отцов — как кажется, ключевая фраза для понимания позиции Маргариты, представительницы правящей семьи Валуа, неотделимой от тела Франции, семьи, политическая и религиозная легитимность которой была тесно связана прежде всего с церковным единством страны, нерушимыми связями с католическим миром и папой, символизирующими незыблемый миропорядок. Все, что мешало этому миропорядку и готово было его обрушить — гугеноты, еретики, протестанты, приверженцы реформированной религии — так Маргарита называет представителей противоположного лагеря — подлежало как минимум преследованию и нетерпимому отношению, особенно если это угрожало прежде всего самой королеве и ее положению. Гугеноты, а не католики прежде всего ассоциировались с гражданской войной, в ее мемуарах это повторяется как рефрен: «гугеноты возобновили войну», «злой умысел гугенотов», «несколько отрядов гугенотов имеют намерение напасть на меня»¹⁸. В своем письме Филиппу II Испанскому в конце 1587 г., уже будучи открытой мятежницей и сторонницей Лиги, порвавшей с матерью, братом и мужем, она писала, что «испытывает страх перед увеличением еретического движения, опасаясь за судьбу всей католической религии, равно как за свою собственную»¹⁹. Прозорливая Жанна д'Альбре, королева Наваррская, свекровь Маргариты, уже при знакомстве с будущей невесткой поняла, что «твердая преданность Маргариты католической религии и своему дому может подорвать все гугенотское движение», о чем предупреждала сына в одном из своих писем, добавляя характерную фразу: «Принцесса красива, но прошла школу разложения»²⁰. Тосканский посол в депеше во Флоренцию передал одну из их бесед при дворе: девушка напрямик заявила Жанне, что не поменяла бы религии даже ради величайшего государя в мире²¹.

Впрочем, судя по всему, принцесса Валуа сама не питала никаких иллюзий в отношении Жанны д'Альбре, и перспектива войти во враждебную семью Бурбонов, где интересы двух женщин столкнулись бы на почве не только политического, но также религиозного соперничества, ее мало радовала. Поэтому когда мать Генриха Наваррского неожиданно умерла за два месяца до свадьбы от туберкулеза, Маргарите

оставалось только вздохнуть с облегчением. Не без иронии пишет она о последнем прощании с Жанной, поражаясь протестантскому обряду и невиданным правилам, оскорбляющим ее как католичку: «... Мы приехали в парижский дом усопшей королевы Наваррской с целью отдать последний долг в соответствии с ее положением и нашим семейным родством (это происходило без пышности и церемоний нашей религии, в довольно скромных условиях, которые дозволяла гугенотская вера: она [королева] лежала на своей обычной кровати, с открытым пологом, без свечей, без священников, без креста и святой воды; все мы находились в пяти или шести шагах от ее ложа и могли лишь смотреть»²². Этот отрывок свидетельствует также, что Маргарита была хорошо осведомлена о надлежащем похоронном церемониале лиц королевской крови, и была уязвлена, что по воле покойной этим церемониалом пренебрегли в угоду еретическим канонам²³.

Кажется, все известные политические шаги Маргариты доказывают эти ее убеждения, запечатленные в мемуарах, письмах и иных сочинениях. Так, первый публичный религиозный скандал разразился уже во время свадебных торжеств 18 августа 1572 г., когда в Соборе Парижской Богоматери они венчались с Генрихом Наваррским. Свадьба проходила согласно сложному церемониалу, специально разработанному для гугенота и католички и утвержденному в свое время Екатериной Медичи и Жанной д'Альбре. И хотя Маргарита с удовольствием описывает детали своего бракосочетания, она опускает то, что, по сути, венчалась одна, а весь церемониал был беспрецедентным нарушением сложившихся правил. Ее мужа, который не мог присутствовать на мессе из-за вероисповедания, на алтаре представлял ее брат герцог Анжуйский. Видимо, все происходящее она воспринимала как нечто противоестественное, и это предопределило ее поведение: на вопрос кардинала де Бурбона о ее согласии, невеста не разомкнула губ²⁴, незадолго до этого сообщив королеве-матери свое мнение о предстоящей свадьбе: «Я согласна с Вашей волей и Вашим выбором, но умоляю помнить, что я — истинная католичка»²⁵.

Свою позицию католической королевы она ясно выразила во время другого скандала — уже в замке По в Беарне, куда наваррский двор, к которому Маргарита присоединилась в 1578 г., прибыл весной следующего года. Пиренейский Беарн был суверенным княжеством, где не действовала юрисдикция короля Франции и где Жанна д'Альбре в свое время ввела строгий протестантский культ. Маргарите и ее свите в замке была выделена крохотная часовня, в которую на богослужение в один из праздников пробрались также немногочисленные

беарнские католики из числа местных жителей. Маргарита пишет: «Здесь [в Беарне] уже не проводились католические службы, и мне разрешили молиться в единственной маленькой часовне, которая, будучи очень узкой — всего три или четыре шага в длину, едва вмещала в себя семь или восемь человек. В час, когда мы хотели прослушать мессу, замковый мост был поднят из опасения, что католики этой страны, у которых не было возможности присутствовать на церковной службе, могли бы ее услышать, хотя они бесконечно желали присутствовать на этой мессе, поскольку были лишены ее уже несколько лет. Охваченные этим священным и справедливым желанием, жители По в Троицын день нашли способ, перед тем, как подняли мост, проникнуть в замок и затем в часовню»²⁶. Окружение Генриха Наваррского отреагировало на это со всей строгостью: на глазах у королевы эти католики были избиты и помещены в тюрьму. Секретарь по религиозным вопросам короля Наваррского Ле Пен дал понять королеве, что так будет и впредь, что она восприняла как крайнее оскорбление: он «сказал мне, чтобы я не занимала голову короля, моего мужа, этим событием, так как, чтобы я ему ни говорила, он ничего не станет предпринимать, а эти люди понесли то наказание, которое заслужили, и все мои усилия ни к чему не приведут. И вообще, чтобы я была довольна тем, что мне специально разрешили прослушать мессу, равно как людям моей свиты, которых я взяла с собой»²⁷. Маргарита, в свою очередь, не постеснялась в выражениях в последующем объяснении со своим мужем и его свитскими людьми: «Я настойчиво попросила короля, моего мужа, если он и дальше желает, чтобы я была счастлива от его добрых милостей, согласиться со мной в том, что этим ничтожным человеком мне было нанесено очевидное оскорбление, и чтобы он [король] принял соответствующие меры». Написав также жалобу брату, королю Франции Генриху III, и королеве-матери, она настояла на вмешательстве Парижа в эту ситуацию и в итоге добилась освобождения единоверцев из тюрьмы, произнеся знаменитую фразу: «По — это маленькая Женева», прямо выражая свое негативное отношение к этому протестантскому центру как инициатору нетерпимости и ереси²⁸. Писатель Брантом донес до нас придворные слухи: «Она поклялась и заверила [всех], что никогда более ноги ее не будет в этой стране [Беарне], поскольку она желала быть свободной в исповедовании своей религии»²⁹. Свое обещание Маргарита выполнила. Несмотря на все попытки Генриха Наваррского заставить ее вновь отправиться в Беарн вместе, ему не удалось сломить ее упорство³⁰.

Говоря об искренних католических убеждениях Маргариты, нужно также вспомнить строки из ее «Мемуаров», где она описывает или упоминает о посещении монастырей и церквей. Как минимум, трижды она пишет об этом, и хотя в двух из трех случаев речь идет, скорее, о виде светского времяпровождения (монастырь в аббатстве Сен-Пьер в Лионе и церковь св. Вальтруды во фламандском Монсе³¹), когда она в окружении своих свитских дам навещала обители, она не могла не прикасаться к мощам святых и наверняка делала богатые пожертвования³². Описывая с удовольствием обычный распорядок дня послушниц-пансионеров св. Вальтруды, она невольно сравнивает его с привычными ей французскими монастырскими правилами и приятно поражается, когда обнаруживает, что фламандские девушки не несут строгих монашеских обязательств. Нужно отметить, что французские королевы и принцессы всегда опекали женские обители, и Маргарита следовала в том числе примеру своей матери, Екатерины Медичи, которая также часто посещала монастыри и однажды даже подхватила там тяжелую болезнь: «Случилось это по причине посещения ею женских монастырей, — пишет Маргарита, — которых было много в этом городе [Меце], и которые к тому моменту уже были поражены этой заразой [чумной лихорадкой]»³³.

Показная позиция королевы-католички — прежде всего публичная, политическая, позиция самосохранения, связанная с долгом по отношению к королевской семье, к которой она принадлежала, позиция, позволяющая оставаться носительницей наивысшего *ранга* (*qualité*) (это слово в своих сочинениях она употребляет очень часто; ранга королевского, освященного Римским папой), вступала в противоречие с ее собственными убеждениями, ренессансным воспитанием в духе идей неоплатоников, отражение чего мы также видим и в ее мемуарах, и в письмах. Как писал Робер Мандру, «те люди, чей дух питался античностью, — что ярко демонстрируют нам сочинения королевы, — могли найти ... основу для мыслей, явно противоречащих христианским догматам», «мыслей, касающихся самых деликатных вопросов вероучения или самых непреложных истин»³⁴. Послушаем Маргариту: «Читая прекрасную всеобъемлющую книгу о чудесах Природы, творимых Создателем, для меня как будто открылся путь к благочестию, когда заново рождается душа, поднимаясь в своем познании до высшей ступени, на которой находится Бог, и восторженная, наполняется счастьем от этого чудесного сияния и величия этой непостижимой сущности, совершая полный круг и думая только о том, чтобы следовать за цепью Гомера, этой приятной энциклопедией, которая, отправ-

ляясь от Бога, к Богу и возвращается, как началу и концу всего в мире. И грусть, вопреки радости, уносящей от нас мысли о наших деяниях, пробуждает саму нашу душу, которая собирает все свои силы, чтобы отбросить Зло в поиске Добра, думая снова и снова, без усталости, как достичь этой благой вершины, где, конечно же, ее ожидает спокойствие. Только узнав их [грусти и радости] прекрасные проявления, можно придти к пониманию и любви Господа»³⁵.

Королева Маргарита, как мы видим, непоколебимая в своей вере в Бога и Божественное провидение, о чем она много раз пишет и пространно размышляет в своих мемуарах и письмах³⁶, равно как цитирует Священное Писание³⁷, оставаясь действительно искренней католичкой, *католичкой тела Франции*, от которого была неотделима, понимала, что не может играть роль королевы одних католиков, поскольку в наваррском королевстве, владениях ее мужа, преобладали гугеноты. Это понимание, наверно, как невольный водораздел в ее судьбе, пришло к ней в Варфоломеевскую ночь — событие, в котором Маргарите была отведена трагическая роль. Наверное мы никогда не узнаем, хотела ли Екатерина Медичи смерти своей дочери в тот момент или не исключала подобное развитие событий, но рассказ Маргариты наталкивает на такие мысли³⁸. Случайно уцелев во время кровавой резни в Лувре, она сумела спасти жизни двум гугенотским дворянам и одному католику, придворному ее мужа, сумев добратся до королевских покоев и броситься в ноги Карлу IX, своему брату. Свидетельствует Брантом: «Мне рассказали об этом те, кто там [в Лувре, во время Варфоломеевской ночи] был, и я знаю только то, что от них услышал. Она [Маргарита] отнеслась к избиениям с большим нетерпением, и спасла многих, в том числе одного гасконского дворянина (мне кажется, что его звали Леран), который, весь израненный, бросился на кровать, где она спала, а она [королева] прогнала убийц, преследовавших его вплоть до дверей; ибо она всегда была милосердна и проявляла доброту ко всем, как подобает дочерям Франции»³⁹. Можно объяснить этот шаг милосердием, вслед за Брантомом, однако, как кажется, девятнадцатилетняя девушка спасала не только дворян, которые приехали к ней на свадьбу, она спасала прежде всего *своих собственных подданных и свою честь королевы Наваррской*. Маргарита спрятала у себя барона де Лерана и, как только он поправился, сумела переправить его в безопасное место⁴⁰.

Стоит добавить, что Генрих Наваррский, видимо, также обязан своей жене, как минимум, смелым заступничеством. Тот же Брантом свидетельствует: «Я слышал от одной принцессы, что она спасла ему

[Генриху Наваррскому] жизнь во время Варфоломеевской ночи, ибо, несомненно, он был обречен и внесен в кровавый список, как говорили, потому что высказывалось мнение, что следует уничтожить на корню короля Наваррского, принца де Конде, адмирала и прочих знатных лиц. Однако названная королева [Наваррская] бросилась в ноги королю Карлу, прося его сохранить жизнь своему мужу и господину. Король Карл дал ей свое согласие с большим трудом, и только потому, что она была его доброй сестрой»⁴¹. Сама Маргарита, прочитав этот пассаж в 1593 г., не стала его ни подтверждать, ни опровергать. На тот момент она уже была женой короля Франции, и, возможно, ей не хотелось публично напоминать Генриху IV о своей роли в самые трагические часы его жизни. Пытаясь исправить непоправимое в Варфоломеевскую ночь и позже отказавшись развестись с мужем во имя спасения чести семьи Валуа, она вызвала непонимание и устойчивую неприязнь своей матери, сохранявшиеся до конца жизни. «Бременем, посланным мне Господом, в наказание за мои грехи» называла Екатерина Маргариту⁴².

Оставаясь настоящей Валуа и, по сути, верой и правдой отстаивая интересы своего угасающего дома, будучи при наваррском дворе, Маргарита с ее изысканным гуманистическим образованием и воспитанием, неоплатоническими идеалами любви и душевной гармонии все силы прикладывала к политическому урегулированию и активно занималась миротворческим посредничеством в отношениях между враждующими лагерями и враждующими дворами⁴³. Сюлли, конфидент короля Наваррского и будущий сюринтендант финансов Франции, позднее вспоминал: «Король и королева Наваррские [...] обосновались в Нераке, и их двор был в то время самым приятным и чудесным, ибо там говорили только о любви, удовольствиях и развлечениях, которыми наслаждались»⁴⁴. «При мне состояло много придворных дам и фрейлин, — вторит ему Маргарита в «Мемуарах», — а короля моего мужа окружал прекрасный эскорт сеньоров и дворян — весьма благородных людей, галантных не менее, чем те, кого я видела при французском дворе. Не было никакого сожаления из-за того, что они являлись гугенотами, никто и не говорил о различии религий: король, мой муж, и мадам принцесса, его сестра, отправлялись слушать проповедь, а я со своей свитой шла на мессу в церковь, находившуюся в парке. Когда все заканчивалось, мы встречались, чтобы совершить совместную прогулку по прекраснейшему саду... Остальную часть дня мы проводили в разного рода светских развлечениях; бал обычно проходил после обеда или вечером»⁴⁵. Действительно, в штате двора

Маргариты мы встречаем и католиков, и гугенотов, причем, многие сохраняли ей верность даже после ее разрыва с мужем весной 1585 г.⁴⁶ Все спасенные ею в Варфоломеевскую ночь дворяне оказались благодарными своей госпоже, оказывали ей различные услуги, посредничали в отношениях с мужем, предупреждали об опасности. Даже непримиримый Агриппа д'Обинье, суровый гугенотский капитан и позднее писатель, не любивший королеву, признавал ее влияние и однажды пресек попытку ее убийства⁴⁷. Этот удивительный, межконфессиональный двор, уникальное явление в европейской бескомпромиссной политике XVI века, надо полагать, был целью, политическим и религиозным идеалом Маргариты де Валуа, которая рассматривала его как средство умиротворения гражданских смут. Не поступаясь своими принципами католички и королевы, она пыталась гармонично соединить свои убеждения с политической и религиозной реальностью. По сути, благодаря королеве Наваррской на короткий момент был создан прообраз аналогичного по сути двора будущего Генриха IV, межконфессионального французского двора с правом религиозного выбора для придворных. Гугеноты были страшны и опасны для нее только в период военных обострений, когда превращались не столько в религиозных, сколько в политических противников.

Наваррский двор вызывал искренний интерес и даже ревность не только у французского, но и у английского двора (Шекспир даже назвал его «возвышенным двором»), где протестантская королева Елизавета Тюдор, не особенно жалующая католиков, бесконечно досаждавших ей интригами и заговорами, в том числе из-за Марии Стюарт, так и не сумела прийти к межконфессиональной гармонии. Кстати, Елизавета и Маргарита состояли в переписке: королева Наваррская искренне желала и надеялась на женитьбу своего любимого младшего брата герцога Алансонского на английской королеве⁴⁸. Как видно, здесь политические мотивы брали верх над религиозными различиями.

Впрочем, Елизавета Английская была не единственной протестантской дамой, с которой поддерживала отношения Маргарита: в числе ее ближайших парижских подруг, посвященной во многие ее тайны, была гугенотка Луиза де Клермон, герцогиня д'Юзес, гофмейстерина Екатерины Медичи, «моя Сивилла», как называет ее в переписке королева. Сохранилось более двух десятков писем Маргариты, адресованных герцогине, в которых можно обнаружить политические новости, личные переживания, откровения, жалобы, но только не обсуждение религиозных предпочтений⁴⁹.

Таким образом, мы приходим к мысли, что религиозная нетерпимость Маргариты де Валуа, впрочем, наверно, как и многих членов ее семьи, — скорее, результат определенных политических ситуаций, в которые она попадала, средство самосохранения и отстаивания привилегий королевского величества в условиях умаления авторитета королевской власти, дрязг в королевской семье, распада единой страны и гражданских потрясений. Мы видим ее милосердной, когда льется кровь гугенотов, и жесткой, когда приходится сражаться с протестантами (во время так называемого Аженского эпизода ее биографии в 1585 г.) или отстаивать право на свое вероисповедание. Маргарита, не колеблясь, отдавала приказ о разрушении нескольких десятков домов богатых католиков, чтобы достроить цитадель и обезопасить город, и в тоже время привечала иезуитов, разрешив им основать свой коллеж в том же Ажене⁵⁰... Она защищала своего мужа-гугенота от своей семьи. «Я всегда отвечала своей жизнью, чтобы с Вами ничего не случилось», — писала она ему в 1582 г.⁵¹ и получала от него взамен только циничные уверения в дружбе, а на деле предательство и попытки использовать ее как предмет политического торга⁵².

Политическая роль, которую пришлось сыграть королеве, очень неоднозначна, противоречива, как и сама эпоха общественного, гражданского разобщения и разногласия французского общества XVI столетия, но это была роль настоящей политической и религиозной посредницы, которую с блеском сыграла последняя ренессансная королева Франции.

Примечания

¹ Marguerite de Valois. Correspondance. 1569–1614 / éd. Eliane Viennot. Paris, 1998; Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574–1614 / ed. critique par Eliane Viennot. Paris, 1999.

² Viennot Eliane. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. Paris, 1993.

³ См. сайт Элиан Вьенно: <http://www.elianeviennot.fr/> (дата обращения: 16.04.2012).

⁴ Книга Андре Кастело дважды издавалась на русском языке в серии «Жизнь замечательных людей»: Королева Марго. М., 1999 и 2009; *Garrisson J. Marguerite de Valois*. Paris, 1994. Об этих книгах см. статьи В. В. Шишкина и Л. Ангара в кн.: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / изд. подг. В. В. Шишкин при участии Э. Вьеню и Л. Ангара. СПб., 2010. С. 183–184, 232.

- ⁵ *Bertièrre Simone*. Les reines de France au temps des Valois. Vol. 2. Paris, 1998.
- ⁶ *Thierry Wanegffellen*. Catherine de Médicis. Le pouvoir au féminin. Paris, 2005. P. 383–389.
- ⁷ См., напр.: *Jouanna A., Boucher J.* et als. Histoire et dictionnaire des guerres de religion. Paris, 1998. P. 1074–1078.
- ⁸ *Ловернья-Ганьер К.* и др. История французской литературы / под ред. Д. Берже. М., 2007.
- ⁹ *Bourgeon J.-L.* Pour une histoire, enfin, de la Saint-Barthélemy // *Revue historique*. 1989. № 282. P. 83–142.
- ¹⁰ *Ангар Лоран, Шишкин В. В.* Наваррский двор глазами Маргариты де Валуа: реальность и представление // *Средние века*. Вып. 72 (1–2). М., 2011. С. 194–213.
- ¹¹ *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избр. письма. Документы. С. 181–184.
- ¹² *Эльфонд И. Я.* Маргарита де Валуа // *Культура Возрождения*. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 1. М., 2011. С. 201–203.
- ¹³ *Viennot Eliane*. Marguerite de Valois. P. 26.
- ¹⁴ *Piyo Bernard*. Vincent de Paul, the Trailblazer. Chicago, 2005.
- ¹⁵ *Таллеман ле Пео Ж.* Занимательные истории. Л., 1974. С. 35.
- ¹⁶ Marguerite de Valois. Correspondance. Lettre 454. P. 588; *Christiaens Daniel*. Une lettre inedité de Marguerite de Valois sur la mort de Bajeumont, seigneur de Lafox // *Revue de l'Agenais*. 2009. № 3. P. 307–324.
- ¹⁷ *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 22–23.
- ¹⁸ Там же. С. 27, 45, 132.
- ¹⁹ Там же. С. 294–301.
- ²⁰ *Lettres d'Antoine de Bourbon et Jehanne d'Albret* / Éd. Le Marquis de Rochambeau. Paris, 1877. P. 340, 393.
- ²¹ *Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane*. Vol. 3 / éd. A. Desjardins. Paris, 1865. P. 758 (от 24.03.1572).
- ²² *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 41.
- ²³ См. например, описание похорон королевы Жанны Бурбонской, сделанное Кристиной Пизанской: «...И было торжественно принесено тело, как должно делать для королей и королев, облаченное, в украшениях и в короне, на богатом ложе, под покровом из золотой ткани, сверху полностью накрытое балдахинном...Было там четыре сотни свечей, каждая по шесть фунтов воска...В соборе тело было принято под громкий звон колоколов и пение; и отслужили мессу, и роздали щедрое подавание, и многие причастились. Освещена же церковь была ярким светом; и было там пятнадцать архиепископов и епископов в облачениях...и беспрестанно — днем и ночью — служили над телом мессы и вигилии, читали псалмы и молитвы» (*Виолле-ле-Дюк Э. Э.* Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1997. С. 132–133).
- ²⁴ Впервые об этом написал итальянский историк Э.-К. Давила (Davila Henri Catherine) (1576–1631), чье сочинение «История гражданских войн во Франции» («Histoire des guerres civiles de France depuis la mort de Henri II

(1559) jusqu'à la paix de Ferrois (1598)» (перв. изд. — Венеция, 1630) большинство историков признают как весьма достоверное свидетельство эпохи. См.: Т. I. Amsterdam, 1757. P. 407; Элиан Вьенно в своей биографии о Маргарите отрицает этот факт, но не приводит доказательств: *Viennot Eliane. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe*. P. 45–46.

²⁵ *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 40.

²⁶ Там же. С. 159.

²⁷ Там же. С. 160.

²⁸ Там же. С. 161.

²⁹ *Brantôme. Recueil des Dames, poesies et tombeaux* / Ed. Etienne Vaucheret. Paris, 1991. P. 142.

³⁰ *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 174.

³¹ Там же. С. 61–62, 107–108.

³² Историк XVII века Франсуа Эд де Мезере в своей «Истории Франции» однажды написал про Маргариту: «Как настоящая представительница семьи Валуа, она всегда делала подарки, извиняясь, что дарит так мало» (*Mezeray Fr. Abrege chronologique de l'histoire de France*. Т. 3. Amsterdam, 1740. P. 310).

³³ *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 58.

³⁴ *Мандру Робер*. Франция раннего нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М., 2010. С. 253–254.

³⁵ Скорее всего, этот пассаж «Мемуаров» навеян «Апологией Раймунда Сабундского» Мишеля де Монтеня, который и посвятил это эссе Маргарите. См.: *Монтень М. де*. Опыты. Кн. 2, гл. XII. М., 1992. С. 112 и далее.

³⁶ Например, несколько характерных фрагментов из писем: «Так как я знаю наверняка, что попаду в руки Господа, со мной ничего не случится помимо Его воли. Я обручена со Всевышним, простершим ко мне Свою длань» (Серлану, 1586 г.); «В такой великой опасности Господь, который никогда не покидал меня, укрепил мой дух и подсказал [нужные] слова» (Филиппу II, 1587 г.); «Я ...должна неустанно восхвалять и благодарить Господа, [ибо] Всевышний вял моим самым истовым молитвам, которые я Ему когда-либо возносила» (Генриху III, 1588 г.) (*Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 293, 297, 301).

³⁷ Любопытно, что все библейские цитаты «Мемуаров» из Ветхого и Нового Заветов неточны и представляют собой контаминации, т. е. королева цитировала по памяти: *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 32, 133, 140.

³⁸ Описание событий Варфоломеевской ночи: *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 45–51.

³⁹ *Brantôme. Recueil des Dames, poesies et tombeaux*. P. 142.

⁴⁰ О его судьбе см. статью В. В. Шишкина: *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 204–210.

⁴¹ *Brantôme. Recueil des Dames, poesies et tombeaux*. P. 142.

⁴² *Леони Фрида*. Екатерина Медичи. М., 2006. С. 501.

⁴³ Подробнее см.: *Ангар Лоран, Шишкин В. В.* Наваррский двор глазами Маргариты де Валуа: реальность и представление С. 194–213.

⁴⁴ Maximilien de Béthune, duc de Sully. *Oeconomies royales, ou Mémoires de Sully (1578–1579)* / éd. M. Petitot // Collection des Mémoires relatifs à l'Histoire de France, depuis l'avènement de Henri IV jusqu'à la paix de Paris, conclue en 1763. T. I. Paris, 1820. P. 285.

⁴⁵ *Маргарита де Валуа.* Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 163.

⁴⁶ Подробнее см.: *Lauzun Ph.* Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne d'après ses livres de comptes. Paris, 1902 (в книге помимо прочего приведены списки лиц, исполняющих придворные обязанности при королеве с указанием должности и размера жалования).

⁴⁷ *Д'Обинье Т.-А.* Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям / пер. И. Я. Волевич и В. Я. Парнаха. М., 2001. С. 194.

⁴⁸ См. ее письмо Елизавете: *Маргарита де Валуа.* Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 286; *Дмитриева О. В.* Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998. С. 121–122.

⁴⁹ Marguerite de Valois. *Correspondance.* P. 664.

⁵⁰ *Christiaens Daniel.* Une lettre inedite de Marguerite de Valois sur la mort de Bjaumont, seigneur de Lafox // *Revue de l'Agenais.* 2009. № 3. P. 307–324.

⁵¹ *Маргарита де Валуа.* Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 291.

⁵² *Chichkine Vladimir.* Documents inédits sur Marguerite de Valois à Saint-Pétersbourg // *Revue XVI siècle,* 2012 (à paraître).

С. Е. Федоров

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР В АНГЛИИ К СЕРЕДИНЕ XVI в.: ИТОГИ РАЗВИТИЯ*

Традиционно вторая половина XV в. считается периодом существенных перемен в истории английского королевского двора. Речь идет о том, что под влиянием целого комплекса причин прежняя, военно-административная организация королевского хаусхолда¹ утрачивает конституирующую этот институт функцию, уступая место сугубо «гражданским» принципам его внутренней консолидации. Подобные сдвиги в организации королевского двора максимально формализуются в первом «стационарном» регламенте — «Черной книге Эдуарда IV», определяя иерархию королевских слуг в рамках двух его основных подразделений — «domus providencie» и «domus magnificencie», соответственно обеспечивавших хозяйственные и представительские функции. При этом механизмы, определявшие отношения монарха и его слуг как верхнего, так и низшего звена, сохраняя свои прежние ресурсы, иницируют новые формы взаимной компенсации. Сам государь, оставаясь в идеале основным и наиболее надежным источником милости, продолжает «стягивать» на себе все линии теперь уже придворного патроната, расточая среди постоянно растущих придворных клиентов не столько материальные блага, сколько право на их получение, а те воспринимают новизну приобретаемого как одно из преимуществ, определяемых исключительно «гражданской», а не военной службой своему суверену. Вся последующая эволюция придворных служб связана с последовательным совершенствованием именно такой формы взаимоотношений с государем, обусловившей, в конечном счете, их корпоративную, а затем и групповую идентификацию. В обновляющихся таким образом условиях королевский двор не только не потеряет былого значения в управлении принадлежав-

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 12-01-00366

© С. Е. Федоров, 2012

шими английской короне территориями, но и становится своеобразным центром, где вершилась «высокая» политика.

Оформление организационной структуры «нового» хаусхолда отражало результаты двух взаимосвязанных процессов, протекавших внутри и за пределами придворного пространства. С одной стороны, речь идет о разрастании традиционных служб королевского домохозяйства, известного с конца XII в. под термином «domus regis»². С другой стороны, сказываются последствия постепенного размывания наиболее привилегированной части королевской свиты, так называемых «familiares», инфильтрированных в состав периферийных территориальных сообществ и обязанных своей инфеодацией исключительно военной службе государю³. Под влиянием этого процесса исчезает ранее независимое в административном плане подразделение королевского двора, обозначавшееся по аналогии с входившими в его состав членами королевской свиты термином «familia regis».

Укрупнение различных служб и ведомств, структурно объединявшихся в пределах королевского домохозяйства, сопровождалось их закономерным «исходом», способствовавшим образованию системы центрального исполнительного аппарата. Формировавшиеся в результате этого автономные от «дворцовой» администрации органы, обеспечивавшие в первую очередь финансовый, фискальный и судебный контроль на территории всего королевства, тем не менее сохраняли свои исходные «матричные» формы, продолжавшие регулировать соответствующие сферы жизнедеятельности королевского хаусхолда, указывая на наличие пусть обратной, но генетически опосредованной связи с системой «государственного» управления⁴. Подобная связь, поддерживая институциональное единство придворных и «государственных» ведомств, способствовала распространению практики межведомственного совмещения должностей, сохраняя тем самым известное «кадровое» единство всего центрального исполнительного аппарата. В расширяющемся и совершенствующемся таким образом властном пространстве английской монархии так или иначе просматривалась его изначально значимая придворная доминанта, и в этом смысле каждый причастный этому пространству индивид оставался королевским слугой.

Практика совмещения придворных и «государственных» должностей⁵ указывала на весьма характерную уже для правления Нормандской династии закономерность, отражавшую определенную зависимость сначала военной, а затем и любой другой службы государю от доступных материальных благ старого и нового королев-

ского доменов. На протяжении XI–XII вв. королевская власть активно перераспределяла «реальные» ресурсы старого и нового доменов среди наиболее лояльной части своей придворной свиты, используя распространенные к тому времени формы инфеодации⁶. Вплоть до конца XIII в. среди всех возможных комбинаций преобладающим типом компенсации за военную службу правящему дому оставались традиционные земельные фьефы. Так называемые денежные фьефы, подразумевавшие различные формы выплат из королевской казны или право на получение дохода от развивавшихся в пределах новых домениальных земель короны промыслов («*dona*», «*vadia*» или «*liberaciones*»), носили до начала XIV в. лишь вспомогательный характер и, как правило, использовались для привлечения иностранцев в состав королевской свиты⁷. По мере постепенного истощения земельных ресурсов старого королевского домена — его практически полной инфеодации — денежная форма фьефа приобретает доминирующий характер и начинает активно использоваться для поощрения той части ближайшего окружения короля, которая формировалась из слуг, совмещающих придворные посты с должностями в центральном исполнительном аппарате. Поскольку источником выплачиваемых или извлекаемых сумм по-прежнему остаются принадлежащие правящей династии наследственные и конфискованные у мятежной знати земельные комплексы, верховная власть, сохраняя свою патримониальную природу, распространяет свои домениальные интересы на все территориальные владения монархии.

Исчезновение постоянной королевской свиты, определившее «демилитаризацию» хаусхолда было результатом глубоких процессов, протекавших в английском обществе на протяжении XI–XIII в.⁸ Известно, что еще короли Нормандской династии инфеодировали значительную часть своей придворной свиты, используя для этого принадлежавшие короне домениальные земли. Инфеодация сопровождалась форсированной инфильтрацией придворных слуг в состав элиты территориальных сообществ, располагавшихся в непосредственной близости, но за пределами старого королевского домена⁹. Уже в начале правления Плантагенетов просматривались очертания уравнивавшей характерный для таких сообществ политический сепаратизм субструктуры. Несмотря на то, что процесс внедрения королевских слуг протекал волнообразно, меняя по воле монархов свои конечные объекты и сферу внедрения (от создания военно-охранных до административно-судебных структур на уровне отдельных графств и сотен), его позитивные результаты были очевидны.

Инфеодация ближайших сподвижников династии и связанная с ней инфильтрация, в известной мере консолидируя центр и периферию в пределах старого и нового королевского доменов, тем не менее не избавили верховную власть от неминуемых негативных последствий именно такого вмешательства во внутреннюю жизнь локальных сообществ, лежавших за границами непосредственных владений английской монархии. Не столько королевские выдвиненцы, сколько их потомки, включавшиеся в систему местных поземельных связей, со временем перенимали или же были вынуждены перенимать сложившуюся на местах практику. Значительная часть принадлежавших им реальных владений (старый королевский домен) из-за их небольших размеров и как следствие хозяйственной нерентабельности подвергалась дроблению и отторгалась, как правило, изменяя свою владельческую структуру не по вертикали, а по горизонтали¹⁰.

Инфеодация внушительной доли земель старого королевского домена в пользу ближайшего окружения монарха, таким образом, оставаясь экономически выгодной верховной власти, с течением времени лишала королевскую свиту необходимых источников к существованию и теряла свою политическую составляющую, лишая монархию желаемой опоры на местах. После издания знаменитого статута *Quia Emptores*, как известно, узаконившего земельную субституцию¹¹, преемники получивших земельные лены королевских слуг, оставаясь лояльными короне, вынужденно искали поддержки среди более обеспеченных и влиятельных местных лордов и подчас становились активными участниками их свит — благо, такие связи вполне допускались.

Первоначально такие связи, хотя и основанные на личных контрактах, носили вторичный характер. Отношения с короной для большинства преемников продолжали оставаться наиболее приоритетными: по мере необходимости они несли военную службу государю. Однако со временем и по мере распространения практики коммутации рыцарской службы они постепенно становились доминирующими. Такие отношения оказывались более гибкими как с позиций предполагаемой за них компенсации, варьировавшейся от одноразовых выплат до пропорционально поступавших в течение определенного срока сумм, так и с точки зрения их возможного прекращения, означавшего либо возврат еще некомпенсированной службой суммы, либо обычную терминацию последующих выплат. При этом полагавшееся за такую службу вознаграждение с легкостью обеспечивало им уплату щитовых денег, разрушая тем самым надежду монарха на персональное присутствие преемника в составе королевской свиты¹².

В свою очередь местные лорды, объединяя вокруг себя, помимо прочего, потомков инфеодированных в свое время королевских слуг, именно таким образом подчиняли своим интересам не только создававшуюся с тенденцией к независимости от территориального сообщества местную администрацию, но и значительные элементы выстраиваемой короной земельной субструктуры. При этом людские ресурсы подобных свит, во многом превосходя возможности титульного домена самого лорда, создавали дополнительные условия для еще более глубокого размывания создаваемой короной владельческой структуры. Так или иначе, но уже на исходе XIII в. создававшаяся на протяжении столетий опора монархии на местах заметно переместилась в направлении самих локальных сообществ, а сама система наследственного рекрутирования королевских свит перестала быть достаточно эффективной¹³. Монархия все чаще и чаще использовала для своих военных походов профессиональных наемников, а институт традиционной королевской свиты закономерно распадался.

Процесс разрастания и последующего исхода различных служб королевского домохозяйства сопровождался структурными сдвигами в составе его отдельных ведомств и в первую очередь Королевской курии. В конце XIII в. значительная часть слуг, занятых обеспечением широкого круга потребностей традиционной королевской свиты, вливается в состав уже достаточно дифференцированных к этому времени хозяйственно-административных служб двора, оккупируя внутреннее и внешнее пространство Королевской курии и вытесняя тем самым внушительную по размерам группу слуг-клириков за архитектурные пределы дворцового пространства. Став частью «гражданской» придворной организации, она сохраняет за собой определенные должностные преимущества, связанные с предшествующим родом деятельности.

Оформившаяся таким образом группа придворных слуг составит «кадровую» основу для Королевской палаты, которая не позднее начала XIV в. окончательно обособится от Королевской курии, а затем и поглотит значительную часть ее основных функций. Обретя независимость, штат Палаты сохранит определенные административно-хозяйственные обязанности, но в его деятельности будут преобладать особые представительские полномочия, наглядно демонстрирующие отличия королевского окружения и собственно монаршего двора от свит и дворов английской знати. Последующая ритуализация этих отличий, по всей видимости, определит не только их дальнейшую специализацию, но и эволюцию этого подразделения в направлении,

финальная стадия которого и была зафиксирована в «Черной книге Эдуарда IV»¹⁴.

Несмотря на появление уже в конце XV в. пока еще полуавтономного подразделения — Королевской конюшни, сложившаяся при Йорках бинарная структура распределения полномочий внутри придворного пространства будет по-прежнему доминировать и при Тюдорах, подчеркивая изначальное архитектурное единство «дворцовой» администрации. Ведомство шталмейстера, располагавшееся в стороне от резиденции монарха, пока лишь только «физически» объединялось с другими службами двора, когда, передвигаясь по стране или за ее пределами, король нуждался в особых инструментах, способных визуализировать в доступных формах величие принадлежавшей ему власти. Но в повседневном, ограниченном дворцовыми стенами пребывании он довольствовался ресурсами Королевской палаты.

Помимо репрезентативных полномочий, Палата объединяла все функции «матричного» управления и контроля, унаследованные от Королевской курии. Она оставалась основным депозитарием королевских драгоценностей, в ее ларцах хранились многочисленные малые печати; она была местом, где король держал совет, куда стягивались все нити придворных клиентел. Казначей Палаты был по-прежнему главным лицом в королевстве, на которого ложилось бремя управления домениальными финансами; ее секретарь не только выполнял функции связующего звена с Канцелярией и Хранилищем свитков (позднее — архивом), но и во многом инициировал центральное делопроизводство. Кроме того, Палата продолжала играть заметную роль в назначении местной администрации и сохраняла доступные к тому времени формы юстиционного контроля над прерогативными судами короны¹⁵. Объем функций мог с течением времени расти или сокращаться, но при этом Палата продолжала оставаться важнейшим звеном в системе центрального управления.

Судя по всему, с момента своего возникновения Camera regis так и никогда не была замкнутым пространством, способным сохранить известную приватность в жизни государя, и оставалась вплоть до начала XIV в. единым, лишенным каких-либо, пусть даже временных, перегородок помещением. Позднее при Ланкастерах и Йорках в строительстве или перепланировке королевских резиденций заметным становится стремление заказчиков делить обычно отводимое под Палату пространство сначала на две, а затем и на три составляющие. В конце XV — начале XVI в. в «номенклатуре» придворных помещений уже заметно выделяется комплекс из трех смежных комнат, по традиции

именуемый все той же Королевской палатой, но на деле представляющей собой архитектурно связанные Большую (из-за размеров), Присутственную и Личную палаты.

В самом начале правления Тюдоров начнется растянувшийся почти на столетие процесс сознательного разграничения планировки этих помещений, который будет сопровождаться не только попытками их более частного дробления (сначала от трех — к пяти, а затем от пяти — назад к четырем), но и обособления приписанного к ним корпуса слуг. Лежавшие в основе этих изменений мотивы могли варьироваться с учетом, к примеру, особенностей женского правления, но в их конечных результатах всегда присутствовала политическая составляющая.

Наиболее существенным решением, окончательно реорганизовавшим внутреннее камеральное устройство, стало учреждение, а затем и значительное преобразование особого штата личных королевских слуг¹⁶. Появление такой придворной службы свидетельствовало и о начале своеобразной «приватизации» монархом внутреннего пространства одного из пределов Палаты, и о попытках материализации, пусть еще примитивных спекуляций о «физическом» и «политическом» теле короля, и о возможных перспективах или «сценариях» придворного театра власти. Закрепившееся учреждением должности особого ответственного за их деятельность лица — груга мантии,¹⁷ само возникновение института личных слуг короля предполагало их последующее обособление и постепенное превращение в наиболее влиятельный сегмент служилого придворного штата. При этом сама палата обретала если не самостоятельный, то, по меньшей мере, автономный статус, расширяя и преобразуя круг обычно связываемых с нею полномочий, но неизменно и целенаправленно ограничивая возможный доступ к персоне короля.

По своему исходному предназначению личные слуги короля во многом напоминали появившиеся значительно ранее континентальные аналоги. Французский «*valet de chamber*» и бургундский «*valet de corps*», очевидно, служили исходными образцами для «*groom of the body*», но в своем окончательном варианте английский грум, скорее, напоминал известный тип личного слуги государя, описанный Б. Кастильоне. Оставаясь человеком простым, но наделенным от природы способностями безупречно удовлетворять ежедневные потребности своего господина, он сначала по мере своих возможностей дистанцировал, а затем и поддерживал в неизменном виде всю лишнюю необходимую в других случаях театральности повседневную жизнь монарха¹⁸.

Ее обыденность служила ограничительным механизмом для всего того, что было наполнено излишней церемониальностью и требовало уже специфических навыков. Так или иначе, но штат оставшихся за пределами личного пространства монарха камеральных ведомств, насчитывавший несколько сотен рыцарей и эсквайров, не подходил для исполнения простых, лишенных в общем-то нежелательных в таких случаях условностей, и как следствие предполагал не обремененных социальными предрассудками исполнителей. Группа в 6 человек¹⁹, успешно справлявшаяся с подобными обязанностями, с трудом соперничала с находившимися в попечении лорд-камергера слугами, но тем не менее могла рассчитывать на и не снисходительное и преимущество.

Со временем институциональная обособленность Личной палаты могла перерасти в отведенные для нее границы. Плотная закрытая и охраняемая с двух сторон массивная дверь, продолжая символизировать наличие особой черты, разграничивавшей приватное и публичное в дворцовом пространстве, ограничивала непосредственное влияние придворных на короля, способствуя своеобразной «камерализации» принимаемых решений. В зависимости от доминирующего стиля правления она могла определять их полную приватизацию или же провоцировать появление особо приближенных личных советников, так или иначе нарушая изначально присущие «высокой» политике куриальные черты. В этом смысле любые формы королевского совета обретали второстепенное значение, превращая самих ординарных советников в послушных агентов монаршей воли.

Сам факт появления приватных советников, так называемых «privado» (термин Д. Моргана), не только нарушал, но и создавал связанные исключительно с Личной палатой формы камерального фаворитизма. Противопоставляя их традиционно претендующей на политическую роль социальной элите, верховная власть могла рассчитывать на своеобразное «смягчение» традиционных аспектов политической борьбы, определявшейся противостоянием различных придворных фракций и — как следствие — на известную «централизацию» наиболее значимой части основанных на связях этих группировок придворных клиентов²⁰.

Насколько можно судить, изначально круг таких советников, как правило, замыкался или ограничивался фигурой груга мантии²¹. Ситуация начинает заметно меняться с появлением королевских миньонов²², которые небольшими группами по 2–3 человека последовательно вводятся в состав палаты. При этом для большинства из них

придворная карьера обычно скоротечна: лишь только часть из них добивается серьезных результатов²³. В растущем такими темпами составе Личной палаты их позиционируют сначала как грумов, затем под влиянием достаточно курьезных обстоятельств — как джентльменов²⁴. Не позднее 1526 г. наступает известный перелом²⁵, и должностное пространство палаты обретает законченные черты. Значительно превышающий начальные размеры штат палаты по-прежнему выстраивается вокруг грума мантии, но его служебная структура упорядочивается с общими требованиями всего камерального пространства²⁶. Джентльмены, рыцари и эсквайры Личной палаты, сохраняя за собой право на исключительный доступ в приватные покои короля, теперь свободно перемещаются по всему придворному комплексу, составляя своеобразный передвижной механизм, обеспечивающий регулярное и неизменно «персональное» обслуживание монарха. Не трудно предположить, что отесняя в этом свободном передвижении известную часть других камеральных ведомств, личные слуги короля интегрировались в ранее закрытое для них публичное пространство, закономерно перенимая характерные для него формы театрализованной игры, привнесившие элементы придворного церемониала в личные покои монарха. При этом не менее типичная для такого пространства тенденция к институциональному превосходству образующих его подразделений усложняла основные объекты не только сугубо придворного, но и в целом внутрисистемного противостояния, обеспечивая известный динамизм в становлении «государственного» управления²⁷.

Вплоть до конца XIII в. вся система королевских финансов, как известно, сохраняла куриальный характер. По мере образования Казначейства значительная часть ее патримониальной инфраструктуры обособляется и унифицируется, составляя основу для формирования публичных финансов короны. Камеральная администрация продолжает контролировать, помимо личных расходов короля, домениальные²⁸ и связанные с так называемыми прерогативными правами верховной власти денежные поступления. Не исчезают также известные со времен нормандских королей «замковые» депозитарии, хранившие персональные «сбережения» монархов. Управляемые обычно личными казначеями-кассирами такие депозитарии составляли наиболее подвижную часть в механизме финансового сопровождения различных «приватных» потребностей и начинаний государя. Сохраняющаяся на протяжении XIV–XV вв. система частных королевских финансов не только способствовала сохранению известной свободы верховной

власти в условиях ужесточения парламентских методов вотиrowания налогов, но и во многом определяла содержание одной из составляющих приходящихся на следующее столетие камеральных реформ²⁹.

Известно, что регулярно увеличивавшийся в первой половине XV в. объем прямых финансовых операций, связанных с обслуживанием королевского двора, привел к их неизбежной централизации и образованию так называемого вестминстерского депозитария. Уже к середине этого столетия казначей Королевской палаты, продолжая формально совмещать свою основную должность с обязанностями хранителя королевского кошелька, передает функции обеспечения личных потребностей короля йомену мантии³⁰.

В таком частичном разделении двух расходных статей камерального бюджета пока еще не было намека на предстоящее обособление Личной палаты, но тенденция на известное разобщение камеральных казначеев и самого монарха уже намечалась. Если Эдуард IV все еще рассматривал палатных казначеев в качестве основной отвечающей за его личные расходы инстанции, именно при их непосредственной помощи осуществляя необходимые перемещения «депозитных» средств для текущего использования, то Ричард III уже всецело уповал на помощь йомена мантии в мобилизации своих денежных запасов. При этом установившаяся в свое время субординация, подчинявшая все общие камеральные финансовые службы Казначейству, а личных казначеев — главе соответствующего палатного ведомства, сохранялась: нарушались лишь необходимые в финансовых операциях короны многочисленные формальности.

Пренебрежение тонкостями необходимой процедуры лишь в большей мере дистанцировало верховную власть и придворного казначея, оставляя саму структуру королевских финансов неизменной. Только в условиях институционального отделения Личной палаты от прочих ведомств нарушаемая формальность приобретала черты более серьезного системного сдвига, определяя соответствующее позиционирование финансовых органов короны. В таких условиях финансовая служба Личной палаты монарха могла противопоставляться или же уподобляться другим финансовым инстанциям, контролировавшим доходную и расходную составляющие всей «экономики» королевского двора. Независимо от форм возникающего на этой почве противостояния грум/джентльмен мантии неизбежно обретал определенные связанные с этой сферой полномочия и нередко становился финансовым экспертом короля.

Механизмы такого противоборства пока еще недостаточно известны, но ранние Тюдоры, судя по всему, предпочитали вариант административного укрепления обособленной Личной палаты. В таком случае ее вновь образуемые службы выстраивались по аналогии и, следовательно, уподоблялись иным финансовым инстанциям двора³¹. Такие предпочтения могли определять структурное перераспределение и частичную автономизацию уже известных полномочий³² и лишь затем — усовершенствование уже существовавших к тому времени альтернативных органов финансового управления и контроля. Вариант перераспределения — так называемая «реформа Комптона» оказалась тупиковой, поскольку нарушила желательную в таких случаях субординацию финансовых служб и характерную для Тюдоров тенденцию к централизации основных доходов короны. Вариант усовершенствования — «реформа Норриза»³³, мобилизуя финансовый потенциал свободных от камеральной опеки королевских депозитариев, способствовала их последующей деавтономизации³⁴. Это означало, что контролируемые личными казначеями «депозиты» английских государей не только встраивались в существовавшую к тому времени систему королевских финансов, но и становились важнейшим источником ее внутреннего кредитования. Сохранявшаяся при этом автономия платежных средств Личной палаты не исключала их последующей централизации³⁵.

Финансовому усилению Личной палаты во многом содействовали административные преобразования, связанные главным образом с центральным делопроизводством³⁶. Известно, что уже во второй половине XV в. с развитием практики использования королевской печати (*signet*), заменившей многочисленные к тому времени малые печати, основным «рабочим» местом королевского секретаря становится Личная палата монарха. Начиная с Эдуарда IV английские государи весьма неохотно носили ее, как требовал того обычай, на указательном пальце и предпочитали держать ее среди прочих драгоценностей в специально отведенном для этого сундуке. Как правило, ключ от небольшого ларца, в котором в бархатном мешочке лежал сам перстень с эмблемой монарха, хранился сначала у йомена, а затем и у грума мантии. Судя по всему, именно он извлекал печатку из ларца и передавал ее секретарю, а тот с согласия короля скреплял ею необходимые документы³⁷.

Уже в начале XVI в. подобная практика санкционирования государственных бумаг вытесняется использованием личной подписи монарха (*sign manual*)³⁸. Первоначально в новых условиях секретарь

по-прежнему отвечал за их подготовку и сам, возможно, при помощи клерков доставлял их в Личную палату, переправляя затем подлежащие скреплению Большой королевской печатью бумаги обратно в Канцелярию. При этом грум мантии не только сортировал доставленные документы, но и в определенной последовательности подносил их на подпись монарху.

Значительный рост объемов официального делопроизводства при Генрихе VIII способствовал перераспределению полномочий между секретарем и грумом мантии. Из-за известной неприязни короля к «бумажной работе»³⁹ значительная часть государственных документов стала визироваться без его непосредственного участия. Для этого был учрежден пост специального клерка палаты, который, владея навыками каллиграфии, воспроизводил на официальных бумагах образцы подписи монарха, которые хранил на отдельных листах грум мантии. При этом отбор соответствующих бумаг и предназначавшихся для них вариантов подписи осуществлялся совместно секретарем и грумом. При Кромвеле такие клише были заменены факсимильной печатью (dry stamp). Оставшаяся на хранении у грума мантии, она оперативно использовалась одним из двух деливших должностные обязанности секретаря клерком (chef de chamber)⁴⁰. Тот не только визировал ею предназначавшиеся для этого бумаги, но и вносил подтверждающую такое действие краткую запись в учрежденный для этих целей регистр Личной палаты (docket book)⁴¹. Наличие такой записи считалось необходимым условием для их передачи в Канцелярию и, следовательно, являлось обязательной формальностью для инициирования любого центрального делопроизводства.

Усиление различных форм внутрикамерального администрирования в системе центрального управления не только мобилизовало оставшийся нерастроченным потенциал придворных «матричных» институтов, но и свидетельствовало о сохранении патримониальных основ верховной власти и о известных недостатках ее публично-правовых проявлений⁴². Солидарные механизмы использования внутрикамеральных методов администрирования, как правило, могли переплетаться с ограничивающими и персонифицирующими их инструментальную базу стратегиями. При этом реанимировались характерные для куриальной стадии развития королевского двора варианты прямого делегирования полномочий, заменявшие или оттеснявшие любые опосредованные самой системой центрального управления должностные назначения. Содержание таких стратегий усложнялось формирующимися представлениями о «физическом»

и «политическом» теле короля, определяя оттенки складывавшихся таким образом предпочтений верховной власти.

Отношение к титулам знати как частицам корпоративного титула короны⁴³ позиционировало отличавшихся благородным происхождением джентльменов Личной палаты как «жемчужин», украшавших «естественное» тело короля. В повсеместно присутствующем акценте на их почти «интимной» пространственно-физической близости к государю угадывались черты, определявшие особую форму доверительных связей с монархом. При таком подходе занимаемые джентльменами должности могли восприниматься как атрибуты, а с учетом популярных в то время неоплатонических спекуляций и как акциденции «политического» государева тела, выражавшие полноту и непосредственный характер связанных с ними полномочий. Оставаясь одновременно необходимым и достаточным условием, подобные близость и полнота определяли отношение к джентльменам палаты как особому королевскому «*manrede*»⁴⁴ — особому сообществу верных слуг и единомышленников.

Возрождение ушедших в прошлое традиций королевской свиты накладывало известный отпечаток на всю систему должностных назначений джентльменов за пределами придворного пространства. Очевидно, можно говорить о существовании некоей градации, влиявшей на характер большинства «первичных» некамеральных продвижений. Наиболее частым было использование джентльменов в качестве стюардов домениальных владений короны, а затем и конфискованных церковных земель⁴⁵. При этом, как правило, особая привлекательность таких должностей определялась их потенциальными возможностями формировать за счет местных ресурсов ливрейные свиты короля и обеспечивать тем самым любые формы прямого военного или «полицейского» контроля⁴⁶. Генрих VIII активно использовал таких стюардов для активизации различных звеньев крайне не развитой местной администрации, назначая их мировыми судьями и шерифами в графства⁴⁷, развивал характерные для ренессансных дворов Европы формы «камеральной» дипломатии⁴⁸.

При всем многообразии известных вариантов привлечения джентльменов для службы вне двора начальная и конечная ступень их политической карьеры заведомо ограничивались внутренним пространством Личной палаты короля, составлявшей социальное ядро раннетюдоровской придворной организации. Тенденция на укрупнение социальных и административных функций палаты будет сохраняться вплоть до кончины Эдуарда VI⁴⁹, затем уже в условиях жен-

ского правления она заметно ослабевает⁵⁰, но уже при Якове I Стюарте обретет ранее неизвестные, но не менее выразительные формы⁵¹.

Примечания

¹ Впервые понятие «военный хаусхолд» было введено Т.Таутом: *Tout T. Chapters in the Administrative History of Medieval England*. In 6 Vols. Manchester, 1937. Vol. II. P. 133, 138.

² *Constitutio Domus Regis // Dialogus de Scaccario and Constitutio Domus Regis / ed. by C. Johnson. Edinburg, 1950. P. 128–135.*

³ О начальных стадиях этого процесса: *Prestwich J. The Military Household of the Normam Kings // English Historical Review*. 1981. Vol. 96, N 378. P. 1–35. *Frame R. The Political Development of the British Isles, 1100–1400. Oxford, 1990. P. 169–188.*

⁴ *Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 231.*

⁵ Такая тенденция останется доминирующей вплоть до начала гражданских войн середины XVII в. Об этом: *Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия. 1603–1629. СПб., 2005.*

⁶ *Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962. С. 94–103.*

⁷ *Lyon D. The Money Fief under The English Kings, 1066–1485 // English historical review*. 1951. Vol. 66, N 259. P. 161–193; *Harvey S. The Knights and Knight's Fee in England // Past & Present*. 1970. Vol. 49. P. 3–43; *Church S. The Rewards of Royal Service in Household of King John: A Dissenting Opinion // English historical review*. 1995. Vol. 110, N 436. P. 277–303.

⁸ *Prestwich J. Anglo-Norman Feudalism and the Problem of Continuity // Past & Present*. 1963. Vol. 26. P. 39–57.

⁹ *Coss P. Lordship, Knighthood and Locality. A Study in English Society, c. 1180–1280. Cambridge, 1991. P. 305–327.*

¹⁰ См. дискуссию: *Coss P. Bastard Feudalism Revised // Past & Present*. 1989. Vol. 125. P. 27–64; *Crouch D., Carpenter D. Bastard Feudalism Revised // Past & Present*. 1991. Vol. 131. P. 165–189; *Coss P. Bastard Feudalism Revised: A Replay // Past & Present*. 1991. Vol. 131. P. 190–203.

¹¹ *Bean J. The Decline of English Feudalism, 1215–1540. Manchester; New York, 1968. P. 306–309.*

¹² *Waugh S. Tenure to Contract: Lordship and Clientage in Thirteenth Century England // English historical review*. 1986. Vol. 101, N 401. P. 811–839.

¹³ *Lyon D. The Feudal Antecedent of the Indenture System // Speculum*. 1954. Vol. 28, N 3. P. 503–511; *Carpenter C. The Beauchamp Affinity: A Study of Bastard Feudalism at Work // English historical review*. 1980. Vol. 95, N 376. P. 514–532.

¹⁴ *Бакалдина Е. В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2011. С. 47–110.*

¹⁵ *Condon M. Ruling Elites in the Reign of Henry VII // Patronage, Pedigree and Power in Late Medieval England. Gloucester, 1979. P. 127–129.*

¹⁶ Существуют определенные трудности с начальной датировкой этих изменений. Не вызывает сомнений тот факт, что основная часть преобразований, связанных с Личной палатой, так или иначе приходится на период 1485–1526 гг., т. е. хронологически совпадает с годами правления Генриха VII и частично Генриха VIII. Сложности возникают с определением точной даты ордонанса, инициировавшего отделение Личной палаты от прочих камеральных ведомств. В распоряжении исследователей нет точно датированного оригинала. Д. Старки еще в своей докторской диссертации (1973) использовал хранящийся в Коллегии герольдов список (*College of Arms. Arundell MS. XVII (2)*), датируя его протограф 1495 г. (*Starkey D. The King's Privy Chamber, 1485–1547. Unpublished Cambridge Ph.D. dissertation, 1973. P. 18ff*), и, следовательно, считал, что Генрих VII был инициатором преобразований. Старки также полагал, что еще одна копия ордонанса, опубликованная Ф. Гроузом и Т. Эстлом, хотя и содержала значительные интерполяции (*The Antiquarian Repertory / ed. by F. Grose & T. Astle. In 4 Vol. London, 1807–1809. Vol. II. P. 184–185 (текст ордонанса); P. 186–209 (интерполяции)*), была идентична в своей основной части списку Коллегии герольдов. Копия была изготовлена для Генриха VIII Тюдора его лорд-чемберленом Генри Фитц-Эланом, графом Эранделлом в 1526 г. Поскольку и в опубликованном тексте ордонанса, и в списке Коллегии герольдов нет упоминаний о джентльменах Личной палаты — службе, впервые учрежденной, как известно, Генрихом VIII не ранее 1515 г., то Старки считал это основание достаточным, чтобы предварительно датировать сам текст ордонанса периодом правления Генриха VII. Далее уже по косвенным свидетельствам он ограничивал время появления ордонанса 1495 г., считая, что его издание должно было последовать сразу же за раскрытием заговора Пурбека (см.: *Starkey D. Intimacy and innovation: the rise of the Privy Chamber, 1485–1547 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War / ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 73–74*). При этом в тексте самого ордонанса и сопровождающих его документах присутствует, на мой взгляд, та ситуация, которая оставалась, согласно утверждениям самого Старки, более характерной для отношений внутри самой палаты при Генрихе VIII, а не при его предшественнике: группы упоминаются лишь в веренице прочих должностей и далеко неравнозначно соседствуют с эсквайрами и рыцарями Личной палаты короля; для последних даже отводится отдельный титул (р. 185–186). Связывать, таким образом, появление этого ордонанса с последствиями предварительного заговора 1495 г. весьма спорно.

¹⁷ Я предпочитаю данный не совсем точный вариант передачи этого термина, исходя из одного возможного перевода английского слова «stool», и преследую цель избежать по возможности его исходного бытовавшего в Средние века значения («stool of easy»), тем не менее, отражавшего набор начальных «служебных» обязанностей его предшественника «yeoman of the Stool». О варианте перевода этого термина с учетом обособления четверто-

го камерального ведомства — Королевской спальни см.: Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 13.

¹⁸ *Castiglione B.* The Book of Courtier. London, 1989. P. 127. Более подробно об этом: *Scaglione A.* Knights at Court. Courtliness, Chivalry, and Courtesy from Ottonian Germany to Italian Renaissance. Los Angeles, 1991. P. 229–242.

¹⁹ Их численность можно идентифицировать по более поздним свидетельствам, относящимся ко второму десятилетию XVI в., когда под влиянием «особых» обстоятельств стали известны имена «новых» грумов Генриха VIII. См.: Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547 / ed. by J. Brewer et al. In 21 Vol. London, 1862–1932. Vol. I, pt. I. P. 771 (далее — HLP).

²⁰ Обычно связанные с высокими наследственными должностями (лорд-камергер и лорд-стюард), такие клиенты, как правило, сохраняли свой потенциал, переживая сменявшиеся на троне династии, и при наличии известного противостояния могли представлять реальную угрозу для стабильности самой монархии: *Morgan D.* The House of Policy: the Political Role of the Late Plantagenet Household, 1422–1485 // The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War / ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 25–71.

²¹ Таковой была ситуация вплоть до 1515 г., когда должности грума мантии последовательно занимали Хью Денис и пришедший ему на смену в 1510 г. Уильям Комптон (HLP. Vol. I, pt. I. P. 94).

²² Термин «миньоны» в отношении личных слуг короля был впервые употреблен Э. Холлом: *Hall E.* The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancaster and York. London, 1809. P. 598.

²³ При несомненном лидерстве Уильяма Комптона такую группу образуют Николас Кэрю, Френсис Брайен, Джон Кортни, Генри Гуилфорд, Эдвард Невилл и Уильям Кэри (HLP. Vol. I, pt. I. P. 771).

²⁴ Речь идет о приеме французского посольства в Лондоне 23 сентября 1518 г. Дело в том, что среди прибывшей на мирные переговоры делегации присутствовали шестеро *gentilhomme de la chamber* Франциска I. При этом, согласно сложившейся традиции, во время официального въезда делегации в Лондон миньоны Генриха VIII должны были гарцевать попарно с их французскими компаньонами, но различия в занимаемых ими придворных должностях не позволяли сделать это. Сложность была решена путем прямого заимствования французского аналога для учреждения новой придворной должности при английском дворе (HLP. Vol. II, pt. II. P. 4409). См. также описание процессии у Холла: *Hall E.* The Union... P. 593–594. Какое-то время французская формула продолжала использоваться при дворе, но уже в 1621 г. появилась ее привычная английская версия (HLP. Vol. II, pt. II. P. 4512; Vol. III, pt. II. P. 2374).

²⁵ Такой перелом фиксируется в так называемых Элтэмских ординасах: A Collection of Ordinances and Regulations for the Government of the Royal Household. London, 1790. P. 154–156.

²⁶ *Carlisle N.* An Inquiry into the Place and Quality of the Gentlemen of His Majesty's Most Honourable Privy Chamber. London, 1829. — Состав сформировавшейся вокруг грума мантии службы объединял собой две различные по статусу группы слуг. Наиболее многочисленными и, как представляется, гибкими в использовании оказывались джентльмены палаты — собственно миньоны, отличавшиеся также высоким социальным положением (сыновья пэров, представители семей старой родовитой знати) и относительной молодостью. Д. Старки полагает, что еще в начале правления Генриха VIII они с успехом формировали так называемую молодежную «субкультуру» двора (*Starkey D.* Intimacy and Innovation... P. 80). На них лежал круг обязанностей, связанных с постепенно ритуализирующейся внутренней жизнью палаты. Собственно грумы образовывали статичную по составу группу личных слуг короля, по-прежнему не отличавшуюся благородным происхождением и занятую выполнением рутинных обязанностей.

²⁷ *Hoak D.* The King's Privy Chamber, 1547–1553 // *Tudor Rule and Revolution* / ed. by D. Guth & J. McKenna. New York, 1982. P. 87–108.

²⁸ *Wolffe B.* The Crown Lands, 1461–1536. London, 1970. P. 54–96.

²⁹ *Dietz F.* English Government Finance, 1485–1558. In 2 Vol. London, 1964. Vol. I. P. 101–113; Vol. II. P. 222–223.

³⁰ Судя по всему, объем финансовых полномочий, принадлежавших йомену мантии, был достаточно велик уже в последнее десятилетие правления Генриха VI. Иначе трудно объяснить, как Уильям Гримбсби, занимавший этот пост более 15 лет, стал в последние годы своей жизни сначала камеральным казначеем, а затем и вторым лицом в самом Казначействе: и тот, и другой пост требовали серьезных навыков практической работы (*A Collection of Ordinances and Regulations...* P. 18).

³¹ Об этом более подробно: *Starkey D.* Court and Government // *Revolution Reassessed. Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / ed. by C. Coleman & D. Starkey. Oxford, 1986. P. 29–59.

³² Так, Генрих VII ограничился изъятием поступлений от прерогативных прав короны, восстановив тем самым известный водораздел между доминирующими и всеми прочими доходами монарха. При Генрихе VIII, напротив, финансовая деятельность Королевской палаты настолько истощилась (реформа Комптона), что потребовалась срочная реформа (Норриз). См. *Starkey D.* Intimacy and Innovation... P. 83–87.

³³ HLP. Vol. IV, pt. I. P. 2002.

³⁴ *The Privy Purse Expenses of King Henry VIII* / ed. by N. Nicolas. London, 1827.

³⁵ *Elton G.* The Tudor Constitution. Cambridge, 1960. P. 142–143. О сохранении тенденции при «малых» Тюдорах см.: *Hoak D.* The History of Tudor Court: the King's Coffers and the King's Purse, 1542–1553 // *The Journal of British Studies*. 1987. Vol. 26, N 2. P. 2008–2231.

³⁶ *Elton G.* The Tudor Revolution in Government. Cambridge, 1953. P. 56–59.

³⁷ *Otway-Ruthven J.* The King's Secretary and the Signet Office in the Fifteenth Century. Cambridge, 1939. P. 39.

³⁸ *Starkey D.* Court and Government... P. 46–48.

³⁹ HLP. Vol. III, pt. II. P. 1399.

⁴⁰ HLP. Vol. IX. P. 905.

⁴¹ HLP. Vol. XI. P. 227; Vol. XII, pt. I. P. 1315; Vol. XIII, pt. I. P. 332; Vol. XIV, pt. II. P. 201.

⁴² Впервые такие наблюдения были сделаны на французском материале (*Хачатурян Н. А.* Сословно-представительная монархия во Франции XIII–XV веков. М., 1989. С. 1 69–181), а затем вписаны в более широкий историко-культурный контекст (*Хачатурян Н. А.* Власть и общество... С. 8–14; 169–178).

⁴³ *Федоров С. Е.* Пэрское право: особенности нормативной практики в Англии раннего Нового времени // Правоведение. № 2. 1996. С. 112.

⁴⁴ HLP. Vol. XIII, pt. I. P. 505. — Весьма показательно, что учрежденный в ходе камеральных реформ 1539–1540 гг. институт королевских гвардейцев также воспринимался как особая часть королевского «manrede» и формировался в основном из ресурсов Личной палаты монарха (HLP. Vol. XIX, pt. II. P. 524).

⁴⁵ HLP. Vol. XI. P. 580; Vol. XIII, pt. I. P. 505; Vol. XIX, pt. I. P. 275. *Bernard G.* The Rise of Sir William Compton, Early Tudor Courtier // English historical review. 1981. Vol. 96. P. 759–762.

⁴⁶ HLP. Vol. I, pt. II. P. 1948, 2051, 2301; Vol. XI. P. 580.

⁴⁷ *Starkey D.* Intimacy and Innovation... P. 85–86.

⁴⁸ Известны имена, по меньшей мере, шести джентльменов, участвовавших в «камеральном» обмене между английским и французским дворами. Каждый из них, пребывая достаточно длительное время в ближайшем окружении иностранного государя, как правило, становился членом его ближайшего окружения и наравне с другими исполнял различного рода обязанности, оставаясь при этом посланником своего монарха (HLP. Vol. III, pt. I. P. 111, 246; Vol. III, pt. II. P. 641, 3360, 3434). Помимо этого джентльмены успешно внедрялись в состав дипломатических миссий, зачастую оттесняя юристов и клириков, по обыкновению, доминировавших в посольствах, или же образуя совместно с ними очень эффективные тандемы. Об этом более подробно: *Starkey D.* Representation through Intimacy // Symbols and Sentiments/ ed. by I. Lewis. London, 1977. P. 82.

⁴⁹ Об этом более подробно: *Loades D.* Intrigue and Treason. The Tudor Court, 1547–1558. London, 2004. P. 1–81; *Murphy J.* The Illusion of Decline: The Privy Chamber, 1547–1558 // The English Court... P. 71–119.

⁵⁰ *Wright P.* A Change in Direction: the Ramification of a Female Household, 1558–1603 // The English Court... P. 119–147.

⁵¹ *Ковин В. С.* Королевский двор Якова I Стюарта: Королевская Спальня, ее слуги и все остальные // Королевский двор в Англии в XV–XVII веках / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2011. С. 110–189.

В. А. Ковалев

**ОТ ТЕАТРА К РИТУАЛУ:
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ
В ПРИДВОРНОМ ТЕАТРЕ ЯКОВА I СТЮАРТА, ТРЕХЧАСТНАЯ МОДЕЛЬ
И ФОРМИРОВАНИЕ МИФОЛОГИИ ДИНАСТИИ***

Вопрос о том, чем был придворный театр ранних Стюартов, о появлении такой специфической формы представления, как маски, о его значении для развития театра и придворной культуры, достаточно долго оставался дискуссионным. Чарльз Уоллес в своей работе «Эволюция английской драмы к Шекспиру»¹ первым предположил, что источником, создавшим современный театр, были не средневековые религиозные представления-миракли, и не уличные подвижные сцены (*pageants*), но именно придворные представления заложили основу бурного роста английского театрального искусства. При этом Уоллес свел поле исследования почти полностью к деятельности службы развлечений королевского двора при Тюдорах и первых Стюартах, игнорируя как параллельное развитие публичного театра, так и богатый континентальный материал. Однако именно его работа инициировала дискуссию о происхождении и функции придворного театра.

На долгое время основополагающими для исследователей придворных представлений стали работы Эдварда Чамберса «Елизаветинская сцена» и «Средневековая сцена»². Выявив исторические корни придворных масок в шуточных развлечениях «правления Повелителя Беспорядка», Чамберс предпринял беспрецедентное по масштабу исследование придворных развлечений и публичного английского театра. При этом он избегал утверждений о революционных изменениях, стараясь найти средневековые корни каждого из видов театрализованных развлечений. Чамберс совершенно справедливо заметил

* Статья подготовлена при поддержке РГРФ, грант № 12-01-00366

© В. А. Ковалев, 2012

специфичность раннестюартовских придворных представлений, однако связывал их с позднесредневековыми развлечениями, модернизированными при Тюдорах.

Тогда же, в 30-е годы XX в., издается работа Эллардайса Николла «Стюартовские маски и ренессансная сцена»³, в которой автор делает ряд важных выводов о структуре придворных масок. Он в большей степени, чем Чамберс, видит в придворных представлениях демонстрацию эмблем и символов, характерных для неоплатонической философии эпохи Ренессанса. Этот вывод неизбежно ведет его к необходимости тесно связать стюартовские маски с континентальной, прежде всего итальянской культурой. Не менее важными выглядят и другие его утверждения. Так предположение, что пространство, используемое для танцев в конце маскарада, рассматривалось современниками как вторая сцена, привело его к примечательному выводу, что два мира — волшебный мир масок на сцене и реальный мир аристократической аудитории — магически связывались в процессе представления и влияли друг на друга. При этом Николл все же видел в масках именно представление, а не церемониал, наделенный социальными функциями, или магический ритуал.

В 50-е годы XX в./растет интерес к «нетheaterальным» аспектам придворного театра, их символике и роли в репрезентации королевской власти и распространению официальной идеологии, а также к связи символики масок с ренессансной традицией. Франсез Йейтс⁴, сэр Рой Стронг и Стефан Оргел⁵ видели источник английской придворной культуры и масок, как одного из ее проявлений, в деятельности континентальных придворных академий Франции и Флоренции. Основой понимания масок становится традиция неоплатонической философии, делавшей действующей силой идеи и аллегорические образы, которым подчинялись все аспекты придворных спектаклей. В своей совместной работе Стронг и Оргел обратили внимание на соответствие появления перспективы в придворном театре и идеологии стюартовской монархии⁶. Параллельное рассмотрение истории публичного и королевского театров позволяют выявить их отличительные черты и подтвердить тезис о том, что сама архитектура театра, его оформление и механизмы, расположение декораций, текст масок, сама структура рифм и ритма служили одной цели — распространению идеи контроля разума над хаотичным миром природы. Кроме того, сэр Рой Стронг, а также Дэвид Норбрук трактовали маски как «государственную литургию», заменившую в протестантских странах литургию церковную⁷.

В работах современных исследователей, таких как Малколм Сметс, Ежи Лимон, Каролин Хиббард, Мартин Батлер и Барбара Рэйвелхофер⁸, на первое место выходит роль масок как специфического ритуала⁹. Малколм Сметс совершенно справедливо отметил, что символика масок не могла восприниматься аудиторией непосредственно¹⁰. Наиболее последовательно маски как особую форму социального ритуала рассматривает Ежи Лимон. Поскольку в обряде равное значение имеют все его составляющие, он рассматривает все элементы придворного театра как части единого социального ритуала. В подтверждение этого он приводит несколько примеров того, как просцениум и другие части сцены, рассматриваемые в работах Оргела в качестве декоративных, являются элементом представления — фронтлистом текста масок¹¹. Однако Лимон ограничивает ритуал масок только демонстрацией абстрактных эмблем и символов — «обезличенных добродетелей, порожденных королевской мудростью». Он утверждает, что маски есть «часть метафорического мира, представляющие добродетели двора. Иногда после танцев они возвращаются в божественные сферы и исчезают. Они являются порождением божественной мудрости... Если они не исчезают, то снимают маски и тогда становятся реальными придворными»¹². Это утверждение практически полностью повторяет тезис Николла о том, что «аудитория в Уайтхолле... видела в масках не что иное, как серию живых эмблем»¹³. В целом, несмотря на стремление комплексно рассмотреть ритуал масок, следует заметить, что Лимон и другие современные исследователи концентрируют чрезмерное внимание на иконографии, архитектуре, оформлении и структуре масок в ущерб анализу текста, который также является необходимой (проговариваемой) частью ритуала.

Попытка представить маски в виде «серии эмблем» и особой формы придворной пропаганды вызывает закономерный вопрос: количество эмблем, которые демонстрировались зрителям, было крайне невелико (Аполлон, Нептун, Юпитер, Пан). Так зачем было регулярно, минимум дважды в год (на Рождество и Масленицу), демонстрировать одни и те же образы? Стабильное повторение одних и тех же символов в рамках пропаганды подразумевает ориентированность на очень широкую аудиторию, в то время как на придворных представлениях аудитория не превышала, как правило, 60–70 человек. Кроме того, как уже говорилось выше, эмблемы вовсе не обязательно воспринимались непосредственно, хотя авторы текстов представлений, прежде всего Джонсон, позаботились о том, чтобы объяснить наиболее сложные образы через прямую речь персонажей масок.

Тодд Фернисс справедливо обратил внимание на то, что и текст, и элементы оформления придворных представлений (костюмы, порядок появления на сцене, имена персонажей) зачастую связаны не только с образами идеальной монархии, но и с конкретными обстоятельствами (политическими или придворными событиями) и конкретными людьми (участниками масок). Этот исследователь выдвинул очень важный для нас тезис о трех уровнях восприятия участников театрального ритуала. Король, смотрящий представление и косвенно принимавший в них участие, воплощал в себе одновременно три персоны: во-первых, верховного бога того ритуала, который был представлен в масках; во-вторых, идеальную королевскую власть, к которой обращались участники масок; и, наконец, он — реальный король Яков I. Так же и маски имели три ипостаси. Первая — персонажи драматического действия: рыцари Аполлона, принцы Доблести, достоинства Времени и т. д. Вторая — идеальные придворные, окружающие идеального короля, действия которых улучшают природу благородных зрителей в зале. И, наконец, конкретные люди, скрывающиеся под масками: принц Карл, герцог Бэкингем, маркиз Гамильтон, граф Монтгомери, лорд Хей, братья Чарльз и Генри Говарды и т. д.¹⁴

При этом символы королевской власти Фернисс разделял на четыре группы согласно их сюжетной функции: мифологические образы золотого века, пасторальные образы, триумфы и сюжеты, обозначенные им как «столкновение концепций»¹⁵. Подобный подход, на мой взгляд, чрезмерно акцентирует внимание на текстах масок и не позволяет развить совершенно справедливые тезисы Фернисса о ритуальной структуре представления в придворном театре.

Именно разрыв между анализом визуального оформления и текста масок остается наиболее труднопреодолимой преградой на пути исследователей. С.Оргел даже выдвинул тезис о существовавшем разрыве между деятельностью оформителя придворных развлечений, Иниго Джонса, и авторов текстов, прежде всего Бена Джонсона: «...Это разделение было характерно для всех... раннестюартовских масок, и более заметно нам, чем современникам. Сцена символически или реалистически относилась к произведению, но не вовлекалась в него»¹⁶. Этот тезис поставил под сомнение Джон Оррелл, который продемонстрировал, что Иниго Джонс при оформлении сцены исходил из присутствия актеров на сцене и учитывал «человеческий фактор» при оформлении декораций, т. е. сцена и ее дизайн были вовлечены в театральное действие¹⁷. Его тезис был развит Барбарой Рэйвел-хофер, которая, исходя из своих представлений о придворном театре

как «мультимедийном зрелище»¹⁸, показала, что Джонсон и Джонс создавали «амбитеатр» — форму, включавшую в себя различные проявления театрального и дизайнерского искусства. «Обращение к “человеческой сцене” превращало архитектуру в живой театр»¹⁹.

На мой взгляд, восприятие масок именно как особого королевского ритуала и ритуалистический подход к анализу придворного театра позволяют преодолеть разрыв, о котором писал Оргел. Если принять теорию Джейн Харрисон о том, что миф является проговариваемым сопровождением обрядового действия (*legomenon*, корректирующий *dromenon*)²⁰, и рассматривать текст масок как миф, то сцена, декорации, костюмы и текст станут равноправными участниками единого ритуала и могут быть подвергнуты единому анализу.

Ритуальная форма представления была весьма гибкой, позволяла интегрировать в единое целое процессии, жесты, костюмы, текст речей, символы, танцы и пение. Она позволяла выстроить связь со сверхчувственным идеальным миром богов, выделить день представления как особый, продемонстрировать образы идеальной монархии и подчеркнуть преимущества конкретного монарха. При этом поклонение богам в ходе ритуала на сцене превращалось в поклонение монарху, присутствовавшему в зале. Наконец, ритуальная форма позволяла включить отрицательные образы (антимаски), отделить их от положительных образов (масок) с помощью поэтических и текстуальных различий и успешно одержать над ними победу. Кроме того, ритуальная форма позволяла маскам (непрофессиональным актерам — придворным) молчать во время представления, поскольку говорили жрецы и боги.

Такой взгляд на маски согласуется с собственным определением Бена Джонсона, которое он давал своему творчеству: его маски — панегирик принцепса. Если вспомнить, что панегирик — это не просто хвалебное стихотворное произведение, но и проговариваемая часть ритуала поклонения императору, то становится очевидной программа Бена Джонсона — превратить театр в ритуал поклонения монарху — идеальному и конкретному.

Четырехчастная система позволила Фернису проанализировать сюжеты масок и их мифологические образы, однако подобное деление выглядит несколько произвольным. Сходные образы, воплощавшие королевскую доблесть, оказываются и в категории «триумфы», и в категории «столкновение концепций», а о близости символики «золотого века» и пасторалей пишет сам автор²¹.

Представляется более оправданным применить для образов королевской власти схему, распределяющую функции мифологического бога-героя (которым и был монарх в придворном театре). Традиционно выделяются три функции: бог-покровитель ритуала; бог-герой, победитель чудовищ; бог-кормилец, культурный герой. Это трехфункциональное, трехчастное деление впервые было рассмотрено Жоржем Дюмезилем, который считал его проявлением «индоевропейской трехчастной идеологии»²². В качестве «основы общей структуры индоевропейской идеологии» рассматривает эти три функции мифологического бога-героя Мирча Элиаде²³. Хотя данная схема относится к дохристианской мифологии, о применимости ее к образам королевской власти в средневековой Европе писал, правда, с некоторым сомнением, Жорж Дюби²⁴. Не рассматривая вопрос о применении данной схемы к любым образам королевской власти, замечу, что в отношении яковитского придворного театра такой подход выглядит не только возможным, но и весьма плодотворным. Он соответствует как ритуальной форме представления, так и античным, дохристианским сюжетам масок. При этом подобное трехчастное деление удачно сочетается с предложенной Ферниссом трехуровневой схемой (неоплатонический идеальный образ — абстрактный монарх в мире идеальной монархии — конкретный король Яков I в конкретных обстоятельствах).

Кроме того, можно провести параллель с тремя уровнями реальности «высокого» и «запретного», предложенными Карло Гинзбургом: космическая реальность (тайны Природы, *arcana Naturae*), религиозная реальность (тайны Бога, *arcana Dei*) и политическая реальность (тайны власти, *arcana Imperii*)²⁵. Эти три аспекта реальности «разные, но — взаимосвязанные, или, точнее, усиливаемые путем аналогии», отражаются в трех функциях короля как мифологического бога-героя. Богу-покровителю ритуала соответствует религиозная реальность, его тайны — божественные. Богу-победителю чудовищ — реальность политическая, его функция — власть. Наконец, богу-культурному герою принадлежат тайны Природы и власть над ними.

Не имея возможности приводить сюжеты всех масок (всего при Якове I было поставлено более тридцати масок и порядка десяти *entertainment* — близкого к ним по форме развлечения), я ограничусь несколькими примерами в каждом случае.

В качестве бога-покровителя ритуала король мог быть центральной фигурой обряда поклонения идеальному монарху и установления магической связи между подданными и королем. Наиболее яркий

пример подобных масок — представление «День Рождения Пана, или Праздник гастухов», поставленное 3 августа 1624 г.²⁶ На сцене, изображающей Аркадию, появляются 3 нимфы и «пастух с курильницей и благовониями». Эти аксессуары подчеркивают роль Пастуха как жреца Пана, его действия — литургия. Смысл происходящего раскрывается в первых же строках:

1-я Нимфа:

Откроем древний ритуал!
 Великий Пан жрецов призвал.
 Всех, кем наполнен ныне зал,
 Ждут песни, спорт, веселый бал.
 Завистники, профаны — прочь!
 Пан торжествует в эту ночь²⁷.

После пения Нимф, Пастух произносит монолог, который выглядит как распоряжения *pontifex maximus*, управляющего ритуальными действиями:

Пастух:

Отлично, розы, яркие как кровь,
 Рассыпьте до последней, после вновь
 Тюльпанами усыпьте, васильками
 И розы Адониса лепестками.
 И водосбор, и кудри короля,
 И царский кубок, что растет в полях,
 Аир, виолу, колокольчик синий,
 Ромашки и гвоздики — все в корзины
 Кладите; и прекрасный гиацинт,
 Примулу, ирис, лилию — долин
 Царицу, бледно-желтый даффордил,
 Нарцисс, что одного себя любил,
 Жезл короля, затем сердечник чистый,
 Венерин башмачок и лавр душистый,
 И мирт, колонн обвивший стройный стан,
 Нард ароматный, сладкий майоран;
 Когда алтарь украсится как должно,
 С ним феникса гнезду сравниться сложно,
 И Пана алтарю уступят спор
 В сияньи — небо, в яркости — фарфор²⁸.

Примечательно, что перечисленные цветы группируются по нескольким категориям — связанные с античными мифами (нарцисс, гиацинт, ирис, роза Адониса), имеющие отношение к королевской власти (королевский кубок, королевский жезл, лавр, мирт) и любов-

ные символы (примула, василек, Венерин башмачок). В дальнейшем ритуал прерывается появлением заядлого дуэлянта Фенсера в сопровождении «драчливых и тупых» беотийцев. Показательно, что диссоциирующие с общим пафосом пасторального ритуала персонажи говорят прозой (неблагородным стилем) и горожане по происхождению. Зубной Врач, Медник, Жонглер, Закройщик Сапог, Ремонтник Кузнечных Мехов, Часовой Мастер, Мастер Мышеловок (бывший политик), Портной или Властитель Моды и Философ, «про которого говорят, что он умеет писать, а многие серьезно подзревают, что и читать он тоже умеет», выглядят и действуют так, как будто являются не людьми, а механическими куклами. Мастер Мехов следит за дыханием брата, Часовой Мастер «следит, чтобы все успевали сделать все вовремя, чтобы каждый локоть двигался в нужном порядке, каждое колено — в верном направлении», Философ «придумал настоящий танец с помощью лягушкографии, о чем составил если не целый доклад, то хотя бы меморандум». Это создает дополнительный конфликт непрощенных гостей и гармоничных, живущих в согласии с Паном и Природой, Пастухов и Нимф.

Впрочем, конфликт решен без какого-либо действия. Станцевав, беотийцы уходят, а Пастух отдает новые указания:

Пастух (к маскам):

О Аркадийцы, час уже настал
Открыть нам Пана истинный обряд.
Движенья ваши, заполняя зал,
Республику Гармонии творят.
Должны вы для грядущего хранить
Всю чистоту, что из Фонтана Света
Сошла на вас, теперь ни отменить,
Ни осквернить не в силах Глупость это.
Ликейский холм оставьте, путь зовет
Преодолеть долину темноты
А там Фонтан²⁹, где свет живой течет,
Узрите, онемев от красоты³⁰.

После этого поются два гимна. В первом восхваляются умения Пана, причем кроме идеальных образов, соответствующих античному богу, мы видим одно из любимых занятий короля Якова — охоту:

1-я Нимфа:

Восславься Пан, певец великий, бог,
Свирель пастушескую так чудесно
Звучать заставить Аполлон не смог,

Хор:

О, рощи и холмы, услышьте песню!

2-я Нимфа:

Восслався Пан, великий вождь и бог,
Дриада и нимфа ты возглавляешь в танце³¹,
С тобой сравниться сам Гермес не смог,

Хор:

О, рощи и холмы, услышьте стансы!

3-я Нимфа:

Восслався Пан, охотник храбрый, бог,
Чье сердце новый путь найти готово,
Такой трофей добыть Сильван не смог³²,

Хор:

О, рощи и холмы, услышьте слово!

2-я Нимфа:

Восслався Пан, пастух великий, бог,
Веди стада и нас туда, где лето —
Такое пастбище найти сам Фавн не смог,

Хор:

О, рощи и холмы, услышьте это!
И песне славы, что поем мы тут,
Под звон ручьев долины подпоют³³.

Во втором гимне подчеркивается могущество Пана:

Пан наше все — мы дышим, мы живем,
Мы движемся, мы есть — все это в нем!
Растут ягнята, вскоре шерсть от стад
Сплетет он в теплый праздничный наряд.
Он гонит холод прочь и зной,
Он отразит недуг любой,
Он расцветит весенний луг,
Все овцы сыты, но испуг
Средь них, коль гневен Пан — увы! —
Нет пастухов и нет травы³⁴.

После этого сна появляются беотийцы. На этот раз терпение богов исчерпано и все спутники Фенсера оказываются превращенными

в овец. Сам Фенсер был избавлен от этой судьбы только потому, что вовремя вспомнил о своей дипломатической неприкосновенности (здесь, безусловно, Джонсон сатирически вывел ненавистного англичанам испанского посла дона Диего де Сармиенто, графа Гондомара). После этого поется завершающий гимн:

Великий Пан, что создал мир и счастье,
И прочь изгнал ненастье,
Смотри: святые пастухи собрались в круг,
Поют, и этой песни звук,
Летит с Ликей, и на много миль вокруг.

Хор:

Как только овцы принесут ягнят,
Тебе подносим первенцев от стад,
Здесь каждый первое руно тебе несет,
И первый от коров и коз приплод,
Ведь ты хранишь наши стада,
Всегда чиста в ключах вода.
Спасает от волков, лисиц,
От барсуков, от хищных птиц.
Мы молимся тебе, ты нас хранишь — союз
Такой цветет под твоей сенью, Меналус³⁵!

Пастух:

Вернутся все к своим делам,
Чтоб сыто овцы по полям
Бродили, всяк свободен был,
Но ты поставлен, чтоб следил
Как пастухи, с каким стараньем
Твои исполнят приказанья,
А коль отпустишь их, отец —
Тебя обманут и овец³⁶.

Последний гимн (как, впрочем, и второй) является ясным изложением мифологии персональной стюартовской монархии. Все доброе, что происходит в мире, происходит по воле короля и более того — даже просто из-за его присутствия. Ему не нужно ничего делать — сам факт его существования гармонизирует мир и изгоняет все зло. Подобным образом Пан трактуется и в других яковитских масках («Видение Наслаждения», 1618):

Чудо:

Кто этот бог?

Фантазия:

Узри же короля!
Лишь он явился, счастлива земля,
Весна в его беседке расцветает,
И власть его собою украшает³⁷.

Обязанности пастухов (т. е. аристократии) — приносить дары и молиться Пану, который оберегает и пастухов, и овец (в том числе и от самих пастухов). Одновременно с этим маски являются и ритуалом поклонения античному Пану, идеальному миру гармоничной Природы (идея, из которой будет выведена мысль о гармоничном естественном законе). При этом Джонсон не забывает вполне конкретные события, в частности, разрыв переговоров об испанском браке, выводя в идеальных образах вполне конкретных людей.

В яковитских масках непосредственно образ Пана встречается четыре раза, а если учесть появление Сильвана — итальянского божества, образ которого сливался с Паном, то восемь раз, что делает его самым популярным персонажем придворных масок. Весьма амбивалентный образ Пана трактовался именно как бог-объединитель всего, таким образом акцентировалось внимание на «великом проекте» Якова — объединении Британии. В некотором смысле образ Пана позволял включить в маски христологическую символику, традиционно представленную в масках крайне незначительно. Образы Пана и Христа сопоставлены Мильтоном в оде «На утро рождения Христа»³⁸. В 1592 г. был издан «Пастушеский Календарь», автор которого писал, обращаясь к Елизавете: «поскольку Пан обозначает самого знаменитого и победоносного короля... и по имени своему обозначает могущественных и знатных, а в некотором смысле — самого Христа, который есть самый настоящий Пан и бог пастухов»³⁹. Наконец, любовь Пана к нимфе Сиринге из свиты Дианы позволяла решить еще одну проблему династической мифологии — выстраивание связи с предыдущей династией. Через связь двух мифических фигур Пана и Дианы, Яков I демонстрировал согласие с Елизаветой.

Король как бог-покровитель ритуала не обязательно был центром обряда поклонения ему же самому. Триумфальные процессии также приобретали характер ритуала, находящегося под покровительством верховного бога. Причем в этих случаях бог мог быть даже не назван по имени, хотя очевидно, что речь идет о Юпитере. Яркий пример подобного ритуала — маски, поставленные на свадьбу графа Эссекса и леди Франсез Говард (маски «Гименей», 1606). На сцене располагался

алтарь с надписью «J(oni) O(imae) M(imae) Unioni Sacr», за ним — 5 пажей, далее — еще один, представлявший жениха. С другой стороны входил Гименей, сопровождаемый тремя юношами, между которыми шла актриса, исполнявшая роль невесты. В середине зала находились два жреца, которые пели гимны. Один из них держал воду, второй — огонь. Следует заметить, что Джонсон довольно скрупулезно следовал в воссоздании римской брачной церемонии нескольким античным авторам, прежде всего Катутлу, Овидию и Сексту Помпею Фесту. Свадебная процессия направлялась в храм Юноны, рядом с которым был установлен Глобус или Микрокосм на плечах у Атласа. При этом Гименей в сопровождении хора жрецов пел свадебную песню:

Что за чудесный луч
Юнону озарил,
Прекрасен и могуч,
Какой небесный бог нас посетил?
Нет, я не ошибусь —
Создал монарх земной
Прекраснейший союз,
Разливший яркий свет над всей страной.
Да, вот сидит он сам —
Король и мира жрец,
И лучшая из дам —
Один венчает их золотой венец⁴⁰.

Наиболее интересными представляются два момента. Первое. Юнона (т. е. воплощенный союз) не светится сама. Она светит отраженным светом того, кто одновременно является Юпитером и земным королем, т. е. Якова I. Теория, согласно которой моделью благородного сообщества является образ Вселенной, в центре которой расположен «король-солнце», а аристократы — его планеты, была наиболее популярной не только при яковитском дворе, но и во всей Европе начала XVII в. При этом планеты не имеют собственного света, но сияют отраженным светом монарха, вокруг которого и вращаются — каждый на своей орбите. Второе: очевидна ассоциация союза, заключаемого на сцене — между графом Эссексом и леди Франсез Говард и союза, заключенного в Британии с воцарением Якова I — между Англией и Шотландией⁴¹. Брачный союз освящается королевской четой. Следует заметить, что маски были магическим ритуалом, который должен был преобразовать мир, а не просто отобразить его. Следовательно, происходящее на сцене бракосочетание, отражение союза двух королевств, в свою очередь должно было скрепить Англию и Шотландию,

связать их в единый узел так же, как руки новобрачных связывались шелковой лентой. Кроме того, настойчиво подчеркивается еще один элемент яковитской пропаганды — Яков I как мирный монарх.

Появляются маски, представляющие четыре темперамента и четыре чувства, которые мешают брачному союзу. Гименей призывает на помощь Разум, который появляется на вершине Глобуса (т. е. царит над миром). Разум как бы увенчан светом, он в синей одежде, усыпанной звездами и в мантии с изображением геометрических фигур. В его руках — сияющий меч и светильник. Порядок церемонии восстановлен, появляется Юнона в сопровождении Ириды, духов воздуха и восемь леди в масках, представляющих восемь добродетелей невесты.

После этого Разум произносит довольно длинный монолог, снова подчеркивая священность союза. В целом он посвящен разъяснению символов ритуала, однако дважды проводятся параллели между союзом королевств и союзом новобрачных. Естественно, все происходит по воле верховного бога, покровителя ритуала — Юпитера, появляющегося на сияющем шаре и воплощающего другое божество, сидящее в зрительном зале — Якова I:

Разделены вы алтарем,
Но скоро станете вдвоем
Единым, вас покинет грусть,
Благословляет сей Союз
Не сам алтарь, но ясный знак
От божества: «Да будет так!»

И далее:

То, что связал, не разделить
На части, но продолжит быть
Единым вечно. Так решила
Священного Союза сила.
Ведь только добрый мирный бог
Создать союз нечетных мог,
А выпади хоть элемент,
И рухнет все в один момент⁴².

Союз нечетного числа элементов — формально союз всех присутствующих на сцене (если не считать музыкантов), но всем было понятно, что имеется в виду новый трехчастный титул Якова I — король Великой Британии, Франции и Ирландии, принятый им 5 декабря 1604 г.

Далее начинаются собственно маски, т. е. танцы под музыку и пение, с неба спускается золотая цепь, которая образует имя жениха. Одно-

временно она же напоминает собравшимся о могуществе Юпитера⁴³, верховного бога, освятившего ритуал. В песне снова подчеркиваются преимущества союза. В конце масок участники образуют круг:

Теперь же увенчаем вечер —
Возьмемся за руки, за плечи
Круг образуем совершенный,
А Разум будет центр Вселенной⁴⁴.

Круг символизирует корону и, одновременно, весь мир. Тем более что одна модель мира уже присутствует на сцене — это микрокосм (глобус), из которого появились участники масок, а вторая — в зале — особый мир двора с монархом-солнцем и придворными-планетами. Однако кроме универсального неоплатонического значения круг имел вполне конкретную функцию символа, воплощавшего стюартовский абсолютизм. Один из придворных пропагандистов мифа стюартовской монархии, Джордж Марцеллин писал, что Яков I есть «общий отец для всех своих людей, как геометрическая точка в центре круга, которая относится ко всем [точкам на окружности] на равном расстоянии и в равной пропорции»⁴⁵. Завершается представление еще одним ритуалом — участники попарно, Гименей впереди, подходят к трону, чтобы поклониться и удаляются в свадебную беседку.

Итак, Джонсон создал весьма сложную ритуальную схему. Начало — ритуал бракосочетания, в середине — моделирование Вселенной, и, наконец — рыцарский ритуал принесения присяги. Причем вся эта сложная схема служит одной цели — пропаганде союза Англии и Шотландии, «великого дела» Якова I. Кроме того, внедряются и другие элементы раннестюартовской мифологии: монарх — хранитель мира, «король-солнце» как центр двора-Вселенной, круг как зримое воплощение абсолютной монархии. Наконец, само бракосочетание является поклонением идеальной власти Юпитера, воплощенной в единстве (Юнона) и Разуме.

Образ короля как верховного покровителя ритуала встречается неоднократно, например, в «Триумфе Нептуна в честь возвращения его сына Альбиона». При этом богом ритуала могут быть кроме Пана и Юпитера также Нептун и самый популярный яковитский символ — Аполлон⁴⁶. Заметно реже встречается функция короля как кормильца или культурного героя. При этом, как следует из рассмотренных выше масок «День рождения Пана», она может быть растворена в тексте и практически поглощена более важной ритуальной функцией. Дру-

гой пример подобной функции дают нам маски «Удовольствие, примиренное с Доблестью» (1619 г.).

На сцене стоит гора Атлас, которая увенчана фигурой старого человека, его борода и волосы покрыты инеем и изморосью, его плечи — снегом; остальные декорации — лес и скалы. У подножия горы заросли плюща, из которых под дикую музыку цимбал, флейт и тамбуринов появляется Комус, бог угощения и брюха. Далее следует немного шутовской гимн Комусу:

Дорогу, дорогу великому брюху!
 Соус, желе — повелителю кухонь!
 Магистр искусств, он открыть нам сумел
 Творенья чудесные мысли: вертел
 И плуг, и жернов, и для хмеля совок,
 И клетку для кроликов, и туесок,
 Очаг и отвар, маринад и засол,
 Сито и пастбище, и колесо.
 Он первый открыл нам как бочку смолить
 Как чоп забивать, как сверлить и как пить,
 И через воронку в гиппократов карман
 Вливает вино, упивается пьян,
 А чтобы карман мог котомкою стать,
 Готов он, как ласка, глотать и глотать
 Яства любые, чтоб не упустить
 Шанса котомку в мешок превратить.
 Ура основателю вкуса законов
 Для жареных блюд, для сырых, для соленых!
 Едок, величайший из всех едоков,
 И кубок всегда осушить ты готов!
 Со временем в талии стал так широк,
 Что был перевязан тесьмой поперек,
 Но ел ты, и пил ты, пока еще мог
 Вдруг лопнул твой пояс — свободен стал бог⁴⁷¹!

Можно было бы привести вполне обоснованное возражение, что Комус никак не воплощает короля на сцене, являясь персонажем скорее отрицательным, что ясно проявляется в монологе Геркулеса, воплощения доблести:

Геркулес:

Что здесь за монстры? Что за ритуал?
 Антей уж охладел, и кто создал
 Все изобилье? Но о чести вспомнить впору:
 Плоды земли ведут к ее позору;

Иль, чтоб покрыть жестокости Антея,
Гостеприимна стала к людям Гея,
Чтоб заслужить прощение, но здесь
Не люди — губки, помоги мне Честь!
Бутылки? Чаши? Брюхо в пять пудов?
В полтонны ноги? Просто нету слов...
Уйдите прочь, земли позор и срам!
Вам жизни нет, в хлеву лишь место вам!
Среди свиней порок ваш погребен,
Под грудой грязи, света дня лишен.
Убежища таким нет среди нас
В земле иль в облаках, но сгиньте прочь тотчас⁴⁸!

После этого открывается оркестр и фигуры Доблести и Удовольствия. Появляется Меркурий⁴⁹, который увенчивает Геркулеса венком из тополя и произносит длинный монолог. Особенно интересным представляется следующее:

Но больше славит он тебя за твердость
В служении добру; Антея гордость
Ты здесь сломил, его хребет сломав.
И Комус, бог супов, котлет, приправ,
Был побежден и изгнан, но сейчас
Свершится то, что предсказал Атлас.
Закон, установивший звезд орбиты⁵⁰,
Так повелел: пусть будут позабыты
Все споры, что давно уже ведут
Довольство с Доблестью; и пусть они придут
К Гесперу, славе Запада⁵¹, чей трон
Сияет ярко, в пламени рожден,
Над всей Атлантикой, от дальних берегов
До нареченных в честь твою Столпов.

И далее:

И вот его указ:
Пусть Доблесть с Удовольствием сейчас
Примирятся⁵², и с этой горной кручи
Двенадцать принцев спустятся могучих,
Вращенных доблестью; а первенствует тот
В чьих жилах светлого Геспера кровь течет⁵³.
Он станет сам, со временем, звездой,
Сегодня — по достоинству второй.
Мир Доблесть тотчас подтвердить спешит
И входит в сад прекрасных Гесперид;

Покинет сердце доблестное страх,
 Что обратят улады силу в прах,
 Нет больше поводов для ссоры и обид:
 Довольство служит, Доблесть сторожит⁵⁴.

Итак, ритуальные действия и воля верховного бога ритуала приводят к тому, что Удовольствие, воплощенное в Комусе, и все его изобретения подчиняются верховному божеству (в данном случае — Гесперу). То есть верховный бог выступает в роли кормильца и изобретателя, культурного героя. На уровне концепций стюартовского мифа эти маски формировали образ идеального аристократа — человека умеренного, не гедониста и не аскета, а также короля как покровителя и доблести, и радости (снова объединяющий символ). На практическом уровне явно видны претензии на морское могущество (Атлант шлет Геркулесу венок за победу над пиратами, трон Геспера сияет над всей Атлантикой). Кроме того, среди двенадцати принцев первенствует только что получивший титул принца Уэльского Карл, а остальные двенадцать составляют единство Англии и Шотландии (шесть англичан и шесть шотландцев)⁵⁵.

Изложенные маски подводят нас к третьей роли мифологического бога-героя — победитель чудовищ, воплощение Доблести. Эта функция имела огромное значение для имиджа ренессансного монарха. Все, от наместника Бога на Земле до прожженного макиавеллиста, должны были демонстрировать доблесть. До некоторой степени потребность в демонстрации доблести удовлетворялась за счет турниров, однако при всей своей театрализации⁵⁶ схема турнира не позволяла выстроить столь сложные и многоуровневые мифологические образы, какие выстраивались в яковитском придворном театре. Особенностью яковитского театра было слияние образа Доблести с образами, попадающими, по классификации Фернисса, в категорию золотого века. Ярким примером подобного триумфа Доблести являются маски «Восстановленный Золотой век» 1616 г.

Маски начинаются с появления Паллады, традиционного символа доблести, в колеснице. Она поет песню, в которой достаточно резко критикуются те знатные, которые угнетают слабых и бедных:

Смотри, дивись и помни,
 Как смертными был оскорблен,
 Безумными в грехе своем,
 Властитель ярких молний.
 Не терпит он обычай,
 Чтоб сильный слабого подмял,

Иль бедный (хоть виновен) стал
 Для сильного добычей.
 И вот пора настала
 Астреи власть восстановить
 И на золотой цепи спустить
 Век лучшего металла,
 Без промедленья тени.
 Увидит Зависть, наконец,
 Для Времени золотой венец
 Сам по себе неценен.
 Своим неверным слугам
 Восстановив век Золотой,
 Он только долг исполнил свой
 Воздав не по заслугам⁵⁷.

Как видно из текста, тот аристократ, который подавляет бедных, оскорбляет самого Юпитера (т.е. Якова I). Кроме того, образ виновного слабого, вину которого сильный использует в своих интересах, а самому слабому несет гибель, однозначно понимался современниками. «Восстановленный золотой век» был поставлен в январе 1616 г., когда набирал ход скандал вокруг отравления сэра Томаса Овербери. Овербери — виновный слабый, а хищный сильный, использующий своего слугу, а потом уничтожающий его — граф Сомерсет, обвиненный в его убийстве. Юпитер не должен терпеть этот обычай и обязан, хотя это впрямую и не сказано, покарать аристократа, поправшего закон и порядок. Одновременно с этим образ Астреи позволяет снова выстроить связь с предыдущей династией. Астрея была традиционным символом Елизаветы, придворные художники и поэты которой культивировали пророческую тему, связанную с возрождением золотого века. Елизавета становилась Астреей, которая, согласно Данте, была уравнена с девой Вергилия, отмечавшей начало нового золотого века. Кроме того, эта роль усиливалась идентификацией «королевы-девственницы» с Девой Марией, Царицей Небесной, поскольку Астрея воплощала звездное небо⁵⁸

Затем появляются Железный Век и его дети: Жадность, Гордыня, Грубая Сила, Измена, Коррупция и другие. Все они побеждаются щитом Паллады, обращаются в камень и изгоняются из золотого века, образа идеального королевского двора. Паллада снова произносит монолог:

Стать мрамором — судьба моих врагов,
 Что дерзко восставали на богов,

Ведь смертных жребий сравнивать напрасно
 С богами, над которыми не властна
 Судьба. Пусть будет взгляду дураков
 Дано узреть величие богов,
 А после пусть покинут этот свет —
 Вот были здесь — и вот их больше нет.
 Теперь явитесь, дети бога, вновь.
 Вы здесь любимы больше, чем Любовь⁵⁹.

После этого появляются Астрея и Золотой Век и четыре маски — Чосер, Лидгейт, Гоуэр и Спенсер, которые выступают в роли жрецов верховного бога, совершая ритуал (песню и танец), и этим устанавливая золотой век в Британии. Ритуальная роль танца подчеркивается в диалоге Паллады и Поэтов.

Паллада:

Еще не все. Наш ритуал
 Лишь половину воссоздал
 Свободы золотой.

Поэты:

Мужской и женский вместе пол
 Соединив, наш век нашел
 Путь сложности простой.
 Здесь Сущность Форму обретет,
 А Юность Красоту зовет
 С ней танцевать всю ночь.
 Любовь от похоти вольна,
 И лжи не ведает она,
 И зависть гонит прочь⁶⁰.

И, наконец, ритуал воссоздает золотой век и устанавливает полное согласие верховного бога и Астреи:

Все изменилось — не узнать,
 И нет желанья улетать,
 Хочу остаться я.
 Как корни, ноги в твердь вросли,
 Поникли крылья, что несли
 В далекие края.

Здесь возродился рай земной,
 Царит Юпитер над страной,
 Повергнут век железный.

Вот царь богов. Сомненья нет —
Страну залил волшебный свет
Его золотого жезла.

Такою только быть должна
Астреи славной сторона,
Там трон ее высокий.
И, золотом окружена,
Законы создает она,
Без страха и упрека⁶¹.

Кроме очередного подчеркивания примирения новой и старой династии (практический уровень), в этих масках снова подчеркивается важнейший элемент стюартовской мифологии — монарх облагораживает мир одним своим присутствием, без какого-либо действия. Его доблесть не есть характеристика его деяний, но некая эманация, свет, излучаемый монархом. Использовать эту энергию во благо, преобразовать ее, воплотить в золотой век на земле, позволяют ритуальные действия участников масок.

В завершение, возвращаясь к сказанному, отмечу, что именно рассмотрение масок как ритуала, а не «цепочки эмблем» позволяет ответить на вопрос, заданный в начале статьи. Повторение образов не снижало, а усиливало эффект представления, которое было не столько пропагандистской демонстрацией, сколько магическим обрядом. Этот магический обряд позволял выстроить связь между тремя уровнями восприятия персонажей масок (идеальные образы-боги, идеальная монархия, конкретные люди и обстоятельства). Энергия, источаемая богом ритуала, преобразовывалась его участниками и воплощалась в идеалах стюартовской монархии, позволяла также включить в представление и конкретные события. Именно за счет ритуальной формы масок, образы, почерпнутые Джонсоном из *Iconologia* Чезаре Рипа, преобразовывались во вполне британскую стюартовскую мифологию — ведь что поддерживает любой миф, как не циклический, повторяемый ритуал?

Примечания

¹ Wallace C. W. The evolution of English drama up to Shakespeare. Berlin, 1912.

² Chambers E. K. 1) The Elizabethan stage. In 4 vol. Oxford, 1934; 2) The Medieval Stage. In 2 vol. Oxford, 1948.

³ Nicoll A. Stuart Masque and the Renaissance Stage. New York, 1963 (first published in 1938).

⁴ *Yates F.A.* 1) *The Rosicrucian Enlightenment*. London, 1972; 2) *The art of memory*. Chicago; London, 1966.

⁵ *Orgel S.* 1) *The illusion of power. Political theatre in renaissance England*. Berkley; Los-Angeles; London, 1975; 2) *The Jonsonian masque*. Cambridge; Harvard, 1965; *Orgel S. and Strong R.* *Inigo Jones. Theatre of the Stuart Court*. In 2 vol. Los-Angeles, 1973; *Strong R.* *Festival designed by Inigo Jones*. Washington, 1968.

⁶ *Orgel S. and Strong R.* *Inigo Jones...* P.7–8, 50; *Orgel S.* *The illusion of power...* P.42.

⁷ *Orgel S. and Strong R.* *Inigo Jones...* P.58–59; *Norbrook D.* *The reformation of the masque // The Court Masque / ed. by David Lindley*. Manchester, 1984. P.96.

⁸ *Smuts M.* *Cultural diversity and cultural change at the court of James I // The Mental World of the Stuart Court / ed. by L.L.Peck*. Cambridge, 1991; *Limon J.* *The Masque of the Stuart culture // The Mental World of the Stuart Court / ed. by L.L.Peck*. Cambridge, 1991; *Hibbard C.* *The theatre of dynasty // The Stuart Court and Europe: essays in politics and political culture / ed. by Malcolm Smuts*. Cambridge, 1996; *Butler M.* *The Stuart Court Masque and the Political Culture*. Cambridge, 2008; *Ravelhofer B.* *The Early Stuart Masque. Dance, Costume, Music*. Oxford, 2006.

⁹ Традиция выстраивания связи между ритуалом, драмой и театром восходит еще к работам ритуалистической школы в антропологии, однако их авторы обращались в основном к религиозным и магическим ритуалам как специфической форме драмы (см., напр.: *lord Raglan.* *The Hero. Study in Tradition, Myth and Drama*. New York, 1956) Обратная связь театра и религиозного и магического ритуала стала разрабатываться после выхода работ Виктора Тернера (*Turner V.* *From Ritual to Theatre. The Human Seriousness of Play*. New York, 1982).

¹⁰ *Smuts M.* 1) *Cultural diversity...* P.102; 2) *Public ceremony and royal charisma: the English royal entry in London 1485–1642 // The first Modern Society. Essays in English History in honor of Lawrence Stone*. Cambridge. 1989. P.65–66.

¹¹ *Limon J.* *The Masque of the Stuart culture...* P.21.

¹² *Ibid.* P.220.

¹³ *Nicoll A.* *Stuart Masque...* P.155.

¹⁴ *Furniss T.* *Ben Jonson // Three studies in Renaissance*. Sidney, Jonson, Milton. New Haven, 1958. P.113.

¹⁵ *Ibid.* P.108.

¹⁶ *Orgel S. and Strong R.* *Inigo Jones...* P.21.

¹⁷ *Orrell J.* *The Human Stage: English Theatre Design 1567–1640*. Cambridge, 1988. P.239.

¹⁸ *Ravelhofer B.* *The Early Stuart Masque*. P.6.

¹⁹ *Ibid.* P.96.

²⁰ *Harrison J.E.* *Themis. A Study of Social Origins of the Greek Religion*. Cambridge, 1912. P.328.

²¹ *Furniss T.* *Ben Jonson...* P.128.

²² *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 25–29.

²³ *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. I. М., 2002. С. 180–181.

²⁴ *Дюби Ж.* Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000. С. 63.

²⁵ *Гинзбург К.* Верх и низ. Тема запретного знания в XVI–XVII веках // Мифы-эмблемы-приметы: морфология и история. М., 2004. С. 142.

²⁶ Датировка масок «День рождения Пана, или Праздник пастухов» крайне спорна. Дата 3 августа 1624 г. была предложена Дж. Николсом, в то время как Р. Стронг и С. Оргел относят эти маски к празднованию 54-го дня рождения Якова 19 июня 1620 г. в Гринвиче, а в первоначальном издании маски отнесены к 1641 г., что является очевидной ошибкой. Я принимаю датировку Николса, поскольку она выглядит более обоснованной. Во-первых, в первом издании текст масок «Праздника пастухов» идет между «Триумфом Нептуна» и масками Сов, т. е. между январем и августом 1624. Во-вторых, ряд особенностей текста, в частности, негативный образ испанцев, позволяют утверждать, что постановка этих масок имела место летом 1624, а не 1620 г.

²⁷ *Nichols J.* The progresses, processions and magnificent festives of King James I. In 4 vol. London, 1828. Vol. IV. P. 987. Стихотворный перевод здесь и далее мой.

²⁸ *Nichols J.* The progresses... Vol. IV. P. 987–988.

²⁹ Фонтан был одним из основных символов яковитской монархии. Образ фонтана применяется для символического обозначения власти Якова I с начала 1610-х. Подробно значение символика фонтана для яковитского мифа разобрано С. Е. Федоровым: *Федоров С. Е.* Пёрское право: нормативная практика в Англии раннего Нового времени // Правоведение. № 2. 1996. С. 124–135.

³⁰ *Nichols J.* The progresses... Vol. IV. P. 990.

³¹ Что интересно, сам Яков I очень любил смотреть танцы, но крайне редко танцевал сам. Во время масок «Удовольствие, примиренное с Доблестью», согласно свидетельству Орацио Бузонио, капеллана венецианского посольства, Яков не принимал участия в танцах: «Маски поклонились королю и начали танцевать. Когда они прервали испанский танец, поскольку устали, Его Величество закричал: “Почему они не танцуют? Зачем я сюда пришел? Черт вас побери, танцуйте!” Тогда его фаворит маркиз Бекингем начал танцевать с такой грацией и легкостью, что все изумились. Этим он успокоил гнев своего господина. Другие тоже стали демонстрировать свое мастерство, но никто не сравнился с блестящей техникой маркиза, хотя один рыцарь показал 34 антраша подряд» (*Orgel S. and Strong R.* Inigo Jones... Vol. I. P. 284.)

³² В этом случае Джонсон однозначно указывает на Якова I, одним из любимых занятий которого была охота.

³³ *Nichols J.* The progresses... Vol. IV. P. 991.

³⁴ *Ibid.* Vol. IV. P. 991.

³⁵ Меналус (гора Менала) — гора в Аркадии, связанная с культом Пана, который, по легенде, любил бродить по ее склонам. Я сохранил написание

Джонсона, которое является анаграммой «Сулеман», т. е. Соломон (библейский царь-законодатель, один из излюбленных образов яковитской мифологии).

³⁶ *Nichols J. The progresses... Vol. IV. P. 993.*

³⁷ *Ibid. Vol. III. P. 463.*

³⁸ Ода «На утро рождения Христа» написана Мильтоном в 1629 г. и является его первым значительным произведением на английском языке, в котором он стремится позиционировать себя как «барда-священника» (*Lewalsky B. The life of John Milton. Oxford, 2000. P. 38*). Образы Пана и Христа совмещаются Мильтоном в восьмом стансе основной части оды (*The Hymn*):

The Shepherds on the Lawn,
Or ere the point of dawn,
Sate simply chatting in a rustick row.
Full little thought than,
That the mighty Pan
Was kindly come to live with them below;
Perhaps their loves, or els their sheep,
Was all that did their silly thoughts so busie keep.

На солнечном лугу,
В пастушеском кругу,
Беседа у костра течет неспешно.
Не ведают о том,
Что этим дивным днем
Великий Пан явился в мир наш грешный;
Стада овец, любимой взгляд —
Пока в пустую лишь об этом говорят.
(Пер. мой)

Опубликованный в журнале «Странник» в 1881 г. перевод В. Андреева настолько отличался от текста Мильтона по ритмической структуре, рифмам и образам, что является, по сути, авторским произведением:

Уж близок рассвет... На поляне, болтая,
Сидят пастухи в ожидании дня.
И просты их речи, как просты заботы
Их жизни несложной... В беседе они
Не думают вовсе о том, что на землю
Сам Бог Всемогущий изволил сойти.
Внимание их поглощают всецело
Возлюбленных лица... родные стада.

³⁹ *Furniss T. Ben Jonson... P. 135.*

⁴⁰ *Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 4.*

⁴¹ Подробно придворные представления, связанные с «Великим делом» Якова I (объединением Англии и Шотландии), я рассматриваю в: *Ковалев В. А. Пропанганда или магия? Придворный театр и «Великое дело» Якова I Стюарта // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Юбилейный выпуск / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2010. С. 286–304.*

⁴² *Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 5.*

⁴³ Следует вспомнить эпизод из «Илиады», когда Зевс (Юпитер) предлагает остальным богам испытать его могущество:

Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не сможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет —
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!
(Гомер. Илиада. Песнь 8.15–25. Пер. Н. И. Гнедича)

⁴⁴ *Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 15.*

⁴⁵ *Marcelline G. The Triumph of King James I. London, 1610. P. 86.*

⁴⁶ Крайне амбивалентный образ Аполлона не только позволял усилить солнечную метафору, в которой Феб-Аполлон становился Солнцем Разума, неоплатоническим центром мира (согласно Фичино и Копернику), но и связать этот ренессансный образ с Христом, согласно фичиновской конструкции мира. Кроме того, образ Аполлона был также и британским, поскольку, согласно Гальфреду Монмутскому, в Тройнованте, Новой Трое Брута, был храм Аполлона (см.: *Гальфрид Монмутский. История Бриттов*, 30). Развивая эту идею, Майкл Дрейтон выводил даже этимологию названия «Лондон» от «Лхан-Диени, т. е. Храм Дианы. Лхан-Диени превратился в Лондиниум, поскольку Диана и ее брат Аполлон были верховными божествами бретонцев. И был храм Дианы на том месте, где сейчас стоит собор св. Павла» (*Drayton M. Poly-Olbion, or a Chorographical Description of Tracts, Rivers, Mountaines, Forests, and other parts of this renowned Isle of Great Britaine // The Complete Works of Michael Drayton, now first collected / ed. by R. Hooper. In 3 vol. Vol. I. London, 1876. P. 214*). Таким образом, Дрейтон решал сразу несколько задач — доказывал «британскость» ключевого символа яковитской пропаганды, устанавливал континуитет власти между Тюдорами и Стюартами и указывал на собор св. Павла как на изначальный сакральный центр Британии. Для придворной пропаганды Якова I важнейшей была соляная метафора. Как писал автор XVII в. Роберт Фладд, «Солнце Макрокосма, его достоинство и совершенство легко распознается в том, как царственный Феб сидит в своей колеснице в самом центре Небес, сияя золотыми волосами, как единственный

видимый Император, держащий царственный скипетр и правящий миром, в котором все достоинства небесных тел и существуют» (*Fludd R. Mosaicall Philosophy: Grounded upon the Essentiall Truth or Eternal Sapiencie. London, 1659. P. 51*).

⁴⁷ *Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 500.*

⁴⁸ *Ibid. Vol. III. P. 502–503.*

⁴⁹ Меркурий также был очень важным символическим образом, формировавшим раннестюартовский миф. Он выступал не столько как посланник богов, сколько как связующее звено между Божественным миром и Землей, он становился античным символическим образом Иисуса Христа. Согласно традиционной ренессансной неоплатонической эмблематике, Меркурий был первым богом, сотворившим Небо (Coelus), который уже стал творцом всего остального (*Hart V. Art and Magic in the Court of the Stuarts. New York, 1994. P. 56*). Кроме того, Меркурий был традиционным ренессансным символом для обозначения двух тел короля и его способности исцелять, происходящей из герметической египетской мудрости. Именно Меркурий-Гермес суммировал роли жреца, мага и монарха (*Hart V. Art and Magic... P. 25*). Кроме того, в списке алхимических имен, означавших Божественное присутствие в материи, упоминается «Меркурий, сын макрокосма, Спаситель, эликсир жизни, камень» (*Грошева Е. Г. Философские и психологические основания алхимии // Теофраст Парацельс. Магический архидокс / под ред. Е. Г. Грошевой. М., 1997. С. 350*). Таким образом, позиционируя себя как Меркурия, стюартовские короли становились воплощением сакрального в мире профанного и земным Спасителем, т. е. Христом.

⁵⁰ Некоторый анахронизм — в это время знали только об орбитах планет. Планеты, впрочем, часто именовали блуждающими звездами. В оригинале нет слова «орбита» (Джонсон пишет о законе, регулирующем *working of the stars*), однако мне такой перевод представляется возможным.

⁵¹ Геспер, в данном случае — сам Яков I Стюарт. Поскольку трон Геспера и он сам на сцене не появляются, то можно предположить, что Меркурий при этих словах указывал на королевское место (*the State*), где восседал монарх.

⁵² Кроме вышперечисленных функций Меркурий воплощал еще один концепт стюартовского династического мифа — правление мирного монарха. Традиционно эту роль воплощал Соломон, однако Меркурий, изобретатель меры, т. е. символа гармонии, также нес кадуцей — символ мира, который обвивали две змеи, сражавшиеся, но примирившиеся по приказу бога. Кадуцей в этой ситуации, безусловно, ассоциировался с жезлом монарха.

⁵³ То есть принц Карл. Это были его первые маски после инаугурации в качестве принца Уэльского, и он главенствует над рыцарями-принцами, является любимым воспитанником Доблести. В правление Карла Доблесть будет любимым сюжетом масок и любимым образом короля.

⁵⁴ *Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 505.*

⁵⁵ Под масками скрывались шесть англичан (Джордж Вильерс (маркиз Бекингем), Филипп Герберт, граф Монтгомери, сэр Гилбрт Хофтон и 3 брата

из знаменитого семейства Говардов) и шесть шотландцев (Джеймс Гамильтон, маркиз Гамильтон, сэр Уильям Ирвин, джентльмен-привратник принца Карла, Роберт Карр, джентльмен Спальни Принца, Роджер Палмер, виночерпий принца, сын сэра Томаса Палмера, Джон Ашмонти и Абрахам Аберкромби). Подобный состав участников подчеркивал единство Британии, причем не только Уэльса и Англии, но и Шотландии. Тринадцатый (или, скорее, первый) участник, принц Карл, был нейтральной фигурой, объединявшей англичан и шотландцев. В символическом смысле таким объединяющим фактором был Уэльс и Британия в целом (что неоднократно подчеркивалось автором, который называет участников масок «истинными британцами») (*Butler M. The invention of the Britain and the early Stuart masque // The Stuart Court and Europe: essays in politics and political culture / ed. by Malcolm Smuts. Cambridge, 1996. P. 67*).

⁵⁶ Турниры при дворе Якова I и их значение для раннестюартовской мифологии более подробно рассмотрены в: *Ковалев В. А. На закате рыцарской культуры: турниры и барьерные бои в Англии в правление Якова I Стюарта (1603–1625) // Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 4. Ростов н/Д, 2005. С. 73–89.*

⁵⁷ *Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 124–125.*

⁵⁸ *Hart V. Art and Magic in the Court... P. 30.* Более подробно о культе Елизаветы как Астреи см.: *Yates F.A. Queen Elizabeth as Astrea // Journal of the warburg and courtauld institutes. Vol. X (1947). P. 27–82.*

⁵⁹ *Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 126.*

⁶⁰ *Ibid. Vol. III. P. 129.*

⁶¹ *Ibid. Vol. III. P. 129–130.*

А. А. Паламарчук

ЭДВАРД КОК И ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕГО ПРАВА В НАЧАЛЕ XVII В.*

Со времен Средневековья английские юристы Общего права играли совершенно особую роль в истории страны и находились в особом положении ко всем составляющим того сложного явления, которое современники именовали «английской конституцией».

По отношению к самому Общему праву, которое воспринималось ими как совокупность позитивных юридических норм, судебных прецедентов и неписаной традиции, юристы выступали одновременно в роли творцов, интерпретаторов, хранителей права; они были теми, в чьем сознании Общее право приобретало системность и определенную концептуальность. В глазах современников не подвергалось сомнению, что отправляемое в стране правосудие, в конечном счете, проистекало от персоны монарха, но при этом само право подлинно и полноценно творилось (и тем более подвергалось изменению) только в том случае, если монарх действовал как подлинный глава «политического тела» королевства, т. е. в совете и в согласии с подданными, представленными прежде всего профессиональными юристами. Юристы полагали себя хранителями права, и их интерпретации были призваны оберегать «конституцию» страны от любого рода «злоупотреблений» (возникающих, с точки зрения самих юристов, в первую очередь вследствие неверных прочтений и толкований существующих статутов и неписаных обычаев) как со стороны короны, так и со стороны подданных. Еще в Средневековье, комментирует антикварий и юрист Общего права Джон Сэлден свой рассказ о возникновении юридических инноваций, «образовался круг лиц, которые, посвятив себя целиком изучению законов страны и более не полагая это простой

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 12-01-00366

© А. А. Паламарчук, 2012

низшей наукой, годной только для развлечения на досуге, вскоре довели названные законы до совершенства»¹.

Престиж юридической профессии в средневековой Англии был традиционно высок, а в правление Тюдоров юридическая карьера стала одним из наиболее эффективных и популярных способов продвижения по социальной лестнице. Юристы Общего права составляли особую социoproфессиональную группу, формировавшую собственный этос и стиль мышления. Это стало возможным благодаря совершенной системе юридического образования в четырех судебных Иннах: Линкольнз Инн, Грейз Инн, Миддл Темпл и Иннер Темпл.

Точные даты возникновения судебных иннов неизвестны. Начало их существования восходит ко второй четверти XIII в., когда единство юридического образования, предполагавшего изучение как канонического, так и общего права, распалось. В 1234 г. король Генрих III издал запрет на существование каких бы то ни было юридических школ в пределах лондонского Сити; за королевским запретом последовала папская булла, согласно которой клирикам запрещалось преподавать Общее право и предписывалось ограничиться совершенствованием в праве каноническом². Дисциплинарное разделение сопровождалось территориальным размежеванием: юристам и судьям Общего права пришлось покинуть Сити и обосноваться в Холборне — ближайшем от судов Вестминстера районе за пределами Сити.

Далеко не все, обучавшиеся в иннах, впоследствии продолжали юридическую карьеру. Молодые люди из родовитых, но незнатных семейств, младшие сыновья титулованной знати могли проводить по нескольку лет в стенах иннов, чтобы получить основы юридического образования, и (что не менее, а может быть, и более важно) завязать полезные связи, обрести влиятельного патрона, а также окунуться в бурную политическую и культурную жизнь «юридических университетов». Помимо специальных знаний студенты иннов получали необходимое для успешного продвижения по социальной лестнице знакомство со свободными искусствами, солидную подготовку в классических языках и литературе.

Многие из тех, кто желал выстроить именно юридическую карьеру, но не имел достаточно способностей или средств, чтобы завершить обучение и остаться в столице, успешно возвращались к практике в провинции, при этом успев заручиться приобретенными связями в Вестминстере и впитав те же идеи и принципы, которые руководили судьями высших судов королевства. Более того, пристальное внимание двора к иннам и патронат как монархов, так и представителей

высшей знати открывал студентам иннов путь в придворное общество и многочисленными нитями связывал юридические круги с придворной элитой.

Такая система создания и распространения сети социальных и интеллектуальных взаимовлияний и связей вела к размыванию границ между профессиональным юридическим сообществом и теми, кто формально к нему не принадлежал. Иными словами, периферийная линия между «творцами» правовой культуры и ее потребителями оказывалась весьма нечеткой. Размытость границы означала причастность широкого круга образованных и знатных персон как практическому юридическому знанию, так и сложившемуся вокруг него кругу идей.

Рубеж XVI–XVII столетий стал для сообщества юристов Общего права периодом расцвета. На интеллектуальной и политической сцене появилось сразу несколько блестящих юристов — теоретиков и практиков, однако деятельность одного из них оказалась действительно решающей для развития всей системы общего права.

Эдвард Кок (1552–1634), уроженец Норфолка, получил образование в Кембридже, Клиффордз Инн и в Иннер Темпл; стал действительным барристером в 1578 г., членом палаты Общин в 1589 г. и спикером палаты в 1593 г.; с 1582 по 1594 г. Кок — генеральный солиситор, с 1594 по 1606 г. — генеральный атторней. В 1606 г. Яков Стюарт назначает его главным судьей суда Общих тяжб, а в 1613 г. — Королевской скамьи. На протяжении всей своей карьеры, будучи вовлеченным во все громкие процессы эпохи, среди которых процесс сэра Уолтера Рэли, раскрытие Порохового заговора и импичмент и суд над лорд-канцлером Бэконом, Кок, не всегда разделявший воззрения британского Соломона — Якова Стюарта, сохранял преданность прежде самой идее Общего права. «Если прецедент таков, каков он есть, я буду поступать так, как следует поступить судье», — заявил он на аудиенции Якову I, и вполне предсказуемо отправился в опалу. Однако уже в следующем, 1617 г. Кок вернул себе расположение монарха и стал членом Тайного совета. В последующие годы он еще неоднократно избирался в Парламент, а в 1628 г. инспирировал представление Карлу I Петиции о праве.

В течение жизни Коку удалось достичь всех тех целей, которые, как можно представить, ставил перед собой любой амбициозный барристер. Он занимал самые высокие посты (а также терял их), достиг финансового благополучия, за его плечами стояла обширная клиентела, профессиональный юридический авторитет и политическое влияние

не ставились под сомнение. И все же деятельность Кока представляла собой нечто большее, чем исключительно успешную карьеру яковитского юриста.

Первое, что нужно отметить, — пожалуй, никто из предшественников Кока не сумел сделать свою карьеру настолько публичной. Единственным, кто в этом смысле мог бы составить ему конкуренцию, был лорд-канцлер Бэкон, однако последний никогда не позиционировал себя как профессиональный юрист. Саму свою деятельность Кок сумел сделать для общества осязаемым и неопровержимым доказательством того, в какой мере могут влиять на судьбы английской монархии представители юридической профессии.

Второй важный момент связан с интеллектуальным наследием Кока, в котором главное место следует отвести тринадцатитомным «Отчетам» — собранию и анализу судебных прецедентов, и «Институциям законов Англии» в четырех частях. Без преувеличения, в каждом сочинении, вышедшем из-под пера главного судьи королевства, содержится апология Общего права. Разумеется, еще до публикаций трактатов Кока Общее право и связанные с ним практики были для англичан важным компонентом национально-культурной идентичности. Однако никто кроме Кока не приложил столько усилий на пути к тому, чтобы «мифология Общего права» — совокупность представлений о практике, истории, методах и политических коннотациях common law стала претендовать на статус главенствующей этно- и культурноструктурирующей идеи.

И в этой связи возникает вопрос: в какой степени выстраиваемая Коком апология «английского национального права» была естественным продолжением заложенных еще в Средневековье идей, и в какой степени она является ответом на вызовы со стороны «конкурирующих дискурсов», прежде всего дискурса, формируемого правом гражданским. Гораздо более последовательное, чем у кого-либо из предшественников, стремление Кока указать на инсулярные основания общего права, изложить его принципы, обосновать логику принятия решений, определить пределы юрисдикций судов и указать административные институты, порожденные институтами судебными, — все это говорит о том, что лорд-главный судья преследовал две цели.

В своем систематизаторском предприятии он, с одной стороны, пытался восполнить те теоретические лакуны Общего права, которые не могли не становиться заметными при ставшем более интенсивным при Стюартах взаимодействии с практиками «судов равенства», королевской прерогативной юстицией, гражданским правом и законот-

ворческими притязаниями парламента. С другой стороны, осознавая то, что даже в ситуации множественности дискурсов позиции Общего права оставались доминирующими, Кок считал своим долгом упрочить его гегемонию, на страницах своих трудов расширяя как границы институционной применимости данной правовой системы, так и спектр представлений о том, какие явления могут вообще быть охвачены термином «Общее право Англии».

Можно резонно предположить, что в риторике Кока и его теоретических построениях Общее право и занимаемое им место в обществе предстает таким, каким оно должно было быть в представлении его апологета, но образ этот далеко не во всем отражал реальность.

По мысли Кока, Общее право должно было стать не только доминирующей правовой системой, но и постепенно интегрировать, как это уже неоднократно происходило в прошлом, элементы других видов права и элементы формируемых на их основе комплексов идей и представлений. «Если бы древние законы нашего благородного острова не превосходили все прочие, они были бы всего лишь законами многочисленных его завоевателей и правителей, как то: римлян, саксов, данов или нормандцев».³ Разумеется, в таком случае Общее право и само неизбежно претерпело бы некоторую трансформацию, абсорбируя ранее не свойственные ему практики, тексты и авторитетные мнения.

Но, кажется, сама попытка систематизации английского права, предпринятая Коком на страницах «Институций», свидетельствует о согласии автора на подобные перемены. При этом Кок, разумеется, был далек от мысли об упразднении иных форм юстиции, но считал необходимым их подчиненное, второстепенное положение по сравнению с позицией права общего.

В самой природе английского Общего права коренилось представление о неоднородности, гибкости юридических практик, но столь же присущей ему была и идея необходимости иерархии: множественность и разнообразие «обычаев королевства», неоднородность «конституции» — все это требовало от английских юристов умения правильно расставлять авторитеты.

Даже самое поверхностное знакомство с сочинениями Кока открывает перед исследователем те особенности его теоретизирования, которые были обусловлены самой природой английского общего права.

Любые систематизаторские начинания (а труды лорда-главного судьи следует рассматривать именно так) казалось бы, должны содержать изложение философских оснований явления, которое подвергается анализу. Однако если мы захотим обнаружить в сочинениях

Кока, его современников и последователей некую «метафизику общего права», нас постигнет разочарование.

Начиная с классического Средневековья и вплоть до XVII столетия европейская юридическая мысль, при всем ее богатстве и разнообразии, развивала две философские традиции. Первая из них восходила к философии св. Фомы Аквинского и предполагала существование естественного права, укорененного в человеческой природе и отражавшего неизменный божественный закон; а это, в свою очередь, означало главенствующую роль разума в формировании права. Вторая традиция восходила к философии Уильяма Оккама и, в противовес концепции томистской, предполагала примат воли в божественном и человеческом действии, а соответственно и в создании законов человеческого общества. Королевское, каноническое, сеньориальное, городское, манориальное право в сочинениях теоретиков в конечном счете обретали основание в одной из этих двух концепций, получая статус частных случаев актуализации метафизической реальности.

Было ли Общее право, каким его видел сэра Эдвард Кок, привязано к описанным философским традициям? Точнее было бы сформулировать вопрос по-иному: требовались ли ему вообще эти метафизические основания? Ответ вполне очевиден: любое философское обобщение неизбежно лишало английское право той его уникальности, которую так стремился подчеркнуть Кок, а следовательно, было крайне невыгодным.

Видение Коком Общего права исключительно социально: оно возникло и развивалось не как частный случай реализации всеобщего принципа, а как единичный феномен, порожденный в уникальных островных условиях избранной нацией, и потому не имеющий аналогий. Более того, претворение коренящихся в самом национальном духе англичан незыблемых конституционных основ в полноценную систему права стало возможным при конкретных социальных и политических условиях, а именно с возникновением королевских судов и формированием слоя профессиональных юристов и судей.

Общее право, как гласит ставшее классическим определение Кока, есть искусственный (artificial)⁴ разум. Сам же термин «reason» в данном контексте означал не врожденную естественную мыслительную способность, а логику принятия решений, комплекс знаний и умение их применять. А потому и Общее право понималось им прежде всего как практика; неизменность его основ парадоксальным образом сочеталась с динамикой их непрекращавшегося воспроизведения и применения в конкретных условиях единичного прецедента.

В «Первой части институций английского права» Кок пишет: «Разум (reason) есть жизнь права, а общее право само по себе есть не что иное, как искусственное совершенство разума, возникшее благодаря учению, наблюдению и опыту. Это не обычный разум, присущий каждому человеку, ибо *nemo nascitur artifex*. Сей правовой разум есть *summa ratio*, а следовательно, даже если бы весь разум, рассеянный по множеству людских голов, собрать воедино, и тогда не появился бы закон, равный праву Англии. Ибо на протяжении многих веков оно оттачивалось и уточнялось поколениями мудрых и ученых мужей, и благодаря длительному опыту достигло такого совершенства для дела управления сей страной, что им можно подтвердить древнее правило: *Neminem oportet esse sapientiores legibus*, то есть: человек с его собственным разумом не может превзойти право, которое есть совершенство разума»⁵.

Однако если понимать право лишь как инструмент, целиком находящийся в руках профессиональных юристов, единственно способных, в силу своего опыта, верно применять его ради блага всего «политического тела», то социальное воздействие подобной идеи было бы весьма ограниченным. Представления об основаниях Общего права и о принципах работы судей, по мысли Кока, должно было стать органичной частью знаний «вышей и низшей знати королевства... и всех прочих», т. е. далеко выйти за рамки профессионального сообщества. Вдобавок Кок цитирует многие правовые документы и тексты, ранее доступные лишь профессионалам, тем самым открывая читателям доступ *ad fontes*. «Во второй части “Институций” мы были почти что вынуждены процитировать наших древних авторов — Брактона, Бриттона, “Зерцало правосудия”, “Флету” и многие другие, никогда не печатавшиеся, чтобы добропорядочный читатель мог составить представление о том, чем было общее право до появления статутов»⁶. (Разумеется, англичане традиционно отличались высокой степенью осведомленности в делах права, недаром их называли «litigant nation». Для Кока речь шла, скорее, о санкционировании и легитимации этой вовлеченности со стороны самих юристов.) Если Общее право действительно обладало тем структурообразующим и интегрирующим воздействием, о котором мыслил сэр Эдвард, его влияние следовало всемерно распространять; кроме того, английское общество следовало до конца убедить в том, что именно право — именно Общее право — и есть тот стержень и опора монархии, благодаря которому английская корона достигла теперешних высот.

Ради этих целей Кок и реализует замысел «Институций». Разумеется, этот компендиум ни в коей мере не должен был заменить будущим юристам обучение в иннах и судебную практику. Задачей Кока была концептуализация общего права и распространение выработанной концепции в обществе. (В конце концов труд, задуманный по образцу Кодекса Юстиниана, должен был принести Англии плоды, сравнимые с теми, которые принес Европе свод права римского.) Для того чтобы и впредь оставаться гарантом «древней конституции», неписаное право должно было приобрести дополнительное, теоретическое изменение, стать доступным для социальной рефлексии.

В связи с этим нельзя не отметить лингвистический выбор автора: Кок отказывается от «юридического французского», который в большей мере оставался языком юридической профессии и ее специфическим достоянием. Свой выбор он мотивирует тем, что «законы страны» должны быть понятны ее обитателям, чтобы последние могли с большей уверенностью защищать не только свои права, но и сами устои государства, разделяя эту ответственность с профессиональными судьями. Кроме того, каким бы «присвоенным» не был для англичан «legal French» XVI–XVII вв., он все же был «иноземным» и «континентальным» порождением, равно как и латинский язык гражданского и канонического права. Английский язык позволял избежать любых отрицательных коннотаций. При этом Кок настаивает на сохранении терминологического аппарата «юридического французского», который в силу длительного использования выработал именно те понятия, которые наиболее точно отражали, например, все тонкости системы феодальных держаний. Критерием вновь становится практика. «Многие древние понятия и слова, заимствованные из юридического французского, вошли в *Vocabula artis*, словарь нашего искусства, настолько они были значимы и удобны для изложения наших законов, и настолько прочно вплелись в само право, что изменить их невозможно, Посему и не должно изменять юридические термины»⁷.

Кок ни в малейшей степени не ощущает себя новатором и не пытается себя таковым представить. Напротив, на страницах «Институций» им сформирован ставший классическим круг авторов, возведенных в ранг основоположников общего права: Ранульф Гланвил, Брактон, Бриттон, анонимный автор «Флеты», Джон Фортескую, Томас Литтлтон (замечу, что никто из них, строго говоря, не только не занимался выработкой теории общего права, но и, кроме Литтлтона, не придерживался рамок исключительно этой правовой системы).

На страницах сочинений Кока многократно озвучен тезис, гласящий, что Общее право основано на обычае и само является обычаем. Под словом «обычай» (*custom*) Кок подразумевал практику, принятую на всей территории королевства и существующую с «незапамятных времен». К обычаям причислялись не только судебные процедуры, но и гораздо более масштабные явления: монархия, исповедание христианской веры, существование парламента, земельные держания, иерархическое устройство общества, сами нравы англичан. «Обычаи бывают общими (*general*) и частными. Общие включены в общее право (*common law*) и распространяются на всю территорию королевства, и действуют в каждом городе и каждом маноре»⁸.

Самодостаточность Общего права обеспечивала его потенциалом трансформировать общество и власть любой эпохи. Подходу Кока свойственно в высшей мере спокойное отношение к разражавшихся время от времени на территории Англии войнам, усобицам и прочим потрясениям: «Тогда как краса других стран меркла и уходила с кровавыми войнами, я благодарю Господа за тот удивительный мир, которым в сем государстве неизменно процветал благодаря правлению согласно нашим Законам»⁹, Политические перипетии, в его понимании, лишь поверхностно влияли на правовые основы, заложенные в отдаленном прошлом.

Определение Общего права как «общего обычая» страны, казалось бы, можно считать вполне достаточным. Тем не менее Кок счел необходимым дать еще одно определение, недвусмысленным образом уводящее читателя за только что очерченные границы: «Общее право (*common law*) иногда называют общей справедливостью (*common right*), а иногда — *communis justitia*. И великая хартия именует общее право общей справедливостью. И все комиссии и хартии, предписывающие совершить правосудие, *facturi quod ad justitiam pertinet secundum legem et consuetudinem Angliae*, а мы знаем, что правосудие — дочь права, ибо право приводит правосудие в действие. И в этом, самом широком смысле точно так же, как и статуты и обычаи этой земли, и то, что называют общим правом, может быть определено как «общая справедливость»»¹⁰.

В этом фрагменте Кок неожиданно сближает право обычное и право естественное, «*common right*», добавляя латинский термин «*communis justitia*», неизбежно влекущий ассоциацию с «*jus commune*». Можно предположить, что тем самым он подталкивал читателя к следующему рассуждению: предполагалось, что Общее право, оказываясь «общей» справедливостью, включало в себя и формы правосудия, основанные

на концепциях естественного права. Вдобавок, читатель мог предположить, что в средневековых латинских памятниках под термином «*communis justitia*», «*jus commune*» и т.п. на самом деле скрывалось указание на английское общее право. А это означало бы, что границы применения «*common law*» уже в отдаленном прошлом были гораздо шире, чем было принято считать до объяснений Кока.

Желание дать теоретическое обоснование расширению юрисдикции общего права подкреплялось практикой. На страницах «Институций» отражены несколько случаев полемики между судами общего и гражданского права в связи с пределами их юрисдикций. Камнями преткновения стали Адмиралтейский и Маршалский суд.

Случай с Адмиралтейским судом дает Коку дополнительную возможность очень наглядно утвердить концепцию Общего права как доминирующего права «английской земли». «Институции» содержат описание одной из решающих дискуссий между судьями — цивилистами Адмиралтейства и судьями Общего права. Начало противостояния восходит к концу XIV в. В 1389 г. Ричард II выслушал жалобу судей Пяти Портов на превышение судьями Адмиралтейства своих полномочий и издал статут, ограничивающий их юрисдикцию; аналогичные статуты были изданы в 1391 г. и в 1400 г. уже Генрихом IV. Статус *кво* сохранялся на протяжении XV столетия, но в связи со строительством флота при Тюдорах в XVI в. Адмиралтейскому суду вновь удалось расширить свои полномочия, что привело к новому витку конфликта¹¹. В 1575 г. Елизавете Тюдор удалось примирить соперничавших юристов, но в 1611 г. короне вновь пришлось выступать посредником в дебатах, отраженных Коком в «Институциях». Судьи Адмиралтейства представили монарху жалобу на то, что судьи Королевской скамьи препятствовали судопроизводству, издавая предписания «о запрещении», означавшие, что суд Королевской скамьи запрещал нижестоящему, каким формально являлся Адмиралтейский, вести то или иное разбирательство, находившееся вне юрисдикции последнего. Стороны предстали перед Тайным советом: Королевскую скамью представлял сам Кок. Что примечательно, защищая интересы Общего права, Кок строит свою речь практически исключительно на апелляции к статутам и парламентским актам. Кроме этого, Кок настойчиво повторяет, что пределы юрисдикции лорда-адмирала определяются самой природой: гражданское право универсально, оно не привязано к определенному государству или территории, поэтому именно оно используется для разрешения спорных ситуаций на море. Рассуждения Кока о том, следует ли относить территорию портов, портовых

городов, русел и берегов рек, морских побережий и т. д. к «земле» или к водам могут показаться на первый взгляд наивными. Но если помнить о том, что для Кока Общее право — это право самой земли Англии, сущностно связанное с конкретной территорией, восприятие меняется. Общее право в буквальном смысле попыталось сбросить соперника в океан.

Описание Коком Рыцарского суда — лишь слегка завуалированное обличение судей-цивилистов, которые превысили границы своей компетенции, также экстраординарной, изначально распространявшейся на время внутренних и внешних войн и призванной урегулировать споры, «которые невозможно разрешить или исследовать на основе общего права и других обычаев и законов, к нему относящихся».¹² Это привело «к тяготам и угнетению народа». Судьи Общего права апеллировали к парламенту, и в результате для того, чтобы начать рассмотрение спорного дела, требовалось скрепить прошение малой королевской печатью, что подтверждало бы необходимость именно в Рыцарском суде. В противном случае дело переходило в рассмотрение одного из судов Общего права. Неоспоримым правом Рыцарского суда, казалось бы, должны оставаться преступления, совершенные за пределами английской земли, но и здесь Кок ограничивает права конкурентов: заговоры и любого рода козни, направленные против монарха, сплетенные за границей и раскрытые, в зависимости от их серьезности должны были переходить в рассмотрение судов общего права, парламента или королевской прерогативной юстиции.

Гораздо более тонкой материей был для Кока вопрос о соотношении права общего и статутного. Классической иллюстрацией воззрений лорда-главного судьи в англо-американской историко-правовой литературе, начиная с комментариев Блэкстоуна, считается дело Бонема (1610), описанное в «Отчетах». Его суть состояла в следующем.

Доктору Бонему, получившему степень доктора медицины в Кембридже, лондонская Коллегия медиков запретила практиковать в пределах города до тех пор, пока он не получит подтверждение своей лицензии от членов коллегии. Бонем отказался выполнить требования и был приговорен к уплате штрафа, а потом и к тюремному заключению. Эти действия были совершены с позволения монарха и подтверждались парламентским актом о запрете медицинской практики в пределах Лондона без лицензии Коллегии медиков. Выпускник Кембриджа, Бонем счел это нарушением границ защищавшей его университетской юрисдикции и обратился в суд Общих тяжб с жалобой на незаконное заключение под стражу. Кок, в тот момент Главный судья,

решил дело в пользу Бонема, тем самым не только указав на ограниченность юрисдикции Коллегии медиков, но и инициировав дискуссию о превосходстве общего права над статутами парламента¹³.

Вот что он пишет в отчете по делу Бонема: «Общее право должно контролировать акты Парламента, и в некоторых случаях признавать их полностью недействительными. Ибо если парламентский акт противоречит общему праву и разуму, или несет в себе внутреннее противоречие, или его исполнение невозможно, общее право призвано контролировать такую ситуацию и признать акт не имеющим силы».¹⁴

Вопреки распространенному в литературе мнению, тезис о том, что Кок был осознанным и последовательным сторонником конфронтации между парламентским законодательством, королевской прерогативой и Общим правом на стороне последнего, кажется чрезмерным упрощением. Едва ли его когда-либо посещала мысль о возможности полного контроля судов Общего права над королевской и парламентской инициативой. Находившийся под влиянием «телесной» метафоры Фортескью, в позитивном праве Кок был склонен видеть выражение «коллективной воли» общества — воли, которая способна заблуждаться, если не будет время от времени направляться «коллективным разумом» — Общим правом. Разумеется, на протяжении своей карьеры Коку приходилось вступать именно в конфликтные ситуации, однако исходя из оставленных им текстов можно предположить, что наиболее приемлемой формой ему виделось сосуществование статутного и общего права. Можно также предположить, что целесообразной ему виделась большая проницаемость границ между двумя правовыми системами, и в экстраординарных случаях — возможность корректировки позитивного законодательства. При этом важно учитывать, что в ряде случаев Кок весьма двусмысленно трактует статус парламента, а соответственно парламентских актов и статутов. Если во второй части «Институций» статутное право, скорее, отделено от общего, то благодаря структуре четвертой части, где парламент значится первым в списке судов королевства, можно предположить, что и издаваемым парламентом документам Кок старается придать несколько иной статус, поставив их в один ряд со всеми прочими судебными решениями.

Проницаемость границ компетенции, как следует из рассуждений Кока, была не односторонней, т.е. подразумевала не только возможность вторжения Общего права на сопредельную территорию. Это прекрасно иллюстрирует отношение Кока к Хартии вольностей — тому идеальному случаю, где «общая воля» — статут — оказывалась

в полной гармонии с «общим разумом» — обычным правом (примечательно, что среди именовании Хартии 1215 г. Кок приводит название «Communis libertas»).

Статуты, отмечает Кок, могут либо вносить новый закон, либо декларировать уже существующий¹⁵. Хартии — Хартия вольностей и Лесная хартия — «по сути, были не чем иным, как провозглашением древнего общего права»¹⁶. Подтверждение ранее сформировавшиеся обычаев видится ему гораздо более желательными, но следующее высказывание показывает, что и статуты могут играть позитивную корректирующую роль: «Она [хартия] по преимуществу декларировала первоначальные основы главных законов Англии, а в оставшейся части дополняла некоторые недостатки общего права».¹⁷

Возможно, самым важным вопросом, определившим, как представляется, главенствующее положение общего права в иерархии правовых дискурсов, был вопрос о том, способно ли оно как таковое формировать целостную, самодостаточную и самовоспроизводящуюся систему, включающую общество, монархическую власть и административные институты, или же оно является лишь элементом этой системы.

Общее право, не претендовавшее на статус науки и ограничивавшее себя статусом «практики», тем самым оставляло за собой возможность оперировать более многочисленными и разнообразными формулировками, методами разрешения спорных ситуаций, применения широкого спектра «предписаний» и прецедентов к изменчивым современным реалиям. Постулируемый Общим правом консерватизм, создававший необходимую монархии картину стабильности и устойчивости, с одной стороны, и исключительная гибкость и определенная открытость к заимствованиям — с другой, как нельзя лучше соответствовали ситуации поиска Яковом Стюартом путей реализации его британского проекта. При этом очевидный англоцентризм культуры Общего права, несомненно, представлял собой едва ли не главную сложность в адаптации данного дискурса к специфическим условиям стюартовской монархии, объединившей под скипетром Якова I Англию, Шотландию и Ирландию.

Закрепление Общего права в качестве доминирующего в Англии дискурса стало возможным в немалой степени благодаря теоретическим построениям юристов Общего права: тем самым профессиональное юридическое сообщество не только упорядочивало собственные главные идеи и установки, но и успешно популяризировало собственные воззрения.

Примечания

- ¹ Dissertation of John Selden annexed to Fleta. London, 1771. P.243
- ² *Watt W., Plunket D., Benham D.* The Story of the Inns of Court. Boston, 1928. P.133.
- ³ *Coke Edward.* The Fourth Part of the Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. London, 1644. P.40.
- ⁴ Термин «artificial reason» — искусственный и, разумеется, не является синонимом современному выражению «искусственный интеллект», а подчеркивает, что формирование этого разума — своего рода искусство, *ars*, т. е. это разум, сформированный юридическим искусством.
- ⁵ *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Laws of England, or a commentary upon Littleton. London, 1684. P.8.
- ⁶ *Coke E.* The Second Part of the Institutes of the Laws of England. London, 1642. A Proeme.
- ⁷ *Coke Edward.* Commentary on Littleton. London, 1628. P.97.
- ⁸ *Coke Edward.* The Complete Copyholder. London, 1641. P.70.
- ⁹ *Coke Edward.* The Fourth Part of the Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. London, 1644. P.39
- ¹⁰ *Coke Edward.* Commentary on Littleton. London, 1628. P.142.
- ¹¹ *Holdsworth W.* A History of English law. London, 1903. P.317; *Cummings C. S.* The English High Court of Admiralty // Tulane maritime law journal. Vol. 17. 1993. P.209–250.
- ¹² *Coke Edward.* The Fourth Part of the Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. London, 1644. P.123.
- ¹³ *Helmholz R. H.* Boham's case, Judicial Review, and the Law of Nature // Journal of legal analysis. 2009. Vol. 1, N 1.
- ¹⁴ The Reports of Sir Edward Coke. In Thirteen parts. In 6 vol. Vol.4. London, 1826. P.355–358.
- ¹⁵ *Coke E.* The Second Part of the Institutes of the Laws of England. London, 1642. A Proeme.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid.

Е. В. Кулешова

**СТАНОВЛЕНИЕ Ж.-Б. БОССЮЭ (1627–1704)
КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО
МЫСЛИТЕЛЯ**

Общественно-политические теории, выдвигаемые мыслителями XVII в., явились следствием взаимодействия идей, представляющих собой наследие эпохи Возрождения, с его стремлением к духовному освобождению и праву на свободное самоопределение индивида, и той политической ситуации, которая сложилась в XVI в. и характеризовалась распадом феодальной системы и духовным кризисом. Последний был связан прежде всего с Реформацией и сопровождавшимися ее гражданскими войнами. Из страха перед многочисленными бедствиями люди искали защиты под сенью сильной, стабильной и единой власти. Следовательно, все мыслители этого периода были в определенной мере этакристами, проводившими идею усиления и укрепления государства. Такие разные философы, как Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Б. Боссюэ, а также видные французские политики, как Ришелье, Мазарини и Людовик XIV, были едины в своем стремлении к стабильности и спокойствию. Их объединял поиск новых принципов легитимного порядка, который соответствовал бы национальному, суверенному характеру государства и обеспечивал гражданам мир и безопасность. В XVII в. активно разрабатывались доктрины, направленные на оправдание существования абсолютной монархии. В них абсолютная власть монарха не смешивалась ни с деспотизмом, ни с тиранией, почти все мыслители ассоциировали ее с победой разума. Во Франции указанная тенденция проявилась наиболее полно. Ее государственное и национальное самоопределение, развитие общественно-политической мысли, направленное на искание оптимального соотношения прав монарха и отдельно взятой личности, были

не только неразрывно связаны с монархией, но и эволюционировали вместе с ней, когда она проходила путь от раннефеодального королевства к сословной, а затем и абсолютной, совершенной монархии. Развитие общественно-политической мысли во Франции происходило в тесной связи с укреплением и расширением прерогатив королевской власти. Король, как наследственный лидер, олицетворявший собой законодательную, административную и судебную власть, ассоциировался в социальном сознании с силой, обеспечивающей стабильность общества, ибо был воплощением не только божественной, но и общей воли, а также социальной разумности. В христианском обществе такое отношение к монарху объяснялось религиозными воззрениями и мифологическими в своей основе представлениями о нем, как о помазаннике Божьем. Суждение о главенстве Бога в мире, предопределило идею главенства монарха на земле.

Проблема монархической власти, ее характера и границ была центральной во французской общественно-политической мысли начиная со средневековья. Однако учение о так называемом «божественном праве» монарха окончательно оформилось лишь в трудах Ж.-Б. Боссюэ.

Большую часть своей жизни Жак-Бенинь Боссюэ посвятил интеллектуальным занятиям. Родился будущий епископ, воспитатель дофина, в Дижоне 27 сентября 1627 г., он был седьмым и самым младшим ребенком в семье. Свое имя Жак-Бенинь получил в честь деда и отца (деда звали Жак, а отца — Бенинь)¹. До 1517 г. семейство Боссюэ не имело дворянского достоинства, но за службу на городских должностях получило дворянство и герб — сморщенную виноградную лозу с девизом: «Vois bossu est bon»² («И корявое дерево ценно») и тремя колесами на светло-синем фоне. Члены семьи Боссюэ были депутатами парламента, а дед и дядя будущего епископа — мэрами Дижона. За много лет службы на различных должностях семейство Боссюэ не раз демонстрировало свою преданность королевской власти и заслужило репутацию монархистов. В тяжелые годы Фронды Клод Боссюэ, дядя Жака-Бенинья, будучи мэром Дижона, не позволил беспорядкам охватить город. Возможно, смутное время, свидетелем которого был Ж.-Б. Боссюэ, сформировали у него убеждение в том, что именно сильная королевская власть в состоянии обеспечить Франции порядок и мир.

Семья Боссюэ была очень религиозной. Его дядя, тетя, старший брат и одна из сестер ушли в монастырь. Отец Боссюэ, после того как овдовел, постригся в монахи. Когда Боссюэ исполнилось восемь лет, он принял постриг, что тем не менее не обязывало его стать монахом³.

В 1633 г. родители Жака-Бениня вынуждены были переехать, поскольку отца назначили советником парламента в Мец. Жака-Бениня вместе с братом Антуаном оставили в Дижоне на попечение дяди, советника Бургундского парламента⁴. Именно дядя устроил племянников учиться в иезуитский коллеж в Дижоне.

К образованию иезуиты относились весьма серьезно. Они пытались мягко и незаметно формировать сознание своих учеников, прививая им культуру религиозной жизни, заменяя слепое поклонение осознанной верой. В иезуитских коллежах господствовал дух относительной свободы, однако незаметный, но неусыпный контроль наставников сохранялся. Учителя-иезуиты стремились поощрять интерес к наукам. В целом выпускник иезуитского коллежа получал хорошее схоластическое образование, ему прививалась любовь к знаниям и труду. Социальный состав воспитанников иезуитских коллежей был неоднородный, поскольку иезуиты принимали в свои школы всех, кто мог заплатить за обучение. Здесь получали образование выходцы из буржуазии, дети чиновников, торговцев, а также ремесленников и зажиточных крестьян⁵. Потомки дворян не часто оказывались в иезуитских коллежах. Дворянское образование продолжало сохранять светскую и военную специфику. Дворян, как правило, предпочитали обучать дома.

В иезуитском коллеже в Дижоне Боссюэ в совершенстве овладел латынью, изучил греческую и римскую историю, познакомился с трудами Цицерона, Демосфена, постигая с их помощью азы красноречия⁶. Боссюэ часто декламировал перед всем классом, уже тогда проявляя необыкновенный ораторский талант. Иезуиты всегда славились как искусные полемисты. Схоластика, яростная в диспутах и непримиримая в борьбе идей воплощалась в них с особой силой. Они умело обезоруживали противника с помощью грамотно сформулированных и логически выстроенных аргументов. Искусство вести полемику иезуиты стремились привить своим ученикам. Наиболее талантливые из них, в том числе Боссюэ, прославились как умелые полемисты и впоследствии успешно отстаивали основные принципы католической веры. В коллеже Боссюэ проявлял удивительное терпение и трудолюбие, за что преподаватели и друзья называли его «bos suetus aratro»⁷, что в переводе означает «вол, привыкший к своему плугу». Трудолюбие и жажду новых знаний Боссюэ сохранил на всю жизнь. Поскольку провинциальный дижонский коллеж не давал полного образования, в октябре 1642 г. в возрасте пятнадцати лет Боссюэ отправился изучать философию и теологию в Париж в Наваррский коллеж⁸,

в котором в свое время учился Ришелье. Познакомиться с великим кардиналом новоиспеченному студенту коллежа не довелось. Ришелье умер в декабре 1642 года, и юный Боссюэ успел только побывать на его похоронах.

В XVII в. ученая мысль еще не освободилась от опеки теологии. Среда, в которой зарождались и развивались новые общественно-политические идеи и новая философия, в том числе картезианская метафизика, была по своей сути теологической. Основное содержание образования в Наваррском коллеже составляли учения Аристотеля и св. Фомы. Профессора отклонялись от Аристотеля только тогда, когда наталкивались в его философии на положения, противоречившие вере. Для них основным толкователем Аристотеля оставался Фома Аквинский, сумевший подвести под его учение христианскую базу.

Наставником Ж.-Б. Боссюэ в Наваррском коллеже был Никола Корне, преподававший на факультете теологии. И учитель, и ученик с первых дней знакомства прониклись друг к другу необыкновенной симпатией. Н. Корне как ученый-теолог пользовался большим авторитетом. Его принимали при дворе, к нему прислушивались Людовик XIII и Ришелье, а вслед за ними кардинал Мазарини. Под руководством Н. Корне будущий епископ изучил логику, физику и математику по Аристотелю, а также греческий язык. Боссюэ познакомился с трудами Гомера, продолжил изучение Демосфена и Цицерона, Августина блаженного и Фомы Аквинского⁹. Кончина Николая Корне 27 июня 1663 г. стала для Боссюэ личным горем. Бывший ученик прочел над гробом своего учителя речь¹⁰. Изложив суть полемики Николая Корне с яansenистами, он отметил его заслуги перед Францией и выразил публично свою личную благодарность.

25 января 1648 г. Боссюэ защитил диссертацию на звание бакалавра теологии в присутствии великого Конде, губернатора его родной провинции и покровителя его семьи. В 1650 г. Боссюэ вступил в братство Розера, учрежденное при Наваррской коллегии в честь св. Девы Марии с целью формирования у прихожан благоговейного к Ней отношения¹¹. В обязанность его членов входило неустанный проповедование Слова Божьего. По понедельникам это братство собиралось, чтобы обсудить проблемы Священного Писания, церковной истории, канонического права. Боссюэ принимал активное участие в обсуждении, а по субботам в присутствии своих товарищей, профессоров и простых слушателей произносил собственные проповеди. Примером для него служили ораторские произведения античности, творения отцов церкви и, конечно, само Священное Писание. По свидетель-

ству личного секретаря Боссюэ, аббата Ле Дьё, будучи ребенком, он нашел в кабинете своего дяди раскрытую Библию и так увлекся ею, что позабыл обо всех произведениях, читаемых им ранее. Отныне она стала для него любимой книгой¹². Что же касается учения святых отцов, то его Боссюэ, согласно Ле Дьё, считал верным путем для познания истины¹³. Одним из наиболее часто цитируемых им авторов был, бесспорно, Августин Блаженный. Мало кто подобно Августину ввел в обращение столько идей и вызвал такие ожесточенные споры, порожденные неоднозначностью и сложностью интерпретации его мысли. Именно вокруг его учения разразились религиозные диспуты, потрясшие все христианское общество. И хотя на Боссюэ сильное влияние оказали греческие и римские мыслители, по духу он оставался учеником отцов церкви и в особенности Августина.

В 1651 г. Боссюэ получил степень лиценциата. Свою защиту он закончил паранимфом на тему: «Бога бойтесь, монарха чтите». В нем говорилось о необходимости безоговорочного подчинения королевской власти¹⁴. Именно так Боссюэ обозначил свою задачу как мыслителя. Прежде всего, его волновало сохранение католической ортодоксии, воссоединение церкви и укрепление королевской власти. 9 апреля 1652 г. Боссюэ становится доктором теологии. Несмотря на то, что Николя Корне предложил ему остаться преподавать в Наваррском коллеже¹⁵, он отправился служить священником в Мец, где жили его родные. С тринадцати лет Боссюэ числился в этом городе каноником местного собора¹⁶. Теперь он стал служить в качестве аббата под управлением епископа Винсента де Поля. Находясь в Меце Боссюэ не перестал заниматься богословием и продолжил изучать труды Иоанна Златоуста, Тертуллиана, Оригена, Августина блаженного¹⁷. Упорные занятия позволили ему в совершенстве овладеть накопленными предшествовавшими поколениями знаниями и с легкостью оперировать ими при написании своих собственных работ.

Еще в годы учебы Боссюэ обнаруживал необыкновенный ораторский талант. В Меце, где ему часто приходилось выступать с кафедры, этот дар раскрылся в полной мере. В эпоху, когда во Франции велись ожесточенные религиозные споры между католиками и протестантами, умение Боссюэ произносить убедительные проповеди, было востребовано католической церковью и ее паствой как никогда. По мере того, как Боссюэ будучи молодым священником обдумывал и произносил свои проповеди, он формулировал доктрину, которая затем легла в основу его многочисленных трактатов. Проповеди Боссюэ касались различных тем. Они затрагивали религию, нравы, историю

и даже политику современного ему общества. К сожалению, дошедшие до нас наброски речей не в состоянии передать все, о чем Боссюэ говорил с кафедры. Как писал впоследствии известный французский поэт и философ конца XIX — первой половины XX в., член Французской академии Поль Валери, «никто не может сравниться с Боссюэ в умении точно подобрать нужное слово, сильный глагол, ввести в речь яркий, живой, но при этом тонкий оборот. Он демонстрировал исключительное владение языком, используя как непринужденное дружеское обращение, так и великолепный высокий стиль»¹⁸.

В лице Боссюэ католическая церковь нашла самого преданного сторонника. Если власти боролись с протестантским вероучением политическими мерами, то Боссюэ использовал свой ум, красноречие и способность убеждать. В вопросах религии, а значит, совести, репрессии, по мнению Боссюэ, были бессильны. Августин писал: «Гораздо лучше обращать людей к божественной любви с помощью наставлений, чем принуждать их к тому страхом и болью наказаний»¹⁹. Следуя его призыву, Боссюэ избрал своим оружием умение полемизировать, доказывать истинность своих взглядов и убеждать.

В 1655 г. Поль Ферри, служивший протестантским пастором в Меце, издал «Катехизис»²⁰, в котором в сокращенном виде изложил кальвинистское вероучение, а также необходимость и своевременность Реформации. Свои выводы Ферри подтверждал специально отобранными фактами, строя на их основе логические доказательства и умозаключения. В ответ Боссюэ написал и издал «Опровержение катехизиса Поля Ферри»²¹. В нем Боссюэ защищал католическое вероучение. По его мнению, Реформация была необходима, но только относительно церковной дисциплины и общих нравов, а не по отношению к вероучению в целом. Как он считал, совершенная кальвинистами, лютеранами и другими протестантскими общинами Реформация вредна, поскольку заставила верующих отпасть от церкви, лишив их возможности спастись в схизме. По убеждению Боссюэ для спасения необходимо единство веры, а значит, истины, чего нельзя достигнуть, если каждый будет самостоятельно определять, как ему верить. Эта первая работа Боссюэ обратила на себя серьезное внимание. В ней отчетливо проявилось убеждение молодого священника в том, что воссоединение католической и реформированной церковью во Франции должно происходить мирным путем.

В это же время Боссюэ составил регламент учебного заведения для девочек, которое должно было пропагандировать католическую веру в Меце. Регламент призван был стать примером внутреннего устрой-

ства женских католических школ в других городах Франции. Он привлек внимание Анны Австрийской, пожелавшей содействовать пропаганде католического вероучения в Меце²². По ее повелению в Мец из Парижа была отправлена католическая миссия из двадцати священников. Винсент де Поль поручил Боссюэ наладить ее деятельность и 4 марта 1658 г. она торжественно открыла свою работу в мецком кафедральном соборе²³. Среди прочих мер, направленных на укрепление позиций католической церкви, следует назвать устройство диспутов между представителями разных вероисповеданий с целью рассмотреть существующие между ними противоречия и попытаться найти пути к их преодолению. Почти каждое воскресенье Боссюэ проповедовал с кафедры. Деятельность миссионеров под руководством Боссюэ в период с 1658 по 1659 г. дала такой высокий результат, что молодого проповедника заметили в Париже и пригласили в столицу.

В 1659 г. Боссюэ возвращается в Париж и произносит проповеди в столичных храмах. Слава о нем очень быстро распространилась по всему городу. Его часто приезжали слушать знатные вельможи, и в 1662 г. в Великий пост сам король пригласил его проповедовать в луврской капелле. Начиная с 1661 г. Боссюэ все чаще затрагивает в своих речах не сложные метафизические и богословские темы, а вопросы нравственности. Он не боялся критиковать в проповедях даже самого короля.

С 1656 г. Боссюэ использует свой ораторский талант не просто на поприще распространения и утверждения католической веры. Успех в качестве проповедника позволил ему закрепить свое положение при дворе, что дало ему возможность в полной мере выразить себя, показать не только религиозное рвение, но и глубочайший интерес к проблемам монархии, а также высказываться относительно желаемого развития государственного устройства Франции. Но стоит отметить, что в первую очередь свое видение данных проблем Боссюэ обозначил не в трактатах, а в жанре, который получил широкое развитие в Европе в эпоху религиозных брожений и последующего поиска духовного компромисса. Речь идет о надгробных проповедях, ставших в период религиозного конфликта одним из важнейших способов отдания дани уходящим из жизни монархам, членам их семей и сановникам. Боссюэ была доверена честь читать надгробные проповеди, посвященные членам французской королевской семьи и крупным государственным деятелям. Новая возложенная на Боссюэ обязанность дает ему возможность в полной мере выразить свое видение исторического процесса и роль, которую в нем играют божественное провидение и абсолютная

монархия. Всего он произнес двенадцать надгробных речей, но тексты двух из них утрачены. К счастью, свои надгробные речи Боссюэ записывал до их произнесения. Некоторые из них он сам готовил к публикации, поэтому надгробные речи Боссюэ дают возможность в гораздо большей мере, чем проповеди, дошедшие до нас лишь во фрагментах, оценить его ораторский талант и глубину общественно-политических воззрений.

В 1669 г. умерла английская королева Генриетта Французская, дочь Генриха IV, и Боссюэ прочел над ее гробом речь, которая по настоянию ее дочери Генриетты Английской была опубликована²⁴. В 1670 г. Боссюэ пришлось читать надгробную речь уже над самой Генриеттой Английской, супругой брата Людовика XIV герцога Орлеанского²⁵. Спустя тринадцать лет в 1683 г. умерла королева Мария-Терезия, и Боссюэ опять пришлось исполнять почетную, но скорбную миссию²⁶. В 1685 г. он читал надгробную речь над Мадам Пфальцской, второй супругой герцога Орлеанского²⁷, в 1686 г. — над канцлером Ле Телье²⁸, в 1687 г. — над принцем Конде²⁹. Таким образом, Боссюэ стал своего рода официальным выразителем мнения французского королевского дома и получил право создавать образ членов французской королевской семьи и важнейших государственных деятелей Франции.

Именно по этой причине надгробные проповеди Боссюэ содержат не только религиозные истины, которые он связывал с жизнью усопших и проповедовал как наставления для оставшихся в живых. В них высказывались мысли, связанные с политической и религиозной историей XVII в. В речи по случаю смерти Генриетты Французской, супруги казненного английского короля Карла I, Боссюэ рассуждает о причинах английской революции, главная из которых, по его мнению, носила религиозный характер. Как он считал, отвергнув уставы католической веры, Генрих VIII «потряс столп государственного спокойствия и подверг все опасности»³⁰. Своими действиями английский король спровоцировал возникновение в Англии различных религиозных сект, что повлекло за собой духовный раскол общества и распущенность нравов. По словам Боссюэ, набожная супруга Карла I Генриетта Французская немало сделала для возрождения католической церкви в Англии, однако Господь не пожелал вразумить английский народ, и он в ослеплении лишил своего короля жизни. Тем не менее труд Генриетты Французской не прошел даром. Ее сын сумел найти «усердных слуг среди христиан, которым она покровительствовала»³¹, занял престол своего отца, успокоил волнения и восстановил единство веры. На примере английской королевы, ее казненного супруга

и сына Карла II, Боссюэ показывал, как Господь учит монархов, направляет их на путь истинный. По мнению Боссюэ, Он посылал им испытания, чтобы они помнили, как ничтожно величие королей и что все в мире свершается в соответствии с волей Божественного Провидения. Таким образом, проповедник показывал, что представители французской королевской династии являлись для других европейских стран проводниками идеи идеального государственного и религиозного устройства.

В надгробной проповеди на смерть Марии-Терезии, супруги Людовика XIV, нашли свое отражение политические взгляды Боссюэ, касающиеся статуса монарха, принципов государственного устройства и управления. В ней Боссюэ высказал мысли, которые легли в основу его «Политики, написанной на основе слов, взятых из Священного Писания». Он подчеркнул, что именно благодаря заботам Людовика XIV, Франция стала мощным государством, способным сохранять внутренний мир и вести победоносные войны, как вблизи своих границ, так и на отдаленном расстоянии³². По мнению Боссюэ, Людовик являл собой пример разумного и справедливого монарха, под руководством которого наступил расцвет Франции³³. Короли, подобные Людовику, как считал Боссюэ, рождались по воле Божьей и подданные должны были любить своего монарха³⁴. В данной проповеди получила развитие идея о французской модели государственности как идеальной, и проповедник находил религиозное объяснение этому факту.

В проповеди по случаю смерти Мишеля Ле Телье Боссюэ дальше развивал свои представления о государственном благе. Он рассуждал о том, какими чертами должен обладать государственный чиновник. Благоразумие, мудрость, забота о государственном благе и укреплении королевской власти — вот те качества, которые, по его мнению, отличают настоящего государственного деятеля³⁵. В заслугу Ле Телье Боссюэ ставил стремление придерживаться точки зрения, согласно которой управлять должны законы, а не люди³⁶.

Нужно отметить, что как в религиозных, так и в политических взглядах Боссюэ отличался необыкновенной последовательностью. Мысли, высказанные им в проповедях и надгробных речах, затем неоднократно повторялись в его последующих работах.

В конце 1669 г. он был назначен епископом Кондома, но кафедру так и не занял, потому что в 1670 г. король пожелал сделать его наставником своего сына Людовика Французского. В течение девяти лет Боссюэ занимался исключительно воспитанием дофина. В государстве, где почти все зависело от воли монарха, его общественно-политиче-

ское развитие и становление как государственного деятеля приобретали исключительное значение. Когда Боссюэ занялся образованием Монсеньора, ему исполнилось сорок три года. Появление новых обязанностей способствовало тому, что он еще больше углубился в чтение философских и политических трудов. Перестав быть просто богословом, Боссюэ принялся за изучение работ греческих мыслителей Геродота, Платона, Полибия, Гесиода, а также современных ему философов, в том числе Декарта. Он с жаром штудировал право, политику, историю, литературу, философию и те предметы, в которых как богослов был не слишком силен. Особое внимание Боссюэ уделял состоянию общественно-политической мысли. Разработка идей, обосновавших необходимость сильной монаршей власти, велась не только во Франции. Такие мыслители, как Гуго Гроций³⁷ и Томас Гоббс³⁸, полагая в основу общественных отношений уже иные, во многом отличные от принятых французскими теоретиками принципы, тем не менее, поддерживали абсолютную власть. Боссюэ взял на себя труд познакомиться с работами Гуго Гроция и Томаса Гоббса, которые окажут на его собственные взгляды немалое влияние.

В 1679 г., когда обучение дофина подошло к концу и он собирался вступить в брак, Боссюэ отправил письмо папе Иннокентию XI, в котором подробно описал, как проходили занятия с принцем. Письмо много раз публиковалось, в частности, оно предваряет парижские издания «Политики» Боссюэ 1709 и 1714 гг.³⁹ Как следует из письма, цель Боссюэ состояла в том, чтобы научить дофина понимать существо государственной деятельности. Он стремился давать наследнику те знания, которые могли ему пригодиться во время царствования. «Дофин, — сообщает Боссюэ, — занимался каждый день, не исключая даже воскресенья»⁴⁰. Относительно религиозного образования наследника Боссюэ был очень строг. Он сообщал папе: «С помощью многократного повторения мы добились того, чтобы эти три слова — Набожность, Доброта, Справедливость — закрепились в его памяти со всей той связью, которая существует между ними»⁴¹. Специально для Людовика Французского Боссюэ написал учебник «Курс истории Франции», опубликованный в 1679 г.⁴² Целью Боссюэ было показать своему воспитаннику величие наследования, подчеркнуть, что франкская монархия существует с незапамятных времен и представить французских королей начиная с Хлодвига как главных защитников католической веры, чтобы внушить дофину почтение к религии, составляющей основу могущества французской монархии. Он оспорил версию воцарения Гуго Капета — как избранного волеизъявлением

народа, заменив ее идеей о Промысле Божиим. Боссюэ стремился доказать, что переход от одной династии к другой происходил плавно, без волнений. Все королевские династии Франции, по мысли Боссюэ, являлись одной семьей.

Во французской истории Боссюэ искал примеры, которые могли бы послужить назиданием дофину. Особое внимание он уделил Карлу Великому, императору Священной Римской империи, наследниками которого, по его мнению, и являлись французские короли. Много места Боссюэ отвел Филиппу-Августу, доблестному воину, защитнику правоверного католицизма, сосредоточившего всю власть в своих руках с тем, чтобы сплотить Францию территориально, сделать ее более сильной; Людовику IX Святому, обладавшему такими необходимыми для короля чертами характера, как набожность, справедливость, доброта и милосердие, благодаря которым он сумел необычайно высоко поднять авторитет королевской власти. Излагая историю Франции, Боссюэ зачастую сводил ее к истории королей. Главы его учебника делились по царствованиям монархов от Меровингов до Карла IX. Король для Боссюэ был осью истории. В то же время он рассматривал его как звено в цепи, человека, исполнявшего в определенный период времени королевские функции. В центре истории, по Боссюэ, находилась не конкретная личность, будь то Филипп-Август или Людовик Святой, а королевская власть как государственный институт и защитница веры, хранительница вековых традиций. Разворачивая перед дофином вереницу французских королей, Боссюэ рисовал некий образ идеального монарха, дабы показать наследнику, чего ждут от него его подданные. Составив «Курс истории Франции», Боссюэ соединил две историографические традиции: средневековую и ренессансную. Опираясь на провиденциализм, он исходил из дидактического характера истории, строя свое повествование через создание образов для подражания и порицания. Боссюэ соглашался с Макиавелли и Боденом, ставившими историю на службу политике и возлагавшими на нее задачу раскрыть сущность и структуру государств, причины их расцвета и падений. Поэтому он стремился к тому, чтобы его воспитанник извлек из истории уроки и для себя и для будущего Франции. Таким образом, история, согласно Боссюэ, представляла собой ряд поучительных примеров для достижения всеобщего блага.

Наряду с историей Франции дофин изучал также всеобщую историю. Вместе со своим наставником он читал Саллюстия, а также сочинения Юлия Цезаря⁴³. «По субботам, — сообщает Боссюэ, — Монсеньор повторял все, что было пройдено за неделю»⁴⁴. Помимо исто-

рии Боссюэ преподавал дофину риторику и логику. Специально для своего воспитанника он написал работу под названием «Логика»⁴⁵. Основой для этой работы послужили философские системы Платона и Аристотеля. В частности, у Платона Боссюэ заимствовал его теорию об идеях, у Аристотеля — рассуждения о разуме. Тем не менее античные философские системы использовались им лишь в той мере, в какой не противоречили католическому мировоззрению. Еще один трактат Боссюэ — «О познании Бога и самого себя» — был также написан для дофина⁴⁶. В нем Боссюэ соединил начала картезианской философии и аристотелевской схоластики, а также различные воззрения Августина Блаженного и Фомы Аквинского. Сама идея трактата, безусловно, заимствована у Августина, который сформулировал ее в своих первых Диалогах: «О Боже вечный! Смогу ли я познать, кто есмь я и кто — Ты! Noverim me noverim Те»⁴⁷. Опираясь на сочинение Декарта «Рассуждения о методе», Боссюэ предпринял попытку анализа основ бытия. Он взялся изучить душу и тело, установив существовавшую между ними взаимосвязь, подняться далее до богопознания и от Бога снова вернуться к изучению природы человека. У Декарта Боссюэ позаимствовал метод наблюдения, стремясь построить свою теорию на доказательствах, добытых путем опыта. Немногие из христианских мыслителей в такой же мере, как Боссюэ, признавали влияние материи на душу. Рассуждая о различиях между душой человека и животного, Боссюэ излагает два противоположных суждения на этот счет: учения Фомы Аквинского и Декарта. Сам Боссюэ занимает срединную позицию, указывая на то, что человек обладает высшей разумностью, в то время как животные — лишь некоторой смышленостью. По его мнению, животные не осознают своих действий, хотя совершают их целесообразно, в то время как человек способен осознавать все свои поступки. Так же как и Фома Аквинский, Боссюэ считал, что человеческий ум может познавать истину, но в известных пределах. Таким образом, он признавал способность человеческого разума познавать себя, мир и Бога, но только в определенной степени. Принцип «Сомневайся во всем», свойственный Декарту, Боссюэ не разделял. Он свято верил в существование Бога и божественного Провидения, считая, что есть вещи не доступные для познания, но существование которых нельзя отрицать, нужно просто верить.

К заключительному этапу обучения дофина Боссюэ подготовил еще два труда: «Рассуждение о всеобщей истории» и «Политика, написанная на основе слов взятых из Священного Писания»⁴⁸. Таким образом, история общественно-политической мысли Франции ста-

ла тесно связана с воспитанием наследника престола. «Рассуждение» предназначалось к тому, чтобы помочь дофину систематизировать полученные им знания по истории. В нем к краткому изложению изученного с Монсеньором материала Боссюэ присовокупил свои собственные размышления о ходе исторического процесса. В итоге сложилась цельная система философии истории. «Политика» же должна была помочь дофину постичь тонкости государственного управления. В ней Боссюэ коснулся начал человеческого общества, изложил свой взгляд на происхождение, природу королевской власти, рассказал об обязанностях монарха и дал дофину практические советы по управлению государством.

Ж.-Б. Боссюэ, будучи теологом, оратором, философом, историком, политиком и педагогом, наиболее полно воплотил в своем творчестве идеи, определившие ментальный образ его эпохи. Общество XVII в. обладало особым менталитетом «переходного периода». В его сознании, образе мысли необычно сочетались черты Средневековья, Ренессанса и Нового времени. Но ни средневековый, ни ренессансный, ни тем более нововременный типы мышления не оформились в четко очерченные структуры, не осознали самих себя. Идеи Боссюэ, став продуктом его собственной мысли, отразили вместе с тем эпоху новых веяний, которые принесли в науку Декарт, Гроций, Гоббс. Оставаясь истинным учеником иезуитов, наследником схоластической философии, Боссюэ синтезировал в своем творчестве доступные ему знания и теории, выработав при этом свой собственный взгляд на философию, историю и политику. С одной стороны, его взгляды определялись прежде всего тем, что он был духовным лицом, глубоко верующим человеком, сторонником традиционного христианского мировоззрения. С другой стороны, он жил в период, когда все больше набирали силу светские представления о человеке, власти, государстве. Оставаясь католическим мыслителем, Боссюэ тем не менее старался соответствовать вызовам нового времени. Отсюда его попытка сочетать рационализм, индивидуализм с чисто христианским пониманием сущности государства. Сложности этого синтеза прекрасно иллюстрирует жизненный путь Боссюэ и его стремление совместить в себе одновременно и религиозного деятеля, и общественно-политического мыслителя.

Примечания

- ¹ *Floquet A.* Etude sur la vie de Bossuet. T. I. Paris, 1855. P. 7–8.
- ² *Ibid.* P. 10.
- ³ *Ibid.* P. 33.
- ⁴ *Ibid.* P. 36.
- ⁵ *Mandrou R.* La France au XVII et XVIII s. Paris, 1974. P. 299–301.
- ⁶ *Le Dieu F.* Memoires et journal sur la vie et les ouvrages de Bossuet. T. 1. Paris, 1856. P. 11–12.
- ⁷ *Floquet A.* Etude... P. 44.
- ⁸ *Le Dieu F.* Memoires... P. 14; *Floquet A.* Etude... P. 67.
- ⁹ *Floquet A.* Etude... P. 81–82.
- ¹⁰ *Bossuet J.-B.* Oraison funebre de M. Nicolas Cornet, grand maitre du college de Navarre, prononcee dans la chapelle du college, ou il est inhumé, le 27 juin 1663, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Amsterdam, 1698.
- ¹¹ *Floquet A.* Etude... P. 127.
- ¹² *Le Dieu.* Memoires... T. 1. P. 13; *Floquet A.* Etude... P. 64.
- ¹³ *Le Dieu.* Memoires... P. 41.
- ¹⁴ *Floquet A.* Etude... P. 149.
- ¹⁵ *Le Dieu F.* Memoires... P. 44–45; *Floquet A.* Etude... P. 192–193.
- ¹⁶ *Floquet A.* Etude... P. 63.
- ¹⁷ *Le Dieu F.* Memoires... P. 21.
- ¹⁸ *Valery P.* Oeuvres. Paris, 1957. T. I. P. 498.
- ¹⁹ *Августин Аврелий.* Призыв к земным объятиям (теория) // Марру А.-И. Святой Августин и августинианство. Долгопрудный, 1999. С. 147.
- ²⁰ *Ferry Paul.* Catéchisme général de la Réformation prêché dans Metz. Sedan, 1654.
- ²¹ *Bossuet J.-B.* Refutation du Catechisme du Sr. Paule Ferry, ministre de la religion pretendue reformee, par Jacques-Benigne Bossuet. Metz, 1655.
- ²² *Floquet A.* Etudes... P. 468.
- ²³ *Ibid.* P. 475.
- ²⁴ *Bossuet J.-B.* Oraison funebre de Henriette-Marie de France, reine de Grande Bretagne prononcee le 16 novembre 1669 en presence de Monsieur, frere unique du Roi et de Madame, en l'église des religieuses de Sainte Marie de Challiot, ou repose le coeur de Sa Majeste, par M. l'abbé Bossuet, nomme a l'evesche de Condom. Paris, 1669.
- ²⁵ *Bossuet J.-B.* Oraison funèbre de Henriette-Anne d'Angleterre, duchesse d'Orléans, prononcée à Saint-Denis le 21 jour d'aoust, 1670 par Messire Jacques Bénigne Bossuet. Paris, 1670.
- ²⁶ *Bossuet J.-B.* Oraison funebre de Marie-Terese d'Autriche, infante d'Espagne, reine de France et de Navarre, prononcee a Saint-Denis, le premier de septembre 1683, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1683.
- ²⁷ *Bossuet J.-B.* Oraison funebre de Anne de Gonzague de Cleves, princesse palatin, prononcee dans l'église des Carmelites du fauxbourg Saint-Jacques le 9 aoust 1685, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1685.

²⁸ *Bossuet J.-B.* Oraison funebre de messire Michel Le Tellier, chevalier, chancelier de France, prononcee dans l'eglise paroissiale de Saint Gervais ou il est inhumé, le 25 janvier 1686, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1686.

²⁹ *Bossuet J.-B.* Oraison funebre de Louis de Bourbon, prince de Conde, prononcee dans l'eglise de Nostre-Dame de Paris, le 10 jour de mars 1687, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris: S. Mable-Cramoisy, 1687.

³⁰ *Bossuet J.-B.* Oraison funebres de Bossuet. Paris, 1824. P. 14.

³¹ *Ibid.* P. 30.

³² *Bossuet J.-B.* Les Oraisons funèbres de Bossuet. Paris, 1874. P. 110.

³³ *Ibid.* P. 110–111.

³⁴ *Ibid.* P. 112–113.

³⁵ *Ibid.* P. 192–193.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Гроций Г.* О праве войны и мира / пер. с лат. Кн. 1–3. М., 1956.

³⁸ *Гоббс Т.* О гражданине // Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1988; О свободе и необходимости // Там же; Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Там же. Т. 2. М., 1991.

³⁹ *Bossuet J.-B.* 1). Politique sacree tiree des propres paroles de l'écriture sainte a Mgr le dauphin, ouvrage posthume de messire J.-B. Bossuet, publiee par l'abbé J.-B. Bossuet. Paris, 1709; 2) Politique sacree tiree des propres paroles de l'écriture sainte a Mgr le dauphin, ouvrage posthume de messire J.-B. Bossuet, publiee par l'abbé J.-B. Bossuet. Paris, 1714.

⁴⁰ *Bossuet J.-B.* De l'instruction de Monseigneur le Dauphin au Pape Innocent XI // Politique tiree des propres paroles de l'Écriture Sainte. Paris, 1714. P. 30.

⁴¹ *Ibid.* P. 33.

⁴² *Bossuet J.-B.* Abrégé de l'histoire de France. Paris, 1741. 4 vol.

⁴³ *Bossuet J.-B.* De l'instruction de Monseigneur le Dauphin... P. 41.

⁴⁴ *Ibid.* P. 45.

⁴⁵ *Bossuet J.-B.* Logique du dauphin / ed. critique établie par F. Laupies. Paris, 1990.

⁴⁶ *Bossuet J.-B.* De la connaissance de Dieu et de soi-même / Texte revu par Ch. Fremont. Paris, 1990.

⁴⁷ Цит. по: *Марту А.-И.* Святой Августин... С. 80.

⁴⁸ *Bossuet J.-B.* 1) Discours sur l'histoire universelle a Monseigneur le Dauphin pour expliquer la suite de la religion et les changemens des empires. Première partie, depuis le commencement du monde jusqu'à l'empire de Charlemagne. Par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1681; 2) Politique sacree...

В. А. Стасевич

**ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
РАННЕТЮДОРОВСКОЙ ТИТУЛОВАННОЙ ЗНАТИ:
АНГЛИЯ**

Настоящая публикация представляет собой постатейный список персон, владевших английскими титулами в правление ранних Тюдоров (Генриха VII и Генриха VIII), т. е. соответственно в период с 22 августа 1485 по 28 января 1547 г. В будущем возможна публикация аналогичного перечня для Ирландии, сюзеренами и королями которой с 1541 г. были английские монархи.

Вторым, помимо хронологического, критерием для включения того или иного лица в данный перечень является признание короной указываемого титула за этим лицом. В качестве свидетельств такого признания рассматриваются королевские патенты, оформлявшие пожалование титулов, сведения источников о личном призвании в палату лордов и разного рода упоминания лица как владельца данного титула в документах, исходящих из органов верховной власти. Как «пограничный» пример в перечень включены непризнанные возможные владельцы титула баронов Сэй и Сил. Не включались в перечень лица, обладавшие только «владельческими» или «феодальными» титулами баронов (т. е. владельцы земель, имевших статус бароний) и никакими другими¹.

В рассматриваемый период нередко один человек мог использовать целый набор титулов (подчас очень большой), в то время как в действительности реализовывался, как правило, только один — самый высокий из них. В данной публикации я затрагиваю только те титулы, под которыми их обладатели фигурируют в прижизненных источниках. При этом наибольшее внимание уделено тем титулам, которые реализовывались в раннетюдоровскую эпоху, в то время как о титу-

лах, использовавшихся ранее или полученных позже, говорится более кратко.

В качестве основного образца оформления перечня избраны публикации С.Е. Федорова о составе елизаветинской титулованной знати². В каждой статье, соответствующей одному титулу, цифрами без скобок отмечены владельцы титулов в раннетюдоровскую эпоху в хронологическом порядке, цифрами же в скобках — порядок этих людей со времени последней креации. В том случае, когда время основания титула является спорным, в качестве даты креации избрано время, с которого и до созыва первого парламента Генриха VII включительно владельцы титула последовательно призывались в парламента. Статьи также включают в себя даты жизни данных лиц, сведения о характере преемства при наследовании титулов (вид родства или свойства) и о переменах в титульном статусе (пожалования новых титулов, опалы или утраты титулов иного рода, снятия опал, фактическое непризнание в титуле), важные биографические сведения. При рассмотрении историй опал (формальных изъятий титула, как правило, оформлявшихся актом парламента) в большинстве случаев в итоговую статью не включались такие из них, которые и совершались, и были сняты до прихода Генриха VII к власти.

Формулировка «титул считался выморочным» означает, что по позднейшим положениям английского права он не может считаться таковым. Формулировка «титул стал выморочным» означает, что титул является таковым и по современным правовым критериям. Сведения о коллизиях позднейшего права с практикой раннетюдоровской эпохи, как и другие комментарии, приводятся в сносках.

Там, где в тексте приводятся приблизительные временные интервалы в виде «между *x* и *y*», обе указанные даты следует понимать включительно. Даты везде, где необходимо, переведены из «благовещенского» новолетия в январское.

Герцоги

BEDFORD

БЕДФОРД

1. (1) Джаспер Тюдор (ок. 1431 — 21.12.1495). Креация состоялась 27.10.1485. Дядя по отцу короля Генриха VII. Умер, не оставив законного потомства. Титул стал выморочным.

Также граф Пемброк (см. **PEMBROKE**).

BUCKINGHAM**БЭКИНГЕМ**

1. (3) Эдвард Стаффорд (03.02.1478 — 17.05.1521). Сын и наследник предыдущего герцога, казненного в правление Ричарда III (02.11.1483) и посмертно подвергнутого опале (между 23.01 и 20.02.1484). Старший брат графа Уилтшира (1) (см. **WILTSHIRE**). После воцарения Генриха VII восстановлен в правах на титул актом парламента (между 07.11.1485 и 04.03.1486). 13.05.1521 признан виновным в государственной измене. Казнен. Посмертно подвергнут опале (31.07.1523).

CORNWALL**КОРНУОЛЛ**

1. (1) Артур [Тюдор]³ (20.09.1486 — 02.04.1502). Старший сын и наследник короля Генриха VII. Считался герцогом Корнуоллом с рождения как старший сын и наследник правящего короля (соответствующая норма была закреплена актом парламента между 07.11.1485 и 04.03.1486). Умер бездетным при жизни отца. Также принц Уэльский, граф Честер (креация 29.11.1489).

2. (1) Генри [Тюдор] (28.06.1491 — 28.01.1547). Второй, но единственный переживший смерть отца сын Генриха VII. Считался герцогом Корнуоллом после смерти своего старшего брата. С 21.04.1509 — король Генрих VIII.

Также принц Уэльский, герцог Йорк (см. **YORK**) и граф Честер (креация 18.02.1504).

[3]. [1] Эдвард [Тюдор] (12.10.1537 — 06.07.1553). Единственный узаконенный сын и наследник короля Генриха VIII. Мог считаться герцогом Корнуоллом согласно акту 1485 г., но не упоминается в таком качестве в источниках. Креация в качестве принца Уэльского и графа Честера планировалась, но не состоялась к моменту смерти Генриха VIII. С 28.01.1547 — король Эдуард VI. Умер бездетным.

NORFOLK**НОРФОЛК**

1. (1) Томас Говард (1443 — 21.05.1524). Креация состоялась 01.02.1514. В день креации сложил с себя титул графа Сарри, который был в тот же день пожалован сыну и наследнику герцога на время его жизни.

До указанного момента — граф Сарри (см. **SURREY**).

2. (2) Томас Говард (1473 — 25.08.1554). Сын и наследник предыдущего герцога. 12.12.1546 арестован и заключен в Тауэр. 27.01.1547 подвергнут опале по обвинению в государственной измене. С приходом к власти Марии I освобожден из Тауэра с последующим снятием опалы (между 08 и 12.1553).

Также граф Сарри (см. **SURREY**).

RICHMOND AND SOMERSET

РИЧМОНД И СОМЕРСЕТ

1. (1) Генри Фитцрой (1519 — 22 или 23.07.1536). Внебрачный сын короля Генриха VIII. Креация состоялась 18.06.1525, в тот же день получил титул графа Ноттингема. Умер бездетным при жизни отца.

SUFFOLK

САФФОЛК

1. (2) Джон де ла Пол (27.09.1442 — до 20.05.1492). Сын и наследник предыдущего герцога.

2. (3) Эдмунд де ла Пол (ок. 1471 или 1472 — 04.05.1513). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего герцога. 26.02.1493 г. заключил с королем соглашение, по одному из условий которого сложил с себя герцогский титул и в дальнейшем титуловался как граф Саффолк (6). Бежал из страны в 1501 г. Подвергнут опале по обвинению в государственной измене (между 25.01 и ок. 30.03.1504). В 04.1506 выдан эрцгерцогом Филиппом Австрийским Генриху VII и заточен в Тауэр. Казнен семь лет спустя.

3. (1) Чарльз Брэндон (ок. 1484 — 22.08.1545). Креация состоялась 01.02.1514.

На протяжении около десяти лет — виконт Лайл (см. **LISLE**).

4. (2) Генри Брэндон (18.09.1535 — 14.07.1551). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего герцога, младший брат графа Линкольна (см. **LINCOLN**). Умер 14.07.1551 г. от так называемой «потницы». В тот же день умер наследовавший ему младший брат Чарльз (род. в 1537 или 1538). Титул стал выморочным.

YORK

ЙОРК

1. (1) Генри [Тюдор] (28.06.1491 — 28.01.1547). Креация состоялась 31.10.1494 г. После вступления во владение титулом герцога Корнуолла (см. **CORNWALL**) и креации в качестве принца Уэльского и графа Честера пожалование титула герцога Йорка провозглашено «ничтожным» актом парламента (между 19.02 и ок. 30.03.1504).

Маркизы

BERKELEY

БЕРКЛИ

1. (1) Уильям Беркли (1426 — 14.02.1492). С 28.06.1483 (креация) — граф Ноттингем (1). Креация в качестве маркиза состоялась 28.01.1489. Умер бездетным. Титулы стали выморочными. Также в дотюдоровское время — барон Беркли (7) и виконт Беркли (1).

DORSET**ДОРСЕТ**

1. (1) Томас Грей (ок. 1451 или ок. 1455 — между 08 и 11.1501). Креация состоялась 18.04.1475. Участник «мятежа Бэкингема» против Ричарда III, бежал из страны, подвергнут опале (между 23.01 и 20.02.1484). Опала снята при Генрихе VII (между 07.11.1485 и 04.03.1486). В дотюдоровское время, возможно, барон Феррерс из Гроби (7), внук и наследник предыдущего барона⁴. Недолго (14.08.1471 — до 18.04.1475) — граф Хантингдон (1).

2. (2) Томас Грей (22.06.1477 — 10.10.1530). Сын и наследник предыдущего маркиза. 17.10.1509 призван в парламент как барон Феррерс из Гроби (8), только 28.11.1511 призван в титуле маркиза.

3. (3) Генри Грей (17.01.1517 — 23.02.1554). Сын и наследник предыдущего маркиза. С 11.10.1551 — герцог Саффолк. Казнен за участие в мятеже Уайатта. Титул отнят короной.

EXETER**ЭКСЕТЕР**

1. (1) Генри Куртенэ (ок. 1498 — 09.01.1539). Креация состоялась 18.06.1525. 03.12.1538 признан виновным в государственной измене. Казнен. Посмертно подвергнут опале (ок. 19.05.1539).

Граф Девон (10/2), сын и наследник предыдущего графа.

PEMBROKE**ПЕМБРОК**

1. (1) Анна Болейн (ок. 1501 — 19.05.1536). Дочь графа Уилтшира (1) и висконта Рочфорда (1) (см. **WILTSHIRE, ROCHFORD**), сестра барона Рочфорда (1) (см. **ROCHFORD**). Креация состоялась 01.09.1532. Королева Англии с ок. 25.01.1533⁵ (брак с Генрихом VIII аннулирован 17.05.1536). 15.05.1536 признана виновной в государственной измене. Казнена. Титул отнят короной.

Графы**ARUNDEL****ЭРАНДЕЛ**

1. (9) Уильям Эрандел/Фитцален (23.11.1417 — к. 1487). Дядя и наследник предыдущего графа.

2. (10) Томас Эрандел/Фитцален (1450 — 25.10.1524). Сын и наследник предыдущего графа. При жизни отца (с 1471 г.) заседал в парламенте как барон Мотрэверз (9).

3. (11) Уильям Эрандел/Фитцален (ок. 1476 — 23.01.1544). Сын и наследник предыдущего графа.

4. (12) Генри Эрандел/Фитцален (23.04.1512 — 24.02.1580). Единственный сын и наследник предыдущего графа. При жизни отца (с 05.02.1534) призывался в парламент как барон Мотрэверз (11). Умер, не оставив выжившего потомства по мужской линии. В качестве наследника признан сын дочери (призван в парламент как граф Эрандел 16.01.1581).

BATH

БАТ

1. (1) Филибер де Шанде (? — ?). Командующий французскими наемниками в войске Генриха VII при Босворте (22.08.1485). Креация состоялась 06.01.1486. О дальнейшей судьбе ничего не известно.

2. (1) Джон Буршье (20.07.1470 — 30.04.1539). Креация состоялась 09.07.1536. Барон Фитцуорин (3), сын и наследник предыдущего барона.

3. (2) Джон Буршье (ок.1499 — 10.02.1561). Единственный сын и наследник предыдущего графа.

BRIDGEWATER

БРИДЖУОТЕР

1. (1) Генри Добени (ок. 1494 — 08.07.1548). Креация состоялась 19.07.1538. Умер бездетным. Титулы стали выморочными.

Барон Добени (2), сын и наследник предыдущего барона.

CHESTER

ЧЕСТЕР

См. **CORNWALL**.

CUMBERLAND

КАМБЕРЛЕНД

1. (1) Генри Клиффорд (1493 — 22.04.1542). Креация состоялась 18.06.1525. Барон Клиффорд (11), сын и наследник предыдущего барона.

2. (2) Генри Клиффорд (ок. 1517? — 02.01.1570). Сын и наследник предыдущего графа.

DERBY

ДЕРБИ

1. (1) Томас Стэнли (1433 или 1435 — 29.07.1504). Креация состоялась 27.10.1485. Барон Стэнли (2), сын и наследник предыдущего барона. Отец барона Стрэнджа (9) (см. **STRANGE**) и барона Монтигла (1) (см. **MONTEAGLE**).

2. (2) Томас Стэнли (до 1485 — 23.05.1521). Внук и наследник предыдущего графа, сын и наследник барона Стрэнджа (9).

3. (3) Эдвард Стэнли (10.05.1509 — 24.10.1572). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего графа.

DEVON ДЕВОН

1. (8/1) Эдвард Куртенэ (ок. 1450 — 28.05.1509). Кузен и возможный наследник предыдущего графа, убитого в битве при Тьюксбери (04.05.1471). Участник «мятежа Бэкингема» против Ричарда III, бежал из страны, подвергнут опале (между 23.01 и 20.02.1484). Вернулся в Англию вместе с Генрихом VII, который 26.10.1485 пожаловал ему новый титул графа Девона, после чего опала была снята парламентом (между 07.11.1485 и 04.03.1486). Так как на момент смерти графа его наследник находился под опалой, титул был отнят короной.

2. (9/1) Уильям Куртенэ (ок. 1475 — 09.06.1511). Единственный сын и наследник предыдущего графа. Обвиненный в том, что являлся сторонником герцога Саффолка (3) (см. **SUFFOLK**), заключен в тюрьму (1502–9) и подвергнут опале (между 25.01 и ок. 30.03.1504). 09.05.1511 опала снята королевским патентом⁶. 10.05.1511 состоялась креация в том же титуле.

3. (10/2) См. **EXETER**.

ESSEX ЭССЕКС

1. (2) Генри Буршье (ок. 1472 — 13.03.1540). Внук и наследник предыдущего графа. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул стал выморочным.

2. (1) Томас Кромвелл (ок. 1485 — 28.07.1540). Креация состоялась 17.04.1540. 29.06.1540 без суда подвергнут опале по ряду обвинений (включая государственную измену). Казнен. Титулы отняты короной. С 09.07.1536 (креация) — барон Кромвелл (1).

3. (1) Уильям Парр (14.08.1513 — 28.10.1571). Барон Парр (креация 09.03.1539), племянник барона Парра из Хортон (1) (см. **PARR OF HORTON**). Графская креация состоялась 23.12.1543. С 16.02.1547 — маркиз Нортгемптон. Признан виновным в государственной измене и подвергнут опале 18.08.1553. 13.01.1559 восстановлен в правах только на титул маркиза. Умер бездетным. Титул стал выморочным.

HERTFORD ХЕРТФОРД

1. (1) Эдвард Сеймур (ок. 1500 — 22.01.1552). С 05.06.1536 (креация) — виконт Бичем (1). Графская креация состоялась 18.10.1537. С 15.02.1547 — барон Сеймур, с 16.02 — герцог Сомерсет. 01.12.1551 признан виновным в уголовном преступлении (felony). Казнен. Посмертно подвергнут опале (ок. 12.04.1552).

HUNTINGDON**ХАНТИНГДОН**

1. (1) Уильям Херберт (ок. 1455 — 16.07.1491). Получил титул в результате креации 04.07.1479, предварительно сложив с себя титул графа Пемброка (2). Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул стал выморочным.

Также в дотюдоровское время — барон Херберт (2).

2. (1) Джордж Гастингс (1488 — 24.03.1544). Креация состоялась 08.12.1529. Барон Гастингс из Хангерфорда (3/2), сын и наследник предыдущего барона.

3. (2) Фрэнсис Гастингс (ок. 1514 — 23.06.1560). Сын и наследник предыдущего графа.

KENT**КЕНТ**

1. (1) Эдмунд Грей (26.10.1416 — 22.05.1490). Креация состоялась 30.05.1465. Также в дотюдоровское время — барон Грей из Рафина (4), внук и наследник предыдущего барона.

2. (1) Джордж Грей (ок. 1440 — 16 или 18.12.1503). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего графа.

3. (3) Ричард Грей (ок. 1478 — 03.05.1524). Сын и наследник предыдущего графа. Умер бездетным. Наследовавший графу брат, Генри Грей, не признавался короной в этом титуле по причине малоземелья⁷.

LINCOLN**ЛИНКОЛЬН**

1. (1) Джон де ла Пол (ок. 1462 — 16.06.1487). Старший сын и наследник герцога Саффолка (2) (см. **SUFFOLK**). Графская креация состоялась 13.03.1467. Участник «мятежа Симнела» против Генриха VII, убит в битве при Стоуке (16.06.1487), не оставив потомства. Посмертно подвергнут опале (между 09.11 и 18.12.1487).

2. (1) Генри Брэндон (11.03.1516 или 1522 — 01 или 08.03.1534). Старший сын Чарльза Брэндона, герцога Саффолка (1) (см. **SUFFOLK**). Креация в качестве графа состоялась 18.06.1525. Умер бездетным при жизни отца. Титул стал выморочным.

NORTHUMBERLAND**НОРТУМБЕРЛЕНД**

1. (3/1) Генри Перси (ок. 1449 — 28.04.1489). Единственный сын и наследник предыдущего графа, убитого в битве при Таутоне (29.03.1461) и посмертно подвергнутого опале (между 04.11.1461 и 06.05.1462). 25.03.1470 состоялась креация как графа Нортумберленда, 06.10 — 30.11.1472 снята опала отца. Убит участниками йоркширского «налогового бунта».

2. (4) Генри Алджернон Перси (14.01.1478 — 19.05.1527). Сын и наследник предыдущего графа.

3. (5) Генри Алджернон Перси (ок. 1502 — 29 или 30.06.1537). Сын и наследник предыдущего графа. Умер бездетным, предварительно завещав королю свои земли. Наследовавший графу племянник Томас Перси не признавал его до конца раннетюдоровской эпохи в данном титуле⁸.

NOTTINGHAM

НОТТИНГЕМ

1. (1) См. титул маркиза Беркли (**BERKELEY**).
2. (1) См. **RICHMOND AND SOMERSET**.

OXFORD

ОКСФОРД

1. (13) Джон де Вер (08.09.1442 — 10.03.1513). Вторым, но старшим из переживших смерть отца сыновей предыдущего графа. Несмотря на казнь отца, признанного виновным в государственной измене (26.02.1462), признан короной в качестве наследника титула. Участвовал в реставрации Генриха VI (1470–1471), после разгрома в битве при Барнете (14.04.1471) бежал из страны. Взят в плен (1474) и подвергнут опале (между 23.01 и 14.03.1475). В 1485 г. бежал из заключения к Генриху Тюдору. После участия в разгроме Ричарда III восстановлен в правах на титул путем снятия опалы (ок. 06.12.1485). Умер бездетным.

2. (14) Джон де Вер (14.08.1499 — 14.07.1526). Племянник и наследник предыдущего графа. Умер бездетным.

3. (15) Джон де Вер (1472 или 1482 — 21.03.1540). Кузен и наследник предыдущего графа.

4. (16) Джон де Вер (ок. 1516 — 03.08.1562). Сын и наследник предыдущего графа.

PEMBROKE

ПЕМБРОК

1. (1) Джаспер Тюдор (ок. 1431 — 21.12.1495). Креация состоялась предположительно 23.11.1452. После разгрома в битве при Моргимерс Кроссе (02.02.1461) подвергнут опале (между 04.11.1461 и 06.05.1462), бежал из страны. Один из участников реставрации Генриха VI (1470–71). Вновь бежал из страны после разгрома в битве при Тьюксбери (04.05.1471). Подвергнут новой опале при Ричарде III (между 23.01 и 20.02.1484). Высадился в Англии вместе с Генрихом Тюдором. Опала снята ок. 22.11.1485.

См. также **BEDFORD**.

RIVERS

РИВЕРС

1. (3) Ричард Вудвилл (ум. 06.03.1491). Брат предыдущего графа, казненного 25.06.1483. Подвергнут опале при Ричарде III (между 23.01 и 20.02.1484).

С приходом к власти Генриха VII восстановлен в правах на титул путем снятия опалы (между 07.11 и 10.12.1485). Умер бездетным. Титул стал выморочным.

RUTLAND

РАТЛЕНД

1. (1) Томас Мэннерз (до 1492 или ок. 1497 — 20.09.1543). Креация состоялась 18.06.1525. Барон Рос (12), сын и наследник предыдущего барона.

2. (2) Генри Мэннерз (23.09.1526 — 17.09.1563). Сын и наследник предыдущего графа.

SALISBURY

СОЛСБЕРИ

[1]. [2] Эдвард Плантагенет (21 или 25.02.1475 — 28.11.1499). Сын Джорджа Плантагенета, герцога Кларенса (1), графа Уорика (1) и графа Солсбери (1) (подвергнут опале 07 или 08.02.1478, казнен или убит 18.02.1478). В ряде прижизненных источников фигурирует как «граф Солсбери»⁹.

Главным образом известен как граф Уорик (2?) (см. **WARWICK**).

2. (1/3?) Маргарита Пол (08.1473 — 28.05.1541). Дочь Джорджа Плантагенета, сестра графа Уорика (2) и графа Солсбери (2), мать барона Монтэгю (см. **MONTAGUE**). Между 23.01 и 04.03.1513 объявлена признанной в наследственных правах на титул графини Солсбери актом парламента после снятия опалы с брата. Будучи обвиненной в государственной измене, без суда подвергнута опале (19.05.1539). Казнена два года спустя.

SHREWSBURY

ШРУСБЕРИ

1. (4) Джордж Толбот (1468 — 26.07.1538). Сын и наследник предыдущего графа.

2. (5) Фрэнсис Толбот (1500 — 28.09.1560). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего графа. При жизни отца призывался в парламент как барон Толбот (10) (с 17.02.1533). Оба — графы Уотерфорды (4 и 5) в Ирландии.

SOUTHAMPTON

САУТГЕМПТОН

1. (1) Уильям Фитцуильям (ок. 1490 — 15.10.1542). Креация состоялась 18.10.1537. Умер, не оставив законного потомства. Титул стал выморочным.

SUFFOLK

САФФОЛК

См. одноименный герцогский титул.

SURREY**САРРИ**

1. (1) Томас Говард (1443 — 21.05.1524). Креация состоялась 28.06.1483. Сын и наследник герцога Норфолка (1, креация в тот же день), вместе с которым участвовал в битве при Босворте (22.08.1485) на стороне Ричарда III (отец убит). Подвергнут опале 10.12.1485 вместе с отцом. Обе опалы сняты между 13.01 и 23.02.1489, но Томас восстановлен только в титуле графа Сарри. В день креации в качестве герцога Норфолка (см. **NORFOLK**) сложил с себя графский титул.

2. (2) Томас Говард (1473 — 25.08.1554). Сын и наследник предыдущего графа. 01.02.1514 получил в пожизненное владение сложный отцом с себя титул графа Сарри. Наследовал отцу как герцог Норфолк (2).

SUSSEX**САССЕКС**

1. (1) Роберт Рэдклифф (ок. 1483 — 26 или 27.11.1542). Креация состоялась 08.12.1529.

Барон Фитцуолтер (10) (см. **FITZWALTER**). Также 18.06.1525 получил титул виконта Фитцуолтера (1).

2. (2) Генри Рэдклифф (ок. 1507 — 17.02.1557). Сын и наследник предыдущего графа.

WARWICK**УОРИК**

[1]. [16/1] Анна Бичем/Невилл (ок. 09.1426 — ок. 20.09.1492). Дочь графа Уорика (13), сестра и, со временем, наследница графа Уорика (14) и герцога Уорика (1). Жена Ричарда Невилла, графа Солсбери (6)¹⁰. 23.07.1449 Анна вместе с мужем были «подтверждены» в титулах графа и графини Уорик, позже сложили с себя этот титул и 02.03.1450 получили его в качестве новой креации¹¹. Ни Невилл, разбитый и убитый 14.04.1471 в битве при Барнете, ни его вдова не понесли опалы. После этого и до смерти признавалась в качестве «графини Уорик»¹². Умерла, не оставив потомства по мужской линии.

2. (?) Эдвард Плантагенет (21 или 25.02.1475 — 28.11.1499). Сын Джорджа Плантагенета, герцога Кларенса (1), графа Уорика (1) и графа Солсбери (1), и Изабеллы (Невилл), дочери графини Уорик [16/1]. Признавался при Эдуарде IV, Ричарде III и Генрихе VII в качестве графа Уорика несмотря на опалу отца (02.1478) и то, что бабка по матери, от которой он также мог наследовать титул на независимом основании, оставалась жива до 1492 г. С осени 1483 г. и до конца жизни пребывал в заключении. 21.11.1499 признан виновным в участии в изменническом заговоре. Казнен. Посмертно подвергнут опале (между 25.01 и ок. 30.03.1504), затем снятой (между 23.01 и 04.03.1513).

См. также **SALISBURY**.

WESTMORLAND**УЭСТМОРЛЕНД**

1. (3) Ральф Невилл (1456 — 06.02.1499). Племянник и наследник предыдущего графа. В дотюдоровское время (с 06.10.1472) — барон Невилл.

2. (4) Ральф Невилл (21.02.1498 — 24.04.1549). Внук и наследник предыдущего графа.

WILTSHIRE**УИЛТШИР**

1. (2) Эдвард Стаффорд (07.04.1470 — 24.03.1499). Единственный сын и наследник предыдущего графа. Умер бездетным. Титул стал выморочным.

2. (1) Генри Стаффорд (ок. 1479 — 03.1523). Второй сын Генри Стаффорда, герцога Бэкингема (2), младший брат герцога Бэкингема (3) (см. **BUCKINGHAM**), кузен предыдущего графа Уилтшира (2). Креация состоялась 27.01.1510. Умер бездетным. Титул стал выморочным.

3. (1) Томас Болейн (1477 — 12.03.1539). Отец Анны Болейн, маркизы Пемброк (см. **PEMBROKE**) и королевы, и Джорджа Болейна, барона Рочфорда (см. **ROCHFORD**). С 18.06.1525 (креация) — виконт Рочфорд (1). Графская креация состоялась 08.12.1529. Умер, не оставив выжившего потомства по мужской линии. Титулы стали выморочными. Граф Ормонд (1) в Ирландии.

WORCESTER**ВУСТЕР**

1. (1) Чарльз Сомерсет (ок. 1460 — 15 или 25.04.1526). Внебрачный сын Генри Бофорта (Бофора), герцога Сомерсета (2). Креация состоялась 01.02.1514. Будучи зятем графа Хантингдона (1) и барона Херберта (2) (см. **HUNTINGDON**), с начала 1504 г. титуловался как барон Херберт (3)¹³.

2. (2) Генри Сомерсет (не позже 1489 — 26.11.1549). Сын и наследник предыдущего графа.

Виконты**BEAUCHAMP****БИЧЕМ**

См. **HERTFORD**.

BEAUMONT**БОМОНТ**

1. (2) Уильям Бомонт (1438 — 19.12.1507). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего виконта. Взят в плен в битве при Таутоне (29.03.1461), подвергнут опале (между 04.11.1461 и 06.05.1462). С при-

ходом к власти Генриха VII опала снята (01.11.1485). Умер бездетным. Титул стал выморочным.

FITZWALTER
ФИТЦУОЛТЕР

См. **SUSSEX**.

LISLE
ЛАЙЛ

1. (1) Эдвард Грей (1435 — 17.07.1492). Креация состоялась 28.06.1483. Также в дотюдоровское время — барон Лайл (1). Второй сын барона Феррерса из Гроби (6).

2. (2) Джон Грей (04.1480 — 09.09.1504). Единственный сын и наследник предыдущего виконта. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул стал выморочным.

3. (1) Чарльз Брэндон (ок. 1484 — 22.08.1545). Креация состоялась 15.05.1513. Сложил с себя титул 20.04.1523. Герцог Саффолк (1) (см. **SUFFOLK**).

4. (1) Артур Плантагенет (не позже 1476 — ок. 03.03.1542). Внебрачный сын короля Эдуарда IV. Креация состоялась 25.04.1523. Без суда и явных обвинений заключен в Тауэр (19.05.1540), умер в заключении. Титул может считаться выморочным или унаследованным следующим виконтом¹⁴.

5. (1) Джон Дадли (1502 — 22.08.1553). Креация состоялась 03.03.1542. С 16.02.1547 — граф Уорик, с 11.10.1551 — герцог Нортумберленд. 18.08.1553 признан виновным в государственной измене. Казнен. Посмертно подвергнут опале (между 10 и 12.1553).

LOVEL
ЛАВЕЛ

1. (1) Фрэнсис Лавел (ок. 1456 — после 19.06.1488). Креация состоялась 04.01.1483. Сражался в битве при Босворте на стороне Ричарда III, бежал с поля боя (и позднее из страны), подвергнут опале (10.12.1485). Высадился в Англии вместе с участниками «мятежа Симнела». После разгрома при Стоуке (16.06.1487) вторично бежал и, по всей видимости, скрылся в Шотландии¹⁵. Дальнейшая судьба неизвестна. Между 14.10 и 21.12.1495 вторично подвергнут опале. Титул отнят короной. В дотюдоровское время — барон Лавел (9).

ROCHFORD
РОЧФОРД

См. **WILTSHIRE**.

WELLES
УЭЛЛС

См. одноименный баронский титул.

Бароны

ABERGAVENNY

АБЕРГАВЕННИ

1. (4) Джордж Невилл (ок. 1440 — 20.09.1492). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего барона.

2. (5) Джордж Невилл (ок. 1469 — 13 или 14.06.1535). Сын и наследник предыдущего барона.

3. (6) Генри Невилл (после 1527 — 10.02.1587). Сын и наследник предыдущего барона.

AUDLEY

ОДЛИ

1. (6) Джон Тачет (ум. 26.09.1490). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (7) Джеймс Тачет (ок. 1463 — 28.06.1497). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего барона. Участник корнуольского восстания 1497 г., взят в плен. 27.06.1497 признан виновным в государственной измене. Казнен. Посмертно подвергнут опале (между 25.01 и ок. 30.03.1504).

3. (8) Джон Тачет (1483 — до 20.01.1558). Сын и наследник предыдущего барона. Опала отца снята ок. 26.03.1512.

AUDLEY OF WALDEN

ОДЛИ ИЗ УОЛДЕНА

1. (1) Томас Одли (1488 — 30.04.1544). Креация состоялась 29.11.1538. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул стал выморочным.

BEAUCHAMP OF POWICK

БИЧЕМ ИЗ ПОВИКА

1. (2) Ричард Бичем (1435 — 19.01.1503). Сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул стал выморочным.

BERKELEY

БЕРКЛИ

[1]. [8] Морис Беркли (ок. 1436 — 09.1506). Брат и наследник предыдущего барона — графа Ноттингема (1) и маркиза Беркли (1) (см. **BERKELEY**). Не призывался в парламент, возможно, по причине малоземелья¹⁶.

2. (9) Морис Беркли (1467 — 12.09.1523). Сын и наследник предыдущего потенциального барона. Призван в парламент 04.1523.

3. (10) Томас Беркли (1472 — 22.01.1533). Брат и наследник предыдущего барона.

4. (11) Томас Беркли (1505 — 19.09.1534). Сын и наследник предыдущего барона.

5. (12) Генри Беркли (26.11.1534 — 26.11.1613). Посмертный сын и наследник предыдущего барона.

BERNERS

БЕРНЕРС

1. (2) Джон Бурше (ок.1467 — 19.03.1533). Внук и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив законного потомства. Титул считался выморочным.

BRAY

БРЭЙ

1. (1) Эдмунд Брэй (ум. 18.10.1539). Креация не известным точно образом состоялась в 11 или 12.1529 г.¹⁷

2. (2) Джон Брэй (ум. 19.11.1557). Единственный сын и наследник предыдущего барона. Умер бездетным от ран, полученных в битве при Сен-Кантене (10.08.1557). Титул считался выморочным¹⁸.

BURGH

БУРГ

1. (1) Томас Бург (ок. 1431 — 18.03.1496). 01.09.1487 призван в парламент, что считается датой креации.

2. (2) Эдвард Бург (ок. 1464 — 20.08.1528). Сын и наследник предыдущего барона.

(3) Томас Бург (ок. 1488 — 28.02.1550). Сын и наследник предыдущего барона.

CHEYNE/CHEYNEY

ЧЕЙН/ЧЕЙНИ

1. (1) Джон Чейн(и) (ум. 30.05.1499). Призван в парламент 22.09.1487, что считается датой креации. Умер бездетным. Титул стал выморочным.

CLIFFORD

КЛИФФОРД

1. (10) Генри Клиффорд (ок. 1454 — 20 или 23.04.1523). Сын и наследник предыдущего барона, убитого в канун битвы при Таутоне (28.03.1461) и по-смертно подвергнутого опале (04.11.1461 — 06.05.1462). С приходом к власти Генриха VII de facto признан в качестве барона Клиффорда¹⁹, вскоре добившись снятия отцовской опалы (07.11.1485 — 04.03.1486).

2. (11) См. **CUMBERLAND**.

CLINTON**КЛИНТОН**²⁰

1. (6) Джон Клинтон/Файнс (ок. 1434 — 29.02.1488). Сын и наследник предыдущего барона.
2. (7) Джон Клинтон/Файнс (ок. 1471 — 04.06.1514). Сын и наследник предыдущего барона.
3. (8) Томас Клинтон/Файнс (ок. 1490 — 07.08.1517). Сын и наследник предыдущего барона.
4. (9) Эдвард Клинтон/Файнс (1512 — 16.01.1585). Единственный сын и наследник предыдущего барона. С 04.05.1572 — граф Линкольн.

COVHAM**КОБЭМ**

1. (7) Джон Брук (ум. 09.03.1512). Сын и наследник предыдущего барона.
2. (8) Томас Брук (ум. 19.07.1529). Сын и наследник предыдущего барона.
3. (9) Джордж Брук (ок. 1497 — 29.09.1558). Вторым, но старшим из переживших смерть отца сыновей предыдущего барона.

CONYERS**КОНЬЕРС**

1. (1) Уильям Коньерс (21.12.1468 — 1524). 17.10.1509 призван в парламент, что считается датой креации.
2. (2) Кристофер Коньерс (ум. 14.06.1538). Сын и наследник предыдущего барона.
3. (3) Джон Коньерс (ок. 1524 — 06.1557). Сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул считался выморочным²¹.

CROMWELL**КРОМВЕЛЛ**

1. (1) См. **ESSEX**.
2. (1) Грегори Кромвелл (ум. 04.07.1551). Сын предыдущего барона, лишённого титула в результате опалы и казни. Новая креация состоялась 18.12.1540.

DACRE OF GILSLAND (OF THE NORTH)**ДАКР ИЗ ГИЛСЛЕНДА (С СЕВЕРА)**

1. (2) Томас Дакр (25.11.1467 — 24.10.1525). Сын и наследник предыдущего барона. Муж внучки и наследницы барона Грейстоука (5), но не пользовался этим титулом.
2. (3) Уильям Дакр (29.04.1500 — 18.11.1563). Единственный сын и наследник предыдущего барона. Иногда дополнительно титуловался как барон Грейстоук (7).

DACRE OF THE SOUTH

ДАКР С ЮГА

1. (8) Томас Файнс (ок. 1472 — 09.09.1533). Внук и наследник предыдущего барона.

2. (9) Томас Файнс (ок. 1516 — 29.06.1541). Внук и наследник предыдущего барона. 27.06.1541 признан виновным в убийстве. Казнен. Титул отнят короной.

DARCY

ДАРСИ

1. (1) Томас Дарси (ок.1467 — 30.06.1537). 17.10.1509 призван в парламент, что может считаться самой ранней бесспорной датой креации²². 15.05.1537 признан виновным в государственной измене за содействие так называемому «Благодатному Паломничеству». Казнен. Посмертно подвергнут опале (ок. 19.05.1539). Титул отнят короной.

DAUBENEY

ДОБЕНИ

1. (1) Джайлс Добени (01.06.1451 или 1452 — 21.05.1508). Креация состоялась 12.03.1486.

2. (2) См. **BRIDGEWATER**.

DE LA WARR

ДЕ ЛА ВЭР

1. (8) Томас Уэст (ок. 1457 — 11.10.1525). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (9) Томас Уэст (1472 — ум. 25.09.1554). Сын и наследник предыдущего барона. Умер бездетным. Титул считался выморочным²³.

DINHAM

ДИНЭМ

1. (1) Джон Динэм (ок. 1433 — 28.01.1501). 28.02.1467 призван в парламент, что может считаться датой креации²⁴. Умер, не оставив потомства. Титул стал выморочным.

DUDLEY

ДАДЛИ

1. (1) Джон Саттон/Дадли (25.12.1400 — 30.09.1487). 15.02.1440 призван в парламент, что считается датой креации.

2. (2) Эдвард Саттон/Дадли (ок. 1459 — 31.01.1532). Внук и наследник предыдущего барона.

3. (3) Джон Саттон/Дадли (ок. 1495 — незадолго до 18.09.1553). Сын и наследник предыдущего барона.

EURE**ЭВР**

1. (1) Уильям Эвр (ок. 1483 — 15.03.1548). Креация состоялась 24.02.1544.

FERRERS (OF CHARTLEY)**ФЕРРЕРС (ИЗ ЧАРТЛИ)**

1. (2/4)²⁵ Джон Деверо (ок. 1464 — 03 или 07.05.1501). Сын и наследник предыдущего барона, убитого на стороне Ричарда III в битве при Босворте (22.08.1485) и посмертно подвергнутого опале (10.12.1485). Добился снятия опалы отца парламентом (между 13.01 и 23.02.1489), но впервые призван в него сам еще 01.09.1487.

2. (3/5) Уолтер Деверо (ок. 1489 — 17.09.1558). Сын и наследник предыдущего барона. С 02.02.1550 — виконт Херефорд.

FERRERS (OF GROBY)**ФЕРРЕРС (ИЗ ГРОБИ)**

1. [7?] См. **DORSET**.

2. [7?] Джон Буршье (ум. 1495). Младший сын графа Эссекса (1), дядя графа Эссекса (2) (см. **ESSEX**). До 02.05.1462 женился на внучке и наследнице барона Феррера из Гроби (5), первый муж которой, Эдвард Грей, в период 14.12.1446 — 26.05.1455 призывался в парламент как барон Феррерс из Гроби (6). Джон Буршье никогда не призывался в парламент, но в ряде источников, исходящих из органов центральной власти, фигурирует как «барон Феррерс из Гроби».

FITZHUGH**ФИТЦХЬЮ**

1. (6) Ричард Фитцхью (ок. 1458 — 20.11.1487). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (7) Джордж Фитцхью (ок. 1487 — 28.01.1513). Сын и наследник предыдущего барона. Умер бездетным. Титул считался выморочным.

FITZWALTER**ФИТЦУОЛТЕР**

1. (9) Джон Рэдклифф (01.01.1452 — ок. 24.11.1496). Сын и наследник потенциальной «баронессы по собственному праву», внук барона Фитцуолтера (8). 15.09.1485 призван в парламент. 23.02.1495 признан виновным в том, что был сторонником Перкина Уорбека. Подвергнут опале (14.10 — 21.12.1495). Заключен в замок Гин (окрестности Кале), казнен за попытку побега.

2. (10) Роберт Рэдклифф (ок. 1483 — 26 или 27.11.1542). Сын и наследник предыдущего барона. Опала отца снята королевским патентом 03.11.1505²⁶, что дополнительно подтверждено актом первого парламента Генриха VIII (23.02.1510). Также виконт Фитцуолтер (1) и граф Сассекс (1) (См. **SUSSEX**).

FITZWARIN
ФИТЦУОРИН
См. **BATH**.

GREY OF CODNOR
ГРЕЙ ИЗ КОДНОРА

1. (7) Генри Грей (ок. 1435 — 1496). Сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив законного потомства. Титул считался выморочным.

GREY OF POWIS
ГРЕЙ ИЗ ПОВИСА

1. (2) Джон Грей (ок. 1460 — 10 или 11.1494). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (3) Джон Грей (1481 или 1482 — 15.04.1504). Сын и наследник предыдущего барона.

3. (4) Эдвард Грей (ок. 1504 — 02.07.1551). Сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив законного потомства. Титул считался выморочным.

GREY OF WILTON
ГРЕЙ ИЗ УИЛТОНА

1. (7) Рейнольд Грей (ок. 1421 — 22.02.1494). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (8) Джон Грей (1450 — 03.04.1499). Сын и наследник предыдущего барона.

3. (9) Эдмунд Грей (ок. 1469 — 05.05.1511). Сын и наследник предыдущего барона.

4. (10) Джордж Грей (1493 или 1494 — до 15.01.1515). Сын и наследник предыдущего барона. Умер бездетным.

5. (11) Томас Грей (1497 или 1498 — 30.10.1517). Младший брат и наследник предыдущего барона. Умер бездетным.

6. (12) Ричард Грей (ок. 1505 — 10.1521). Младший брат и наследник предыдущего барона. Умер бездетным.

7. (13) Уильям Грей (ок. 1509 — 14 или 15.12.1562). Младший брат и наследник предыдущего барона.

GREYSTOKE
ГРЕЙСТОУК

1. (5) Ральф Грейстоук (ок. 1414 — 01.06.1487). Сын и наследник предыдущего барона. О дальнейшей судьбе титула см. **DACRE OF GILSLAND**²⁷.

HASTINGS (OF HUNGERFORD/OF HASTINGS)
ГАСТИНГС (ИЗ ХАНГЕРФОРДА/ИЗ ГАСТИНГСА)

1. (2/1) Эдвард Гастингс (26.11.1466 — 11.1506). Сын и наследник предыдущего барона Гастингса, зять барона Хангерфорда (3). При жизни отца начал призываться в парламент как барон Гастингс из Хангерфорда²⁸. Казнь отца без суда по обвинению в измене (13.06.1483), по всей видимости, не повлекла за собой опалы.

2. (3/2) См. **HUNTINGDON**.

HASTINGS OF WELLES (WELLES)
ГАСТИНГС ИЗ УЭЛЛСА (УЭЛЛС)

1. (1/9) Ричард Гастингс (ок. 1431 — 09.1503). Младший брат барона Гастингса из Гастингса (1), дядя барона Гастингса из Хангерфорда (2/1) (см. выше). Зять барона Уэллса (8), казненного (19.03.1470) и подвергнутого опале (23.01 — 14.03.1475). 15.11.1482 призван в парламент, что можно считать датой креации или же признания в качестве барона Уэллса (9). Со снятием опалы тестя (ок. 06.12.1485) брат последнего начал призываться в парламент в титуле барона Уэллса (см. **WELLES**), Гастингс же стал титуловаться как барон Уиллоуби²⁹, но более не призывался в парламент. Умер бездетным.

HERBERT
ХЕРБЕРТ

См. **WORCESTER**.

HUNGERFORD OF HEYTESBURY
ХАНГЕРФОРД ИЗ ХЕЙТСБЕРИ

1. (1) Уолтер Хангерфорд (ок. 1502 — 28.07.1540). 27.04.1536 призван в парламент, что считается датой креации. 24.07.1540 подвергнут опале по обвинениям в государственной измене и содомии. Казнен.

HUSSEY
ХАССИ

1. (1) Джон Хасси (1465 или 1466 — 29.06.1537). Креация не известным точно образом состоялась в 1529 г.³⁰ 15.05.1537 признан виновным в государственной измене. Казнен. Посмертно подвергнут опале (19.05.1539).

LATIMER
ЛАТИМЕР

1. (2) Ричард Невилл (1468 — между 12 и 28.12.1530). Внук и наследник предыдущего барона.

2. (3) Джон Невилл (17.11.1493 — 02.03.1543). Сын и наследник предыдущего барона.

3. (4) Джон Невилл (ок. 1520 — 22.04.1577). Единственный сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул считался выморочным³¹.

LUMLEY

ЛАМЛИ

1. (2) Джордж Ламли (ок. 1445 — 13.11.1507). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (3) Ричард Ламли (ок. 1477 — 26.05.1510). Внук и наследник предыдущего барона.

3. (4) Джон Ламли (ок. 1492 — 1544 или 1545). Сын и наследник предыдущего барона. Со смертью барона титул был отнят короной, так как сын и наследник был казнен и подвергнут опале при жизни отца³².

MARNEY

МЭРНИ

1. (1) Генри Мэрни (ок. 1456 — 24.05.1523). Креация состоялась 09.04.1523.

2. (2) Джон Мэрни (ок. 1493 — 27.04.1525). Сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул стал выморочным.

MAUTRAVERS/MALTRAVERS

МОТРЭВЕРЗ/МОЛТРЭВЕРЗ

См. ARUNDEL.

MONTAGUE

МОНТЭГЮ

1. (1) Генри Пол (ок. 1492 — 09.01.1539). Сын графини Солсбери (1/3) (см. SALISBURY). С 1514 г. титуловался как барон Монтэгю, 01.12.1529 в таком качестве впервые заседал в парламенте. 02.12.1538 признан виновным в государственной измене. Казнен. Посмертно подвергнут опале (19.05.1539). Титул отнят короной.

MONTEAGLE/MOUNTEAGLE

МОНТИГЛ/МАУНТИГЛ

1. (1) Эдвард Стэнли (ок. 1460 — 06 или 07.04.1523). Младший сын графа Дерби (1) (см. DERBY), младший брат барона Стрэнджа (9) (см. STRANGE). Креация состоялась 21.05.1514.

2. (2) Томас Стэнли (25.05.1507 — 25.06.1560). Сын и наследник предыдущего барона.

MORDAUNT**МОРДАУНТ**

1. (1) Джон Мордаунт (ок. 1480 или 1485 — 18.08.1562). Креация состоялась между 05.03 и 04.05.1532.

MORLEY**МОРЛИ**

1. (8) Генри Лавел (ок. 1466 — 13.06.1489). Сын и наследник предыдущего барона. Убит в битве при Диксмёйде (Фландрия), будучи бездетным.

2. (9) Генри Паркер (1480 или 1481 — 27.11.1556). Племянник и наследник предыдущего барона³³. С 1520 г. титуловался как барон Морли, в таком качестве призван в парламент 1523 г.

MOUNTJOY**МАУНТДЖОЙ**

1. (3) Джон Блаунт (ок. 1450 — 12.10.1485). Дядя и наследник предыдущего барона.

2. (4) Уильям Блаунт (ок. 1478 — 08.11.1534). Сын и наследник предыдущего барона.

3. (5) Чарльз Блаунт (28.06.1516 — 10.10.1544). Сын и наследник предыдущего барона.

4. (6) Джеймс Блаунт (1533 — 20.10.1581). Сын и наследник предыдущего барона.

OGLE**ОГЛ**

1. (2) Оуэн Огл (ок. 1440 — 01.09.1486). Старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего барона.

2. (3) Ральф Огл (07.11.1468 — 16.01.1513). Сын и наследник предыдущего барона.

3. (4) Роберт Огл (1490 или 1491 — между 28.09.1530 и 26.01.1532). Сын и наследник предыдущего барона.

4. (5) Роберт Огл (ум. 06.03.1545). Сын и наследник предыдущего барона. Возможно, умер от ран, полученных в битве при Анкрум-Муре (27.02.1545, Шотландия).

5. (6) Роберт Огл (30.05.1529 — 01.08.1562). Сын и наследник предыдущего барона.

ORMOND (OF ROCHFORD)**ОРМОНД (ИЗ РОЧФОРДА)**

1. (1) Томас Батлер (ок. 1424 — 03.08.1515). Граф Ормонд (7) в Ирландии. Баронская креация не известным точно способом состоялась в 1489 г.³⁴ Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул считался выморочным.

PARR

ПАПП

См. **ESSEX**.

PARR OF HORTON

ПАПП ИЗ ХОРТОНА

1. (1) Уильям Парр (ок. 1480 — ок.11.1547). Дядя барона Парра (1) (см. **ESSEX**). Креация состоялась 23.12.1543. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул стал выморочным.

POYNINGS

ПОЙНИНГС

1. (1) Томас Пойнингс (ок. 1512 — 17 или 18.08.1545). Креация состоялась 30.01.1545. Умер, не оставив потомства. Титул стал выморочным.

ROCHFORD

РОЧФОРД

1. (1) Джордж Болейн (ок. 1504 — 17.05.1536). Сын виконта Рочфорда (1), графа Уилтшира (1) и графа Ормонда (1) в Ирландии (см. **WILTSHIRE**), брат королевы Анны Болейн (см. **PEMBROKE**). Титуловался как барон с 1530 г., впервые заседал в парламенте 07.02.1533. Признан виновным в государственной измене (15.05.1536). Казнен. Титул отнят короной.

ROS

РОС

1. (10) Эдмунд де Рос (ок. 1454 — 23.10.1508). Сын и наследник предыдущего барона, подвергнутого опале (04.11.1461 — 06.05.1462) и казненного (17.05.1464). С приходом к власти Генриха VII опала отца снята (07.11.1485 — 04.03.1486). Умер бездетным.

2. (11) Джордж Мэннерс (ок. 1470 — 27.10 или 04.11.1513). Племянник и наследник предыдущего барона (сын сестры).

3. (12) См. **RUTLAND**.

RUSSELL

РАССЕЛЛ

1. (1) Джон Расселл (ок. 1485 — 14.03.1555). Креация состоялась 09.03.1539. С 19.01.1550 — граф Бедфорд.

SAINT AMAND

СЕЙНТ-АМАНД

1. (6) Ричард Бичем (ок. 1453 или ок. 1461 — между 14.06 и 15.07.1508). Сын и наследник предыдущего барона. Подвергнут опале (между 23.01

и 20.02.1484), по всей видимости, вскоре снятой. Умер, не оставив законного потомства. Титул стал выморочным.

SAINT JOHN

СЕЙНТ-ДЖОН

1. (1) Уильям Полет (между 1474 и 1483 — 10.03.1572). Креация состоялась 09.03.1539. С 19.01.1550 — граф Уилтшир, с 11.10.1551 — маркиз Винчестер.

SANDYS

СЭНДИС

1. (1) Уильям Сэндис (ок. 1470 — между 03 и 07.12.1540). Креация состоялась, скорее всего, 27.04.1523.

2. (2) Томас Сэндис (после 26.10.1496 — до 06.02.1560). Сын и наследник предыдущего барона.

[SAYE AND SELE]

[СЭЙ И СИЛ]

Нижеперечисленные лица упоминаются в литературе в качестве баронов Сэй и Силов. За исключением посмертного титулования Ричарда Файнса в одном источнике³⁵ не признавались при ранних Тюдорах в статусе баронов и никогда не призывались в парламент³⁶.

1. (4) Ричард Файнс (12.04.1471 — между 30.09 и 01.10.1501). Единственный сын и наследник предыдущего барона.

2. (5) Эдвард Файнс (ок. 1500 — 07.03.1528). Единственный сын и наследник предыдущего барона.

3. (6) Ричард Файнс (ок. 1520 — 03.08.1573). Единственный сын и наследник предыдущего барона.

SCROPE OF BOLTON

СКРОУП ИЗ БОЛТОНА

1. (5) Джон ле Скроуп (22.07.1437 или 1438 — 17.08.1498). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (6) Генри ле Скроуп (ок. 1468 — 1506). Сын и наследник предыдущего барона.

3. (7) Генри ле Скроуп (ум. 1533). Сын и наследник предыдущего барона.

4. (8) Джон ле Скроуп (ум. 22.06.1549). Третий, но единственный переживший смерть отца сын предыдущего барона.

SCROPE OF MASHAM/UPSALL

СКРОУП ИЗ МАШЕМА/АПСЕЛЛА

1. (6) Томас ле Скроуп (ок. 1459 — 23.04.1493). Сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив потомства по мужской линии.

2. (7) Генри ле Скроуп (ум. ок. 1512). Младший брат и наследник предыдущего барона. Умер бездетным.

3. (8) Ральф ле Скроуп (ум. 17.09.1515). Младший брат и наследник предыдущего барона. Умер бездетным. Титул считался выморочным³⁷.

STANLEY

СТЭНЛИ

См. **DERBY**.

STRANGE

СТРЭНДЖ

1. (9) Джордж Стэнли (ок. 1460 — 04 или 05.12.1503). Сын и наследник графа Дерби (1) (см. **DERBY**). Зять барона Стрэнджа (8), призван в парламент в этом титуле 15.11.1482 (т.е. при жизни отца). Умер при жизни отца (возможно, отравлен). Титул унаследован сыном, будучи поглощенным титулом графа Дерби.

STOURTON

СТОРТОН

1. (3) Джон Стортон (ок. 1454 — 06.10.1485). Сын и наследник предыдущего барона.

2. (4) Фрэнсис Стортон (1484 — 18 или 27.02.1487). Сын и наследник предыдущего барона, умерший в малолетстве.

3. (5) Уильям Стортон (ок. 1457 — 17.02.1524). Дядя и наследник предыдущего барона (младший брат третьего барона). Умер бездетным.

4. (6) Эдвард Стортон (ок. 1463 — 13.12.1535). Младший брат и наследник предыдущего барона.

5. (7) Уильям Стортон (ок. 1505 — 16.09.1548). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего барона.

TAILBOYS

ТЭЙЛБОЙС

1. (1) Гилберт Тэйлбойс (ок. 1500 — 15.04.1530). Креация не известным точно способом состоялась 11–12.1529 г.³⁸

2. (2) Джордж Тэйлбойс (ок. 1522 — 09.1540). Сын и наследник предыдущего барона. Умер бездетным.

3. (3) Роберт Тэйлбойс (ум. 12.03.1541). Младший брат и наследник предыдущего барона. Умер бездетным. Титул более ни за кем не признавался³⁹.

TALBOT

ТОЛБОТ

См. **SHREWSBURY**.

VAUX OF HARROWDEN**ВО ИЗ ХЭРРОУДЕНА**

1. (1) Николас Во (ок. 1460 — 14.05.1523). Креация состоялась, скорее всего, 27.04.1523.
2. (2) Томас Во (25.04.1509 — 1556). Сын и наследник предыдущего барона.

WELLES**УЭЛЛИС**

1. (10) Джон Уэллс (ок. 1449 — 09.02.1499). Дядя и наследник предыдущей потенциальной баронессы, жены барона Гастингса из Уэллса (см. **HASTINGS OF WELLES**). В условиях действующей опалы брата и племянника (баронов (7) и (8)) (23.01 — 14.03.1475), не признавался в качестве барона, в том числе после смерти племянницы (до 1475). Участник «мятежа Бэкингема» против Ричарда III, бежал из страны, подвергнут опале (23.01 — 20.02.1484). С приходом к власти Генриха VII де-факто признан в качестве барона Уэллса. Перечисленные опалы сняты ок. 06.12.1485. Незадолго до 08.02.1486 получил не известным точно образом титул виконта Уэллса. Умер бездетным. Баронский титул считался выморочным, виконтский является таковым и по современным критериям.

WENTWORTH**УЭНТВОРТ**

1. (1) Томас Уэнтворт (1501 — 03.03.1551). Креация не известным точно образом состоялась 11–12.1529 г.⁴⁰

WHARTON**УОРТОН**

1. (1) Томас Уортон (ок. 1495 — 23 или 24.08.1568). Креация состоялась в 03.1544.

WILLOUGHBY DE BROKE**УИЛЛОУБИ ДЕ БРУК**

1. (1) Роберт Уиллоуби (ок. 1452 — 23.08 или 28.09.1502). Призван в парламент 12.08.1491, что считается датой креации.
2. (2) Роберт Уиллоуби (1472 — 10.11.1521). Сын и наследник предыдущего барона. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Титул считался выморочным⁴¹.

WILLOUGHBY (DE ERESBY)**УИЛЛОУБИ (ДЕ ЭРСБИ)**

1. (10) Кристофер Уиллоуби (1453 — между 01.11.1498 и 13.07.1499). Кузен и наследник предыдущей потенциальной баронессы. Не призывался в парла-

мент (возможно, по причине малоземелья), но в последние годы жизни титуловал себя как барон Уиллоуби. См. также сноску к **HASTINGS OF WELLES**.

2. (11) Уильям Уиллоуби (ок. 1475 — 19.10.1526). Сын и наследник предыдущего барона. С 1499 г. признавался короной в качестве барона, с 17.10.1509 призывался в этом титуле в парламент. Умер, не оставив потомства по мужской линии. Наследственные права на титул не признавались ни за кем до конца раннетюдоровской эпохи⁴².

WINDSOR

ВИНДЗОР

1. (1) Эндрю Виндзор (1467 — 30.03.1543). Креация не известным точно образом состоялась в 11–12.1529⁴³.

2. (2) Уильям Виндзор (1498 — 20.08.1558). Второй, но старший из переживших смерть отца сыновей предыдущего барона.

WRIOTHESLEY

РИЗЛИ

1. (1) Томас Ризли (21.12.1505 — 30.07.1550). Креация состоялась 01.01.1544. С 16.02.1547 — граф Саутгемптон.

ZOUCHE (OF HARYNGWORTH)

ЗУЧ (ИЗ ХЭРИНГУОРТА)

1. (7) Джон Зуч (1459 — ок. 03.1526). Сын и наследник предыдущего барона. Сражался на стороне Ричарда III в битве при Босворте (22.08.1485), взят в плен, подвергнут опале (10.12.1485). Опала снята двумя актами (между 14.10 и 04.12.1489, между 14.10 и 21.12.1495).

2. (8) Джон Зуч (ок. 1486 — 10.08.1550). Сын и наследник предыдущего барона.

Примечания

¹ В качестве отправных точек для составления перечня использовались списки, составленные Т. Пью и Х. Миллер: *Pugh T. B. Henry VII and the English nobility // The Tudor nobility / ed. G. W. Bernard. Manchester, 1992. P. 106–110; Miller H. Henry VIII and the English nobility. Oxford, 1986. P. 259–63*. Для проверки и дополнения приведенных сведений использовались данные «Оксфордского словаря национальных биографий», второго издания «Полного свода пэрства», издания списков парламентских повесток знати У. Дагдейла (с необходимыми предосторожностями), второго издания средневековых парламентских свитков, известного издания «писем и бумаг» времен правления Генриха VIII и ряда менее фундаментальных изданий. См.: *Oxford Dictionary of National Biography. In 61 vol. Oxford, 2004; The Complete Peerage*

/ Rev. by V. Gibbs et al. In 13 vol. London, 1910–1959; *Dugdale W.* A perfect copy of all summons of the nobility to the great councils and parliaments of the realm. London, 1685. The Parliament rolls of medieval England, 1275–1504. In 16 vol. London, 2005. Vol. 10–16; Letters and papers, foreign and domestic, of the reign of Henry VIII / ed. by J. S. Brewer et al. In 21 vol. In 33 parts & Addenda. London, 1862–1932. Также использовалась электронная версия издания журнала палаты лордов: Journal of the House of Lords. Vol. 1: 1509–1577 // <http://british-history.ac.uk/source.aspx?pubid=116> (дата обращения: 18.04.2012).

² Федоров С. Е. 1) Персональный состав елизаветинской титулованной знати: материалы к групповой просопографии. Часть I. Англичане // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени. Вып. 4 / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2003; 2) Персональный состав елизаветинской титулованной знати: материалы к групповой просопографии. Часть II. Ирландцы // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 5 / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005.

³ «Фамилия» в квадратных скобках указывается как дань историографической традиции. Ни Генрих VII после прихода к власти, ни кто-либо из его потомков никогда не называли себя Тюдорами.

⁴ Утверждение о таком титуловании Грея, встречающееся в литературе, основано на спорном прочтении источников о коронации Ричарда III. Не исключено, что «бароном Феррерсом из Гроби», упоминаемым в них, был второй муж бабки Грея, сэр Джон Бурше (см. **FERRERS (OF GROBY)**).

⁵ Приблизительная дата брака с королем. Публично провозглашена королевой 12 апреля, коронация состоялась 1 июня.

⁶ Королевское право единолично снимать опалы, оформляя эти действия патентами, было установлено актом последнего парламента Генриха VII (25.01 — ок. 30.03.1504).

⁷ Внук Генри Грея, Рейнольд, в 1571 или 1572 г. был признан короной в титуле графа Кента.

⁸ Помимо малоземелья препятствием к наследованию титула считалась опала отца Томаса Перси. 30 апреля 1557 г. Томасу Перси пожалован титул барона Перси, 31.04 — титул графа Нортумберленда.

⁹ В отчетах о 15 «посмертных расследованиях», проведенных в этот период, те или иные земли упоминаются как «держания от графа Солсбери».

¹⁰ Так называемый «Кингмейкер».

¹¹ Первоочередными наследниками титула объявлялись «наследники от тела Анны», причем без ограничения их круга до лиц мужского пола.

¹² Источники не позволяют судить, считали ли ее когда-либо в отмеченный период графиней «по собственному праву». В сложившихся обстоятельствах статус Анны был с трудом отличим от статуса вдов, пользовавшихся титулами мужей. Стоит отметить, что именно в это время (в 1472 г., через год после гибели «Кингмейкера») зять Анны, герцог Кларенс (1), получил графские титулы Уорика и Солсбери в качестве новой креации.

¹³ Точная дата и способ креации или признания неизвестны.

¹⁴ Формальное определение зависит от толкования условий наследования титула, указанных в патенте, оформлявшем пожалование. Так или иначе, но с независимой креацией Дадли в том же титуле вскоре после смерти Плантагенета корона ушла от ответа на вопрос о наследовании.

¹⁵ 19 июня 1488 г. Яков IV выдал Лавелу разрешение свободного проезда по Шотландии. В новейшей историографии отвергнуто представление о гибели Лавела при Стоуке, а версия о том, что Лавел скрывался и умер в тайном убежище в Англии, признана апокрифической.

¹⁶ Незадолго до своей креации в качестве маркиза предыдущий барон завещал королю большую часть своих земель, после чего получил от него разрешение на свободное отчуждение остальных, которым поспешил воспользоваться. Младшему брату удалось до своей смерти вернуть значительную часть из отторгнутых вторым способом имуществ.

¹⁷ Впервые заседал в палате лордов 4 декабря.

¹⁸ В 1839 г. титул объявлен «возвращенным из забвения» в пользу одной из сонаследниц барона по женской линии.

¹⁹ 15 сентября 1485 г. призван в этом титуле в парламент.

²⁰ Несмотря на то, что пятый барон письменным заявлением отказался от претензий на титул барона Сэй (01.11.1448), его потомки в течение 200 лет часто титуловались как «бароны Клинтон и Сэй», в том числе в документах, исходивших из органов королевской власти. О собственно титуле баронов Сэй см. **SAYE AND SELE**.

²¹ В 1641 г. потомок по женской линии был объявлен «восстановленным в титулах» барона Дарси и барона Коньерса.

²² В ряде источников за период 1504 — начала 1509 г. Дарси уже упоминается в качестве барона.

²³ Девятый барон назначил своим наследником племянника, но тот еще при его жизни (по одной версии, за попытку отравления дяди) был лишен прав наследования актом парламента (31.01.1550). 05.02.1570 он получил титул в качестве новой креации.

²⁴ Предок Джона Динэма по мужской линии был в 1295 г. призван в парламент, однако ни один из промежуточных предков не призывался в парламент и не признавался современниками в качестве барона.

²⁵ Ответ на вопрос о старшинстве титула неоднозначен и выходит за пределы темы данной публикации.

²⁶ См. примеч. 6.

²⁷ Вышедшая замуж за Дакра из Гилсленда (2) внучка барона была дочерью старшего сына барона, умершего при жизни отца. Второй сын барона унаследовал с его смертью владельческий титул барона Грейстоук, но не призывался в парламент. Наследовавший ему сын умер несовершеннолетним 17 августа 1508 г., после чего двоюродная сестра последнего с ее мужем стали наследниками всех земель Грейстоуков.

²⁸ Отец в последний раз призван 15 ноября 1482 г., когда же впервые призван сын.

²⁹ Гастингсу были оставлены в пожизненное владение земли барона Уиллоуби (де Эрсби) (6), который приходился дедом его покойной жене (см. **WILLOUGHBY DE ERESBY**).

³⁰ Впервые заседал в парламенте 1 декабря.

³¹ В 1913 г. титул объявлен «возвращенным из забвения» в пользу одного из сонаследников по женской линии.

³² Внук и наследник добился восстановления в правах на титул после воцарения Эдуарда VI (1547).

³³ Отец Паркера, муж сестры предыдущего барона, никогда не титуловался как барон и не призывался в парламент.

³⁴ Впервые заседал в английском парламенте 13 января.

³⁵ Назван бароном Сэй в тексте патента от 13 октября 1509 г., предоставившего право опеки над его сыном сэру Томасу Брэндону.

³⁶ Единственный сын и наследник непризнанного шестого барона, Ричард, 9 августа 1603 г. был признан в качестве барона Сэй и Сила, но с одновременной новой креацией в этом же титуле и предписанным «правом предпочтения» младшего барона.

³⁷ Младший брат барона, Джеффри ле Скруп был клириком и не призывался в баронском титуле в парламент (хотя такие прецеденты существовали). Умер неженатым.

³⁸ Впервые заседал в парламенте 1 декабря.

³⁹ Муж сестры последнего барона, Томас Уимбиш пытался добиться звания в парламент «по праву жены», но получил от короны отказ, обоснованный отсутствием детей от брака (1546). И Уимбиш, и его вдова умерли бездетными (соответственно, 1552 или 1553 и до 1563), когда титул, и по современным критериям, стал выморочным.

⁴⁰ Впервые заседал в парламенте 2 декабря.

⁴¹ В 1696 г. объявлен «возвращенным из забвения» в пользу потомка по женской линии.

⁴² 11 ноября 1580 г. в наследственных правах на титул признан внук последнего барона по женской линии.

⁴³ Впервые заседал в парламенте 1 декабря.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Л. М. Аржакова

БЫЛАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ ГЛАЗАМИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛЯКА ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ

Когда в начале 1860-х годов историк, литературовед, этнограф А. Н. Пыпин¹ приступил к составлению «Обзора истории славянских литератур», он пригласил к себе в соавторы В. Д. Спасовича, поручив тому написать польского раздела книги.

Владимир Данилович Спасович (1829–1906) к тому времени был уже достаточно известен. Бóльшая часть жизни этого поляка по происхождению, уроженца Минской губернии, была связана с Петербургом. Он преуспевающий адвокат, профессор Петербургского университета, постоянный автор «Вестника Европы»². Но чем бы Спасович ни занимался, прежде всего его интересовали Польша и ее история. В свое время он вместе с Иосафатом Огрызко³ участвовал в переиздании свода польских законодательных памятников 1347–1780-х годов (впервые изданный в XVIII в., свод этот давно стал библиографической редкостью)⁴. Спасович — переводчик с латыни на польский такого важного исторического памятника (хранившегося тогда в Публичной библиотеке), как «Восемь книг бескоролья» Свентослава Ожельского, очевидца и участника избрания на польский трон Генриха Валуа, а затем Стефана Батория⁵...

Помимо прочего, Спасович приобрел известность как тонкий литературный критик, обращавший внимание не только на художественные достоинства и недостатки рецензируемого произведения, но и на гражданскую позицию автора. Среди его литературоведческих и исторических трудов очерки «Пушкин в польской литературе и критике», «Конрад Валенрод», «Князь П. А. Вяземский и его польские отношения и знакомства»⁶, «А. Мицкевич и его творчество», «Роман Сенкевича “Семья Поланецких”»⁷ и др.

Одно из главных направлений историко-литературных занятий В. Д. Спасовича было связано с изучением характера и обстоятельств

польско-русских взаимоотношений. В контексте этой проблемы образцом для него служила позиция П. А. Вяземского, который, по словам Спасовича, «обладал [...] всеми качествами на то, чтобы быть хорошим международным посредником в семейном споре двух по крови близких, но с большим трудом примиряющихся народностей». Спасович при этом сознавал, что «тяжба еще далеко не кончена, а так как по этому процессу князь Петр Андреевич один из капитальнейших свидетелей, то его необходимо внимательно выслушать и расспросить»⁸.

Нельзя также не заметить, что внимание Спасовича (когда в большей, когда в меньшей мере) привлекала собственно польская история. Примером тому может служить упомянутый выше «Обзор истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича⁹, хотя посвященный Польше очерк был предельно краток. Через полтора десятилетия при переиздании книги, которая теперь стала называться «История славянских литератур»¹⁰, Спасович польский раздел значительно расширил, и в результате польская часть заняла почти половину второго тома этой двухтомной монографии. А год спустя еще более расширенный вариант этого очерка выйдет на польском языке отдельным изданием. Затем эта «История польской литературы» будет дважды переиздана¹¹.

«История польской литературы» и предшествовавшие ей разделы в совместном труде Пыпина и Спасовича представляют интерес во многих отношениях. В частности, обращает на себя внимание то, как трактуется Спасовичем эволюция государственно-политического устройства былой Речи Посполитой.

Говоря о периоде расцвета шляхетской республики и при этом вступая в прямую полемику с С. М. Соловьевым, Н. И. Костомаровым и другими российскими историками, считавшими Речь Посполитую абсолютно нежизнеспособным политическим образованием, Спасович утверждал, что в действительности дело обстояло не столь просто. История Речи Посполитой и неизбежное при этом сравнение польских дел с состоянием дел в соседних с Польшей землях всегда привлекали автора «Обзора...». Спасовича, надо сказать, всегда отличала манера прямо и четко формулировать собственное мнение, не изменил он этой своей манере и на сей раз.

Не удивительно поэтому, что у консервативной российской печати, враждебно принявшей книгу Пыпина и Спасовича, особое раздражение, вызывало именно то, как в ней освещались польские сюжеты. Для откликов такого рода показателен вышедший вскоре, в 1884 г., труд виднейшего представителя крайне правого крыла российской обще-

ственной мысли М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». В самом начале этого капитального сочинения, до сих пор привлекающего внимание читателей (и недавно вновь переизданного¹²), помещен подробный, занявший несколько страниц разбор «Истории славянских литератур» А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича. Разбор этот, впрочем, больше походил на политический донос.

«История славянских литератур», на взгляд Кояловича, «производит самое тяжелое впечатление и способна порождать чудовищные понятия, которые в ней отчасти и прямо проповедаются». О писаниях Спасовича, помимо прочего, в «Истории русского самосознания» без обиняков было сказано, что они «отличаются обычными, свойственными этому автору качествами, — красотой общих мыслей и фраз и поражающею фальшью самого дела, притом с тою особенною окраскою видимой гуманности и действительного фанатизма ко всему русскому, какие возможны только в ополячившемся русском западной России»¹³.

Собственно говоря, Пыпин, приступая к работе над «Историей славянских литератур» и приглашая Спасовича в соавторы, ничего другого и не ожидал. В предисловии ко второму тому «Истории...» он, в частности, напомнит, что участие Спасовича в книге 1865 г. «не обошлось [...] без злостных комментариев»¹⁴. У ревнителей теории официальной народности действительно были основания негодовать: текст Спасовича резко контрастировал с тем, что писалось на аналогичные темы М. Н. Катковым и его единомышленниками. Одним из поводов для обвинений Спасовича в полонофильстве были те краткие характеристики состояния польского общества и государства, какие предваряли каждый из разделов «Истории славянских литератур», посвященных польской литературе.

Отвергая такого рода упреки, Спасович, уже спустя десятилетие, будто вдогонку апеллировал к авторитету П. А. Вяземского, писавшего о себе, «что он небольшой и безусловный приверженец и поклонник литературной национальности, потому что ни литературная, ни политическая национальность, принятые в смысле ограниченном, ни до чего хорошего довести не могут»¹⁵. Вяземский, по словам Спасовича, был «слишком европеец, слишком классик», и, как казалось, потому и считал, что «национальности нет у Горация в пиитике, она есть в его творениях, не в правилах, а в чувствах. Она чувство врожденное, захотеть же вложить это чувство в систему, в закон, это то же, что задушить его». Спасовичу, как видно, импонировало восприятие Вязем-

ским того, в какой мере возможно проникновение национальности (патриотизма) в творчество. Спасович, по-видимому, разделял опасения князя, с чувством восклицавшего: «Боже мой, до каких гнусностей может довести патриотизм, то есть патриотизм, который зарождается в некоторых головах, совершенно особо устроенных [...]»¹⁶. Спасович, отнюдь не чуждый патриотическим порывам, тем не менее, всецело одобрял подобные взгляды и потому писал: «Эти рассуждения прекрасны, они особенно пригодны для настоящего времени, в котором излишества национального направления ведут нередко к одичанию и явному регрессу»¹⁷.

Обращает на себя внимание, что суждения Спасовича о польской истории, в которых центральное место отводилось шляхте и ее роли в становлении и развитии Речи Посполитой, самым непосредственным образом касались так называемого польского вопроса и его места в общественной жизни России. Впрочем, подобный подход к проблеме не был чем-то новым. Но в литературе преобладали крайности. Зачастую роль шляхты идеализировалась, что особенно ощутимо у выдающегося польского историка-романтика Иоахима Лелевеля. Не менее часто, напротив, именно на шляхту возлагали вину за все свалившиеся на поляков беды, до разделов Речи Посполитой включительно, — вторая тенденция была свойственна многим русским авторам. Спасович же стремился как-то сбалансировать свет и тени «шляхетской республики».

Что касается политического строя Речи Посполитой, то они автору явно импонировали. Он не без гордости напоминал, что «сеймованием, систему парламентаризма, развернувшегося в Польше с особою полнотою и последовательностью», поляки опередили англичан. Но Спасович при этом вовсе не закрывал глаза на то, что рост политического веса шляхты совершился «в ущерб всем другим составным частям общественного организма». По его словам, Польское государство — эта «монархия с аристократически-республиканскими учреждениями, с законами, в которых проведена была [...] до последних крайностей идея почти беспредельной свободы гражданина», — оказалось повинно в том, что, не сумев остановить натиск немцев на восток и «стать твердою ногою на море Балтийском», искало распространения главным образом на востоке, в московско-русских землях¹⁸.

Восприятие Спасовичем характерных особенностей польской социально-политической системы не оставалось неизменным. Если в «Обзоре...» он предпочел ограничиться лишь констатацией: «...В так называемый период Сигизмундов [...] шляхте удалось достигнуть

преобладания, превратить наследственный престол королей в избирательный, вроде федеративной республики, имеющей во главе весьма ограниченного в правах своих монарха»¹⁹, то затем акценты несколько смещаются. Полтора десятилетия спустя, в «Истории славянских литератур», Спасович счел нужным прямо признать слабую сторону установившегося в Речи Посполитой строя, сторону — которая, по его словам, «заклучалась в том, что настоящим народом была только шляхта»²⁰. Спасович, создается впечатление, осуждает порядок, при котором только «шляхта ворочает всем: она имеет в руках местное земское самоуправление; она превратила королевскую власть в учреждение от себя зависимое посредством избрания королей; она участвует во власти законодательной с королем и сенатом посредством своих земских нунциев»²¹. Впрочем, этот осторожный упрек тут же был уравновешен напоминанием о том, что «главную силу Польши составляла владеющая землею шляхта» и что именно она утвердила то политическое устройство, которое «при всей своей односторонности, [...] в высокой степени способствовало развитию личности и проявлению великих гражданских доблестей»²².

Трудно не заметить, что у Спасовича такого рода колебания в оценках шляхты и созданной ею формы государственности отнюдь не редкость. С одной стороны, он признает, что польская «монархия, с аристократически-республиканскими учреждениями» оказалась несостоятельной в отстаивании как собственных интересов, так и интересов соседних славянских земель. Но, с другой, настаивает на том, что в XVI столетии «еще едва были заметны оборотные темные стороны исключительно шляхетской цивилизации и [...] шляхетство было в полном цвету, без колючек и терний»²³...

Правда, дальнейшая эволюция шляхетской республики виделась автору уже не в столь оптимистичных тонах: «...Осуществив вполне свой идеал золотой свободы, господствующий класс бросил якорь: ему не к чему было стремиться; неподвижный консерватизм сделался господствующим настроением; общество окаменело, чуждаясь, как посягательств на свободу, всяких преобразований. [...] Единогласие, как условие законности постановлений, парализовало государственную власть» и пр.²⁴ По сути, Спасович здесь попытался сформулировать причины гибели Речи Посполитой. Поскольку «История славянских литератур» вышла в свет в 1881 г., нетрудно предположить, что петербургский поляк В. Д. Спасович к тому времени был уже хорошо знаком с наделавшим много шума в польском обществе «Очерком истории Польши» Михала Бобжиньского²⁵. Может быть, поэтому его

рассуждения о причинах гибели Польши отчасти напоминают сформулированную этим виднейшим представителем Краковской исторической школы позицию. Размышляя о периоде правления Станислава Августа, приведшего (по мнению многих) страну к катастрофе, Спасович приходил к выводу, что вся эта эпоха имеет «двойственный смысл и характер». Он видел в ней прежде всего «неудавшуюся запоздалую попытку спешной починки разваливающегося политического здания», в то же время не сомневаясь, «что осуществлению предприятия помешало внешнее вмешательство»²⁶. Вместе с тем Спасович, по видимому, не был уверен, «насколько бы народ осилил трудную задачу, если бы вовсе не было этого препятствия», но с горечью истинного патриота сознавал, что «это внешнее вмешательство было роковым результатом застоя в хронической анархии»²⁷.

Встречающаяся у Спасовича известная непоследовательность в оценках людей, событий, государственных институтов ярче всего проявит себя, когда он попытается охарактеризовать такую действительно неоднозначную и до сих пор вызывающую споры фигуру, как Станислав Август Понятовский. Король Станислав Август, как сказано в «Обзоре...», «оказался ошибкою попавшим на престол артистом и литератором, тонким ценителем красот в деле искусства, но бесхарактерною и пустою куклою в политике». Среди других упреков, предъявленных последнему королю Речи Посполитой, была и его неспособность «в решительную минуту стать во главе консерваторов под древним испытанным знаменем шляхетства и католицизма, отстоять старую Польшу, как ее отстаивали некогда его предшественники против Москвы, Турок и Шведов, и продлить по крайней мере на некоторое время ее существование»²⁸. Правда, этот упрек оказывается запоздавшим, поскольку, по собственным словам Спасовича, «старое шляхетство было вполне исчерпано в 18-м столетии, идеалы его оказывались несостоятельными»²⁹. Тогда возникает сомнение, так ли уж неправ был Станислав Август, отказавшись стать во главе консерваторов «под древним испытанным знаменем шляхетства и католицизма», и он достоин осуждения разве лишь за то, что «был не способен также стать во главе новаторов, призвать на помощь все революционные элементы»³⁰.

Нельзя не заметить, что по сравнению с изданием 1865 г. в польскую часть «Истории славянских литератур» Спасовичем были внесены существенные коррективы. Судя по всему, он решил, что в «Обзоре...» излишне восславил «древнее испытанное знамя шляхетства и католицизма», и слишком мрачными красками обрисовал образ

Станислава Августа. В «Истории...» уже отдано должное достоинствам последнего польского короля: «Станислав Август Понятовский был бесспорно один из образованнейших философов XVIII в., притом человек несомненно благонамеренный, трудолюбивый и серьезно старавшийся сыграть с достоинством и наилучшим по возможности образом многотрудную роль польского короля». Вместе с тем было отмечено, что «деятельность его лишена была всяких нравственных устоев, нравственной подкладки; отсутствовала та сила воли, которая заставляет человека идти почти на невозможное»³¹.

Также обращает на себя внимание, что по сравнению с «Обзором...» в «Истории...» были заметно смещены акценты. Теперь Спасович пишет, что польскому королю «стоять во главе консерваторов под старым испытанным знаменем шляхетства и отстоять старую Польшу, с Барскими конфедератами заодно [...] мешали его философские убеждения». С пониманием и даже сочувствием было отмечено, что «идти во главе новаторов, навстречу последней катастрофе и призвать в крайнем случае даже (подчеркнуто нами. — Л. А.) революционные элементы на национальную войну против соседей — он не мог по недостатку энергии в характере, по отсутствию смелого почина»³². Легко заметить, что один из ранее предъявленных упреков был заметно смягчен: вместо неспособности нести «древнее испытанное знамя шляхетства и католицизма» фигурируют «философские убеждения». Поубавилось симпатии у Спасовича и к «революционным элементам», и потому действия Станислава Августа им фактически оправдываются: «Когда [...] исчерпаны были средства отклонить неизбежное событие, Станислав Август мирился с ним, умывая руки, принимал предлагаемое, проходил под иго требований, как бы они для него унижительно ни были, и продолжал лицедействовать [...] Не будь этой уступчивости, очень может быть, что уже в 1772 г. Польша была бы окончательно разделена»³³.

Как уже было сказано, Спасович не раз касался вопроса о причинах гибели Речи Посполитой. Так и на сей раз он, и здесь расходясь с Соловьевым, заявляет, что приписывать упадок Польши «стремлению шляхты к необузданной свободе, неумению сторониться с своим я перед требованиями общего блага» есть мнение крайне ошибочное и не выдерживающее «ни малейшей критики»³⁴. Следует подчеркнуть, что данное убеждение Спасовича не претерпело никаких изменений и в книге 1881 г.

Похоже, его по-прежнему восхищали государственные институты Речи Посполитой. Он явно идеализировал «свободные учреждения

вроде польских», которые, на его взгляд, как раз были «возможны при превратившейся в нрав и обычай наклонности подчинять свое я требованиям общего блага». В отличие от традиционно пренебрежительного отношения российской полонистики к дворянскому сословию Речи Посполитой, Спасович высоко оценивал, восхвалял как раз эту «наклонность польской шляхты», простиравшуюся, по его словам, «до самоотвержения, до геройства». И, несмотря на то, что автор не закрывал глаза на негативные черты шляхты как правящего сословия, он склонялся к убеждению, что «ее ошибка заключалась только в том, что она отождествляла себя с народом и носясь со своим идеалом общественного устройства, не понимала его иначе, как в форме аристократической»³⁵. Спасовичу импонировало то, что «симпатии к польскому салонному барству» не помешали и князю П. А. Вяземскому «видеть ясно больные места польского аристократического общественного строя», пусть при этом не забывая отстаивать «весьма неуступчиво права России на Польшу с русской точки зрения»³⁶.

Похоже, Спасовича в польской шляхте больше всего привлекала «упорная вера в свой политический идеал, изумительная стойкость в самых трудных обстоятельствах». Историка едва ли не восхищало «умение единиц группироваться в массы по всякому призыву во имя угрожаемого отечества»³⁷. Работа над «Обзором истории славянских литератур», увидевшим свет в 1865 г., шла в ту пору, когда еще свежа была память о восстании 1863 г., когда, как выражался Спасович, еще «не просохла кровь на свежих побоищах, еще [...] раздаются стоны сраженных и победные клики»³⁸. И он, «приступая к изложению новейшего периода истории польской литературы», вполне сознавал, что «в настоящую минуту нет никакой возможности выполнить эту задачу удовлетворительно в научном отношении, потому что спокойной критике фактов мешают возбужденные последними событиями политические страсти». По мнению Спасовича, «при подобных условиях, едва ли своевременно касаться литературы», поскольку она «работала не ради одного эстетического наслаждения, но с начала до конца имела направление практическое и развивала известные политические идеи, враждебные, конечно, России». Вместе с тем он признавал, что в польской литературе «исподволь и в течение многих лет, несмотря на все цензурные стеснения, вырабатывались все горячие материалы, которые и произвели два вулканические взрыва, один 1831, другой 1863 года»³⁹.

Убежденный сторонник так называемого органического труда, он был уверен, что «на оба взрыва потрачено непроизводительно мно-

жество живых сил, которые пригодились бы на иное дело». Рискую навлечь на себя негодование соотечественников, среди которых, как он знал, многие сохранили веру в повстанческие идеалы, он не без восхищения писал о «необыкновенной живучести национальности», которая проявила себя в этих «вулканических взрывах». Тем не менее взрывы эти, на его взгляд, представляют собой «весьма назидательный не только для народа польского, но и для всех других, пример того, как гибельны могут быть увлечения одним исключительным и односторонним патриотизмом, если этому патриотизму приносятся в жертву общечеловеческие интересы, справедливость, истина, цивилизация»⁴⁰.

Иными словами, Спасович разделял позиции «угодовцев», одобрял принципы «органической работы», получившие широкое распространение в польском обществе после поражения Январского восстания. Спасович, проникнувшись новыми идеями и явно стремясь учитывать русское общественное мнение, в то же самое время не раз на протяжении своего историко-литературоведческого труда — вольно или невольно — отдавал дань традиционным для поляков воззрениям, не удержавшись от идеализации старошляхетских порядков.

В целом общественно-политическая и научная позиция В. Д. Спасовича была близка к той, какую несколько лет спустя займет Н. И. Кареев, искавший в исторической науке путь к примирению польского и русского народов⁴¹. И признание автора «Истории славянских литератур», что «уразуметь роковую необходимость борьбы двух главных ветвей славянского племени может только тот, кто способен становиться мысленно на точку зрения каждой из двух враждебно одна к другой относящихся национальностей»⁴² — лишнее тому подтверждение.

Примечания

¹ О нем см., напр.: *Аксенова Е. П.* А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2006.

² *Славяноведение в дореволюционной России.* Библиографический словарь. М., 1979. С. 316.

³ См., напр.: *Базылев Л.* Поляки в Петербурге. СПб., 2003.

⁴ *Volumina legum.* Т. 1–8. СПб., 1859–1860.

⁵ *Świętosława Orzelskiego beskrolewía ksiąg ósmioro.* SPb., 1856, Т. 1–3.

⁶ *Спасович В. Д.* Соч. Т. VIII. СПб., 1896.

⁷ *Спасович В. Д.* Соч. Т. IX. СПб., 1900.

⁸ *Спасович В. Д.* Князь П. А. Вяземский и его польские отношения и знакомства // *Спасович В. Д.* Сочинения. Т. VIII. СПб., 1896. С. 16.

- ⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.
- ¹⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1–2. СПб., 1879–1881.
- ¹¹ См., напр.: *Spasowicz W.* Dzieje literatury polskiej / Przekład z rosyjskiego. Wyd. trzecie. Kraków, 1891.
- ¹² *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М., 2011 (сер. «Русская цивилизация»).
- ¹³ *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 6.
- ¹⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 2. СПб., 1881. С. XIII.
- ¹⁵ *Спасович В. Д.* Князь П. А. Вяземский... С. 14.
- ¹⁶ Цит. по: *Спасович В. Д.* Князь П. А. Вяземский... // Спасович В. Д. Соч. Т. VIII. СПб., 1896. С. 14.
- ¹⁷ *Спасович В. Д.* Князь П. А. Вяземский... С. 14.
- ¹⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История... С. 449–450.
- ¹⁹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 363.
- ²⁰ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История... С. 450.
- ²¹ Там же. С. 477.
- ²² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История... С. 478.
- ²³ Там же. С. 480.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Vobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Kraków, 1879.
- ²⁶ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История... С. 550.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор... С. 427.
- ²⁹ Там же. С. 429.
- ³⁰ Там же. С. 427.
- ³¹ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История... С. 554.
- ³² Там же. С. 554–555.
- ³³ Там же. С. 555.
- ³⁴ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор... С. 422.
- ³⁵ Там же. С. 422.
- ³⁶ *Спасович В. Д.* Князь П. А. Вяземский и его польские отношения... С. 21.
- ³⁷ *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор... С. 422.
- ³⁸ Там же. С. 456.
- ³⁹ Там же. С. 456.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Подробнее об этом см., напр.: *Аржакова Л. М.* Опыт польско-русского диалога: Н. И. Кареев, Н. А. Попов и М. Бобжиньский // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. 2009. Вып. 3.
- ⁴² *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор... С. 456.

Л. Н. Заливалова

ВИЗАНТИНИСТ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕЗОБРАЗОВ

В 80-е годы XIX в. ряды русских историков пополнили П. В. Безобразов, А. А. Васильев, В. Э. Регель, Х. М. Лопарев, Б. А. Панченко — выпускники историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, избравшие для научных занятий византиноведение. В начале научной карьеры молодого поколения византинистов большое влияние на них оказал профессор В. Г. Васильевский, научный руководитель и наставник. Вместе с тем уже первые научные труды П. В. Безобразова, А. А. Васильева, Х. М. Лопарева, Б. А. Панченко, В. Э. Регеля имели свой почерк, а со временем основной движущей силой развития их научного творчества, естественно, становились собственные исследовательский опыт, идеи и идеалы.

Историческое наследие П. В. Безобразова (1859–1918) в отечественной историографии византиноведения до настоящего времени стоит несколько особняком. Павел Владимирович сочетал в себе историка-исследователя, беллетриста и просветителя — редчайший случай в истории российского византиноведения. Как исследователь он интересовался внутренней историей Византийской империи, уделяя преимущественное внимание X–XII вв. Проблемы этого периода освещены им в немногочисленных статьях для академических журналов и отдельно изданных монографиях. И одновременно Безобразов был единственным византологом, который писал научно-популярные очерки, исторические повести и романы, которые предназначались для самого широкого круга читающей публики. В обобщающих историографических работах официальной советской науки П. В. Безобразову уделено минимальное внимание. После революции 1917 г. не вызывали особого интереса ни тематика монографий, изданных в 1915–1919 гг., ни подходы к источникам и истолкование византий-

ской истории. И все же нельзя сказать, что его труды были совершенно забыты: при изучении некоторых конкретных вопросов византийской истории XI–XII вв. ученые неизменно обращались к его материалам. Цель данной работы мы видим в том, чтобы представить историографический обзор, предвещающий дальнейшее изучение научной биографии Павла Владимировича Безобразова.

Почти во всех больших энциклопедических словарях дооктябрьской России можно обнаружить биографические справки о П. В. Безобразове, составленные еще при его жизни. Объясняется это отчасти его происхождением: семья принадлежала к одной из ветвей древнего рода дворян Безобразовых, первые сведения о котором восходят к началу XV в. Видное положение в обществе в XIX в. занимали его родители. Также и сам Павел Владимирович был довольно широко известен своими трудами в научно-литературных кругах Петербурга и Москвы. Он родился 2 февраля 1859 г. в Санкт-Петербурге. В ранние годы, как известно, на формирование личности большое влияние оказывает семья. И здесь следует подчеркнуть, что в семье Безобразовых была очень благоприятная атмосфера для развития интеллектуальных способностей детей.

Глава семьи — Владимир Павлович Безобразова (1828–1889) в свое время (1847) окончил с серебряной медалью Императорский Царско-сельский лицей и благодаря способностям и неустанному труду добился высокого общественного положения. Он служил в Министерстве государственных имуществ и был известен широким кругам русского общества как специалист в области финансового права и экономики. В 70-е годы его приглашали в качестве преподавателя в царскую семью для ознакомления великих князей с финансовым правом и политической экономией.

Владимир Павлович верил в силу научного прогресса. Много времени он уделял написанию публицистических статей, был редактором нескольких сборников статей и научно-популярных изданий. В своем доме один раз в месяц он устраивал прием для общественных и государственных деятелей с целью обмена мнениями и дискуссий по вопросам финансовой политики.

Также в гостях у него часто бывали писатели, издатели, журналисты. Как известно, когда Н. А. Некрасов отказался печатать в журнале «Современник» первое крупное произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки», Михаил Евграфович обратился к Безобразову, так как они были товарищами по лицу. Тот, сотрудничая в «Русском вестнике», переслал книгу редактору М. Н. Каткову. После

прохождения через цензуру одна треть сочинения Салтыкова-Щедрина была вычеркнута, но все же оно было опубликовано в «Русском вестнике»¹.

Елизавета Дмитриевна (1834–1881), мать Павла Владимировича, до замужества жила с родителями за границей и своим образованием обязана себе самой. В совершенстве владея несколькими иностранными языками, она писала статьи о литературе, экономике, политике для крупных французских, итальянских и английских журналов и публиковала их под псевдонимом.

Интеллектуальные занятия родителей, уважение к знанию, их интерес к науке и культуре не могли не влиять на формирование интересов у детей, выбор ими профессии. Мария Владимировна (1857–1918), старшая сестра Павла Владимировича, после начального домашнего образования окончила в Петербурге гимназию, затем педагогические курсы и для продолжения образования уехала в Швейцарию. За границей она опубликовала первые работы по истории философии. Но в наибольшей степени ее внимание привлекала древнерусская философия, практически неизвестная мировой науке того времени. В 1891 г. Мария Владимировна успешно защитила в университете Берна диссертацию доктора философии по теме «Рукописные материалы к истории философии в России», опубликованную на немецком языке. Современная историография истории философской науки в России считает ее первым профессиональным специалистом в области древнерусской философии².

Способности Павла Владимировича проявились уже в детские и юношеские годы: он закончил с золотой медалью Царскосельскую Николаевскую гимназию (1879). Затем продолжил образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1879–1883).

В университете Безобразов выбрал специализацию по кафедре всеобщей истории и на семинарах В. Г. Васильевского прошел школу источниковедческой подготовки, также слушал его общие лекционные курсы по средневековой истории. Под влиянием профессора Васильевского Павел Владимирович увлекся византийской историей. Вот как он вспоминал об этом много лет спустя: курс лекций профессора убеждал студентов в том, что «Восточно-Римская империя занимает не последнее место в истории, что она заслуживает изучения, и благодаря этому многие шли в аудиторию, где происходили не обязательные, специальные занятия Византией. Здесь являлся перед нами настоящий мастер, во всеоружии своей громадной начитанности и блестя-

щего критического таланта, здесь учил он нас, как обращаться с источниками, как доходить до самой сути вопроса, и мы слушали, пытаясь подражать учителю, стараясь проникнуться его тонким историческим чутьем, его умением делать анализ фактов и затем воссоединить их в общую картину»³. Павел Владимирович по своей инициативе сделал запись текста специального курса Васильевского по истории крестовых походов в XI–XII вв., и после проверки и уточнения текста профессором эта запись была литографирована. Благодаря этому лекции профессора, в которых по-новому рассматривался вопрос о первых походах крестоносцев, стали доступны не только специалистам-историкам. Безобразов отлично учился, неизменно получал от профессоров факультета похвальные отзывы о своих письменных работах. Тему дипломного сочинения Павел Владимирович выбрал по истории Византии XI–XII вв., она была посвящена сложным перипетиям внутренней обстановки и внешней политики империи.

В годы его учебы студенты университета организовали межфакультетское студенческое научно-литературное общество. Доклады двух участников собраний общества, в разное время прочитанные на заседаниях, были опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения» и вышли отдельными изданиями. Обе работы принадлежали студентам-историкам: «Боэмунд Тарентский» — дипломное сочинение П. В. Безобразова⁴, другой доклад — «Заметки по истории Московских земских соборов» — был написан С. Ф. Платоновым. На этом издательская деятельность студенческого научного общества прекратилась, хотя само оно существовало несколько лет.

Дипломная работа Павла Владимировича — его первая научная работа по византиноведению — не часто упоминалась в российской историографии и в настоящее время является библиографической редкостью. Между тем в русской науке это первое специальное исследование по данному сюжету в истории Византии и, как оказалось, на долгие десятилетия единственное⁵. Избранная тема, с одной стороны, находилась в русле проблемы византийско-западных отношений, поднятой и разрабатываемой В. Г. Васильевским, с другой — в ней уже отчетливо прослеживалась исследовательская позиция автора: освещение исторической действительности через призму личностной характеристики Боэмунда Тарентского, активного участника событий.

Безобразов использовал богатый фактический материал источников, уточняя или углубляя уже имеющиеся представления о событиях Первого крестового похода. Также он критически анализировал западную историографию, уделил внимание общим вопросам истории

византийско-норманнских отношений и причинам крестовых походов. Но все-таки в центре его труда — Боэмунд, его военная и дипломатическая деятельность. Такая постановка проблемы и ее освещение, как считал М. А. Заборов, свидетельствует о «самостоятельности путей развития крестоносных исследований в русской медиевистике»⁶. В контексте современного исторического знания о крестоносном движении и роли Боэмунда Тарентского в византийско-западных отношениях сочинение Павла Владимировича кажется даже наивным. Но оно обращает на себя внимание другими особенностями: яркой образной характеристикой героя и событий, основанной на источниках. Это исследование и в наши дни может служить полезным пособием и остается единственной в российской историографии работой об одном из главных действующих лиц международной политики в XI–XII вв.

В 1885 г. Павел Владимирович сдал магистерские экзамены в Петербургском университете и определил по совету с В. Г. Васильевским тему своей будущей магистерской диссертации: биография, научное наследие и государственная деятельность византийского писателя Михаила Пселла.

В том же году он был зачислен на службу в Министерство народного просвещения и за казенный счет был отправлен в Турцию, Грецию, Италию. По свидетельству А. А. Васильева, за границей Павел Владимирович «усердно работал в наиболее ценных книгохранилищах, собирая рукописные материалы для своей магистерской диссертации о Михаиле Пселле, а также изучая монастырские уставы и хрисовулы византийских императоров»⁷. В 1886 г. на средства, выделенные Православным Палестинским обществом, он побывал на Христианском Востоке. Цель поездки — выявление греческих рукописей, содержащих сведения о прошлом Палестины. Безобразов обследовал рукописные собрания в Стамбуле (Константинополе) и окрестностях. По возвращении из-за границы он переехал в Москву.

В декабре 1887 — декабре 1895 г. Павел Владимирович избирался приват-доцентом по кафедре всеобщей истории в Московском университете. Согласно правилам, установленным Министерством народного просвещения, приват-доценты могли читать только специальные, но не обязательные для посещения студентами курсы. Безобразов читал лекции по истории Византии на историческом факультете. Об отношении студентов к его чтениям у нас в настоящее время нет данных, а отношения с московской профессурой, по-видимому, складывались не просто. В частности, в одном из писем к С. Н. Шубинскому, датированном 1890 г., Павел Владимирович отмечал недоброжелательное

к себе отношении «некоторых профессоров» и их «подпольную интригу»⁸.

Основные усилия Безобразова в период 1887–1890 гг. были сосредоточены на подготовке магистерской диссертации. Обязательным условием, предваряющим процедуру защиты диссертации, была ее публикация. В 1889 г. он напечатал исследование «Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл» в «Чтениях общества истории и древностей Российских» (1889 г., кн. 4)⁹. Защита диссертации на степень магистра всеобщей истории состоялась в 1890 г. на заседании Ученого совета исторического факультета Петербургского университета.

П. В. Безобразов одним из первых в мировой византистике, вслед за К. Сафой, стал инициатором изучения наследия Михаила Пселла, обратился к исследованию биографии и трудов знаменитого византийца. Цель магистерской диссертации он видел в реконструкции особенностей византийской культуры на основе всех возможных источников XI в. Первоначально Павел Владимирович поставил перед собой две задачи: историческая реконструкция биографии Пселла и анализ его сочинений, как известных науке, так и не публиковавшихся, и предпринял разыскания источников в зарубежных собраниях архивов и библиотеках. Однако в полной мере этот замысел не был осуществлен. Содержание диссертации в наибольшей степени отражает решение автором первой задачи. По тем фрагментам работы, где приведены источники, можно лишь предполагать, в каком ракурсе он мог бы воплотить другое свое намерение. В предисловии он констатировал отсутствие достаточного количества конкретных исторических фактов, которые позволили бы сравнивать византийскую и западноевропейскую культуру, а «не просто говорить об их сходстве или отличии». Равным образом, по его мнению, следует подходить и к тезису о византийском влиянии на русскую историю, распространенному в историографии, но не подтвержденному фактами¹⁰.

Ярко и достаточно убедительно Павел Владимирович характеризовал мировоззрение Михаила Пселла, уточнил его биографию. В его научном подходе оценка достоинств и недостатков философа и политика основывались на анализе сочинений Пселла, в первую очередь «Хронографии». Ее автор в интерпретации Безобразова предстает как исторический персонаж, в личности которого «отражается» византийское общество. Эта особенность работы историка с источником замечена и точно сформулирована Я. Н. Любарским: у Безобразова Михаил Пселл — «тип византийца, добившегося высоких чинов ле-

стью...это человек без принципов, без идеала, способный хвалить и бранить»¹¹.

В магистерской диссертации Безобразова обращено внимание на философские воззрения Пселла. Ученый ставил два вопроса для исследования: был ли Пселл, помимо прочих своих талантов, также и философом, и следует ли считать его как византийского философа оригинальным мыслителем? Вывод сводился к тому, что Пселла действительно следует относить к византийским философам XI в., но не следует безоговорочно верить той характеристике, которую он дает себе сам. В отличие от многих своих современников и, как оказалось, историков последующего времени русский ученый выступал за объективную оценку философской позиции писателя¹². Ответ на второй вопрос также дан достаточно определенный: Михаил Пселл только лишь талантливый компилятор античного философского наследия. Заметим, что для подобного утверждения у Безобразова было достаточно оснований, если иметь в виду материалы источников, которыми он располагал. В современной историографии оценка места Пселла в истории философии остается дискуссионной проблемой, и некоторые исследователи придерживаются в целом той же точки зрения, которая была представлена у Безобразова, но формулировка ее не столь однозначна¹³.

В научном труде Безобразова и в настоящее время можно найти немало полезного материала. В первую очередь это яркая характеристика самого Пселла — его биография, переводы из документов и писем XI в., большая глава посвящена преподавательской деятельности философа и характеризует состояние всего византийского образования.

Павел Владимирович, обращаясь к философскому наследию Пселла, затрагивал один из ключевых аспектов в характеристике византийской культуры: роль и значение античного наследия. Заметим, что у него нет монографического исследования по этой проблеме или какого-либо систематизированного изложения своих взглядов. По этому, суммируя его отдельные краткие замечания общего характера (из рецензий, статей и монографических изданий), мы пришли к выводу, что Безобразов выделял в византийской культуре три основополагающих элемента: античное наследие, римское и восточное влияния. Античная основа привлекала его внимание в большей степени, так как она была также и основой европейской культуры. Таким образом, античное наследие представлялось ученому «общей почвой», на которой формировалась средневековая западная и средневековая византийская культура. Но усвоение античной культуры в Византии

и на Западе происходило по-разному. Поэтому в контексте сопоставления философского наследия Михаила Пселла с античной философией он и рассматривал содержание философского знания в Византии XI–XII вв.

Через несколько лет после защиты магистерской диссертации в 1896 г. Павел Владимирович написал рецензию на монографию Ф.И. Успенского «Очерки по истории византийской образованности»¹⁴, которая освещала историю византийской культуры. Он отмечал большое значение для науки новых источников, вводимых автором в научный оборот, и их глубокую критику, ставил в заслугу Успенскому постановку самой проблемы: «о развитии умственного движения в Византии и о влиянии византийской науки на западную»¹⁵. Одновременно Безобразов вступил в дискуссию с автором, защищая свое положение по вопросу о роли и значении античного элемента в византийской философской и богословской мысли XI–XII вв. в период открытых столкновений еретиков с церковной ортодоксией. Также Безобразов включил в рецензию выписки из источников в Ватиканской библиотеке, с которыми в свое время ознакомился. В этой рецензии он предложил возможный план исследования по проблеме истории развития философской мысли в Византии: «начать с Иоанна Дамаскина, перейти к Пселлу и Италу, заняться комментаторами Аристотеля, логикой Никифора Влеммида и закончить...Плифоном и Схоларием»¹⁶.

Исследование о Михаиле Пселле, который был крупнейшим философом, писателем, политическим деятелем эпохи, долгое время оставалось единственной крупной работой Павла Владимировича. После получения степени магистра Павел Владимирович мог бы получить кафедру и должность профессора, но вакансии не было ни в Московском университете, ни других русских университетах. Между тем после смерти отца, на финансовую помощь которого он всегда мог рассчитывать, материальное положение, видимо, ухудшилось. Основным источником дохода была заработная плата приват-доцента, а она была низкой. К тому времени он женился на Марии Сергеевне Соловьевой¹⁷, дочери знаменитого историка С. М. Соловьева.

Здесь необходимо обратить внимание на разносторонность талантов и интересов Павла Владимировича. С начала 80-х годов, т. е. сразу после окончания университета, и до последних дней жизни выходят в свет, то сменяя друг друга, то одновременно, научные статьи, научно-популярные очерки, исторические повести и романы. Научные публикации в виде статей и публикаций источников освещали проблемы внутренней социально-экономической и политической исто-

рии Византии преимущественно на базе материалов, накопленных во время зарубежных командировок. Как мы полагаем, свою задачу Безобразов видел не столько во всестороннем исследовании имеющихся данных и формулировке собственных оригинальных концепций, сколько в том, чтобы ввести этот материал в научный оборот. Некоторые из этих работ в настоящее время могут быть использованы в качестве историографического источника для уяснения исторических взглядов Павла Владимировича¹⁸.

Литературные произведения Павла Владимировича отличали легкость стиля, занимательность изложения, тонкие замечания и наблюдения¹⁹. Он их писал быстро и легко. А. А. Васильев, хорошо знавший Безобразова, объясняет большое количество исторических повестей и романов необходимостью иметь дополнительный заработок²⁰. По всей видимости, дело, однако, не только в материальных трудностях семьи. В университетские годы Безобразов был очевидцем бурных событий в общественной жизни России: студенческие сходки, столкновения с начальством, политические кружки, наконец, убийство царя. В университете, по некоторым данным, он даже выделялся среди других учеников В. Г. Васильевского своей общественной активностью и сочувствием либеральным идеям. Студенческое научно-литературное общество, в котором участвовал Безобразов, организовало издание научно-популярной литературы для народа, занималось просветительством. Историческая действительность тоже формировала его убеждения. Павел Владимирович не стал «кабинетным ученым», отгороженным от мира, а принимал активное участие в интеллектуальной жизни общества. Он сделал свой выбор. И у него были все необходимые качества, чтобы воплощать на практике общественное назначение исторической науки: литературные способности, легкое перо, блестящее образование, знание источников. С. А. Жебелев писал: «Много памятников византийской письменности он изучил, еще большее их количество он прочитал. В результате у него получился неиссякаемый запас сведений, и этот запас он использовал как в своих ученых исследованиях, так и в области исторической беллетристики»²¹.

Обратим внимание на некоторые творческие замыслы Безобразова, о которых он сообщал редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому в письмах, датированных 1887–1906 гг. В одном из первых писем за 1889 г. Павел Владимирович констатировал тот факт, что «ни в России, ни за рубежом в настоящее время нет книг для широкой публики, которые характеризуют византийскую историю и культуру», и предлагал редакции свои услуги: написать ряд статей под заголовком

«Византийская жизнь». В них, писал Павел Владимирович, «я представил бы очерк императорской власти, придворной жизни, сословий, чиновников, крестьян, семейной жизни, нравов и обычаев и т. п. [...] оказалось бы большое сходство с московским государством». Также он готов был представить статью «Византийский император на Московском престоле», в которой прослеживались бы черты «сходства Иоанна Грозного с византийскими императорами и тенденции, прямо унаследованные им от Византии»²². В 1889 г. он сообщал, что собирается писать историческую повесть из византийской жизни: «Если мне удастся охарактеризовать оригинальную византийскую жизнь, думается, читатели прочтут повесть без скуки. Фабула, более или менее верная истории, кажется не безынтересна»²³. В 1894 г. Павел Владимирович опубликовал в серии «Жизнь замечательных людей» (издательство Ф. Ф. Павленкова) небольшую по объему, но емкую по своему содержанию работу историографического характера о С. М. Соловьеве. Это была первая в российской историографии общедоступная книга о судьбе замечательного историка, получившая положительные отзывы современников²⁴.

П. В. Безобразов выступал также как популяризатор историографического знания — знакомил читателей журналов либерального направления с последними научными достижениями исторической науки в России и европейских странах²⁵. В 1888–1892 гг. он возглавлял библиографический отдел в журнале «Русское обозрение». Для широкого круга профессиональных историков им были подготовлены рецензии и библиографические обзоры, публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения» (с 1883 г.) и в «Византийском временнике» (с 1884 г.), позже в «Византийском обозрении». Содержательные рецензии Безобразова охватывали наиболее ценные в научном плане и значительные труды коллег — русских и зарубежных ученых.

Павел Владимирович часто читал публичные лекции. Их тематика и содержание, как правило, зависели от предпочтений лектора. На таких лекциях среди слушателей всегда присутствовал кто-то из полиции, составлявший потом отчет об их содержании, поведении лектора и восприятии лекции аудиторией. В одном из полицейских отчетов была дана негативная оценка публичного выступления Павла Владимировича в 1895 г. в Историческом музее Москвы на тему о положении женщины в разные исторические эпохи. Министр внутренних дел И. Н. Дурново и московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, исходя из результатов расследования всех

обстоятельств «дела Безобразова», сделали вывод, что его публичное выступление «возмутительное» и «вредное» для слушателей, особенно для молодежи. Министр народного просвещения граф И. Д. Делянов подписал приказ, по которому Безобразову были запрещены «всякая педагогическая деятельность и чтение каких бы то ни было публичных лекций»²⁶.

В течение последующего десятилетия (до 1905 г.) Павел Владимирович соглашался на любую работу, чтобы иметь средства для содержания жены и детей. Он публиковал статьи, рецензии, беллетристику, занимался переводами для издателей. В это время он перевел на русский язык монографию немецкого историка Г. Ф. Герцберга «История Византии»²⁷, получившую международное признание. Помимо перевода собственно авторского текста Павел Владимирович специально для русского читателя написал дополнения, в которых отражалось его представление о византийской истории. Как отмечал А. А. Васильев, «русское издание благодаря дополнениям переводчика имеет отныне большее значение, чем немецкий оригинал»²⁸.

О взглядах Безобразова по вопросам социально-экономической истории Византии можно судить по его оценкам византийской общины и городского ремесленного производства. По дискуссионному вопросу о происхождении византийской общины Безобразов вслед за В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским выступал против фискальной теории, распространенной в западной историографии. Он считал, что община является исторически сложившимся поземельным институтом, который утвердился в Византии после славянской колонизации. Государство сохранило общину, используя ее в своих целях. Вместе с тем в рамках общины крестьяне сохраняли свои права и свободы. На основе материала новелл из законодательства императоров Македонской династии историк утверждал, что общине X в. свойственен дуализм. Свободный крестьянин имел право полной частной собственности на земельный надел и приусадебный участок, а община — право верховной собственности на не поделенные общинные земли²⁹. По заключению Ю. Я. Вина, изучившего развитие теории византийской общины в русском дооктябрьском византиноведении, концепция П. В. Безобразова «подвела итог исследованиям учеными этой проблемы в 70–90-е годы XIX века»³⁰.

Только в 1905 г. Безобразов вернулся в Московский университет и работал там еще три года. В 1908–1913 гг. он занимал должность архивариуса в канцелярии Государственной думы. Видимо, это было вынужденное решение. В нескольких письмах Безобразова к В. И. Герье,

имеющих относительную датировку 1908–1913-ми годами, он писал о тяжелом материальном положении своей семьи. Павел Владимирович просил Герье похлопотать, чтобы помочь ему получить возможность участия в конкурсе на замещение вакансии ординарного профессора в Одессе; в других письмах — та же просьба относительно Варшавского и Юрьевского университетов³¹. Но он так и не получил места профессора ни в одной из этих университетов. По свидетельству А. А. Васильева, с 1913 г. Павел Владимирович жил в Петербурге, и за несколько месяцев до своей кончины наконец получил должность приват-доцента в Петербургском университете. Одновременно он преподавал в Психоневрологическом институте и на курсах Лесгафта³². О событиях последнего десятилетия жизни П. В. Безобразова вообще судить трудно, так как мы не располагаем достаточным количеством достоверных документов, относящихся к этому времени.

Бесспорно только одно: во времена 1905–1918 гг., глубоко переломные для России, Безобразов продолжал работать как историк-византист. Он участвовал в работе академической комиссии по подготовке к печати трудов еп. Порфирия (Успенского)³³ и позже привлекался к работе в русско-византийской комиссии, организованной Ф. И. Успенским³⁴. В 1914 г. вышла в свет в русском переводе М. В. Безобразовой монография крупнейшего французского историка Ш. Диля «Византийские портреты», и предисловие к ней написал Павел Владимирович. В 1915–1917 гг. опубликованы две его работы: «Византийские сказания» и научно-популярный очерк «Трапезунт. Его святыни и древности»³⁵. Также он подготовил в 1916 г. перевод «Истории» Льва Дьякона, который не был опубликован³⁶. После смерти Павла Владимировича была издана его последняя монография «Очерки византийской культуры»³⁷.

О последних днях жизни Павла Владимировича Безобразова ничего не известно. В 1918 г. в Петрограде он «скончался в крайней нужде от истощения. Жена его — дочь историка Соловьева и сестра философа — скончалась по той же причине» в 1919 г.³⁸

При оценке последних публикаций П. В. Безобразова нельзя не заметить такую их характерную черту, как критика всех сторон исторической жизни империи: состояния экономики, политических структур, культуры. Как и Ф. И. Успенский, крупнейший византолог начала XX в., он был убежден, что Византия — средневековое государство, и принимал концепцию византизма. Начало византизма — генезис Средневековья — относится к VII–VIII вв. и напрямую связано с влиянием славянских нашествий. Но если Ф. И. Успенский настаи-

вал, что Византийская империя является развивающимся обществом и государством, то Безобразов утверждал прямо противоположное: империя с VIII в. медленно «угасала», «разлагалась». Включая в понятие «византинизм» одни и те же структурные элементы (община, город, государственность, культура) историки по-разному оценивали их историческую роль. Как верно отмечено С. А. Жебелевым, Безобразов «подмечал скорее минусы, чем плюсы византийской культуры»³⁹, хотя плюсы он также хорошо знал.

Византийскую литературу XII в. Павел Владимирович считал неотъемлемой частью византийской культуры, но рассматривал ее, как и философию, в контексте сопоставления с античной литературой. Суммируя его замечания из разных работ, опять-таки фрагментарные, можно полагать, что он понимал назначение литературы двояко: эта область культуры не зависит от состояния общества, в которой рождается, и одновременно она по-своему отражает состояние, или образ жизни, данного общества. И в этом качестве — исторического источника (специфичного, так как литература фиксирует обыденность, реалии жизни), его и интересовала византийская литература. Источниками ученый выбрал византийские романы и византийскую агиографию. Впервые на русском языке, правда, в данном случае без присущего ему блеска рассказчика, он подробно пересказал содержание романа Евматия Макремволита «Повесть об Исминии и Исминне» и повести Никиты Евгениана «Дросилла и Харикл»⁴⁰. Его оценка византийской литературы совпала с господствовавшей тогда точкой зрения историков и литературоведов: византийский роман XII в. не интересен для изучения, так как не самостоятелен. «Византийские писатели, — делал вывод Безобразов, — слепо подражали древнему языческому роману, и у них не хватало таланта внести в роман что-нибудь оригинальное»⁴¹.

В историографии византийской истории не отрицались и не отрицаются ныне ни архаичность, ни консерватизм структурных элементов, ни тот вывод, что это мешало, деформировало и тормозило развитие общества и государства. Исследовательская позиция Безобразова сводилась к тому, что нужно внимательно изучать этот уникальный пример длительного существования угасающего общества. Историк, по существу, намечает новое для русской византистики направление исследований — анализ тех элементов внутренней истории, жизни византийского общества, которые «обеспечивали» отсталость и консерватизм Византии по сравнению с Западом, а в конечном итоге наряду с неблагоприятными внешними обстоятельствами привели

империю к гибели. В этом аспекте византологи начали рассматривать византийское общество только в середине XX в.

Можно отметить некоторые особенности понимания П. В. Безобразовым термина «культура», которое, вероятно, принципиально не менялось, о чем может свидетельствовать последняя работа «Очерки византийской культуры», в которой довольно много материалов, ранее уже опубликованных. Монография, охватывает быт и нравы разных сословий («Цари», «Царицы», «Церковь», «Сановники», «Помещики», «Ремесленники»), культуру письменную («Литература») и культуру повседневности («Зрелища и увеселения», «Судебные дела»). Для Безобразова византийская культура не обособлена от социальных процессов, государственного строя и политики, экономических процессов. И это сближает концепцию Безобразова с концепциями зарубежных византинистов его времени, прежде всего французских историков.

Дискуссия между Ф. И. Успенским и П. В. Безобразовым по истории философско-богословской мысли в Византии не затеняет главного: в русской историографии положено начало изучению античных основ византийской культуры и выявления специфики самой византийской культуры в сравнении с античной и средневековой европейской.

Плодотворное начало в научном творчестве П. В. Безобразова состоит в расширении проблематики российского византиноведения за счет включения в ареал исследовательских интересов византийской философии и византийской литературы. В целом, как представляется, его научная деятельность может быть определена как ситуационная: творческие задачи он ставил и решал в зависимости от ситуации и различных факторов. Так, будучи профессиональным историком, он возложил на себя и другую задачу: истолкование исторических источников с целью просвещения широкой публики. В начале XX в. специализация исторической науки привела, в том числе, к тому, что научное знание как бы замкнулось в кругу интеллектуалов. Пропаганда исторического знания, чем собственно много занимался П. В. Безобразов, способствовала «возврату» исторической науки к современной жизни и событиям в России. Можно, конечно, сожалеть об отсутствии у Павла Владимировича четкой концепции и фундаментальных трудов по истории Византии. Но его преданность византологии во времена крутого политического перелома в России рубежа двух веков, в условиях нестабильности самой исторической науки заслуживает памяти и искреннего уважения.

Примечания

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1–2 / под ред. С. Н. Голубова и др. М., 1957. С. 181. — В. П. Безобразов скончался скоропостижно в своем имении Дмитровского уезда Московской губернии 29 августа 1889 г.

² *Громов М. Н., Козлов Н. С.* Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990. С. 7.

³ *Безобразов П. В.* В. Г. Васильевский // *Византийский вестник* (ВВ). 1899. Т. VI. С. 651.

⁴ *Безобразов П. В.* Боэмунд Тарентский. СПб., 1883.

⁵ В границах избранного П. В. Безобразовым сюжета: *Любарский Я. Н., Фрейденберг М. М.* Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом // ВВ. 1962. Т. XXI. С. 260–274.

⁶ *Заборов М. А.* Крестовые походы в русской историографии последней трети XIX в. // ВВ. 1963. Т. 27. С. 238–239.

⁷ *Васильев А. А.* П. В. Безобразов (некролог) // *Русский исторический журнал*. Кн. 5. Пг., 1918. С. 342.

⁸ Письмо П. В. Безобразова к С. Н. Шубинскому от 13. XI. 1890 г. // *Российская государственная библиотека (РГБ). Архив С. Н. Шубинского. Ф. 874. Оп. 1, № 45. Л. 23.*

⁹ Отдельное издание: *Безобразов П.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Ч. 1. Биография Михаила Пселла. М., 1890.

¹⁰ Там же. С. V.

¹¹ *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. Личность и мировоззрение // ВВ. 1969. Т. 30. С. 77.

¹² Там же. С. 80.

¹³ После П. В. Безобразова в советской историографии философией М. Пселла занимался В. Е. Вальденберг. См.: *Вальденберг В. Е.* Философские взгляды Михаила Пселла // *Византийский сборник*. М.; Л., 1945. С. 249–255.

¹⁴ *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.

¹⁵ *Безобразов П. В.* [Рец. на кн.] Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности // ВВ. 1896. Т. III. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 141.

¹⁷ М. С. Соловьева написала воспоминания о своем брате — философе Владимире Соловьеве, очень ценные для его биографов: *Безобразова М. С.* Воспоминания о брате Вл. Соловьеве // *Минувшие годы*. 1908. № 5/6. С. 128–166. См.: *Лукиянов С. М.* О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Книга первая. Пг., 1916 (репринт. изд. — М.: Изд-во «Книга», 1990. С. 25–26).

¹⁸ *Безобразов П. В.* Материалы для истории Византийской империи // *Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП)*. 1887. Ноябрь. С. 65–78; март. С. 72–91; сентябрь. С. 23–84.

¹⁹ Исторические романы и повести П. В. Безобразова печатались в «Русской мысли», «Биржевых ведомостях» и других периодических изданиях.

²⁰ *Васильев А. А.* П. В. Безобразов (некролог). С. 343.

²¹ См. предисловие С. А. Жебелева к монографии П. В. Безобразова «Очерки византийской культуры» (Пг., 1919).

²² Письмо П. В. Безобразова к С. Н. Шубинскому // РГБ. Архив С. Н. Шубинского. Ф. 874. Оп. 1, № 39. Л. 11–12. Опубликовано: *Безобразов П.* Византийский царь на московском престоле // Исторический вестник. 1998. Кн. 5–6.

²³ Письмо П. В. Безобразова к С. Н. Шубинскому от 1.03.1889 // РГБ. Архив С. Н. Шубинского. Ф. 874. Оп. 1, № 42. Л. 24. Опубликовано: *Безобразов П.* 1) Византийская Мессалина // Наблюдатель. 1889. Кн. 9; 2) Черты византийских нравов и культуры // Наблюдатель. 1889. Кн. 3–6.

²⁴ *Пытин А. Н.* [Рец. на кн.] П. В. Безобразова. С. М. Соловьев Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1894 // Вестник Европы. 1894. № 10.

²⁵ См., напр., рецензию П. В. Безобразова на докторскую диссертацию Н. И. Кареева «Основные вопросы философии истории». Т. 1–2 (М., 1883); Т. 3 (СПб., 1890) в: Русское богатство. 1890, IV. С. 910–916.

²⁶ *Заливалова Л. Н.* Материалы для истории русского византиноведения второй половины XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2 / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2000. С. 33–34. См. также предисловие Я. Н. Любарского к репринтному изданию работы П. В. Безобразова: *Безобразов П. В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. СПб., 2001.

²⁷ *Hertzberg G. F.* Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin, 1883 (пер. на русск. яз. — *Герцберг Г. Ф.* История Византии. М., 1896).

²⁸ *Васильев А. А.* П. В. Безобразов (некролог). С. 343.

²⁹ *Безобразов П. В.* 1) Крестьяне. Приложение // Герцберг Ф. История Византии. М., 1896. С. 615–617, 625, 631–632, 634; 2) [Рец. на кн.] Ж. Тесто // ВВ. VII. 1900. С. 159–164.

³⁰ *Вин Ю. Я.* Развитие теории византийской общины в трудах русских ученых (70-е годы — конец XIX века) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1986. С. 107.

³¹ Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 70. Герье В. И. 37. Ед. хр. 32. Л. 1, 3, 4, 5.

³² *Васильев А. А.* П. В. Безобразов (некролог).

³³ Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). В 2 т. / изд. Импер. Академии наук под ред. П. В. Безобразова. СПб., 1910.

³⁴ *Барынина О. А.* Отеческое византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930). СПб., 2010. С. 52–53, 186, 209.

³⁵ *Безобразов П. В.* Византийские сказания // Византийское обозрение (ВО). 1915. Т. 1; 1916. Т. 2 (отдельное издание: *Безобразов П. В.* Византийские сказания. Ч. 1. Рассказы о мучениках. Юрьев, 1917). Научно-популярный

очерк о Трапезунде появился после того, как русская армия заняла город и окрестности: *Безобразов П.* Трапезунт. Его святыни и древности. Пг., 1916.

³⁶ *Тункина И. В.* Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // *Рукописное наследие русских византинистов.* СПб., 1999. С. 213–214.

³⁷ *Безобразов П. В.* Очерки византийской культуры. Пг., 1919.

³⁸ *Наука и ее работники.* 1921. № 3. С. 34.

³⁹ *Жебелев С. А.* Предисловие // *Безобразов П. В.* Очерки византийской культуры. Пг., 1919. С. 1.

⁴⁰ *Безобразов П. В.* Очерки византийской культуры. С. 105–116.

⁴¹ Там же. С. 105, 114–116.

В. Р. Блиев

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
В ВИЗАНТИИ В МАТЕРИАЛАХ ПРЕДСОБОРНОГО ПРИСУТСТВИЯ 1906 г.***

Проблема взаимоотношений светской и церковной властей традиционно является одной из наиболее обсуждаемых в российских общественно-политических и научных кругах. При этом не менее традиционно озвучиваются представления о преемственности характера этих отношений из Византии или, как минимум, о влиянии византийской традиции на становление отечественной модели государственно-церковного взаимодействия. Свою роль в становлении подхода к изучению церковно-государственных отношений в Византии в тесной связи с представлениями о рецепции византийской модели в отечественной практике сыграла специфика начального этапа изучения этой проблемы в отечественной византистике. Во второй половине XIX — начале XX в., когда велась систематическая научная разработка этого вопроса, он получил особенно острое звучание, если рассматривать его в контексте дискуссий о необходимости реформирования «синодального строя» Русской церкви и реакции в научных кругах на перестройку моделей государственно-церковных взаимоотношений в Европе.

Особенно показательны в этом отношении дебаты, разгоревшиеся на заседаниях Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия 1906 г., где материалы византийской церковно-политической истории и их теоретическое осмысление использовались профессиональными учеными-исследователями в качестве средств для аргументированной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350

защиты своих взглядов на актуальные в то время вопросы реформирования государственно-церковных отношений в Российской империи.

Высочайше учрежденное Предсоборное Присутствие 1906 г., в состав которого было включено наряду с крупными церковными деятелями — митрополитами и иереями, значительное количество церковных историков и канонистов, стало самым крупным событием из всех преобразовательных начинаний в церкви за «синодальный период», современниками оно рассматривалось как этап подготовки к Поместному собору Православной Российской церкви. Как справедливо подметил яркий отечественный византинист и активный участник Присутствия И. И. Соколов, потребность «осмыслить возникшее у нас преобразовательное течение и направить его по правильному руслу» вместе с общепризнанным пониманием преемственности церковных институтов из Византии сделали «необходимыми членами предсоборного присутствия» всех духовно-академических исследователей, занимавшихся различными проблемами истории Византии¹. Действительно, в деятельности Присутствия принимали активное участие А. И. Бриллиантов, Н. А. Заозерский, И. С. Бердников, И. И. Соколов, М. А. Остроумов, Н. С. Суворов. То есть из живших в то время крупных духовно-академических историков церкви и канонистов, систематически занимавшихся историей византийского государственно-церковного взаимодействия, в состав Присутствия не был включен только А. П. Лебедев. Однако его взгляды на эту проблематику в связи с обсуждавшимися на заседаниях Присутствия вопросами хорошо прослеживаются по его публикациям этого времени², так что А. П. Лебедева можно, с известной долей условности, рассматривать «заочным» членом Присутствия.

Наиболее дискуссионным сюжетом, при обсуждении которого активно в качестве исторических примеров и/или образцов для решения применялся византийский церковно-исторический материал, стал вопрос восстановления патриаршества в Русской церкви, обсуждавшийся в контексте проблемы восстановления канонической системы высшего церковного управления. Проблема восстановления института патриаршества была официально обозначена председателем I Отдела архиепископом Димитрием (Ковальницким) 19 апреля 1906 г. в контексте вопросов реформирования св. Синода. Признавая св. Синод учреждением каноническим, владыка выступил против акефальности, т. е. безглавия, Православной Российской церкви и предложил восстановить титул патриарха как более подходящий «положению

русской Церкви и строю восточной Церкви»³. Он в качестве главы либо председателя св. Синода мог бы обеспечить симфонию, то есть согласие, русской церкви и государства Российского, так как имел бы право непосредственного взаимодействия с государем, минуя посредника в лице обер-прокурора. Но патриарх не мыслился преосвященным Димитрием высшим органом церковного управления — таковым должен был стать «Всероссийский церковный собор»⁴.

Понятно, что впервые вынесенные на обсуждение I Отдела Присутствия проблемы высшего церковного управления включали в себя целый комплекс вопросов, требовавших разрешения, в том числе место и роль патриарха в новом церковном управлении, его права и обязанности в отношении собора и т. д. В контексте нашей работы следует обратить внимание на то, что отдельные члены Присутствия (генерал А. А. Киреев) сразу связали вопрос патриаршества с проблемой государственно-церковных отношений, но председатель отдела выступил против, указав на необходимость сперва закончить работу по обсуждению «переустройства церковного управления»⁵. Тем самым архиепископ Димитрий (Ковальницкий) давал понять, что эти сюжеты не стоит смешивать. Можно предположить, что он хотел рассматривать данную проблему в русле, предложенном И. С. Бердниковым. Владыка Димитрий указал, что «один из членов Отдела обещал представить особый доклад» по вопросу отношений между церковью и государством⁶. Представляется, что речь шла именно о И. С. Бердникове, впоследствии (30 мая) представившем «доклад об основных отношениях между Церковью и государством»⁷.

Взаимосвязь проблемы восстановления патриаршества с потребностью изучения византийских церковно-исторических материалов также была изначально обусловлена необходимостью поиска канонических оснований данного органа церковного управления. Первоначальная позиция И. С. Бердникова, априори исходившего из канонического характера патриаршества⁸, встретила резкий отпор со стороны Н. С. Суворова, настаивавшего на скрупулезной разработке всех вопросов, связанных с этим институтом в контексте его исторического развития⁹. Таким образом, «византийская церковно-историческая составляющая» проблемы восстановления патриаршества приобрела самостоятельное значение.

На основе анализа выступлений церковных историков и канонистов на заседаниях Присутствия в рамках рассматриваемой проблематики можно выделить три основных подхода к решению этого вопроса. Наиболее последовательно высказывался против восстановления

института патриаршества Николай Семенович Суворов (1848–1909), профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле (1876–1899) и ординарный профессор по кафедре церковного права в Императорском Московском университете (1899–1909)¹⁰, самый активный разработчик концепции «византийской теократии» в отечественной канонистике данного времени. Восстановление патриаршества может привести к конфликтам между императорской и патриаршей властями. Византийский опыт, по версии Н. С. Суворова, показывает, что сосредоточение церковной власти «в одном высшем носителе духовно-иерархического сана с патриаршим титулом, при неясности границ между царской и патриаршей властями, приводило к столкновению между ними», так как это служило источником различных притязаний для патриархов к царской власти и к государству¹¹.

Понятно, что для человека, выступавшего с ярко выраженных монархических позиций, такая перспектива была неприемлемой. Ученый исходил из «неразрывной связи православного императора с христианской политией»¹² и соответственно полагал ошибочным «смотреть на всякий акт Императорской воли как на вторжение светской власти в церковную область»¹³. По его мнению, необходимо отличать права монарха как главы государства в отношении религиозных объединений от «прерогатив Церковной власти, которые он должен иметь как Царь православный и член Православной Церкви»¹⁴. Профессор Н. С. Суворов неоднократно подчеркивал, что «оплотом для православной Церкви в России может быть только Императорская власть, с падением которой никакой святейший патриарх не спасет русской православной Церкви от распада»¹⁵.

Можно провести параллель между этими идеями и теорией «высшей церковной власти императора» в Византии, выступающей основой концепции «византийской теократии», согласно которой государство и церковь представляют единое целое под главенством императора¹⁶. Следовательно, базовый принцип Н. С. Суворова, утверждающий, что земным главой церкви в Византии являлся носитель верховной власти — император, может использоваться и для защиты «синодальной системы» государственно-церковных взаимоотношений. Тем более, что в попытках ухода от синодальной системы управления церковью Н. С. Суворов видел угрозу самодержавной власти императора и, как следствие, всему обществу¹⁷.

Иную мотивировку нежелательности института патриаршества предложил Александр Иванович Бриллиантов (1867–1933), ученик В. В. Болотова, ставший его преемником по кафедре общей церковной

истории в Санкт-Петербургской духовной академии после скоропостижной кончины последнего в 1900 г., сторонник теории «византийского цезарепапизма»¹⁸. На его взгляд, византийское патриаршество представляет собой явление, не согласное с духом и основными требованиями канонов, так как оно вело к упадку соборного начала в жизни церкви¹⁹. Ученый связывал эту практику с эволюцией патриаршей власти в рамках теории «восточного/греческого папизма» в трактовке И. Е. Троицкого²⁰. Но для И. Е. Троицкого это было частное обвинение, брошенное в пылу полемики по поводу Константинопольского патриарха Фотия.

Причиной острой дискуссии о значении патриарха Фотия в церковной истории стала позиция св. Синода по вопросу о характере чествования его тысячелетия. Константинопольский патриархат канонизировал Фотия в 1848 г., и его юбилей 6 февраля 1891 г. был торжественно отпразднован в Константинополе. В святцы русской церкви Фотий включен не был, его юбилей был отмечен заседаниями светских организаций, таких как «Славянское благотворительное общество» и «Историко-филологическое общество при Новороссийском университете», но не церковью. Причем по реакции на последовавший протест в печати о недопустимости подобного отношения к памяти «великого святого Вселенской церкви»²¹ видно, что желание дистанцироваться от празднеств в честь Фотия со стороны обер-прокурора св. Синода К. П. Победоносцева было сознательным. Оно было вызвано государственно-церковными интересами Российской империи на Ближнем Востоке и основано на авторитетном мнении профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Е. Троицкого. Из письма И. Е. Троицкого К. П. Победоносцеву от 19 февраля 1891 г. следует, что именно он рекомендовал воздержаться от празднования памяти Фотия церковным образом: «...Статья Гражданина направлена прямо против той формы празднования юбилея Фотия, которую я позволил себе находить наиболее соответствующей данному положению»²².

Из черновика ответной статьи И. Е. Троицкого, напечатанной по предложению К. П. Победоносцева в «Московских ведомостях»²³, можно заключить, что для него неприемлемым было признание зависимого положения русской церкви от греческой. Отстаивая тезис, что «международное положение той или другой церкви определяется международным положением государства, в котором она находится»²⁴, И. Е. Троицкий отмечает: «...Патриарх Фотий, защитивший Византийскую империю и церковь от латинского папства, положил основание для греческого папства среди народов и церквей, вовлеченных

в сферу политического и церковного влияния Византии. Вот почему остальные православные церкви могут лишь с опаской и оглядкой праздновать юбилей знаменитого патриарха. Особенно было бы для них неудобно провозглашение его святым для всего православного мира. При данном положении дел это было бы торжество эллинизма (подчеркнуто в тексте. — В. Б.), который и без того начинает высоко поднимать свою голову»²⁵. Таким образом, публично был заявлен тезис о «восточном папизме»²⁶, которым в этот период обозначались претензии константинопольских патриархов на властные полномочия над Вселенской церковью, и патриарх Фотий был отмечен как один из его основоположников. При этом надо помнить, что это было обвинение, брошенное в пылу полемики и продиктованное в значительной степени необходимостью дать ответ на ряд недружественных действий Константинопольского патриархата во второй половине XIX в.²⁷ А. И. Бриллиантов распространил этот частый тезис учителя на институт патриаршества как таковой и пришел к выводу, что «Патриаршество в том виде, как оно существовало в Византии, для русской Церкви... вовсе не является нужным»²⁸. Он полагал достаточным для предстоятеля Русской церкви быть только председателем Синода как центрального органа для управления церковью.

Не менее показателен тезис А. И. Бриллиантова о византийском патриархе — «лишь орудии возвысившей его светской власти императора, проводившей через него свое влияние на все церковные дела»²⁹. Данная идея хорошо корреспондирует с теорией «византийского цезарепапизма» в той форме, в которой она оформилась в отечественной историографии под влиянием церковно-исторических исследований научной школы И. Е. Троицкого³⁰. В частности, для данной теории характерна констатация различия теории и практики в государственно-церковных отношениях в Византии. Государственное вмешательство (оцениваемое преимущественно негативно) во внутрицерковные дела рассматривалось сторонниками этого подхода не как юридически оформленный принцип государственной политики по отношению к церкви в Византии, а представлялось неформализованной практикой отдельных императоров, имевшей тенденцию к развитию. При этом исходным был тезис о нарушении канонического принципа свободы церкви, который *de jure* признавался верховной властью. Данная практика государственной власти частным образом обозначалась понятием «цезарепапизм», заимствованном в западноевропейской историографии. Но нужно подчеркнуть: «цезарепапизм» в этой теории не норма государственно-церковных взаимоотношений в Визан-

тии, а более или менее часто встречающееся отклонение от нее. Показательно, что А. И. Бриллиантов также ссылается на научный авторитет И. Е. Троицкого в полемике с И. И. Соколовым о возможности использования практик греческой церкви в качестве образца для реформирования отечественного церковного управления³¹. Тем самым А. И. Бриллиантов демонстрирует приверженность к школе «ипата русских византологов» и близкое с ним личное знакомство, так как им приводится ссылка на идеи, которые его учитель отразил в непубличном отчете на имя обер-прокурора св. Синода³².

За восстановление института патриаршества в Русской церкви вместе с определяющим большинством членов Присутствия активно выступали крупный представитель церковно-исторической науки, блестящий историограф отечественного и зарубежного византиноведения и церковно-политический деятель Иван Иванович Соколов (1865–1939) и заслуженный ординарный профессор по кафедре церковного права в Казанской духовной академии и ординарный профессор по кафедре церковного права в Казанском университете, канонист европейского уровня известности, основатель казанской школы церковного права, оказавшей значительное влияние на развитие отечественного церковного правоведения в целом, и яркий отечественный церковно-общественный деятель Илья Степанович Бердников (1839–1915), один из наиболее активных сторонников теории «симфонии священства и царства в Византии» в отечественной византистике и канонистике.

И. И. Соколов видел «в устройстве центрального церковного управления на греческом Востоке, где патриаршество [...] как и в византийскую эпоху, является по существу и значению соответствующим нуждам и запросам церкви», образец для реформирования управления Русской церкви³³. Уступая оппонентам, ученый признавал в истории русского патриаршества отдельные негативные моменты, однако объяснял их неправильным, формальным восприятием в отечественной практике византийских «внешних форм, без свойственного им содержания и проникавшего их духа»³⁴. С одной стороны, И. И. Соколов апеллировал к идеальному образу византийского (подразумевая Константинопольского) патриарха, созданному Исагогой. С другой — он призывал рассматривать данный образ в контексте широкого круга церковных и светских законодательных памятников византийского времени, дабы опровергнуть обвинение в ущемлении данным институтом соборного начала в жизни церкви³⁵.

Позиция И. С. Бердникова также формировалась в полемике. На «мотивированное мнение» Н. С. Суворова И. С. Бердников ответил развернутой критикой концепции византийской теократии, в которой обосновал органичность и историческую обусловленность патриаршей формы управления церковью, которую он связывал с развитием института митрополичьего управления³⁶. Именно на этой почве данный институт был признан церковью «высшей формой церковного управления, имеющей постоянное значение»³⁷. Однако, сообразуясь с результатами обсуждения проблемы организации высшего церковного управления в рамках Присутствия, И. С. Бердников предложил схему, по которой высшим органом управления Русской церковью должен стать периодический Архиерейский собор; текущие вопросы управления должен решать Синод, состоящий из сменяющихся епископов. Патриарх же рассматривался канонистом как председатель Собора и Синода и орган канонического общения с епископами Русской церкви и с другими поместными церквями, что должно исключить возможность личного произвола в ведении дел церковного управления со стороны первоиерарха³⁸.

Важно, что восстановление патриаршества И. С. Бердниковым связывалось с предоставлением церкви со стороны императорской власти автономии в отношении законодательства и управления, но при сохранении ее привилегированного статуса³⁹. Любопытно, что данная позиция И. С. Бердникова вошла в протоколы Особого Присутствия, где председательствовал митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Показателен также тот факт, что в комиссию для составления проекта положения об отношении церкви к государству по предложению Председателя I Отдела владыки Димитрия (Ковальницкого) были избраны четыре сторонника восстановления патриаршества⁴⁰, трое из которых (И. С. Бердников, М. А. Остроумов и М. Е. Красножен⁴¹) придерживались теории «византийской симфонии». Поэтому можно говорить о признании данной научной концепции представителями высшей церковной администрации. Голосование в Особом Присутствии по вопросу о наименовании первоиерарха Русской церкви, на котором за титул патриарха высказались подавляющее количество членов Присутствия, также подтверждает данный тезис⁴².

Итоги Предсоборного Присутствия знаменуют начало преобладания в отечественной церковно-исторической науке концепции «византийской симфонии». Уже современники отметили, что в своих церковно-политических и историко-канонических взглядах на преро-

гативы главы государства в отношении церкви в дискуссиях на Предсоборном Присутствии Н. С. Суворов оказался в одиночестве⁴³. Концепция цезарепапизма окончательно стала ассоциироваться с церковным и политическим либерализмом. Следует отметить, что свою лепту в это внесла работа Ф. А. Курганова «Что такое либерализм?» 1906 г., в которой основоположник концепции симфонии поставил в один ряд теорию протестантского цезарепапизма и принципы свободы вероисповедания, отстаиваемые либеральной общественностью. При проведении их в жизнь, в том числе давая определенные привилегии иным конфессиям, светское правительство ущемляет положение Православной церкви, что, по версии Ф. А. Курганова, есть прямое отступление от византийской теории отношений государства к церкви⁴⁴. По-видимому, именно вследствие подобной неблагоприятной обстановки А. И. Бриллиантов в своих лекционных курсах проблему взаимоотношений государства и церкви в качестве отдельного вопроса с конца второй половины первого десятилетия XX в. уже не поднимал. В этих условиях теория «симфонии священства и царства в Византии» начинает занимать лидирующие позиции в отечественной церковно-исторической науке. Знаком ее признания можно считать утверждение св. Синодом в звании почетных членов Санкт-Петербургской духовной академии по ходатайству Совета данной академии И. С. Бердникова и Ф. А. Курганова в феврале 1913 г.⁴⁵ Данное время представляется весьма показательным: в 1904 г., при иных научных и церковно-политических реалиях, почетным членом столичной академии был избран А. П. Лебедев⁴⁶, яркий сторонник теории византийского цезарепапизма⁴⁷. С этого же времени благодаря стараниям И. И. Соколова, представившего V отделу Предсоборного Присутствия, занимавшемуся вопросами духовного образования, доклад «О необходимости учреждения в наших духовных академиях кафедры истории Греко-восточной Церкви», открываются кафедры истории Греко-восточной церкви во всех четырех духовных академиях.

Таким образом, на примере полемики по вопросу восстановления патриаршества на заседании Предсоборного Присутствия 1906 г. можно зафиксировать весь спектр историографических подходов к изучению проблемы государственно-церковного взаимодействия в Византии, сложившихся в отечественном византиноведении к началу XX в.: концепцию «византийского цезарепапизма», теократии и «симфонии священства и царства». Можно отметить маргинальность теории теократии и начало преобладания в византиноведении концепции византийской симфонии, которая приобретает в то же время более консер-

вативный церковно-политический оттенок и начинает признаваться епископатам Русской церкви образцом для проведения отечественных церковно-политических реформ. Так же отчетливо проявленная поддержка епископатам «теории симфонии» приводит к тому, что теория «византийского цезарепапизма» практически исчезает из отечественной церковно-исторической науки. В свою очередь, рассмотрение данных теорий в контексте развития церковно-общественной жизни России позволяет выявить социальную обусловленность развития отечественной византистики на этапе ее становления во второй половине XIX — начале XX в.

Применительно к отечественному византиноведению второй половины XIX — начала XX в. следует признать: политическая ангажированность в изучении отдельных вопросов церковно-политической истории Византии повышала эмоциональную окрашенность результатов исследований, степень их полемичности и публицистичности. Но в то же время она обеспечила значительный количественный рост публикаций по тематике церковно-государственных отношений в Византии, что свидетельствовало о значимости и востребованности этих исследований у современников. Тот факт, что отмеченные теории в форме определяющих их концептов закрепились в отечественной византистике, показывает их самостоятельное научное значение. Разрыв научной традиции использования данных понятий приводит подчас к их неверному толкованию и отдельным курьезам в их применении, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости продолжения историографических исследований в рамках данной проблематики.

Примечания

¹ Соколов И. И. О необходимости учреждения в наших духовных академиях кафедры «Истории православной греко-восточной Церкви от разделения церквей до настоящего времени» // Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 4. СПб., 1907. С. 9.

² См., напр.: Лебедев А. П. Зачем нам нужен Патриарх? (Из университетских лекций 1906 г.). Сергиев Посад, 1907; Предстоящий Всероссийский собор с точки зрения древних соборов. М., 1907.

³ Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. СПб., 1906. С. 125.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Там же.

⁷ По своей сути данный доклад явился развитием идей казанского канониста, изложенных в работе 1888 г. «Новое государство в его отношении к религии...». Ср.: Там же. С. 296–308; *Бердников И. С.* Новое государство в его отношении к религии. (К вопросу о свободе совести). Речь, произнесенная на торжественном заседании собрания Казанской Духовной академии 1888 г. 2-е изд. Казань, 1904.

⁸ См.: Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. С. 187.

⁹ Там же. С. 188–189.

¹⁰ О нем см. подробнее: *Томсинов В. А.* Николай Семенович Суворов. Биографический очерк // Суворов Н. С. Учебник церковного права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. I–XXI.

¹¹ Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. С. 277.

¹² Там же. С. 200.

¹³ Там же. С. 199–200.

¹⁴ Там же. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 203. См. также: Там же. С. 278.

¹⁶ Подробнее см.: *Суворов Н. С.* Учебник церковного права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 35–38.

¹⁷ См.: Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. С. 278.

¹⁸ О нем подробнее см.: *Грушевой А. Г.* А. И. Бриллиантов (1867–1933): история Церкви и византистика в трудах ученого // История древней церкви в научных традициях XX века: Материалы науч.-церк. конф. СПб., 2000. С. 63–69.

¹⁹ Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. С. 240.

²⁰ См.: Там же. С. 241–242.

²¹ В газете «Гражданин» от 7 февраля 1891 г. вышла резкая критическая статья с осуждением характера празднования юбилея патриарха Фотия. Она принадлежала яркому представителю грекофильского направления в русской публицистике государственному контролеру Т. И. Филиппову. В ней он доказывал, что отсутствие церковного чествования Фотия — «это печальное свидетельство разъединения России с Вселенской церковью», и призывал «смирненно преклониться перед Восточной церковью и осознать свое заблуждение». Цит. по: *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православной Востоке (1878–1898): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. С. 119. «Вселенской» и «Восточной» церковью Т. И. Филиппов именовал церковь греческую.

²² Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) г. Санкт-Петербурга. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 141. Л. 3.

²³ Подробнее см.: Московские ведомости. 1891. 17 февр. № 59.

²⁴ ЦГИА г. Санкт-Петербурга. Ф. 2182 . Оп. 1. Д. 141. Л. 23.

²⁵ Там же. Л. 26–27.

²⁶ И. Е. Троицкий использовал термин, употребленный А. С. Павловым, в рецензии на сочинение Т. В. Барсова «Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью». Однако идеи А. С. Павлова в тот период не обратили на себя особого внимания современников, поэтому можно говорить о том, что введением в отечественный научный дискурс понятия «восточный/византийский папизм» мы обязаны творчеству И. Е. Троицкого.

²⁷ Разбирая статью Т. И. Филиппова на страницах своего дневника, И. Е. Троицкий все внимание обращает именно на проблему взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей на современном ему этапе, а имя патриарха Фотия используется им только в качестве иллюстраций ряда частных положений. См.: ЦГИА г. Санкт-Петербурга. Ф. 2182 . Оп. 1. Д. 2. Л. 22–27.

²⁸ Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. С. 242.

²⁹ Там же. С. 240.

³⁰ Подробнее см.: *Блиев В. Р.* Забытые страницы отечественного византиноведения: И. Е. Троицкий о проблеме государственно-церковных взаимоотношений в Византии // Омский науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2009. № 3 (78). С. 42–45.

³¹ См.: Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. С. 254.

³² См.: *Троицкий И. Е.* Отчет о командировке на Восток в августе 1886 г. / вступ. ст., коммент. Л. А. Герда // Исторический архив. 2001. № 4. С. 140–174.

³³ Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 1. С. 247.

³⁴ Там же. С. 247–248.

³⁵ См.: Там же. С. 248–249.

³⁶ Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 2. СПб.: Синод. тип., 1906. С. 592–593.

³⁷ Там же. С. 593.

³⁸ Там же. С. 594.

³⁹ Там же. С. 594–594, 623.

⁴⁰ Там же. С. 372–373.

⁴¹ Подробнее см.: *Остроумов М. А.* Введение в православное церковное право. Т. 1. Харьков, 1893; *Красножен М. Е.* 1) Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. С. 124, 130; 2) К вопросу о свободе совести и о веротерпимости. Юрьев, 1909.

⁴² См.: Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. 2. СПб., 1906. С. 590.

⁴³ *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 101.

⁴⁴ *Курганов Ф. А.* Что такое либерализм? СПб., 1906. С. 103.

⁴⁵ См.: Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 11203: Журнал собраний Совета Казанской Духовной академии». Л. 86 об.–87 об.

⁴⁶ См.: *Карпук Д. А.* История взаимоотношений Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий в конце XIX — начале XX в. // Православный собеседник. 2009. №1 (18). URL: http://www.kds.eparhia.ru/www/script/ps18_28_68619907407.html. (дата обращения: 10.01.2011).

⁴⁷ Подробнее см.: *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви IX, X, XI: от конца иконоборческих споров в 842 г. до начала Крестовых походов 1096 г. 2-е изд., пересмотр. СПб., 2003.

ABSTRACTS

Lebedeva G.E., Mitropfanov A.Iu. **The dynamics of the church-state relationships in the 4th and 5th century and their importance for the «Gelasian Renaissance»**

The article discusses the importance of the Italian church councils for the formulation of the program of church reform associated with the name of pope Gelasius I. It focuses on the importance of episcopal authority for the formation of hierarchical structure of the Church and suggests that the Gelasian reform laid the foundations for the principles governing the Western church. The article proposes to view the so-called "Quesnel collection" of canon law as the product of this Gelasian reform and conceives it as central for the formulation of the idea of papal authority. It shows that the «Gelasian» reception of canon law helped preserve Roman legal concepts and instruments in the context of barbarian invasions and arian schism. The article also illustrates the positive influence of the «Gelasian» Renaissance on the independence of the See of Rome from the Eastern Roman church in the context of Acacius' schism.

Bannikov A.V. **The evolution of the early Byzantine reinforcement system for the army by personnel (IV — beginning V century)**

The early Byzantine recruitment system for the army took shape as a result of the Diocletianus' (283–305 years) and the Constantinus' I (306–337 years) reforms. Diocletianus implemented the *conscriptio* through all the empire, which mainly made landed gentry of the middle class responsible for it, and they had to deliver recruits for the army. Constantinus approved the principle of the hereditary military service, changed the veterans' sons into the one of the most important sources for the army reinforcement.

Nevertheless the provincials' unwillingness to serve in the army, made the government from the middle of the 60th years IV century increasingly to stake on the attraction of the foreign barbarians for the army.

The reinforcement system of the regular army by the recruits-barbarians, which formed in the end of the IV century, was also in the first half of the V century. However the Gaina rebellion, and than the breach with Attila, who forbid to his nationals to serve in the Roman army (441 year) put an end to rash conversion of the East-Roman army into the home guard, which was consist of different barbarian tribe units at the head of their own leaders.

Mehamadiyev E. A. The Late Roman epitaphs from Concordia and the problem of division the regular units of Roman army between West and East Roman Empire in 395–408 A. D. (to the question about the some aspects of the seniores — iuniores' theory in the Late Roman army)

The present paper deals with the transfer of some East Roman military units from Constantinople to the Northern Italy during 394–396 A. D. The initiator of this reform was the West Roman *magister militum* (master of soldiers) Stilicho, who strived for reinforcement of his army. The main sources for investigating this problem are the military gravestones from the North-Italian Roman city Concordia, dated by 394–395 A. D. The analysis of these inscriptions allows to conclude that the most of the transferred units had become part of the East Roman imperial bodyguard, deployed in Constantinople before 394 A. D. Stilicho displaced these *vexillationes* and *auxilia palatina* and put them in Northern Italy with the aim to save control over the united Roman army and concentrate the supplementary military forces for defense of Italy from the barbaric invasions.

Starostin D. N. The problem of regional self-identification in the “History” of Gregory of Tours

The article raises the question of regional identity in the “History” of Gregory of Tours. It draws on a dichotomy of Mediterranean and Gallic identity, trying to establish whether the bishop of Tours associated the Frankish kingdom with the Late Antique Mediterranean culture or regional culture with strong barbarian influences. The article argues with the traditional views of purely “mediterranean” or “Frankish” history. It suggests instead that Gregory tried to think of the Franking kings as heirs of the imperial ideal of church-state cooperation, seeing them as those in Gaul who restored the order of things established by Constantine the Great.

Isakova L. V. The aristocracy in the work of Eutychiuss of Alexandria and his representation of it

The article investigates the image and the role of Christian aristocracy of the Arab East. It suggests that this Christian aristocracy differed from its Western and Byzantine counterparts in that it did not become a closed estate and that it continued to experience much dynamism. The article shows that this Christian aristocracy thought of itself in the same way as did their Byzantine counterparts. In Byzantium the image of an aristocrat had two main aspects because they had to serve the Empire and serve God. Christians of the Arab East, on the other hand, considered as their calling the service to their religious community and to their church.

Kiseleva L. I. The 14th legal manuscripts from Bologna in the Russian National Library

The article deals with eight legal manuscripts that were written in the 14th century in the University of Bologna. The analysis has allowed us to find the names

of the professors of law: Giovanni Lignano, Giovanni Andrea, Bartolo Sassoferrato, as well as the names of the number of students who took part in the composition of the manuscripts. Particularly interesting are two manuscripts (Lat. F. II. 228 и Lat. F. II. 227), which contain more than 500 glosses by Giovanni Lignano. It has been found that some of the manuscripts were written according to the «pecia», marginal notes with the plans for teaching. The article contains the history of the composition of these manuscripts.

Prokopenko A. Iu. The sacred mission of the boundary: Wurttemberg in the time of religious conflict

The article employs a useful concept of a “cultural frontier” to describe the role of the county of Wurttemberg in the religious politics of the Empire of the 16th century. It examines the religious Renaissance in the county and illustrates its lively character. The article investigates the influence of religious politics on the universities of Wurttemberg and shows how the rise of Protestantism contributed to the reform of education. The article suggests that Wurttemberg became a cultural frontier which the Protestant university professors, which were interested in the religious reform of education, used for the spread of Protestantism throughout Germany.

Shishkin V. V. Marguerite of Valois: an example of religious intolerance?

The article examines the contents of the memoirs and letters written by Marguerite of Valois, the wife of Henry of Navarre from the standpoint of religiosity and her attitude to Catholic faith. As the representative of the French royal family Marguerite saw the foundation of royal authority in the religious unity of the country. This religious unity meant for her the adherence to Catholicism. Being married to the Protestant Henry of Navarre she always clearly expressed her status as the Catholic queen. Nevertheless, Marguerite understood that despite being the Catholic queen she could not be the queen only for the Catholics because Huguenots constituted the majority in the lands of her husband. Defending the interests of the Valois family, Marguerite was the mediator and the peacemaker between the two royal courts, those of France and of Navarre. Her religious intolerance was the means of self-preservation in the context of decreasing prestige of royal authority, problems in the royal family and civil conflict.

Fyodorov S. E. The Royal Court in England by the middle of XVIth Century: running results

The mid-Tudor court is analyzed as a consequence of the long-lasting development of the Norman “military household”. While direct military role of so called “familia regis” was steadily declining, next division of the household — “domus regis” was enlarging its curial and representative functions. By the middle of XVIth Century the curial space of the Royal court was divided into two distinct and separate areas. The public segment of the household departments was running almost as

its administrative centre dealing with the courtly governance, king's public finance, and routine maintenance, while its private lodgings were occupied with king's own and in this sense — private business.

Kovalev V.A. From Theatre to Ritual: symbolic images of the royal power in the court theatre of King James I Stuart, triadic model and making of the dynastic mythology

This article is an attempt of applying the triadic pattern of Georges Dumézil to research on the early Stuart Court theatre. Author argues that the court theatre have to be explored not as a kind of modern theatre, but primarily as a kind of a ritual of worship to the king as a deific hero. This pattern may become a very useful apparatus to scholars in the court culture, because it helps to divide the court masque symbols into three different genres relevant to the different roles of the king in Early Stuart Theatre-State. Also it makes visible the relation between symbols and gestures of the court theatre and of the same of the royal processions. Two different types of the royal power manifestation now may to be explored as a one magnificent dynastic myth.

Palamarchuk A.A. Edward Coke and the peculiarities of systematization of the English common law in the beginning of the 17th century

The article examines the role of Edward Coke, barrister, solicitor general and attorney general in the reign of James I for the theoretical development of the concepts of common law. His intellectual development was an attempt to develop and systematize common law. Edward Coke considered as his main goal the strengthening of the hegemony of common law. He thought that other forms of justice must take subordinate position to common law. Edward Coke considered the creation of the system of common law as the result of concrete historical and social context of England. He thought of common law as an “artificial reason” and discussed it primarily as the result of practice. He conceived of common law as the foundation of monarchy and never considered it as a system of norms that was opposite to royal prerogative. Common law gave English jurists a wide spectrum of legal recourses in resolution of conflicts and allowed them to adapt precedents to changing realities.

Kuleshova E.V. The formation of J.-B. Bossuet (1627–1704) as a political, social and religious thinker

The article examines the formation of J.-B. Bossuet as a political and religious thinker. It shows the process of the transformation of the ardent preacher and a religious person into a political theorist who greatly contributed to the development of the idea of royal authority. The article outlines main aspects of his biography and highlights the ways in which his life experience contributed to the development of his thought. J.-B. Bossuet wrote a number of funeral orations dedicated to the members of French royal family and other statesmen. In these orations he expressed

his views on the French model of statehood, thinking of it as the ideal, sanctioned by divine Providence. Serving as the tutor to the heir of Louis XIV, he wrote a number of treatises on the history of France and on general history. In these treatises he joined the ideas of Providence with the Catholic view of an ideal French monarch. Thus J.-B. Bossuet became one of the first religious proponents of the idea of absolute monarchy in France.

Stasevich V. A. Personal composition of the Early Tudor titled nobility: England

The publication presents an itemized list of all persons who possessed English titles of nobility during the reigns of the Earlier Tudors (Henry VII and Henry VIII). The main criterion chosen for adding a person to the list is his formal or informal recognition as the title owner by the Crown. Care is taken to exclude those persons who possessed only “feudal” baronial titles, as well as to place contemporary Crown practice of recognizing titles above the later-developed maxims of the English peerage law. The necessary information on owning, acquiring, inheriting and losing of titles is supplemented by important biographical details.

Arzhakova L. M. The Rzeczpospolita as seen by the Polish intellectual in St-Petersburg in the second half of the 19th century

The article examines the views of V. D. Spasovich on the history of Polish state. In the “History of Slavic literatures” he disagreed with those who saw the failure of state in the history of Poland. He thought that in the development of representative organs Poland was ahead of England, but he also saw that Polish gentry acquired in them the position that was much better than that of the other estates. But he noticed that the development of the republic of the gentry came to a halt when the ruling class lost interest in further progress. He idealized the institutions of Poland and considered the gentry as the class that could forget its own interests in favor of the common good.

Zalivalova L. N. Pavel Vladimirovich Bezobrazov, a scholar of Byzantium

The article examines the heritage of one of Russian scholars of Byzantine history P. V. Bezobrazov. He was interested in the history of Byzantine empire in the 10th-12th centuries and also wrote novels on the topics related to Byzantium. Bezobrazov considered Byzantium as a medieval state but in contrast to his contemporaries he thought of its history as the decay rather than development. In his “History of Byzantine culture” he discussed byzantine culture in its interdependence with social processes. Bezobrazov greatly contributed to the development of the interest to Byzantium among Russian reading public.

Bliev V. R. The problem of the relationship of church and state in the documents of Pre-Synodal assembly of 1906

The article discusses the debates on church and state that took place at the 1906 Pre-Synodal assembly. This assembly employed many scholars of Byzantium

to determine the path of development for Russian church. These scholars used examples from Byzantine history to support or disprove the idea to restore Patriarchy. While some of them turned to Byzantine church history to defend the need of re-establishing Patriarchy, a surprisingly large number of them saw Byzantine church as the tool in the hands of emperors. The ideas that were put forth on this assembly made the concept of “symphony of church and state” the dominant one in Russian historical views of Byzantium. This concept was instrumental in conducting church reform in Russian.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Лебедева Г. Е., Митрофанов А. Ю.</i> Динамика церковно-государственных отношений в IV–V вв. и их значение для «геласиевского возрождения»	5
<i>Банников А. В.</i> Эволюция ранневизантийской системы пополнения армии личным составом (IV — начало V в.).....	23
<i>Мехмадиев Е. А.</i> Позднеримские надгробные эпитафии из Конкордии и проблема разделения регулярных подразделений римской армии между Западной и Восточной Римской империей в 395–408 гг. (к вопросу о некоторых аспектах теории <i>seniores—iuniores</i> в позднеримской армии)	44
<i>Старостин Д. Н.</i> Проблема регионального самосознания в «Истории» Григория Турского.....	64
<i>Исакова Л. В.</i> Знать и представления о ней Евтихия Александрийского	74
<i>Киселева Л. И.</i> Рукописи юридического содержания XIV в. из Болонского университета в Российской Национальной библиотеке.....	88
<i>Прокопьев А. Ю.</i> Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху	107
<i>Шишкин В. В.</i> Маргарита де Валуа: пример религиозной нетерпимости?	130
<i>Федоров С. Е.</i> Королевский двор в Англии к середине XVI в.: итоги развития ..	144
<i>Ковалев В. А.</i> От театра к ритуалу: символические образы королевской власти в придворном театре Якова I Стюарта, трехчастная модель и формирование мифологии династии	162
<i>Паламарчук А. А.</i> Эдвард Кок и особенности систематизации английского общего права в начале XVII в.	188
<i>Кулишова Е. В.</i> Становление Ж.-Б. Боссюэ (1627–1704) как общественно-политического и религиозного мыслителя.....	202
<i>Стасевич В. А.</i> Персональный состав раннетюдоровской титулованной знати: Англия.....	217

Из истории науки

<i>Аржакова Л. М.</i> Былая Речь Посполитая глазами петербургского поляка пореформенной эпохи.....	247
<i>Заливалова Л. Н.</i> Византинист Павел Владимирович Безобразов.....	257
<i>Блиев В. Р.</i> Проблема взаимоотношений государства и церкви в Византии в материалах Предсоборного Присутствия 1906 г.....	274
Abstracts.....	287

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Под редакцией Г. Е. Лебедевой

Редактор *И. П. Комиссарова*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 02.07.11. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18,44. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.